

ISSN 1994-5655

2 (78) • 2025

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

www.izvestia.komisc.ru

Серия
«История и филология»

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит девять раз в год.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 2 (78)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2025

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев
Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко,
чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария),
д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов,
д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев,
И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеев,
д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалев,
д.э.н. Л. А. Попова, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская, акад. РАН М. П. Рощевский,
д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), чл.-корр. РАН А. Ф. Титов,
д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукреев, д.б.н. Е. В. Шамрикова,
акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И. О. Васкул (зам. ответственного редактора),
д.филол.н. Е. А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Милохин (ответственный секретарь),
д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. А. Бровина, чл.-корр. РАН А. В. Головнев, д-р наук И. Жепниковска (Польша),
д.и.н. А. Е. Загребин, д.филол.н. Т. И. Зайцева, к.и.н. Н. М. Игнатова, д.и.н. В. А. Исупов, д.филол.н. Л. Л. Карпова,
д-р наук Г. Клумпп (Эстония), д.филол.н. Н. В. Кондратьева, к.и.н. П. П. Котов, к.филол.н. Ю. А. Крашенинникова,
д.и.н. Е. Ф. Кринко, д.филол.н. Р. А. Кудрявцева, к.филол.н. Т. Л. Кузнецова, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия),
д-р филос. А. Лезте (Эстония), д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. А. В. Мартыненко,
д.и.н. М. А. Мацук, д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), д.филол.н., чл.-корр. РАН И. И. Муллонен,
к.филол.н. А. Г. Мусанов, д-р филос. Э. Надь (Венгрия), д.филол.н. О. И. Налдеева, д.и.н. П. Ю. Павлов,
д.и.н. И. В. Побережников, д.филол.н. В. А. Поздеев, д.и.н. С. А. Прокопенко, д.и.н. А. В. Репневский,
акад. РАН В. Н. Руденко, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), д.геогр.н. В. И. Силин, д.и.н. А. В. Сперанский,
к.и.н. М. В. Таскаев, д.и.н. Ю. П. Шабает, д.филос. М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С. Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77-26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук», 2025

Science Journal
Founded in 2010
Published 9 times a year.

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 2 (78)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2025

Editor-in-chief – RAS acad. A. M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S. V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V. N. Lazhentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin

Editorial Council:

RAS acad. V. V. Alekseev, RAS acad. A. A. Baryakh, RAS acad. V. I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E. R. Bojko,
RAS corresp. member I. N. Bolotov, RAS acad. V. N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.- Math.) T. M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I. N. Burtsev, RAS acad. A. D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N. A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V. G. Zainullin,
RAS corresp. member V. A. Ilyin, RAS acad. S. V. Krivovichev, I. V. Kurlyak, RAS acad. A. V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu. B. Marin, RAS acad. V. P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G. A. Mesyats, RAS corresp. member A. A. Moskalev, Dr. Sci. (Econ.) L. A. Popova,
Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A. M. Pystin, RAS corresp. member I. M. Roshchevskaya, RAS acad. M. P. Roshchevsky,
Dr. Sci. (Chem.) S. A. Rubtsova, Dr. Sci. (Hist.) E. A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan),
RAS corresp. member A. F. Titov, Dr. Sci. (Biol.) S. N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I. F. Chadin, RAS acad. V. N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu. Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E. V. Shamrikova, RAS acad. V. S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A. G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A. A. Yudin

Editorial Board of the series «History and Philology»:

Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov (executive editor), Cand. Sci. (Hist.) I. O. Vaskul (deputy executive editor),
Dr. Sci. (Philol.) E. A. Tsypanov (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) E. T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A. A. Brovina, RAS corresp. member A. V. Golovnev,
Dr. Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr. Sci. (Hist.) A. E. Zagrebin, Dr. Sci. (Philol.) T. I. Zaitseva,
Cand. Sci. (Hist.) N. M. Ignatova, Dr. Sci. (Hist.) V. A. Isupov, Dr. Sci. (Philol.) L. L. Karpova,
Dr. Sci. G. Klumpp (Estonia), Dr. Sci. (Philol.) V. V. Kondratyeva, Cand. Sci. (Hist.) P. P. Kotov, Cand. Sci. (Philol.) Yu. A. Krashenninnikova,
Dr. Sci. (Hist.) E. F. Krinko, Dr. Sci. (Philol.) R. A. Kudryavtseva, Cand. Sci. (Philol.) T. L. Kuznetsova,
Dr. Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia), PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (History) A. V. Martynenko,
Dr. Sci. (Hist.) M. A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus), Dr. Sci. (Philol.), RAS corresp. member I. I. Mullonen,
Cand. Sci. (Philol.) A. G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Philol.) O. I. Naldeeva,
Dr. Sci. (Hist.) P. Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I. V. Poberezhnikov, Dr. Sci. (Philol.) V. A. Pozdeev, Dr. Sci. (Hist.) S. A. Prokopenko,
Dr. Sci. (Hist.) A. V. Repnevsky, RAS acad. V. N. Rudenko, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan),
Dr. Sci. (Geogr.) V. I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A. V. Speransky, Cand. Sci. (Hist.) M. V. Taskaev, Dr. Sci. (Hist.) Yu. P. Shabaev,
PhD M. Shmigel' (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) S. Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

*The journal is included in the list of peer-reviewed scientific
publications of the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation*

© Federal State Budgetary Institution of Science
Federal Research Centre "Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences", 2025

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration –
ПИ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Давыдова Диалог внутри: православное храмостроение на Кольском Севере в XV–XVI веках (по материалам исторических и этнографических источников)	5
М. А. Мацук Система государственного феодализма Московского царства и товарно-денежные отношения в Коми крае XVII века. Часть I. Повседневная деятельность органов волостного (местного) самоуправления	14
В. А. Бердинских Вятский воевода гетман Петр Дорошенко и Хлыновский кремль	21
С. А. Никонов Счетные списки Кехотской волости последней трети XVII века	29
И. И. Лейман Купеческое сословие в законодательстве Российской империи XVIII века	33
Н. А. Хребтов К вопросу о таможенной пограничной цепи Екатерины II: документальные свидетельства из Национального архива Республики Карелия и Государственного архива Архангельской области	40
И. Х. Дамения Участие абхазской интеллигенции в развитии российского общества в XIX – начале XX века	47
Е. О. Виноградов Эпоха модерна и демография семьи православного духовенства в конце XIX – начале XX века (по материалам Вятской епархии)	56
О. А. Куратов Семужий промысел в Печорском уезде в начале XX века	63
А. В. Рожина Пожары и взаимное страхование «от огня» церковных построек в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1910–1917 годах	67
Л. С. Лобанова Научные подходы в изучении обряда жертвоприношения животных у зырян в первой трети XX века: историко-культурный контекст, источники, результаты	76
М. В. Медведев Роль истребительной авиации 8-й воздушной армии по защите неба над Ростовской областью и Донбассом в марте-апреле 1943 года	86
А. М. Мацук Реализация государственной программы подготовки председателей колхозов в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы (на примере Коми АССР)	92
И. Л. Жеребцов, В. И. Меньковский Отражение истории высадки вражеского десанта 1943 года в Коми АССР в романе А. Д. Знаменского «Неиссякаемый пласт»	99
А. Н. Поташов Производство детской игрушки в Коми АССР во второй половине 1940-х–1950-х годах	107
А. А. Попов, Н. Ю. Линкова Начальный этап создания телевидения в Коми АССР (организация первых городских студий в конце 1950-х–1970-е годы)	115
Т. В. Краюшкина Образная система стихотворений на русском языке юкагирского поэта Николая Курилова для детей	122
Е. М. Черных Вклад Л. И. Ашихминой в археологическое изучение Удмуртского Прикамья	130
Рецензии	
М. С. Судовиков Лейман И. И. Купечество Вологодской губернии в середине XIX века (по материалам губернской периодической печати)	138
О. В. Золотарёв Бурлыкина М. И. Искренняя кисть Энгельса Козлова	140

CONTENTS

A. S. Davydova

Dialogue within: Orthodox church building in the Kola North in the XV–XVI centuries (based on historical and ethnographic sources)..... 5

M.A. Matsuk

The system of state feudalism of the Moscow Kingdom and commodity-money relations in the Komi region of the XVII century. Part I. Everyday activities of volost (local) self-government bodies.....14

V. A. Berdinskikh

Vyatka Voivode Hetman Pyotr Doroshenko and the Khlynov Kremlin.....21

S. A. Nikonov

Counting lists of the Kekhotsky volost of the last third of the XVII century..... 29

I. I. Leyman

Merchant class in the legislation of the Russian Empire in the XVIII century..... 33

N. A. Khrebtov

On the Customs Border Chain of Catherine II: documentary evidence from the National Archive of the Karelia Republic and the State Archive of the Arkhangelsk Region.....40

I. Kh Damenia

Participation of the Abkhazian intelligentsia in the development of Russian society in the XIX –early XX centuries 47

E. O. Vinogradov

The Modern Era and the demography of the Orthodox clergy family in the late XIX – early XX century (based on materials of the Vyatka Diocese).....56

O. A. Kuratov

Salmon fishery in the Pechora Uyezd at the beginning of the XX century..... 63

A. V. Rozhina

Fires and mutual insurance «against fire» of church buildings in the Totem Uyezd of the Vologda province in 1910–1917 67

L. S. Lobanova

Scientific approaches to the study of the ritual of animal sacrifice of the Zyryans in the first third of the XX century: historical and cultural context, sources, results76

M. V. Medvedev

The role of fighter aircraft of the 8th Air Army in protecting the skies over the Rostov region and Donbass in March – April 1943.....86

A. M. Matsuk

Implementation of the state program for training collective farm chairmen during the Great Patriotic War and the first post-war years (case study of the Komi ASSR) 92

I. L. Zherebtsov, V. I. Menkovsky

Reflection of the history of the 1943 landing of the enemy troops in the Komi ASSR in the novel by A. D. Znamensky «The Inexhaustible Layer»..... 99

A. N. Potashov

Production of children's toys in the Komi ASSR in the second half of the 1940s – 1950s107

A. A. Popov, N. Yu. Linkova

The initial stage of television broadcasting in the Komi ASSR (organization of the first town studios in the late 1950s – 1970s)..... 115

T.V. Krayushkina

Figurative system of poems for children in Russian by Yukaghir poet Nikolai Kurilov.....122

E. M. Chernykh

L. I. Ashikhmina's contribution to the archaeological study of the Udmurt Pre-Kama region..... 130

Reviews

M. S. Sudovikov

Leyman I. I. Merchants of the Vologda Province in the mid-XIX century (based on the materials of the provincial periodical press) 138

O. V. Zolotarev

Burlykina M. I. The sincere brush of Engels Kozlov..... 140

Диалог внутри: православное храмостроение на Кольском Севере в XV–XVI веках (по материалам исторических и этнографических источников)

А. С. Давыдова

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского НЦ РАН,
г. Апатиты
a.davidova@ksc.ru

Аннотация

Впервые на материалах этнографических очерков, исторических источников и литературы автор анализирует подходы, отражающие важные вехи в истории православного храмостроения на Кольском Севере в XV–XVI вв. в трех населенных пунктах: Варзуге, Кандалакше и Коле. Процесс распространения православия на Кольском Севере и храмостроения начался в XV в. и осуществлялся при помощи проповедников, среди которых наиболее известными стали Трифон Печенгский, Феогност и Феодорит Кольский. Личность последнего является предметом наибольших дискуссий в имеющейся историко-этнографической литературе. Отсутствие документов, подтверждающих точные даты возникновения церквей и монастырей в Кандалакше и Коле в XVI в., инициировало дискуссию, касающуюся деятельности Феодорита Кольского и его роли в христианизации Кольского Севера. Она была актуализирована после публикации книги о Феодорите церковного историка митрополита Митрофана (Баданина). В полемику, которая нашла отражение в научно-критических и публицистических текстах, оказались вовлечены не только профессиональные историки, но и общественность, связанная с религиозно-церковной средой и краеведением. Дискуссии в области религиозно-церковной истории края позволяют увидеть достаточно пеструю картину восприятия религиозной жизни и неоднозначных оценок деятельности проповедников

Ключевые слова:

православие, храмостроение, церкви, проповедники, Кольский Север

Введение

Известным фактом является то, что историческая традиция изучения религиозных вопросов в советское время практически прервалась. Многие вопросы, касающиеся церковной истории, строительства храмов и жизни приходов, особенно на региональном уровне, оказались

Dialogue within: Orthodox church building in the Kola North in the XV–XVI centuries (based on historical and ethnographic sources)

A. S. Davydova

Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences, Apatity
a.davidova@ksc.ru

Abstract

For the first time, based on ethnographic essays, historical sources, and literature, approaches reflecting important milestones in the history of Orthodox church building in the Kola North in the XV–XVI centuries are analyzed in three settlements: Varzuga, Kandalaksha, and Kola. The process of spreading Orthodoxy in the Kola North and church building began in the XV century and was carried out with the help of preachers, among whom the most famous were Tryphon of Pechenga, Theognost, and Theodoret of Kola. The personality of the latter is the subject of the greatest debate in the available historical and ethnographic literature. The lack of documents confirming the exact dates of the foundation of churches and monasteries in Kandalaksha and Kola in the XVI century initiated a discussion concerning the activities of Theodoret of Kola and his role in the Christianization of the Kola North. It was updated after the publication of a book about Theodoret by the church historian Metropolitan Mitrofan (Badanin). The controversy, which was reflected in scientific, critical and journalistic texts, involved not only professional historians, but also the public associated with the religious-church environment and local history. Discussions in the field of religious-church history of the region allow us to see a rather motley picture of the perception of religious life and ambiguous assessments of the activities of preachers.

Keywords:

Orthodoxy, church building, churches, preachers, Kola North

под угрозой пресечения. На сегодняшний день нет детального анализа, раскрывающего важные вехи истории православного храмостроения на Кольском Севере в XV–XVI вв., отразившиеся в литературе, исторических источниках и этнографических источниках досоветско-

го периода в частности. Одновременно с этим история появления православных храмов в Кольском крае представлена многочисленными источниками и публикациями. Много интересных фактов можно подчеркнуть из этнографических описаний, дневников путешественников, посетивших Кольский полуостров в конце XIX–начале XX в. Данная статья посвящена изучению историко-этнографического материала и литературы, освещающей историю православного храмостроения на Кольском Севере в XV–XVI вв. Такой охват разных по содержанию источников во многом обусловлен тем, что встречающиеся в работах сведения и данные о появлении и строительстве церквей неоднородны, а порой противоречат друг другу. Проведение и ревизия историко-этнографического материала в данном ракурсе являются актуальными, так как находят отражение в современном публичном пространстве и используются в качестве аргументации тех или иных позиций.

В исследовании ограничимся рассмотрением трех наиболее древних населенных пунктов Кольского Севера: Варзуги, Кандалакши и Колы, в которых появляются первые очаги православия. Эти населенные пункты, безусловно, играют огромную роль в становлении православной культуры в регионе и являются знаковыми местами и по настоящее время.

По мнению ряда авторов, приблизительно с XIII столетия Кольский полуостров находился во владении Новгорода. Древние новгородские названия: Тер, Тре, Турья, относились ко всей внутренней территории области во время, когда ее жители еще не знали, что она является полуостровом. Впоследствии, по мере освоения русскими людьми территории Кольского полуострова и омывающих его морей, создалось представление о том, что область Тре окружена водой с трех сторон, т. е. является полуостровом, который стал именоваться Терским наволоком [1].

Процесс установления христианства в качестве государственной религии централизованной Киевской державы был непростым, затянувшимся на несколько столетий. И событие, «получившее название "крещения Руси" на Кольском Севере началось только лишь в XV веке» [2, с. 88]. Присоединение Кольского края к России совершилось в результате освоения его русскими поселенцами, которых он издавна притягивал своими богатыми промыслами. На этой первоначальной стадии колонизации русскими северо-западной окраины Московского государства вне всяких сомнений выдающуюся роль сыграла церковь в лице монастырей и храмов. Они являлись средоточиями народного потока, что подчеркивают не только русские, но и датские документы [3]. Тогда же начался процесс храмостроения, стали появляться первые монастыри, создаваться приходы. До XV в. саамы¹ были единственным народом, постоянно проживавшем на Кольском Севере. В первой половине XVI в. московские власти начинают курс на приобщение язычников-лопарей (русский экзоним) к православной вере, что должно было закрепить территорию их проживания за Русским

государством. В 1526 г. Великий князь московский Василий III поручил Новгородскому архиепископу Макарию отправить на Крайний Север священнослужителей для совершения обряда православного крещения саамов. Для проповедников православия открывалось широкое поле деятельности в пределах Кольского региона. Наиболее известными проповедниками стали Трифон Печенгский, Феогност и Феодорит Кольский. Фигура последнего была (и остается) предметом дискуссий, о чем свидетельствуют, в частности, публикации П. Д. Шестакова [4], Е. Е. Голубинского [5], А. И. Андреева [6].

Храмы Варзуги

В начале XVI столетия Кандалакшский и Терский берега (южная часть беломорского побережья Кольского полуострова) были достаточно хорошо заселены русскими людьми. Православные русские, поселившиеся на Терском берегу (южная часть беломорского побережья), нуждались в исполнении религиозных обрядов, следовательно, в строительстве церквей. После принятия православия часть земель Кольского полуострова разными путями перешла во владение монастырей. В 1419 г. новгородская летопись отмечает «корельский погост в Аргузе», т. е. в Варзуге [3]. В настоящее время считается, что с. Варзуга является древнейшим русским поселением на Кольском Севере. Там и был построен первый православный храм.

Некоторые источники [7] указывают как дату появления первого храма на Терской земле, который был построен Соловецким монастырем в Варзуге, 1485 год. Подтверждением этому могла бы быть тарханная грамота новгородского архиепископа Геннадия от 1491 г. об освобождении от архиепископских сборов Варзужской, принадлежащей Соловецкому монастырю, церкви².

По мнению священнослужителя, занимавшегося изучением истории православного храмостроения Кольского края, Н. И. Шмакова, нельзя сказать с уверенностью, о какой именно Варзужской церкви говорится в вышеупомянутой грамоте от 1491 г. Однако автор предполагает, что храм носил название Успенского, такое же, как и название прихода того времени, и впоследствии, на месте построенного в 1495 г. Успенского храма, возник в 1674 г. новый, одноименный.

Известный мурманский краевед И. Ф. Ушаков пишет о том, что в 1491 г. Соловецкий монастырь построил в Варзуге церковь во имя святителя и чудотворца Николая [8]. Названия варзужских церквей соответствовали религиозным представлениям поморского населения, а Святой Никола считался покровителем мореходов. Еще этнограф Н. Н. Харузин отмечал [9], что с принятием христианской веры лопари также стали особо почитать святого Николая Чудотворца. Об этом повествует, в частности, собранная этнографом А. Л. Яценко в экспедиции по Кольскому полуострову в 1887 г. сказка о спасении святым Николой женщины с детьми от злобного сейта (сейда), захватившего их в плен [10].

² Находится в архиве Соловецкого монастыря, указана преосвященным Никанором в бытность его в июле 1894 г. в с. Кузоmeni.

¹ Саамы – коренные жители Кольского полуострова. В XIX в. в русскоязычных делопроизводственных документах их называли лопарями.

В этнографии и российской историографии саамов давно утверждается, хотя и продолжает оставаться дискуссионным, тот факт, что сейдами у лопарей были каменные божества. В частности, подтверждающий характер имеют материалы экспедиций В. Ю. Визе в 1910–1911 гг. в центральную часть Кольского полуострова. Визе сообщает о том, что «у лопарей дохристианского периода существовало два религиозных культа: культ высших богов и культ священных камней – сейдов. О том, насколько распространен был культ сейдов, свидетельствует большое число сказаний, отчасти сохранившихся и до сих пор среди лопарей» [11, с. 397].

Критикуя мнение этнографа Н. Н. Харузина об отрицании сохранения культа сейдов в конце XIX в., В. Ю. Визе пишет: «Харузин пробыл в Лапландии только половину лета и, насколько мне известно, в Ловозерском погосте не был, да и вообще его исследования о русских лопарях являются главным образом результатом записей со слов других лиц, нежели результатом личных наблюдений над лопарями» [там же, с. 398]. См., также: «И несмотря на то, что со временем лопари (по крайней мере, русские) сделались довольно ревностными христианами, у них наряду с христианской верой сохранились и отчасти языческие верования, в том числе и почитание сейдов» [12, с. 453].

Здесь вполне уместным автору видится сделать замечание о том, что, весьма вероятно, речь идет о разных интерпретациях понятия «сейд». На настоящий момент преобладает версия о том, что сейд – это дух, который может по-разному воплощаться, в том числе и в камни.

У Н. И. Шмакова [7] находим сведения о том, что с. Варзуга издавна служило для окрестного населения центром в религиозно-церковном, административном и торговом отношениях. Здесь проживали не только единственные на сотни верст в окружности священно-церковнослужители, но и архиепископские (митрополичьи), монастырские и патриаршие приказчики; здесь же была таможня. Следовательно, северное село обладало довольно большим для того времени количеством храмов. Подтверждение этому находим в трудах И. Ф. Ушакова, который сообщает, что по описи 1563 г. в Варзуге было три церкви: на левобережье было два храма – Николы Чудотворца и во имя апостолов Петра и Павла; на правом берегу – во имя Успения Пресвятой Богородицы [8]. Несколько позже, в 1597 г., в Варзуге появляется Афанасьевская церковь [7].

По мнению ряда исследователей, на месте Успенского храма, построенного ранее, в 1684 г., был создан существующий по сей день храм Успения святой Богородицы. Строители Успенского храма 1684 г., по высказыванию И. Ф. Ушакова, позаботились о его долговечности [8].

Среди описаний сохранившегося храма находим, в частности, принадлежащее горному инженеру П. Б. Риппасу, исследовавшему в 1898 г. южную часть Кольского полуострова: «На правом, более высоком, берегу села стоит меньшая часть села и здесь же находится интересный, исторический памятник: маленькая, оригинальная в архитектурном отношении, деревянная церковь, выстроенная в 1674 г.» [13, с. 294].

Самое большое описание и исследование церкви Успения Пресвятой Богородицы 1674 г. постройки представлено в книге краеведа И. Ф. Ушакова «Успенская церковь в селе Варзуге» [8].

Подтверждение тому, что храм строился в 1674 г., встречаем и у Н. И. Шмакова: «<...> как видно из надписи на храмозданном деревянном восьмиконечном кресте: "освятися алтарь Господа Бога и Спаса нашего И. Христа и водружен бысть крест сий в церкви Успения Богородицы в лето 7182 м-ца августа в 9 день, при благочестивом царе и В. Кн. Алексее Михайловиче всея Великия и Малыя и Белые России Самодержце, меж патриаршеств, и при Митрополите Иоакиме Великого Новаграда и Великих Лук"» [7, с. 325].

Успенская церковь (Церковь Успения святой Богородицы) в с. Варзуге принадлежит к числу деревянных одноглавых шатровых церквей. Храм строился во время «троеперстной» реформы патриарха всея Руси Никона, однако это не повлияло на построение в соответствии со старыми традициями – с шатром, в виду того, что на тот момент население Поморья противилось насаждению нововведений, следует учитывать и также разгар Соловецкого восстания (1668–1676).

Следом за Успенской церковью в Варзуге появляется Зосимо-Савватиевская. Об этом, по данным Шмакова, свидетельствует грамота преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского, от 1683 г. церковному приказчику патриаршей вотчины Митьке Гундолову с крестьяны, на построение новой Зосимо-Савватиевской церкви.

Есть также предположения, что в Варзуге существовал еще один храм во имя преподобного Сергия Радонежского, построенный в 50–60 гг. XVII в. Упоминания о нем находим в работах Н. И. Шмакова [там же] и И. Ф. Ушакова [8].

Храмы Кандалакши

Немного позднее Варзужской волости появляется Умбская. И начинает разрастаться, появляются новые поселения – Порья Губа и Кандалакша [14].

Существует несколько точек зрения на то, каким образом происходило строительство храмов и монастыря в селении Кандалакша (на сегодняшний день – городе). Интересная дискуссия возникает вокруг точной даты и обстоятельств постройки первого храма.

Первый храм в Кандалакше возник в 1526 г. и носит название Рождества Иоанна Предтечи. В отношении данного исторического факта в ряде источников встречаем цитирование Софийской летописи, а именно фрагмент о хождении лопарей и поморов в Москву с целью прошения постройки храма в Кандалакше. Значительный интерес вызывает тот факт, что некоторые авторы упоминают при цитировании летописи только лопарей. Из чего вполне логично предположить, что первыми приняли крещение и построили церковь в 1526 г. только лопари, жившие в низовьях р. Нивы. Митрополит Московский и Коломенский: «В 1526 г. лопари с Кандалакшской губы сами приехали в Москву уполномоченных к великому князю Василию Иоанновичу и просили антимина и священни-

ков...» [15, с. 514]. У И. Ф. Ушакова вместо слова «поморцы» стоит по неизвестным причинам многоточие [16]. Церковный историк Митрофан Баданин (в настоящее время митрополит Мурманский и Мончегорский) цитирует данную часть исторического документа аналогично: «Приехал к Москве лопляне с моря-окияна...» [17, с. 59]. На то, что И. Ф. Ушаков во многих своих публикациях вместо слова «поморцы» ставил многоточие, обратил внимание также краевед Е. Ф. Разин [18, с. 38]. С ним солидарен во мнении работник архива, историк-краевед В. И. Конева [19].

Однако сам текст летописи сообщает нам о том, что не только лопари, но и поморы участвовали в поездке в Москву в 1526 г.: «Того же лѣта 34 прїехалша ко государю великому князю Василью Ивановичу на Москву Поморцы и Лопяни съ моря Окіяна, изъ Кандолжской губѣ, усть Невы рѣки, изъ Дикой Лопи, и били челомъ государю великому князю, а просили антимины и священниковъ церковь свящати и просвѣтити ихъ святымъ крещеніемъ...» [20, л. 282].

Тот факт, что сами лопари, без участия русского населения, могли построить монастырь, по мнению многих историков, весьма сомнителен. Ведь даже в тех случаях, когда монастыри создавались на далеких окраинах Киевской и Московской Руси (в частности, на Севере страны), они, как правило, возникали там, где уже успел обосноваться русский крестьянин, а отнюдь не на совершенно не обжитом месте. См., например, Н. С. Гордиенко: «...монастырская колонизация обычно шла по пути, уже проложенному русскими крестьянами» [2, с. 89].

С полной уверенностью можно констатировать отсутствие точных данных о конкретных строителях первого православного храма Рождества Иоанна Предтечи в Кандалакше в 1526 г. Этот храм находился на правом берегу р. Нивы, в месте впадения реки в Кандалакшский залив.

Любопытным является мнение церковного историка Митрофана Баданина [17], связывающее поход поморов и лопарей в Москву с результатом просветительской деятельности Феодорита, постриженника Соловецкого монастыря. Однако, если опираться на данные историка и писателя П. Д. Шестакова, то едва ли это утверждение можно назвать правомерным, так как так по ряду исторических свидетельств миссионерская деятельность Феодорита в Русской Лапландии началась позднее, по крайней мере, не ранее 1528–1529 гг. [4]. П. Д. Шестаков испытывал глубокие сомнения по поводу того, что просветителем кандалакшских лопарей был Феодорит: «Феодорит в 1527 году не был даже пресвитером, а получил этот сан только через 20 лет, и едва ли успел прибыть на земле лопарей, потому что в эти времена был еще жив его наставник Зосима, которому он служил в его мощах и недугах» [там же, с. 264]. В качестве основной аргументации историк апеллирует к тому, что имеющиеся данные о личности и жизнедеятельности Феодорита очень скудны и основная их часть находится в истории Иоанна, написанной князем А. М. Курбским, в 8 главе о страданиях священномучеников, а также помимо всего, Курбский смотрел на жизнь Феодорита глазами «не совсем беспристрастного современника-очевидца» и все написанное Курб-

ским «наслышки, не согласованные с действительностью» [там же, с. 260].

Мнение П. Д. Шестакова отчасти согласуется с точкой зрения историка Е. Е. Голубинского: «Сведения А. М. Курбского не отличаются обстоятельностью и надежностью» [5, с. 860]. Единственно, последний считал, что деятельность Феодорита не полностью выдумана Курбским. Феодорит, по мнению Голубинского, был крестителем другого числа коренных жителей восточной части Кольского полуострова, живших не на р. Поной. Это означает, что его проповедническая деятельность началась приблизительно в 1545 г.

А о лопарях, построивших храм в Кандалакше, Голубинский писал следующее: «Лопари, о которых говорилось в летописи, жили в верховьях Кандалакшского залива Белого моря. Там было самое большое количество постоянных жителей после города Колы, имеющее 74 двора и представляющее собой один из главных промышленных пунктов архангельской губернии кто расположил кандалакшских лопарей к принятию христианства, так что они построили церковь прежде крещения, остается неизвестным. Предположительно, что это был какой-нибудь пустынник, посланный Соловецким монастырем» [5, с. 855].

Можно предположить, что к привлечению кандалакшских лопарей к христианству были причастны и Соловецкие монахи. В XVI в. они уже активно хозяйствовали на Беломорье, однако «филиалом» Соловецкого монастыря построенная церковь Рождества Иоанна Предтечи в Кандалакше никогда не значилась.

Несколькими годами позже в селении Кандалакша появился монастырь. И вновь точную дату постройки самого монастыря и храмов в нем установить по имеющейся литературе не удается. Известно лишь, что кроме Печенгского монастыря, в пределах Кольского уезда еще в 20-х гг. XVI в., по мнению А. И. Андреева, появился Рождественский Кандалакшский монастырь, «что в Дикой Лопи, у Студеного моря» [21, с. 10]. Иная точка зрения – у И. Ф. Ушакова, так как, по его данным, монастырь в Кандалакше возник в середине XVI в. [22, с. 4].

В действительности, документов, подтверждающих точную дату возникновения монастыря, не найдено. Напечатанная жалованная тарханная грамота монастырю 1615 г. является самой ранней грамотой монастыря, известной до настоящего времени (список с нее XVII в. хранится в Археографической комиссии) [23].

Сам монастырь находился на левом берегу р. Нивы, на месте ее впадения в Кандалакшский залив. При нем существовало две церкви: церковь Николы Чудотворца и церковь Рождества Пречистые Богородицы.

Кандалакшский монастырь был razорен шведами в 1590–1615 гг. Затем восстановлен при поддержке правительства, о чем свидетельствует Жалованная несудимая грамота Кандалакшскому Богородицкому монастырю [там же].

После шведского нападения храм Николы Чудотворца не был восстановлен. А вот церковь Рождества Пречи-

стые Богородицы отстроили заново [16]. Просуществовал монастырь до 1742 г., когда и был упразднен.

Храмы Колы

Первое население Колы было, несомненно, временное, оставлявшее эту местность после окончания морских промыслов. Тем не менее в 1533 г. здесь была освящена церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Вероятно, храм был построен большей частью для крещеных саамов [24].

Указание на 1533 год как год постройки первого храма в Коле встречаем у целого ряда авторов. В работах гидрографа, исследователя Баренцева и Белого морей М. Ф. Рейнеке указывается 1533 год постройки церкви близ р. Колы: «В 1533 году, по повелению Новгородского Архиепископа Макария, построена в Коле первая церковь, и селение получило название волости. Вскоре после сего, Соловецкий Архимандрит Феодорит построил монастырь Святой Троицы, при устье реки Колы» [25, с. 7].

Н. Н. Книпович, исследователь-гидробиолог, также пишет, что в 1533 г. терские и кольские лопари были крещены Феодоритом. Между тем вокруг кольского селения (которое в 1550 г. было укреплено и переименовано в Кольский острог) стали группироваться саамы, составившие Кольскую волость [26].

Несколько иная точка зрения у ученого-лингвиста, норвежского картографа Й. Фриса, по мнению которого первый храм в Коле был построен значительно раньше, чем в 1533 г.: «Здесь при устье реки Колы в 1529 г. (а по некоторым источникам даже еще в 1475 г.) построена была церковь и основана обитель Соловецким монахом Феодоритом» [27, с. 264].

Небольшие разногласия в датировке, вполне естественно, могут быть вызваны тем, что время постройки храма и время его освящений значительно различается. Одни считают датой основания храма собственно дату постройки, а другие – дату его освящения.

Следует остановиться на тех работах, которые представляют и интерпретируют сам текст летописи, рассказывающий о прошении постройки первого храма в Коле.

Церковный историк Митрополит Московский и Коломенский так описывает данное событие: «Через 6 лет³, другие лопари, с Мурманского моря (Северного океана), с рек Колы и Туломы обратились непосредственно к архиепископу Макарию и просили антиминов и священников. Опять были посланы из новгородского собора священник и диакон и крестили многих лопарей за Святым Носом (Один из северных мысов Северного океана при входе в Белое море) и освятили для них две церкви: во имя Благовещения Святой Богородицы и во имя святителя Николая» [15, с. 478].

А. И. Андреев подчеркивает тот факт, что точное местоположение церквей летописи не указывают, а говорят лишь о том, что лопари приехали «с Мурманского моря, с Колы реки, с Туломы (Туломы)» [3, с. 26]. В первой половине XVI в., по его мнению, там вряд ли могли появиться

одновременно две церкви, а несколькими годами позже – монастыри, потому что в рассматриваемый период можно было говорить только о зачатках постоянного поселения. Он же указывает на то, что в 1565 г. поселение Кола только начинало формироваться. Подтверждение тому, что Кола была основана не ранее XVI в., находим и в сравнительно недавнем исследовании историков А. А. Малашенкова и П. В. Федорова [28].

А. И. Андреев предполагает, что второй храм появился не в Коле, а в Печенге, где несколько позднее и возник монастырь: «Допуская возможность построения там одной церкви во имя Благовещения, мы должны отнести построение другой – во имя святого Николая к иному месту края...» [3, с. 27]. И. Ф. Ушаков считает, что во второй половине 40-х гг. XIV в. Феодорит для закрепления православной веры новокрещенных лопарей решил основать в Коле монастырь и в нем поставить церковь во имя Пребезначальных Троицы. Однако он указывает на то, что первый храм в Коле был построен по данным русских летописей в 1532 г., а по данным норвежских летописей – в 1529 г. Ушаков считал, что освящением храма занимался преподобный Илия, присланный Новгородским епископом Макарием [16].

В действительности, не обнаружено исторических документов, свидетельствующих об этом факте. По ряду других источников можно предположить, что храм в Коле освящал Трифон Печенгский [27].

Митрофан Баданин предполагает, что в Коле единовременно строилось два храма, просто Благовещенская церковь была холодной, а храм Николы – теплым, построенным на месте часовни, о которой упоминает Фрисс [17].

Изложение факта о построении в Коле двух церквей у ряда авторов (Баданин, Ушаков, Фрис) обычно дополняется рассказом о возникновении в том же пункте в XVI в. Троицкого Кольского монастыря, основателем которого явился один из просветителей края – преподобный Феодорит.

У Е. Голубинского находим высказывание о том, что, со слов Курбского, Феодорит создал на устье р. Колы монастырь во имя Святой Троицы. Историк испытывает по этому поводу глубокие сомнения и предполагает, что имеется в виду Трифоновский Печенгский монастырь во имя Святой Троицы [5, с. 860].

П. Д. Шестаков также предполагает, что Феодорит не основатель монастыря на р. Коле, а первый игумен и помощник в устройении обители, основанной Трифоном [4, с. 74]. Он не отрицает, что Феодорит был проповедником и занимался просвещением лопарей, а также участвовал в устройении церкви и монастыря. Однако, считал писатель, если тот действительно был создателем Кольского монастыря, то его появление надо относить к гораздо более позднему времени, так как для создания монастыря требовался сан пресвитера, а также время на обращение в веру и устройство монастыря.

Для А. И. Андреева тот факт, что Феодорит был причастен к основанию Кольского монастыря, весьма сомнителен: «На основании изложенных выше соображений трудно признать, таким образом, что Курбский был прав,

³ Здесь имеется в виду 1532 год. Через 6 лет после путешествия в Москву Кандалакшских поморов и лопарей.

когда рассказывал об основании Феодоритом Троицкого монастыря в Коле: монастырь в Коле возник несравненно позднее, но крайней мере, после 1569 г., так как датчане в инструкции послам Христофу Валькендорфу и Элиасу Эйзенбергу, отправлявшимся в Москву в 1569 г., говорят лишь об одном монастыре (Печенгском) и только с 1571 г. начинают настойчиво утверждать о построении русскими монастырей в Лапландии» [3, с. 28].

Согласно точке зрения И. Ф. Ушакова, появление монастыря в Коле, а также церкви во имя Святой Троицы относятся ко второй половине 40-х гг. XVI в., и эти события связаны с деятельностью преподобного Феодорита [4, 22]. Троицкий монастырь просуществовал, по мнению Ушакова, недолго и распался после того, как монахи подняли бунт и прогнали из монастыря Феодорита, а сами разошлись в разные места. «Писцовая книга» за 1608 год сообщает: в Коле существовало четыре храма: теплая деревянная церковь Николая Чудотворца; холодный храм страстотерпца Христова Георгия с шатровым верхом; теплая церковь Святых апостолов Петра и Павла и церковь Успения Пречистые Богородицы [16, с. 237]. Следовательно, храма во имя Святой Троицы, по-видимому, к этому времени уже не было.

Здесь вполне уместным будет приведение сведений о появлении монастыря и храмов в Печенге. Приблизительно в те же годы в Печенге возникает церковь во имя Святой Троицы, построенная Трифоном, а немногим позже – монастырь. По словам архитектора А. А. Жилинского, Печенгский монастырь возник в период значительного оживления Севера и даже сам входил в торговые отношения с Голландией [29].

Работ и исследований, посвященных истории Трифонова Печенгского монастыря, а также жизнедеятельности преподобного Трифона очень много. Помимо всего, до нашего времени сохранилось житие Трифона. Впервые оно было напечатано в Православном собеседнике в 1859 г. [30]. По поводу точной даты появления жития исследователи также имеют разные точки зрения. П. Д. Шестаков предполагает, что оно было написано в XVIII в., хотя его автор, как и время написания, неизвестны. Иного мнения придерживался И. Ф. Ушаков, считая, что автором жития является соловецкий монах Сергей Шелонин [16, с. 236].

Согласно житию Трифона Печенгского, святой поселился на берегу р. Печенги в 1524 г. В 1533 г. Трифон построил небольшую церковь во имя Святой Троицы, от которой пошло начало Трифонова Печенгского монастыря. Точная дата постройки храма неизвестна.

В связи с появлением приблизительно в один временной период в Печенге и Коле храмов с идентичными названиями вполне логичным кажется мнение многих исследователей о том, что Феодорит мог участвовать в устройении обители, основанной Трифоном.

Впоследствии Трифон выстроил на р. Паз сначала часовню, а затем церковь во имя святых князей Бориса и Глеба, относящуюся к 1565 г.: «...крест сей сооружен у церкви той в лето 7073 (1565) месяца июля 4 дня, на память. А святил церковь сию игумен Иларион при начальнике Трифоне» [31, с. 151].

История Трифонова-Печенгского монастыря является предметом дискуссий в исторической литературе. Известно, что монастырь периодически поддавался нападениям шведов, и после окончательного разорения в 1589 г. был перенесен в Колу, где просуществовал до 1619 г. [32]. При этом в датировках у различных исследователей встречаются разночтения, что, на наш взгляд, является отдельной темой для обсуждения.

Заключение

С XV в. Терский берег был заселен русскими людьми и Москва осуществляла мероприятия за присоединение Кольского Севера к русскому государству. В этом процессе московскими властями были приняты меры по приобретению коренного населения к православной вере, и это имело важное значение в закреплении территории их проживания за Русским государством.

Продвижение православия осуществлялось через проповедников, впоследствии признанных Кольскими святыми [33]. Среди основных известных нам проповедников можно назвать Феодорита Кольского, Трифона Печенгского и Феогноста. Предметом наибольших дискуссий является личность Феодорита и его деятельность. Фигура Феодорита Кольского и его роль в христианизации края продолжают обсуждаться и в настоящее время, что выражается в публикациях и выступлениях на конференциях, образуя диалог внутри: между представителями светской науки, церковных историков и краеведов. И здесь хочется отметить, что изучение региональной истории в Кольском крае еще в XIX в. имело две представительских группы – любителей историков (как правило, учителей, ссыльных интеллигентов, исследователей-путешественников) и священство. Именно они занимались историческими разысканиями и интерпретациями. Отчасти эта тенденция сохраняется и в настоящее время, и основная полемика в области религиозно-церковной истории края позволяет увидеть достаточно пеструю картину восприятия религиозной жизни и равнодушного отношения к храмостроению.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Кошечкин, Б. И. Тундра хранит след / Б. И. Кошечкин. – Мурманск: Кн. Изд-во, 1979. – 152 с.
2. Гордиенко, Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Полемические заметки / Н. С. Гордиенко. – Л.: Лениздат, 1986. – 287 с.
3. Андреев, А. И. К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова / А. И. Андреев // Дела и дни. – 1920. – Кн. 1. – С. 23–36.
4. Шестаков, П. Д. Просветители лопарей архимандрит Феодорит и Трифон Печенгский / П. Д. Шестаков // Журнал министерства народного просвещения. – 1868. – Ч. 139, Июль. – С. 242–296.
5. Голубинский, Е. Е. История русской церкви. Период Московский. От нашествия монголов до Митрополита

- Макария включительно / Е. Е. Голубинский. – М.: Императорской истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1911. – Т. 2, 2 половина. – 616 с.
6. Андреев, А. И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. / А. И. Андреев // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6. – С. 132–157.
 7. Шмаков, Н. И. Понойский приход / Н. И. Шмаков // КИОПЦ Архангельской епархии. – Архангельск, 1896. – Вып. III. – С. 233–242.
 8. Ушаков, И. Ф. Успенская церковь в селе Варзуге / И. Ф. Ушаков. – Мурманск: [б. и.], 1974. – 50 с.
 9. Харузин, Н. Н. Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта / Н. Н. Харузин. – М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, – 1890. – 37 с.
 10. Яценко, А. Л. Несколько слов о русской Лапландии (из поездки) / А. Л. Яценко // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 1. – С. 53.
 11. Визе, В. Ю. Лопарские сейды / В. Ю. Визе // Известия архангельского общества изучения Русского Севера. – 1912. – № 9. – С. 395–401.
 12. Визе, В. Ю. Лопарские сейды / В. Ю. Визе // Известия архангельского общества изучения Русского Севера. – 1912. – № 10. – С. 453–459.
 13. Риппас, П. Б. Кольская экспедиция 1898 года: предварительный отчет / П. Б. Риппас // Известия Императорского Русского географического общества. – 1899. – Т. 35, вып. 3. – С. 292–312.
 14. Ушаков, И. Ф. Храмы Кольского Севера. Предварительные сведения / И. Ф. Ушаков // Мурманский вестник. – 1995. – 13 ноября.
 15. Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломинский. История русской церкви / Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломинский. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. – 1996. – Т. 6, Кн. 4, Ч. 1. (1240–1589). – 702 с.
 16. Ушаков, И. Ф. Избранные произведения / И. Ф. Ушаков. – Мурманск: Книжное издательство. – 1998. – Т. 2. – 376 с.
 17. Баданин, (Иеромонах Митрофан). Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей: Исторические материалы к прославлению и написанию жития / Баданин, (Иеромонах Митрофан). – Мурманск: Издательство Мурманской и Мончегорской епархии, 2002. – 144 с.
 18. Разин, Е. Ф. Фундамент у подножия крестовой / Е. Ф. Разин // Наука и Бизнес на Мурмане. – 2008. – № 4. – С. 37–40.
 19. Конева, В. И. История кандалакшской церкви Рождества Иоанна Предтечи // Преподобный Феодорит Кольский и его духовное наследие / В. И. Конева // Материалы Региональной научно-богословской конференции «Первые Феодоритовские чтения». – СПб.: Ладан, 2007. – С. 84–101.
 20. Софийские летописи. П.С.Р.Л., изданное по высочайшему повелению археографической комиссией. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. – Т. 6. – Л. 282.
 21. Андреев, А. И. Исторические материалы о Кольском полуострове монастырских архивов / А. И. Андреев // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. – С. 3–14.
 22. Ушаков, И. Ф. Первые храмы Кольского Севера / И. Ф. Ушаков // Живая Арктика. – 1997. – № 3 (8). – сентябрь. – С. 3–4.
 23. Тимофеев, А. И. Жалованная несудимая грамота Кандалакшскому Богородицкому монастырю / А. И. Тимофеев // Русская историческая библиотека. – 1875. – Т. 2. – С. 686–693.
 24. Голубцов, Н. А. К истории города Колы Архангельской губернии / Н. А. Голубцов // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. – 1911. – № 5. – С. 392–401.
 25. Рейнеке, М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии / М. Ф. Рейнеке. – СПб.: Типография Н. Греча, – 1830. – 58 с.
 26. Книпович, Н. М. Кола, уездный город Архангельской губернии / Н. М. Книпович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон», 1909. – 46 с.
 27. Фрис, Й. А. Печенгский монастырь в русской Лапландии / Й. А. Фрис; пер. с норв., пересказ Д. Н. Островского // Вестник Европы. – 1885. – Кн. 4, № 7. – С. 253–277.
 28. Малашенков, А. А. Коляне (XIX–первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. В 2-х ч. / А. А. Малашенков, П. В. Федоров. – Мурманск: МГПУ, 2010. – Ч. I. – 280 с.
 29. Жилинский, А. А. Крайний Север Европейской России / А. А. Жилинский. – Петроград: Типо-литография Северо-Западного округа путей сообщения, 1919. – 294 с.
 30. Житие Преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. – Казань. – 1859. – Ч. 2. – С. 101–115.
 31. Чулков, Н. О. К истории разграничения России с Норвегией / Н. О. Чулков // Русский архив. – 1901. – Кн. 1. – С. 141–157.
 32. Богуслав, И. А. Исторический взгляд на Варангерское Поморье / И. А. Богуслав // Морской сборник. – 1862. – Т. LXII, № 10. – С. 279–294. (подпись Беломорский О.).
 33. Святые земли Кольской // Сайт храма Спас-на-Водах. – URL: <https://spasnavodah.ru/about/holy-lands-kola/> (дата обращения: 10.01.2025).

References

1. Koshechkin, B. I. Tundra hranit sled [The tundra keeps a trace] / B. I. Koshechkin. – Murmansk: Book Publ. House., – 1979. – 152 p.
2. Gordienko, N. S. «Kreshhenie Rusi»: fakty protiv legend i mifov. Polemicheskie zametki [«Baptism of Rus»: facts against legends and myths. Polemical notes] / N. S. Gordienko. – Leningrad: Lenizdat, 1986. – 287 p.
3. Andreev, A. I. K istorii ruskoj kolonizacii zapadnoj chasti Kol'skogo poluostrova [On the history of Russian colonization of the western part of the Kola Peninsula] / A. I. Andreev // Dela i dni [Deeds and days]. – 1920. – Book 1. – P. 23–36.
4. Shestakov, P. D. Prosветiteli loparej arhimandrit Feodorit i Trifon Pechengskij [Enlighteners of the Lapps Archimandrite Theodore and Tryphon of Pechenga] / P. D. Shestakov.

- ov // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija [J. of the Ministry of Public Education]. - 1868. - Part 139. July. - P. 242-296.
5. Golubinsky E. E. Istorija russkoj cerkvi. Period Moskovskij. Ot nashestvija mongolov do Mitropolita Makarija vključitel'no [History of the Russian Church. The Moscow Period. From the Mongol Invasion to Metropolitan Macarius inclusive] / E. E. Golubinskij. - Moscow: Imperial Society of Russian history and antiquities at Moscow Univ., 1911. - Vol. 2/2. - 616 p.
 6. Andreev, A. I. O podložnosti zhalovannoj gramoty Pechengskomu monastyru 1556 g. [On the forgery of the charter granted to the Pechenga Monastery in 1556] / A. I. Andreev // Russkij istoričeskij zhurnal [Russian Historical Journal]. - 1920. - Book 6. - P. 132-157.
 7. Shmakov, N. I. Ponojskij prihod [Ponoy Parish] / N. I. Shmakov // KIOPC Arhangel'skoj eparhii [KIOPS (A brief historical description of the parishes and churches of the Arkhangelsk Diocese)]. - Arkhangelsk, 1896. - Issue III. - P. 233-242.
 8. Ushakov, I. F. Uspenskaja cerkov v sele Varzuga [Uspenskaya Church in the village of Varzuga] / I. F. Ushakov. - Murmansk, 1974. - 50 p.
 9. Kharuzin, N. N. Russkie lopari: Očerki prošlogo i sovremennogo byta [Russian Lapps: Essays on the past and modern life] / N. N. Kharuzin. - Moscow: A. A. Levenson partnership of rapid printing. - 1890. - 37 p.
 10. Yashchenko, A. L. Neskol'ko slov o russkoj Laplandii (iz poezdki) [A few words about Russian Lapland (from the trip)] / A. L. Yashchenko // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. - 1892. - № 1. - P. 53.
 11. Vize, V. Ju. Loparskie sejdy [Lappish seids] / V. Ju. Vize // Izvestija arhangel'skogo obshhestva izuchenija Russkogo Severa [News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North]. - 1912. - № 9. - P. 395-401.
 12. Vize, V. Yu. Loparskie sejdy [Lappish seids] / V. Yu. Vize // Izvestija arhangel'skogo obshhestva izuchenija Russkogo Severa [News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North]. - 1912. - № 10. - P. 453-459.
 13. Rippas, P. B. Kolskaja ekspedicija 1898 goda: Predvaritel'nyj otčet [Kola Expedition 1898: Preliminary Report] / P. B. Rippas // Izvestija Imperatorskogo Russkogo geografičeskogo obshhestva [News of the Imperial Russian Geographical Society]. - 1899. - Vol. 35, Issue 3. - P. 292-312.
 14. Ushakov I. F. Hramy Kolskogo Severa. Predvaritelnye svedenija [Temples of the Kola North. Preliminary information] / I. F. Ushakov // Murmanskij vestnik [Murmansk Herald]. - 1995. - November 13.
 15. Makary (Bulgakov), Mitropolit Moskovskij i Kolominskij. Istorija russkoj cerkvi [Mitropolitan of Moscow and Kolomna, Makary (Bulgakov). - Moscow: Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery Publ. - 1996. - Vol. 6, Book 4. Part 1 (1240-1589). - 702 p.
 16. Ushakov, I. F. Izbrannye proizvedenija [Selected Works] / I. F. Ushakov. - Murmansk: Book Publ. House. - 1998. - Vol. 2. - 376 p.
 17. Badanin, (Hiermonk Mitrofan). Blazhennyj Feodorit Kol'skij, prosvetitel' loparej: Istoricheskie materialy k proslavleniju i napisaniju zhitija. [Blessed Theodoret of Kola, Enlightener of the Lapps: Historical Materials for Glorification and Writing of His Life] / Badanin (Hiermonk Mitrofan). - Murmansk: Publ. House of the Murmansk and Monchegorsk Diocese, 2002. - 144 p.
 18. Razin, E. F. Fundament u podnozhija krestovoj [The foundation at the foot of the Krestovaya mountain] / E. F. Razin // Nauka i Biznes na Murmane [Science and Business in Murmansk]. - 2008. - № 4. - P. 37-40.
 19. Koneva, V. I. Istorija kandalakshskoj cerkvi Rozhdestva Ioanna Predtechy // Prp. Feodorit Kolskij i ego duhovnoe nasledie [History of the Kandalaksha Church of the Nativity of John the Baptist // Reverend Theodoret of Kola and his spiritual heritage] / V. I. Koneva // Proc. of the Regional Scientific and Theological Conf. "First Theodoret Readings". - St. Petersburg: Ladan. - 2007. - P. 84-101.
 20. Sofijskie letopisi [Sofia Chronicles]. P. S. R. L., Issued by the highest order of the Archaeographic Commission. - St. Petersburg: Eduard Prats Printing House, 1853. - Vol. 6. - L. 282.
 21. Andreev, A. I. Istoricheskie materialy o Kolskom poluostrove monastyrskih arhivov [Historical materials about the Kola Peninsula from the monastery archives] / A. I. Andreev // Collection of materials on the history of the Kola Peninsula in the XVI-XVII centuries. - Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1930. - P. 3-14.
 22. Ushakov, I. F. Pervye hramy Kolskogo Severa [The first temples of the Kola North] / I. F. Ushakov // Zhivaja Arktika [Living Arctic]. - 1997. - № 3 (8). - September. - P. 3-4.
 23. Timofeev, A. I. Zhalovannaja nesudimaja gramota Kandalakshskomu Bogorodickomu monastyru [Charter of innocence granted to the Kandalaksha Bogoroditsky Monastery] / A. I. Timofeev // Russkaja istoričeskaja biblioteka [Russian Historical Library]. - 1875. - Vol 2. - P. 686-693.
 24. Golubtsov, N. A. K istorii goroda Koly Arhangel'skoj gubernii [On the history of the Kola town in the Arkhangelsk province] / N. A. Golubtsov // Izvestija Arhangel'skogo Obshhestva izuchenija Russkogo severa [News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North]. - 1911. - № 5. - P. 392-401.
 25. Reineke, M. F. Opisanie goroda Koly v Rossijskoj Laplandii [Description of the Kola town in Russian Lapland] / M. F. Reineke. - St. Petersburg: N. Grech Printing House. - 1830. - 58 p.
 26. Knipovich, N. M. Kola, uezdnyj gorod Arhangel'skoj gubernii [Kola, district town of the Arkhangelsk province] / N. M. Knipovich. Jenciklopedičeskij slovar Brokhauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. - St. Petersburg: AO «F. A. Brockhauz - I. A. Efron», 1909. - 46 p.
 27. Fris, J. A. Pechengskij monastyr v russkoj Laplandii [Pechenga Monastery in Russian Lapland] / J. A. Fris; Translated from Norwegian, retold by D. N. Ostrovsky // Vestnik Evropy [Herald of Europe]. - 1885. - Book 4, № 7. - P. 253-277.
 28. Malashenkov, A. A. Koljane (XIX-pervaja četvert XX v.): Istoriko-genealogičeskij atlas [Kola people (XIX-first

- quarter of the XX century): Historical and genealogical atlas]. In 2 parts / A. A. Malashenkov, P. V. Fedorov. – Murmansk: Murmansk State Pedag. Univ. – 2010. – Part I. – 280 p.
29. Zhilinsky, A. A. Krajnij Sever Evropejskoj Rossii [The Far North of European Russia] / A. A. Zhilinsky. – Petrograd: Tipo-litography of the North-Western area of railways, 1919. – 294 p.
30. Zhitie Prepodobnogo Trifona Pechenskogo, prosvetitelja loparej [Life of the Venerable Tryphon of Pechenga, Enlightener of the Lapps] // Pravoslavnyj sobesednik [Orthodox interlocutor]. – Kazan. – 1859. – Part 2. – P. 101–115.
31. Chulkov, N. O. K istorii razgranichenija Rossii s Norvegiej [On the history of the demarcation of Russia and Norway] / N. O. Chulkov // Russkij arhiv [Russian archive]. – 1901. – Book 1. – P. 141–157.
32. Boguslav, I. A. Istoricheskij vzgljad na Varangerskoe Pomorye [Historical view of Varanger Pomorie] / I. A. Boguslav // Morskoj sbornik [Marine collection]. – 1862. – Vol. LXII, № 10. – P. 279–294.
33. Svyatie zemli Kolskoi [Holy lands of the Kola land] // Website of the Savior-on-Waters. – URL: <https://spasnavodah.su/about/holy-lands-kola/> (accessed: 10.01.2025).

Благодарность (госзадание):

Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Acknowledgments (state task):

The paper was supported by the federal budget to carry out the state task of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2024-0002.

Информация об авторе:

Давыдова Алёна Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН; <https://orcid.org/0000-0002-7967-5953> (184209, Российская Федерация, Мурманская область, г. Апатиты, Академгородок, д. 40а; e-mail: a.davidova@ksc.ru).

Author:

Alena S. Davydova – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-7967-5953> (40a, Akademgorodok, Apatity 184209, Russian Federation; e-mail: a.davidova@ksc.ru).

Для цитирования:

Давыдова, А. С. Диалог внутри: православное храмо́строение на Кольском Севере в XV–XVI веках (по материалам исторических и этнографических источников) / А. С. Давыдова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 5–13.

For citation:

Davydova, A. S. Dialogue within: Orthodox church building in the Kola North in the XV–XVI centuries (based on historical and ethnographic sources) / A. S. Davydova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 5–13.

Дата поступления статьи: 21.02.2025

Прошла рецензирование: 28.02.2025

Принято решение о публикации: 07.03.2025

Received: 21.02.2025

Reviewed: 28.02.2025

Accepted: 07.03.2025

Система государственного феодализма Московского царства и товарно-денежные отношения в Коми крае XVII века. Часть I. Повседневная деятельность органов волостного (местного) самоуправления

М. А. Мацук

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
michailmatsuk@rambler.ru

Аннотация

В XVI–первой половине XIX столетия на Европейском Севере России (черносошное Поморье) действовала система государственного феодализма, основной составляющей которой было существование очень большой группы крестьянского населения, зависимой от государства, и обязанной платить государственные налоги и сборы и выполнять государственные повинности для реализации задач государственных программ. Одной из сторон данной системы было функционирование развитого местного самоуправления как нижней ступени общегосударственной пирамиды власти. Именно действия органов местного самоуправления по выполнению задач, которые ставило перед ними центральное правительство, способствовали развитию товарно-денежных отношений в черносошных регионах в целом и Коми крае в частности. Данный сюжет практически не исследован. В статье впервые в историографии в комплексном плане рассмотрен этот вопрос на материалах, относящихся к Яренскому уезду XVII в. В первой части автор исследует движение денежных сумм внутри волости при выполнении повседневной деятельности органов волостного (местного) самоуправления.

Ключевые слова:

Московское царство, Коми край, Яренский уезд, местное самоуправление, система государственного феодализма, товарно-денежные отношения, XVII столетие

В середине XVI в. царь Иван IV провел реформу управления регионами России. Вместо системы, базировавшейся на руководстве уездами наместниками и волостелями, в обширном районе проживания черносошных крестьян – на Европейском Севере страны, была создана система земского (местного) самоуправления, завершившая процесс формирования в Московском царстве в дополнение к системе поместно-вотчинного феодализма системы государственного феодализма.

The system of state feudalism of the Moscow Kingdom and commodity-money relations in the Komi region of the XVII century. Part I. Everyday activities of volost (local) self-government bodies

M.A. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
michailmatsuk@rambler.ru

Abstract

In the XVI – first half of the XIX centuries, in the European North of Russia (Pomorje), a system of state feudalism operated, the main component of which was the existence of a very large group of the peasant population dependent on the state and obliged to pay state taxes and fees and perform state duties to implement the tasks of state programs. One of the aspects of this system was the functioning of developed local self-government as the lower level of the national pyramid of power. It was the actions of local government bodies to carry out the tasks set before them by the central government that contributed to the development of commodity-money relations in the regions where state peasants lived in general and in the Komi region in particular. This subject has been practically unexplored. For the first time in historiography, the paper comprehensively considers this issue using materials related to the Yarensk Uyezd of the XVII century. The first part considers the movement of monetary amounts within the volost during the daily activities of the volost (local) self-government bodies.

Keywords:

Moscow Kingdom, Komi region, Yarensk Uyezd, local self-government, system of state feudalism, commodity-money relations, XVII century

Государственный феодализм распространялся, в основном, на черносошных крестьян. Суть его была следующая: государство распространяло свою верховную власть на значительный по численности отряд населения страны. Эти люди были зависимы лишь от государственной власти Московского царства и независимы от власти любого светского или духовного феодала (епископы Русской православной церкви (РПЦ), монастыри). Черносошные крестьяне селились на земле, верховным собственником

которой был царь. Волостные и уездные общины наделялись пахотной и сенокосной землями, а также лесными и водными угодьями в границах, определяемых государственной властью. Государство могло изменять границы общинных земель, в случае необходимости изымать часть земель из общего фонда угодий. Крестьяне имели право без ограничений разрабатывать землю в рамках общинных владений. Также могли продавать, передавать по наследству, дарить и закладывать в качестве обеспечения по денежному займу пахотную и сенокосную земли, окультуренную ими, наряду со строениями, возведенными ими на земле, которой они пользовались. Крестьяне имели право почти беспрепятственного передвижения по территории своей волости, уезда и даже за пределы уезда в рамках черносошных районов страны.

Государство имело право изменять статус любого черносожного крестьянина или целых волостных корпораций, передавая отдельные черносошные волости частным владельцам, а также переводя черносошных крестьян в число служилых людей.

За право быть черносошным крестьянином они должны были платить государственные налоги и сборы и выполнять государственные повинности для реализации задач государственных программ в объеме, устанавливаемом верховной властью.

Для управления крестьянским населением и сбора налогов и выполнения государственных повинностей реформа Ивана IV ввела систему земского (мирского) самоуправления. По меткому выражению М. М. Богословского «реформа Грозного не создавала, не вызывала к жизни земских миров и их органов; они существовали и до нее. Но до нее они знали свои земские нужды; она поручила им – государственное дело, лежавшее ранее на правительственных агентах. Выборные земские власти приобрели при этом двойственный характер. Оставаясь земскими по своему происхождению путем выборов, они становились государственными по источнику своих полномочий, даваемых им государственной властью, и по тем целям, во имя которых они должны были действовать» [1, с. 321]. Действительно, результатом деятельности системы государственного феодализма было функционирование развитого местного самоуправления как нижней ступени общегосударственной пирамиды власти.

Это местное самоуправление финансировалось за счет сборов с крестьян своей волости, уезда. Лишь руководители ее – судейки, старосты и целовальники, выбираемые на один год из среды крестьян, исполняли свою должность бесплатно в качестве акта государственной службы.

Все же другие лица получали оплату своего труда. Тем самым большая масса людей постоянно была втянута в систему товарно-денежных отношений. У Богословского и других коллег данный сюжет не вызвал интереса. М. М. Богословский привел материал лишь по выборам и трудовой деятельности земских дьячков, ведущих делопроизводство волостной власти.

Мы же специально обратим внимание исключительно на факты бытования товарно-денежных отношений в среде крестьян, обслуживавших разные аспекты деятельно-

сти местного самоуправления, в том числе и выполнения государственных повинностей. Сделаем это на материалах Яренского уезда XVII столетия.

Восстановим перечень лиц, получавших денежное вознаграждение от волостных общин в процессе функционирования местного самоуправления и при выполнении государственных повинностей, возложенных на черносошных крестьян.

Первым в этом перечне идет земский (мирской) дьячек – делопроизводитель волостной администрации. М. М. Богословский посвятил описанию процедуры выборов на место дьячка, его значению для бесперебойной работы как волостного управления, так и самого крестьянского мира с его многообразными интересами, его денежному содержанию значительный объем текста монографии [там же, с. 297–300]. Он привел несколько примеров из разных регионов Европейского Севера.

Мы дополним этот перечень типичными примерами из Коми края. В 1673 г. 1 октября Григорий Иванов сын Щербаков нанялся на один год, до 1 октября 1674 г., в Турьинскую (Турецкую) треть Вымской земли-волости в земские дьячки. Нанялся он «в Турецкую треть целовальнику (Афанасию Гаврилову сыну Сухонососу – М. М.) и мирским людям <...> все земские годовые государевы и мирские дела писать на мирской бумаге и дань рубить (участвовать в подворной разверстке налогов – М. М.), и целовальников считая сидеть, и дань брать по Турье, и по волостям ездить и до Серегова для мирского дела с ним, целовальником, на ево подводе. И найму я рядил на год ево збору мирских денег 4 рубля. <...> И во дьячках будучи в мирском в письме во всем целовальника слушать» [2, Л. 269–269 об.].

В ноябре 1677 г. тот же Григорий Иванов сын Щербаков нанялся на год в Турьинской трети к земскому целовальнику Афанасию Савинову сыну Костареву «по мирскому приговору в Турецкой трети все земское и ямское с Турецкого яму, и государево дело (записывать) на мирской бумаге. А рядил яз, Гришка, годового найму с ноября с 1-го числа иво, целовальникова, збору мирских денег 5 рублей. <...> А быть мне, Гришке, с ним, целовальником, во всех земских и государевых делех в послушанье безо всякого переводу. А буде яз, Гришка, иво, целовальника, не учну в государевых и земских делех в зборе и письме, как преж сего велось, ослушатца или куды на промысел без мирского ведома сойду, ино остовливати вместо себя дьячка. А буде не оставлю в мир дьячка, и в каких делех наймут стороннего, и те наемные деньги изценят по сей записе на мне, Гришке. А за Турецкую треть ямские книги годовые для счету большою землею буде понадобится, писать тем же наймом» [3, Л. 15–16].

Итак, на должность земского дьячка могли претендовать люди, умеющие сравнительно грамотно писать. Вероятно, предпочтение тут отдавалось в первую очередь местным церковным дьячкам, к числу которых относился и Г. И. Щербаков. То есть земским дьячком должен был быть человек, обладавший положительной репутацией. Оплата труда дьячка соответствовала объему его работы. Судя по перечню обязанностей, изложенному в первом документе, обязанности были значительные, в том чис-

ле и такие, которые не предполагали каких-либо описок и ошибок. Но в первом случае Г. И. Щербаков нанимался вести делопроизводство лишь волостного правления, а во втором – еще и Турьинского яма. Это увеличивало оплату труда с 4 до 5 руб. в год. Кроме того, Г. И. Щербаков, видимо, в прошлом подвел волостного целовальника и весь волостной мир, уйдя на промысел, когда в его услугах была нужда. Поэтому в отписке о найме и появилась фраза об ответственности нанимающегося и привлечении им «вместо себя дьячка». То есть, несмотря на нарушение дисциплины, Г. И. Щербаков все же был нанят на пост земского дьячка, но с оговорками об его ответственности в случае повторного нарушения.

Надо сказать, что размер оплаты труда земского дьячка был достаточно большим, и эти деньги отдавались дьячку в наличном виде, т. е. они были у волостного целовальника. В свою очередь он получал их при проведении сбора на мирские нужды с крестьян волости.

Следующие по значению для бесперебойной работы местного самоуправления в волости были так называемые «посыльщики» – рядовые крестьяне, выполнявшие поручение земского целовальника и мира поехать в определенное место (чаще всего в уездный город или Москву) и отвезти туда воеводе, уездному земскому старосте или в центральный московский приказ (*орган управления – М. М.*) какую-то сумму денег или письмо от волостного мира и целовальника (судьи, старосты).

Необходимо разделить посыльщиков, отправляемых в Москву в центральный приказ («Московские посыльщики») и отправляемых в уездный город к воеводе («Уездные посыльщики»). Первые несли в своих действиях значительно большую долю ответственности, чем вторые. Они везли значительные суммы денег, собранные с крестьян своих волостей в виде государственных налогов, или челобитные царю об освобождении волостных крестьян от налогов и повинностей из-за стихийных бедствий, неурожая и голода. Эти посыльщики должны были не потерять врученный им груз, доставить его в конкретный центральный приказ и отдать руководителям данного приказа, получив с них отписку о приеме денег. Данные действия сопровождалось вручением различных подношений служащим приказа. Ошибиться было нельзя, в том числе и из-за значительного расстояния от Коми края до Москвы. Все сказанное предполагало особые требования к посыльщикам. Это должны были быть люди зажиточные, которые своим имуществом и имуществом своих поручителей отвечали за доставку денег в казну государства. Во-вторых, это должны были быть люди достаточно опытные, имевшие опыт общения с представителями элиты Московского царства, хотя бы на уездном уровне. То есть посыльщиками в Москву не могли быть представители деревенской бедноты. Сохранилось немного поручных записей о таких посыльщиках. Приведем цитату из документа начала XVII в., в котором подробно описаны предполагаемые действия посыльщиков. Документ (посыльная запись) датирован 6 декабря 1600 г., т. е. началом 1600/1601 (7109-го) г. Тогда от Сысольских волостей и волости Ужга в Москву были направлены Иван Иванов сын Буса и Иван

Тимофеев сын Носа. Посыльщики должны были ехать «к Москве з государевою царевою и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси с казною: с Сысольские земли везти им к Москве государевы дани и оброку 101 рубль, да с Ужгинские волости 9 рублев 8 алтын 2 деньги. И едучи им, данным посыльщикам государевых царевых и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси данных и оброчных денег не истерять никоторым своим безумием, разве сильные руки», т. е. кроме случая их грабежа на дороге. «И доехав им, нашим посыльщикам, к Москве, заплатити государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси в казну з Сысольские земли государевы дани и оброку 101 рубль, а с Ужгинские волости 9 рублев 8 алтын 2 деньги. И в том им отписи данные платежные привезти по прежнему к Сысольской земли и к Ужгинской волости и отдать отписи Сысольским целовальником. А найму, есми, целовальники и миром дали им, обоим Иваном, Ивану Бусу да Ивану Носу по 5 рублев. А за тем им наймом жити на Москве месяц. А как пройдет месяц, ино им имати месячина по тому ж наемному розсчету. А за тем наймом вперед и назад ехати на своих подводах. Да с ними мы, целовальники, корму послали земских денег на данной и на земской расход 6 рублев.

Да им же, нашим данным посыльщиком за нашим наймом бить челом и плакаться государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси по нашим по мирским по трем челобитным о наших мирских нуждах: о ямском приказном бережете; да на вычегжан в Удорских деньгах в кабальных; да на Ужгу в данном отвозе в подможных деньгах. Да в четвертом деле им же, данным посыльщиком, бити челом и плакаться государю на ябедника на Вахруша Гонева, и отписки мирская на него на Москве положить перед бояры государевыми.

А понадобятца им, данным посыльщикам, на Москве на земский расход деньги, ино им займовать. А в том отчет дать целовальником и миру. А нам тот долг в их по сыску выкупать всем целовальникам и миру. В том мирском долгу не выдавать.

А без указу государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси им, данным посыльщикам, с Москвы не съехати. О всяких наших земских нуждах по трем нашим по мирским челобитным и по отписке на Гонева бити челом и плакаться государю накрепко и неоплошно и не ложно перед миром.

И в государевых в данных и в оброчных деньгах и в том во всем в мирском деле по них, данным посыльщиках, взята у нас в мир порука с поручною записью» [4].

Итак, общий расход пяти сысольских волостей и волости Ужги на эту поездку двух посыльщиков составил минимум 16 руб. Правда, дело, которое им мир поручил исполнить, было сложным – кроме сдачи денег в казну надо было решить у государя вопрос по четырем важным мирским нуждам. Поэтому и срок проживания в Москве посыльщиков был большим и, соответственно, значительней были затраты. Если соотнести размер гонорара посыльщикам с суммой сдаваемых налогов, то получится, что доставка 1 руб. данных и оброчных денег в Москву стоила крестьянам Сысольских и Ужгинской волостей в 14,5 коп.,

или почти в 5 алтын с рубля. Убрав из гонорара 6 руб., которые обозначались как плата для достижения мирских целей по четырем важным для крестьян делам, доставка 1 руб. налогов в казну уже обходилась в 9 коп., т. е. в 3 алтына с рубля.

На рубеже 1630-х и 1640-х гг. при воеводстве в Яренском уезде воеводы Григория Орефьевича Неронова на доставку налогов в Москву крестьяне части уезда, подчиненной воеводе (Вычегодская земля, Вымская земля и Устьвымская вотчина вологодского архиепископа), тратили с рубля по алтыну (3 коп.) [5].

Конечно, если отправка налогов осуществлялась с малонаселенных волостей, обладавших автономией от воеводской власти (Глотова слобода, Вишерская волость), то стоимость доставки 1 руб. налогов в казну возрастала.

Отправка собранных налогов из районов Коми края, как и всех других территорий Московского царства в Москву, осуществлялась ежегодно. Перевозку и сдачу денег производили по одному-два посыльщика за раз. Так, 26 января 1650 г. с крестьян Глотовой слободы в Новгородской Четверти в Москве сдали в государственную казну 50 руб. в счет уплаты данных и оброчных денег и денег за стрелецкие хлебные запасы посыльщики Кирилл Омельянов и Иван Политов [6]. 17 февраля 1657 г. с Вишерской волости сдано в государственную казну данных и оброчных денег, денег за стрелецкие хлебные запасы и денег «полоняником на окуп» 40 руб. 23 коп. посыльщик Иван Игнатьев [7]. Список можно многократно расширить. Все посыльщики ездили в «командировки» от мира и за счет волостного мира. Что сказывалось на тяжести феодальной ренты, но, в свою очередь, способствовало развитию товарно-денежных отношений в Коми крае.

Волостные крестьяне пытались уменьшить стоимость отвоза собранных денег в Москву и иногда в качестве посыльщиков выступали священники и даже монашествующие, которые ехали в столицу по каким-либо делам. Однако в 1667 г. правительство категорически запретило такую практику, вероятно, столкнувшись со случаями утраты денег и невозможностью взыскать пропажу, особенно с монашествующих. В регионы были направлены царские грамоты соответствующего содержания [8]. Был восстановлен порядок направления денег в центральный приказ в Москву с зажиточными крестьянами, отвечавшими за выполнение возложенной на них задачи своим имуществом.

Посыльщики, отправляемые в уездный город к воеводе, также принадлежали к числу наиболее уважаемых в волостном мире людей. Сохранилось немало свидетельств о таких посыльщиках. Приведем примеры из расходных документов Турьинской (Турецкой) трети 1673/74 г. и Усть-Вымской волости 1691/92 г.

В Турьинской трети в указанном году посыльщик Василий Мингалев при поездке в Яренск жил там четыре недели. Получил «понедельные наймы» за четыре недели 1 руб. 13 алтын 2 деньги. Сидор Кириллов сын Дышов отвез в Яренск и сдал деньги за Сибирские хлебные запасы. Жил в Яренске две недели. «Взял понедельного найму 4 гривны денег». Артемий Иванов, Нечай Васильев сын Козлов,

Родион Иванов сын Тягинов, Григорий Игнатьев сын Бабинов две недели жили в Яренске по вопросу о недоплатных стрелецких деньгах. Найму взяли за две недели по 20 алтын на человека. Всего 2 руб. 4 гривны. Посыльщик Матфей Филиппов сын Щербаков – ездил в Яренск сдавать разные собранные деньги в казну. Нет сведений о размере найма [2, л. 260, 261, 262, 272 об. – 274 об.]. Итак, всего мир Турьинской трети Вымской земли в этом году направлял в уездный город по разным делам семи посыльщиков. Всего на найм этих людей крестьянский мир потратил минимум 4 руб. 20 коп. и сколько-то на наем М. Ф. Щербакова.

В Усть-Вымской волости в 1691/92 г. внутриволостными посыльщиками были: Исаак Туркин, Автоном Окулов, Василий Михайлов; Петр Елизаров; Федор Туркин; Герасим Тырин (трижды). Все посыльщики, кроме Петра Елизарова, ездили по делу расчетов за ямскую гоньбу как внутри Яренского уезда с другими волостями, так и яренского уездного мира с сольвычегодским уездным миром. Петр Елизаров ездил в Яренск сдавать «окладные деньги». В связи с их авторитетом в Усть-Вымской волости они получали разные денежные суммы в виде оплаты их поездок. Так, выборные посыльщики Исаак Туркин, Автоном Окулов, Василий Михайлов ездили «в Еренской ради ямского дела». Это была коллективная поездка. Интересно, что найму Исаку дано 19 алтын 2 деньги, Автоному дано найму ж 18 алтын 4 деньги, Василью дано найму ж 17 алтын. Мир им также возместил то, что «они ж в Еренском живучи в почести издержали 18 алтын 2 деньги». Посыльщику Петру Елизарову «дано найму и на Еренскую издержку 14 алтын», Федору Туркину «дано найму, что ходил посыльщиком в Еренской для ямского дела 16 алтын 4 деньги». Ездил он туда вместе с целовальником. Больше всего поработал посыльщик Герасим Тырин. Он был послан от волостного мира трижды для решения дел по ямской гоньбе. Этот авторитетный человек имел право самостоятельной встречи с воеводой, что он дважды делал, один раз вместе с целовальником и один раз сам. Ездил в Туглим, Яренск и Усть-Вилядь. Его поездки были длительными. В Яренск его поездка длилась две недели, в Усть-Виляди, где Герасим Тырин принял участие в счете по ямской гоньбе, он пробыл три недели. За двухнедельную поездку он получил найма 1 руб., за поездку в Усть-Вилядь – 2 руб. 4 гривны. Кроме того, за аренду подводы для поездки в Яренск и обратно – 12 алтын 4 деньги. Были оплачены миром и затраты Г. Тырина на проживание и питание в Яренске – 3 алтына 2 деньги [9, л. 2, 4, 7, 8, 10, 12]. Всего устьвымский крестьянский мир потратил на наем внутриуездных посыльщиков в 1691/92 гг. 6 руб. 58 коп.

Для функционирования волостного самоуправления была необходима разная работа многих крестьян волости. Одна из разновидностей такой работы – деятельность по приглашению крестьян на волостные съезды, которые иногда собирались в срочном порядке. Проиллюстрируем это на примере Усть-Вымской волости 1691/92 гг. В это время в данную волость входили следующие населенные пункты: погост на Усть-Выми реки; починок Воробьихин на реке на Выми; деревня Петровская, Березник тож на

реке на Выми; деревня Мосиевская, Иб тож на реке на Выми; деревня Другая Мосиевская; деревня Заречье, против Усть-Выми; починок Боровой над озерком Задним; починок Полавье за рекою за Вычегдою [10]. Всего восемь населенных пунктов. Кроме того, в волость входили погосты Оквад с деревнями и Коквицы с рядом лежащими населенными пунктами. Итак, в 1691/92 гг.: в сентябре месяце «Емелька Федотов ходил повешать на Оквад и в Конечозерье крестьян на совет. Дано 4 деньги. Ивашко Пархачев повешал на тот же совет Коквицких крестьян. Дано 4 деньги. Ивашко Семенов двою повешать ходил всех крестьян на мирской совет. Дано 2 алтына. Илюшка Семенов повешал на совет крестьян. Ему дано 1 алтын 2 деньги». В октябре «Илюшка Семенов повешал Коквицких и Оквадских крестьян на совет. Дано 1 алтын 2 деньги. С того совету Гаврило Выборов Коквицких крестьян перевез за реку. Взял он 4 деньги. Коквицких крестьян перевозил за реку Ивашко Елфимов Малой трою, что приходили на мирской совет. Дано 6 денег. Якунка Мороков ходил на совет повешать на Березник и за реку. Дано 4 деньги. Левка Климушев повешал на совет Коквицких крестьян. Дано 10 денег». В июне «Василей Михайлов на тот совет ходил в Коквицы крестьян повешать ночью. Взял один алтын 2 деньги. На тот же совет на Оквад ходил повешать крестьян Афонка Ворксин. Дано один алтын» [9, л. 1, 2, 4, 5, 8]. Судя по этим сведениям, волостные советы Усть-Вымской волости в указанном году проходили в сентябре, октябре и июне. В июне, видимо, состоялся срочный сбор членов общины, так как посыльный был отправлен из Усть-Выми в Коквицы даже ночью. Всего волостной целовальник привлек к этой работе 10 чел., в том числе одного дважды и одного (перевозчика) – трижды. Всего мир затратил на оплату данной работы членами общины 32 коп.

Следующий вид работ связан с постоянными приездами в волости разных должностных лиц из Яренска. Этих людей надо было перевозить из волости до других населенных пунктов; давать постой в домах волостных крестьян; кормить за счет принимающей волости. Например, в 1691/92 гг. яренский подьячий Иван Ключарев проезжал через Усть-Вымь в Ляли. «Подьячего Ивана Ключарева проводил Иван Павлов до Ляль на трех лошадах. Дано 4 алтына. Да он же, подьячий, стоял у него ж, Ивана Павлова, хлеб ел. Постоялого и за кормлю дано ему, Ивану, 3 алтына. Декабря в 6 день приезжал подьячий Иван Курсин ради стрелецких денег. Две подводы ево ж отвезть до Ляль Илия Ты[рин]. Дано 2 алтына 2 деньги. Он же, подьячий, поехал в Палевицы. За две подводы дано 5 алтын. Двум приставам, которые с ним же, подьячим, были, им езду дано 6 алтын 4 деньги. Антон Белоусов кормил двух приставов 2 дни. Дано один алтын 2 деньги. Ехал воиводской племянник вверх. Проводили иво до Ляль на трех подводах Петр Порфирьев с товарищи. Дано им найму за подводы 4 алтына. Петр Фотиив кормил пристава. Взял 2 деньги. Мишка Олканов вез пристава до Палевиц. Взял 10 денег. Как воивода был на Устьвыми, конем иво Иван Павлов скормил три четверика овса. Взял 3 алтына 2 деньги. Сена скормил 2 копны. Взял 4 алтына. Людем иво квасу издержал на гривну. 6 приставов кормил. Взял 2 ал-

тына. Подьячего лошадей двое сутки он же кормил. Взял один алтын 2 деньги. Постоялого 2 алтына. Дров на 10 денег. Когда подьячий Курсин ездил на Серегово, он же, Иван, кормил трех человек. Взял один алтын. Племянник воиводской ехавши вверх и назад. Он же, Иван, кормил двою трех человек. Взял 2 алтына. За сено 4 деньги. Дворовому человеку коврига да рыбник. 4 деньги. Автоном Окулов пристава кормил. Дано 2 деньги. Иван Павлов проводил на двух лошадах до Ляль приставов. Дано 2 алтына 4 деньги. Да он же проводил до Палевиц Костянтина Орлова с приставом. Дано 2 алтына 4 деньги. В Шежам ездил, провожал три подводы. Дано 6 алтын. Оска Старцев ездил до Ляль. Дано один алтын 2 деньги. Богдан Арихин до Шежама ездил. Дано 2 алтына. Иван Павлов кормил двою трех человек. Дано 2 алтына. За постоялое и за хлебную кормлю 6 алтын 4 деньги. За сенную кормлю за две ночи 10 денег. 4 выти и за квас 2 алтына. Стоял столыник и воивода Гур Родионович Украинцов у Петра Порфирьева. За постоялое и за сенную кормлю, и за хлеб дано 15 алтын. Павел Анисимов проводил до Шежама Ключарева на трех подводах. Дано 6 алтын. Иван Иванов кормил двух приставов. Дано 4 деньги. О Введеньее дни на Окваде у Ивана Туркина подьячие стояли и с конми. За корм и за постоялое дано ему 3 алтына 2 деньги. У Куски пономаря караульщики и извозчики стояли. Дано 3 алтына 2 деньги. Иван Петров кормил двух приставов. Дано 4 деньги. Никифор Поваров кормил трех приставов. Дано один алтын. О Введеньее дни на Окваду стоял голова Григорей [О]сколков у Тимофея Туркина. За постоялое взял он, Тимофей, 5 алтын 2 деньги.» [там же, л. 1–9, 11, 12]. Всего по трем указанным статьям были уплачены деньги за работу и предоставленные услуги по постою и кормлению проезжавших 14 местным крестьянам. Всего мир потратил на указанные статьи расходов 3 руб. 20 коп. Как и посыльщики, крестьяне, оказывавшие услуги приезжим, должны были быть достаточно зажиточными, имевшими лошадей и достаточно хорошие дома, где могли остановиться на постой воевода, подьячие и другие представители воеводской администрации.

Если в Усть-Вымской волости перевозку пассажиров, например уездных приставов, осуществляли местные крестьяне, то в Вымских третях сложилась другая практика. Приезжавшие уездные приставы выставляли счет волостному целовальнику и получали с него наличные деньги. Так, в 1678 г. уездные приставы взяли с целовальника Турьинской трети в общей сложности за восемь приездов 3 руб. 30 коп. [3, л. 16 об.–19 об., 21 об.–22 об.].

Кроме регулярных, повторявшихся ежегодно работ по повседневному функционированию волостного управления в Коми крае в системе государственного феодализма, в ходе которых привлекавшиеся к деятельности крестьяне волости получали от своей общины через целовальника определенные денежные суммы, иногда были, так сказать, «незапланированные» работы и затраты мира.

Например, в 1678 г. в Турьинской трети скончался при неясных обстоятельствах Яков Оболтин, проезжавший через Турью в своем судне. Судно было пришвартовано к берегу нашедшими тело людьми. Необходимо было раз-

бирательство самого воеводы. Поэтому было принято решение до приезда воеводы и проведения следствия караулить как само тело, так и судно умершего. Охраняли тело и возможное место преступления два человека: сначала в течение 13 суток охранял Матфей Михайлов сын Мингалев и позже в течение неизвестного времени (возможно от одного до нескольких дней) – Мартын Гаврилов сын Канев из Вашерта. М. М. Мингалев за работу получил сколько-то денег от мира при заключении договора на эту работу и у целовальника взял «достального найму мирских денег» 12 алтын 4 деньги. М. Г. Канев получил за работу 2 алтына [3, л. 43, 45]. Всего крестьянский мир Турьинской волости затратил на эту работу минимум 44 коп.

Таким образом, функционирование местного самоуправления в Коми крае в XVII в. осуществлялось с активным использованием наличных денег. Практически всякая работа крестьян в рамках повседневной деятельности волостного самоуправления оплачивалась крестьянским миром. Нас не должны вводить в заблуждение вроде бы небольшие суммы, получаемые крестьянами – 2 деньги (1 коп.), 1 алтын (3 коп.). На 2 деньги в XVII в. взрослый мужчина мог оплатить свое питание в течение дня. Поэтому можно отметить, что данная практика способствовала развитию товарно-денежных отношений в Коми крае в указанный период времени.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Богословский, М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. / М. М. Богословский. – М.: Синодальная типография, 1909. – 322 с.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 137. Оп. 1. Д. Мезень № 1.
3. РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 265.

4. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Кол. 82. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2 об.
5. Архив СПбИИ РАН. Кол. 82. Оп. 1. Д. 184. Л. 4.
6. Архив СПбИИ РАН. Кол. 82. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.
7. Архив СПбИИ РАН. Кол. 82. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–2.
8. Архив СПбИИ РАН. Кол. 82. Оп. 1. Д. 108. Л. 1–2.
9. Архив СПбИИ РАН. Кол. 82. Оп. 1. Д. 164.
10. Документы по истории народа коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / ред. кол.: М. И. Авторкратова, В. Н. Давыдов, Л. Н. Жеребцов [и др.]; отв. ред. А. И. Копанев. – Сыктывкар, 1985. – С. 292–295.

References

1. Bogoslovsky, M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v. [Zemstvo self-government in the Russian North in the XVII century]. Vol. I / M. M. Bogoslovsky. – Moscow: Sinodal'naia tipografiia [Synodal Printing House], 1909. – 322 p.
2. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] (hereinafter RGADA). F. 137. Op. 1. D. Mezen № 1.
3. Ibid. F. 137. Op. 2. D. 265.
4. Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Collection 82. Op. 1. D. 6. L. 1–2 ob.
5. Ibid. Coll. 82. Op. 1. D. 184. L. 4.
6. Ibid. Coll. 82. Op. 1. D. 57. L. 1.
7. Ibid. Coll. 82. Op. 1. D. 81. L. 1–2.
8. Ibid. Coll. 82. Op. 1. D. 108. L. 1–2.
9. Ibid. Coll. 82. Op. 1. D. 164.
10. Dokumenty po istorii naroda komi. Pistsovaia i perepisnye knigi iarenenskogo uezda XVII v. [Documents on the history of the Komi people. Scribal and census books of the Yarensk Uyezd of the XVII century]. – Syktyvkar, 1985. – P. 292–295.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgments (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Мацук Михаил Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Author:

Mikhail A. Matsuk – Dr. Sci. (History), Chief Researcher of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the history of the development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Для цитирования:

Мацук, М. А. Система государственного феодализма Московского царства и товарно-денежные отношения в Коми крае XVII века. Часть I. Повседневная деятельность органов волостного (местного) самоуправления / М. А. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 14–20.

For citation:

Matsuk, M. A. The system of state feudalism of the Moscow Kingdom and commodity-money relations in the Komi region of the XVII century. Part 1. Everyday activities of volost(local) self-government bodies / M. A. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 14–20.

Дата поступления статьи: 24.02.2025

Прошла рецензирование: 03.03.2025

Принято решение о публикации: 07.03.2025

Received: 24.02.2025

Reviewed: 03.03.2025

Accepted: 07.03.2025

Вятский воевода гетман Петр Дорошенко и Хлыновский кремль

В. А. Бердинских

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
bva.prof@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена жизни и деятельности известного украинского гетмана XVII в. Петра Дорошенко в Вятском крае России. Автор впервые в научной литературе четко определил годы его службы в качестве вятского воеводы (1682–1684). Также на основании редких источников показан вклад Дорошенко в перестройку крепости г. Хлынова – столицы Вятского воеводства.

Ключевые слова:

история Украины XVII в., гетман Петр Дорошенко, вятский воевода, Хлыновский кремль и Земляной город

Петр Дорофеевич Дорошенко (1627–1698) – один из известнейших и наиболее популярных деятелей украинской истории XVII в., века удивительно бурного и яркого. По размаху и масштабу личности его смело можно поставить в один ряд с Богданом Хмельницким и Иваном Мазепой. Он родился в знатной семье (отец принадлежал к казацкой старшине) и получил достойное образование. Хорошо владел польским и латинским языками. Очевидны дипломатический и незаурядный военный таланты этого лично значимого человека, выделяющегося из привычной среды.

Родился П. Дорошенко в гетманской столице (Чигирине). Свою карьеру начал при Богдане Хмельницком. После успешной работы в посольстве в Швеции (1656) стал полковником Прилуцкого полка, а вскоре вышел в первые ряды казацкой старшины, решавшей судьбу Украины. После смерти Богдана Хмельницкого (1657) принимал участие во всех невероятных перипетиях политической жизни Украины как левобережной, так и правобережной: войнах, политических союзах и беспощадных разрывах (причем сразу на три стороны: Московское государство, Речь Посполитая и турецкий султан (со своим вассалом – крымским ханом)).

Этот период украинской истории нередко называют «Руина» за его тотальную разорительность и жестокость, особенно для простого народа [1]. Разрыв с Россией при Иване Выговском и Гадячское соглашение с поляками (1658), разгром царской армии под Конотопом (1659), meetings в противоположные стороны юного гетмана Юрия

Vyatka Voivode Hetman Pyotr Doroshenko and the Khlynov Kremlin

V. A. Berdinskikh

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
bva.prof@mail.ru

Abstract

The paper deals with the life and activities of the famous Ukrainian hetman of the XVII century Pyotr Doroshenko in the Vyatka Region of Russia. For the first time in the scientific literature, the author clearly defined the years of his service as the Vyatka voivode – 1682 – 1684. Besides, based on rare sources, his contribution to the rebuilding of the fortress of the Khlynov town, the capital of the Vyatka Voivodeship, was determined.

Keywords:

history of Ukraine of the XVII century, Hetman Pyotr Doroshenko, Vyatka voivode, Khlynov Kremlin, Earthen town

Хмельницкого, посольство в Москву (1660) и тому подобные события – все это вехи личной биографии Петра Дорошенко, стремившегося (как и значительная часть казацкой старшины) к созданию автономного и независимого украинского государства, лавируя между тремя основными источниками внешней силы: Москвой, Варшавой и Стамбулом (с Бахчисараем). Приоритеты и ориентиры менялись довольно часто и нередко мгновенно.

К середине 1660-х гг. Дорошенко решил перенести центр тяжести своего союза на Крым. В ходе острой внутривосточной борьбы он выставил свою кандидатуру на гетманство под протекторатом крымского хана и получил утверждение войсковой рады (январь 1666 г.) [2]. Ориентация на крымского хана и турецкого султана на какое-то время стала ключом к максимальному успеху Петра Дорошенко. Она же станет затем и главной причиной краха его власти.

В результате разнообразных комбинаций, мятежей, войн, интриг и политических удач в 1668 г. Дорошенко на какое-то время стал гетманом Левобережной и Правобережной Украины. Это – его максимальный политический успех в жизни. Но данный благоприятный момент не смог реализоваться далее. Главная и тайная идея гетмана: восстановить единство Украины, обеспечить ее автономию, освободить от польского и московского управлений в виде нейтрального государства под протекторатом Москвы, Варшавы и Стамбула – оказалась абсолютно нереализуемой утопией.

В 1669 г., теснимый поляками, московским войском и крымскими татарами, а также соперниками в самой Украине, Петр Дорошенко перевел Правобережную Украину под турецкий протекторат, подписав договор с султаном Мехмедом IV. Лично для себя он выговорил несменяемость гетманского сана и его наследность. Жестокое разорение Украины огромной турецкой армией в походе 1672 г., предпринятом султаном в помощь Дорошенко против поляков, окончательно погубило гетмана в глазах казачества и простого народа.

Вся дальнейшая деятельность гетмана показала, что его планы абсолютно недостижимы. Верховная власть царя для Украины оказалась предпочтительнее протектората турецкого султана. При всех своих злоупотреблениях московские воеводы так беспощадно не разоряли украинские города и села, как турки-османы.

В конце концов потеряв все шансы на успех, Петр Дорошенко 19 сентября 1676 г. сдался осадившим Чигирин левобережному гетману И. Самойловичу и московскому воеводе Г. Ромодановскому и передал им свои знаки гетманской власти – гетманские клейноды, знамена и турецкие санджаки. А вскоре и сам присягнул московскому царю. Ему гарантировали свободное проживание в Украине. Он стал обживать свое имение под Черниговым (Сосницу). Но в 1677 г. из Москвы потребовали приезда Дорошенко, якобы в связи с начавшейся войной с турками. И Дорошенко отправился в Москву [3].

По мнению М. Грушевского: «Здесь его держали в почетном аресте, совещались действительно по вопросам войны, но возвратить на Украину отказывались. Тогда Дорошенко, убедившись, что Украины ему не видать, стал ходатайствовать о пожаловании ему поместья. Ему назначили сначала жалованье и отправили на воеводство в Вятку, несмотря на его просьбу уволить его от этой службы» [4].

По источникам из Малороссийского приказа, использованным С. М. Соловьевым, 20 марта 1677 г. опальный гетман имел аудиенцию у царя Федора Алексеевича: «Думный дьяк говорил ему речь, объявил, что всего вины прощаются и никогда не будут вспомнаны, государь указал ему быть при своей милости в Москве для способов воинских против неприятельского наступления турок и татар на Украину...» [5].

В честь этой царской милости велено было брата гетмана Григория расковать, а затем отпустить в малороссийские города. Сам Дорошенко также бил челом, чтобы государь позволил привезти в Москву его жену и дочь. Но здесь дело обстояло не так просто. За семьей был отправлен подьячий Юдин, но 20 мая 1677 г. в Батурине (столице гетмана Ивана Самойловича) дело, по словам отчета Юдина, обстояло так: «И того ж числа к подьячему на двор пришел бунчужной Леонтей Полуботок, а с ним Андрей Дорошенко. И бунчужной подьячему говорил: прислал де к нему подьячему его гетман, а с ним Андрея Дорошенка для того, что бил челом гетману и генеральной войсковой старшине он Андрей, чтоб к брату его Петру жены его не посылать; а за какими причинами, то он Андрей ему подьячему сам скажет.

И Андрей Дорошенко подьячему говорил: писал де к нему брат его Петр с челядником своим, которой с ним подьячим приехал, под клятвой: буде его Петрова жена прежних своих злых дел престала и живет по обещанию своему, как обещалась ему Петру в то время, как он ее к себе взял из черного платья, и он бы Андрей к нему ее прислал; а буде какие есть поступки, и он бы отписал к нему не тая ничего. И он де Андрей поступки ее объявил гетману и к брату своему с челядником своим написав посылает, да и ему подьячему объявляет: как де брат его Петр, за злодейские ее дела, положил было на нее черное платье, и видя дочь свою в сиротстве и в малых летех, над нею злодейкою умилился, взял ее к себе в жены по прежнему; а при взятъе она ему обещалась, что до смерти живота своего ничего хмельного пить не станет, потому что во хмелю чинитца всякое злодейство. И по отъезде его Петрове к великому государю к Москве, учала она пить безобразно и без ведома его Андреева ходить и чинить всякое злодейство. И ныне де, приехав в Сосницу, велел он Андрей ей сбиратца ехать к брату Петру. И она де при отце своем Яненке говорила ему Андрею с криком: буде ее он к Москве сильно пошлет, и брат де его Петр недолго на свете будет жить. И он де Андрей, слыша от нее такие слова, бил челом к гетману, чтоб ее к брату его до времени не посылать» [6].

Гетман Самойлович, видимо, решил в таких обстоятельствах жену к Дорошенко не посылать. Очевидно, что этот брак явно не был счастливым для гетмана. Стоит отметить, что дочь Дорошенко и Ефросинии (внучатой племянницы Богдана Хмельницкого) Мария, о коей здесь также идет речь, затем стала женой русского адмирала Ивана Головина. Ее брак, впрочем, длился недолго. Думается, что отец принимал участие в ее судьбе.

Если общая литература, посвященная жизни и деятельности Дорошенко в Украине, довольно обширна; то обстоятельства его воеводства в Вятке мало исследованы. Помимо глубокого и основательного труда К. А. Кочегарова [7] имеется лишь статья, написанная на основе материалов Печатного приказа РГАДА [8]. Это интересные данные, связанные с разного рода челобитными и прочими грамотами, посылавшимися из Хлынова в Москву для решения разного рода местных проблем. Темой же настоящей статьи стали условия жизни и окружение гетмана на Вятском воеводстве по сохранившимся документам Хлыновской приказной избы. Особый интерес для автора представляют материалы, связанные с перестройкой Хлыновского кремля во время воеводства Дорошенко. Они и стали основной темой настоящей работы.

Но прежде всего попробуем установить даты воеводства гетмана Дорошенко. Большие сомнения вызывают и принятые в современной литературе годы воеводства Петра Дорофеевича в Вятке: 1679–1682 гг. Попытаемся их уточнить на основании корпуса сохранившихся документов местной приказной избы (канцелярии воеводы).

Принятая в то время практика назначения воевод ограничивалась сроком два или реже в три года. Сами власти и служилые люди смотрели на воеводство как на кормление, связанное с не очень обременительной служ-

бой. После войн и прочих тяжелых вояжей по разного рода государевым делам дворянам и боярам предоставлялась возможность поправить на воеводстве свои «худые животишки».

Известны документы (царские грамоты вятским воеводам, росписные списки о передаче города Хлынова, столицы Вятской земли, от одного воеводы другому и тому подобное) с информацией о вятских воеводах. Так, с июля 1676 г. по январь 1679 г. вятским воеводой был князь Петр Семенович Прозоровский, человек уживчивый и ладивший со строптивыми хлыновцами. В Вятке долго помнили, что их земля была независимой от Москвы до конца XV в. Князь успешно делал воеводскую карьеру и скончался в 1691 г. воеводой и боярином в Великом Новгороде [9].

По сравнению с далекой, захолустной северной Вяткой – это мощный рывок вверх. Великий Новгород – город намного более богатый, многолюдный и, стало быть, прибыльный для воеводы. Преемник Прозоровского на вятском воеводстве думный дворянин Алексей Иванович Ржевский (скорее всего, обязанный своим воеводством заслугам влиятельного отца) был вятским воеводой с января 1679 г. по 1680 год. Точная дата отъезда Ржевского неизвестна, но он был воеводой еще в ноябре 1680 г. Документы о его воеводстве сохранились, мы к ним еще обратимся. Таким образом, Петр Дорошенко не был вятским воеводой в эти годы [10].

Но дело в том, что после воеводы Ржевского, гораздо более сурового и требовательного к вятчанам, чем его предшественник, был еще один вятский воевода – Козьма Иосифович (Осипович) Грушецкий, упоминания о коем есть [4]. Правда, подробных документальных материалов нет. Скорее всего, его воеводство было гораздо более кратким, чем обычный двухлетний срок. Судя по всему, он был воеводой с конца 1680 г. до начала 1682 г. Его назначение связано со следующими важными событиями в царской жизни. Царь Федор Алексеевич (1661–1682) 18 июля 1680 г. взял в жены дочь незнатного и небогатого смоленского дворянина (корнями из польской шляхты) Агафью Грушецкую. И вся родня последней сразу «пошла в гору».

С грамотой из Москвы об этой свадьбе в Хлынове в августе того года к воеводе А. И. Ржевскому был его родной младший брат Иван Иванович Ржевский. Совмещал приятное с полезным. Таких гонцов на местах полагалось щедро одаривать. А Козьма Грушецкий стал стольником с 31 июля 1680 г. Таким образом, его назначение вятским воеводой (хороший пост для начинающего карьеру дворянина) состоялось лишь в конце 1680 г. и связано с родством с молодой царицей.

Но жизнь последней оказалась очень краткой. Единственный сын царя, наследник Илья Федорович, родился 11 (21 июля) 1681 г. и скончался на десятый день жизни. Царица Агафья умерла на третий день после родов. Фортуна семьи Грушецких стремительно покинула их. И далее считаться с родственниками Грушецких никто не собирался. Стоит отметить, что царь Федор очень скорбел по своей жене. Второй же его брак был еще более скоротечным и длился лишь два месяца, поскольку царь умер 27 апреля (7 мая) 1682 г.

Возвратимся к прибытию Петра Дорошенко в Москву в 1677 г. Прибыв в Москву со всем скарбом и людьми, обживать Дорошенко все же не хотел и очень долго (вплоть до своей новой женитьбы) испрашивал себе время от времени разрешение вернуться в Украину. Это было безуспешно. Пускать щуку в пруд с карасями никто не собирался. Такой сильный игрок в условиях «Руины» и войны мог кардинально ухудшить ситуацию для Москвы.

Царь Федор Алексеевич принял опального гетмана. Как полонофил он, думается, мог найти общий язык с Дорошенко, но доступа к свободному общению с царем правобережный гетман явно не имел. Два знатока польского языка и латыни вполне могли понравиться друг другу. Официальным основанием для приезда Дорошенко в Москву власти выставляли тогда необходимость в его советах для ведения войны с Турцией. Петр Дорофеевич, как никто другой в Москве, хорошо представлял себе турецкую армию, осаждавшую его родной Чигирин. Так что его советы по ведению войны явно были вполне разумны и адекватны. Может быть, его грела мысль о возвращении на Украину, поскольку что в 1672 г. для таких же консультаций по ведению военных действий с турками из Тобольска в Москву (а затем и в Украину) вернули многолетнего кошевого гетмана Запорожской Сечи Ивана Сирко (около 1610–1680), сосланного как соперника подальше от гетмана Ивана Самойловича. Сирко много раз воевал и против Дорошенко, и за Дорошенко. Человек он был, стоит сказать, совершенно выдающийся и невероятный. Ему повезло больше, чем нашему герою и он мирно закончил свои дни на пасеке зимовья в с. Грушевка близ Каховки.

Дорошенко всерьез надеялся, что ему повезет так же, как Сирко. Но русско-турецкая война закончилась в январе 1681 г. Бахчисарайским миром. Назначенное Петру Дорофеевичу после царского «прощения всех вин» тысячерублевое жалованье, скорее всего, не выплачивалось. Денег в казне вечно не хватало и длительные задержки были делом обычным для всего служилого люда. Вероятно, в архивах Малороссийского приказа (РГАДА), который и ведал всей жизнью Петра Дорошенко, сохранились более подробные сведения о его жизни в Москве.

Между тем бывший гетман в почтенном тогда возрасте (за 50 лет) проживал привезенные с собой деньги и остро вставал вопрос – на что жить дальше. Идеальным вариантом для всех знатных служилых людей было воеводство. Есть сведения, что царь Федор Алексеевич предложил Дорошенко воеводство еще в октябре 1679 г., но тогда гетман отказался.

С. М. Соловьев отмечает, что в октябре 1679 г. приезжал к Дорошенко дьяк Бобинин с милостивым государевым указом: «Известно великому государю, что ему, Петру, в кормах и в питье и в конском корму скудость, и потому великий государь пожаловал его, указал ему быть на Устюге Великом воеводою». Дорошенко поклонился в землю и спросил: «Далеко ль этот Устюг от Москвы и каков город?» «От Москвы с 600 верст и город славный, многолюдный», – отвечал дьяк. «Великий государь, – сказал Дорошенко, – обнадежил меня своею милостию, велел мне быть со всеми родственниками в Соснице, а после

приказал быть в Москву на время. А как я видел царские очи, и тогда премногою государскою милостию был обнадежен, указали мне жить в Москве, двор мне дали, корм и питье. Буду бить челом великому государю, чтоб меня на воеводство посылать не изволил: у меня в малороссийских городах три брата родные и родственники, как услышат, то не подумают, что я отпущен на воеводство, а представится им, что я сослан в ссылку, и будет оттого большое дурно на обеих сторонах Днепра. Объявляю я об этом, зная тамошних народов нравы. Яненко великому государю изменил, предался Хмельниченку, и я не таю, что Яненко и Хмельниченко мне родственники. В Соснице у меня оставлено много имения; из этого имения много взял гетман, многое распропало, а если царское величество отпустит меня на воеводство, то и остальное все пропадет. И теперь я в большом сомнении, что из Сосницы и других городов от сродников моих недель с шесть никакой ведомости ко мне не было; а как я буду на таком далнем воеводстве, то и подавно все от меня отступятся и писать ко мне не будут за таким далним расстоянием» [5].

Но война через пару лет закончилась и дальше сопротивляться далекому воеводству у Дорошенко ресурсов уже не было. С точки зрения властей, Петра Дорофеевича отправлять воеводой можно было только на восток. Оттуда ни до каких рубежей – ни южных, ни западных – не доскачешь. Дорошенко опасались, как источника новой смуты в Украине.

Вятка для таких целей подходила идеально (она еще дальше и малолюднее Устюга) – очень далеко от Москвы и любых границ. Несведущий в делах Козьма Грушецкий, утративший к 1682 г. любую протекцию и не сделавший затем никакой карьеры, легко мог быть заменен. Воеводствовал Грушецкий на Вятке, скорее всего, лишь в самом конце 1680 г. – начале 1682 г. и во всех делах находился под сильным влиянием опытного московского дьяка Бориса Михайлова, присланного с ним в качестве пестуна (т. е. дядьки-наставника).

Довольно обычным временем для смены воевод считалась зима. Непроезжие весной и осенью дороги становились вполне сносными. Так, например, 31 декабря 1678 г. в Хлынове получили известие о назначении нового воеводы – думного дворянина Алексея Ивановича Ржевского и «по мирскому приговору» поднесли «праздничных Рождества Христова сто тридцать рублей» (хорошие деньги!) старому воеводе князю Петру Прозоровскому. Последний сдал все дела (в том числе и город) новому воеводе и уже 26 января 1679 г. получил от земского старосты г. Хлынова припасы на дорогу и 10 подвод до последнего города вятского воеводства – Котельнича. Дальше путь князя лежал к Яранску – городу уже Казанского воеводства [11].

Прозоровским вятчане остались довольны, и праздничные подарки на прощанье были сделаны также его жене, трем сыновьям и всем служившим при воеводе людям. Вятское воеводство небольшое, во всем Хлынове не более 5 тыс. жителей (в воеводстве – не более 12 тыс.), но не разоренное и зажиточное. В сохранившейся «Расходной книге земского старосты города Хлынова И. Репина» за 1678–1679 гг. подробно и детально описано сколько,

когда и чего староста приносил или делал для воеводы. Вятский воевода был на полном содержании (кормлении) земской общины.

Иван Репин был земским старостой при двух воеводах: Петре Прозоровском и Алексее Ржевском. Так, что эти же порядки и те же самые дары получал и Дорошенко. Какие? Прежде всего стоит отметить денежные выплаты. Так, на светлое Христово Воскресение и именины воевода Ржевский получил деньгами по 130 руб. Хорошие деньги! Плюсом сюда шли ежемесячные 8 руб. «на харчи», при том, что полное продовольственное и хозяйственное обеспечение двора воеводы и всей его семьи, а также его челяди шло тоже через старосту. Очень значительны были доходы воеводы от ведения судебных тяжб. Вся судебная власть находилась в его руках.

«Подносы» натурой были весьма значительны. На все праздники, церковные и семейные, а также к важным датам в жизни царской семьи (именины царя, царицы, царевен и т. д.) воевода получал подарки. А также на отъезд из города и свое возвращение. Отдельно бывали экстраординарные подношения – «в почесть», чтобы задобрить воеводу перед решением какого-то важного мирского дела. По особенно крупным праздникам делались подношения не только воеводе и членам его семьи, но и всем жильцам воеводского дома. Так, боярыне-воеводше обычно подносились цевка золота, дочерям – цевка серебра, сыновьям – наличные деньги.

Подношения натурой были как скромные, так и постные (смотря по времени года). В постные дни несли на воеводский двор рыбу: осетра, «стерлядя болшого», лещей, налимов, щук, изредка «белую рыбу», а также икру, мёд, пряник, калач, яблоки, муку, капусту, огурцы, «голову сахару» и пр. В скромные дни привозили мясо: тушу или зад говядины, свинину, языки, рубец, живого барана, быка, масло...

Во всякое время года по мере надобности доставлял земский староста на воеводский двор «про обиход» все нужное: окончины, кадки, замки, чашки и ложки, ведра, ковши, дрова, овес, солому, сани, оглобли, топоры, камень, кирпич, бревна и мн. др. Посылались в нужное время сюда и работники – разные мастера: столяры, плотники, каменщики, печники и т. д. Для разных воеводских дел и акций именно староста обеспечивал все необходимое. Так, в начале 1679 г. для казни (сожжения) раскольников на земские деньги были куплены сруб старой бани и солома.

Бичом эпохи были пожары. От подобного рода бедствий оправлялись довольно скоро. Страшный пожар 3 августа 1679 г. уничтожил большую часть Хлынова. Спаслись только дома, стоявшие у реки и поля. Обгорел и двор воеводы. Но спасен был весь воеводский скarb и земские коробки с делами. Староста исправно расплатился с возницей, увозившим все это из пекла. А уже 18 августа (через две недели!) в поставленные (за счет города) новые хоромы въехал воевода Ржевский и праздновал новоселье («влазины»).

Ежедневные записи старосты просты и безыскусны. Это его расход, чтобы отчитаться потом перед «миром». Вот, например: «Платил Тимофею Куваеву за рыбу 8 алтын

две денги, отнесл в 187 году (1679 – В. Б.) августа в 25 день, воеводе в почесть, и для мирских дел. <...> С ноября месяца, да и по месяц март на покупку дров и лучины, что те дрова и лучина покупана на воеводской двор, и к земским избам, и к тюрьмам, вышло в расход тритцать три рубля тритцать два алтына четыре денги. <...> Платил Ивану Новикову за зад мяса говядины, за две ноги, за рубец, тритцать два алтына две денги; Емельяну Несухину за тушу баранью шесть алтын; отнесл августа в 31 день к столу праздника Симеона Столпника, думному дворянину и воеводе Алексею Ивановичу Ржевскому да подъему Степану Рязанцову (*правитель дел при Ржевском – В. Б.*)» [там же].

Скорее всего, воеводство Петра Дорошенко началось также зимой, в самом начале 1682 г. Документов об этом не сохранилось. Но нам известна точная дата окончания этого воеводства по «Росписному списку боярина и воеводы Михаила Ивановича Лыкова, что он принял от Петра Дорошенко город Хлынов». Там четко сказано: «Лета 7192 (1684 – В. Б.) февраля в 8 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев, боярин и воевода князь Михаил Иванович Лыков да дьяк Василий Макарьев у воеводы Петра Дорофеевича Дорошенко приняли на Вятке два города Хлынова (*кремль и посад – В. Б.*) и пригороды Орлов, Котельнич, Слободской, Шестаков. <...> А что великих государей в казне зелья и свинцу и всяких пушечных и оружейных припасов в Хлынове городе, и в Приказной Избе денежные казны, и указных о и всяких делех великих государей грамот, и прежних писцовых и приходных и расходных и неокладным всяким доходом и платежных новооброчных книг принято, и то писано в сем росписном списке порознь» [12].

Таким образом, воеводство гетмана с весны 1682 г. по февраль 1684 г. почти укладывается в два года – обычный воеводский срок на Руси того времени. И в конце февраля 1684 г. он по твердому зимнему пути отправился в Москву, чтобы начать строить новую жизнь.

В начале же срока, приняв Хлынов и прочие вятские города, Дорошенко как человек незнакомый с системой суда и управления на Руси явно поручил все это хозяйство тому же толковому московскому дьяку Борису Михайлову, который ведал делами и при Грушецком. Царские грамоты, адресованные персонально воеводе Дорошенко и дьяку Борису Михайлову от июня 1682 г., сохранились [13].

Непросто складывалась личная жизнь Дорошенко. Вместе с семьей Дорошенко в Хлынов приехала и его теща. Но в связи с болезнью мужа, оставшегося в Соснице, она с русским слугой гетмана Федором Андреевым 17 декабря 1682 г. выехала из Хлынова в Украину. Через 5 недель они прибыли в Сосницу, где жил и ведал всеми его делами младший брат Дорошенко – Андрей. Гетман Самойлович очень бдительно следил за контактами Петра Дорофеевича в Украине. На допросе в Батурине Федор Андреев показал, что «город Вятка в конец разорена от приезжих московских воевод», а также, что «тамошние жители уж чрез три года дерево едят для нищеты» и некие «башкирцы велми тому краю докупают». А потому-то Петр Дорошенко

«жалеючи тех людей оскудения, за свои денги не токмо хлеб, но и дрова и харч себе и конем оброк покупает и для такой своей нужды всеми силами радеет и добрым подобием употребляет и до брата своего Андрея о том же пишет, надеючися, что ему укажут на Москве жити» [6]. Никакой крамолы не обнаружилось, и слуга убыл в Хлынов. Касаясь недорода и голода на Вятке, можно сказать, что он был вполне возможен. Но нам неизвестны его масштабы. Скорее всего, Дорошенко проинструктировал своего слугу, что и как ему говорить на подобном допросе.

Думается, вначале воевода погрузился в спокойное течение местной жизни, глубоко провинциальной и неторопливой. Но, будучи человеком масштабным, деятельным и разносторонне талантливым в военном деле и дипломатии, он вскоре нашел себе дело по душе и выход своей кипучей энергии и гордому неистребимому духу.

Город Хлынов, как и большинство северорусских городов того времени, представлял из себя по архитектуре небольшую деревянную крепость – кремль с прилегающим к ней посадом, обнесенным также земляным валом с укреплениями. Город имел радиальную планировку. Там, в краю лесов, дерева было очень много, поэтому все церкви, дома и укрепления строили из бревен. Зато и пожары были частыми. Кроме того, деревянная кровля домов быстро ветшала из-за частых дождей, снегов и сырости.

На волне народных восстаний 1660-х гг. московские власти распорядились усилить и перестроить оборонительные сооружения ряда городов. Попал в этот список и Хлынов. В 1663 г. по команде из Москвы вятский воевода князь Григорий Козловский начал заново перестраивать стены местного кремля и укрепления городского посада («Земляного города») и строил эти укрепления три года [14].

Поразительно, но множество служилых людей в России в ту эпоху успевали послужить и в Украине, поэтому хорошо представляли себе жизнь там и могли найти общий язык и темы для разговоров с Петром Дорошенко, тем более, что нерв внешнеполитической жизни страны тогда находился именно на юго-западе и туда шла значительная часть лучшего служилого люда страны. Отношения сплетались в тугий узел.

Тот же Григорий Козловский – участник русско-польской войны. Иван Иванович Ржевский (1615–1678), отец вятского воеводы А. И. Ржевского, был не только очень толковым и любимым населением воеводой в Нежине, Киве и Чигирине, но и погиб 3 августа 1678 г., героически возглавляя оборону Чигирина от турок. Да и сама будущая третья жена Петра Дорошенко Агафья – дочь Бориса Федоровича Еропкина Большого, убитого в битве под Конотопом. И несть числа таким примерам. Служилые люди России и Украины нередко хорошо знали друг друга, хотя и действовали порой в разного рода войнах и переговорах с противоположных сторон фронта.

Возвращаясь к деятельности Дорошенко в Вятке, выделим самую яркую ее сторону. Осенью 1681 г. в Приуралье и среднем Поволжье началось мощное башкирское восстание 1681–1683 гг., распространявшееся первоначально в районе Закамской линии. В связи с этим, видимо, вят-

скому воеводе была дана команда сверху перестроить обветшавший Хлыновский кремль и укрепления посада. Очевидно, ему это было интересно.

В «Вятском Временнике», местном постлетописном сочинении конца XVII–начала XVIII в., в записи о событиях за 1682 год четко и конкретно сказано: «Того ж лета майя в 16 день на Вятке в Хлынове городе, при воеводе Петре Дорошенко, зачат город Кремль деревянной строить» [15].

Леса и рабочей силы под рукой было достаточно. Вятские плотники славились своим умением на всю страну. Возвращаясь к Росписному списку сдачи города Петром Дорошенко от 1684 г., мы читаем о том, что удалось построить ему за два лета своего воеводства (зимой работы не велись): «При воеводе Петре Дорофеевиче Дорошенко на Вятке в Хлынове городе, на старом городском Кремля города месте, построено вновь города:

Башня Спасская с проезжими ворота построена доготова и совершенна; а над ворота построена часовня, а в ней поставлен Спасов Нерукотворный Образ в киоте, что прежде стоял над городскими ж ворота (*отметим особо, что воевода строил это заново на пустом месте – В. Б.*).

Башня Воскресенская с проезжими ворота, четверостенная, построена доготова ж и совершенна.

Башня Богоявленская, осмистенная, с проезжими ворота, с нижнего мосту до середнего срублено 2 сажени с аршином, а среднего мосту до обламов срублено 3 сажени 2 аршина.

Башня Никольская, четверостенная, с проезжими ворота; а над ворота поставлен образ Николая чудотворца Можайского, а та башня построена доготова и совершенна.

Башня наугольная над рекою Вяткою, осмистенная, против Успенского монастыря, построена доготова и совершенна. <...>

А того города Кремля построено 5 башен, срублено и сделано доготова. Башня ж Богоявленская не достроена. Да городские стены сделано и срублено доготова и покрыто тесом з зубцы 176 сажени с полсаженью и с аршином. А как того города башни и городские стены, и которым образцом и мерою строено, и впредь которым волостем и посаду того города достраивать, и всему тому строенью за рукою Петра Дорофеевича Дорошенка книга» [12].

По этому документу выясняются важные подробности. Петр Дорошенко сделал генеральный проект постройки Кремля с обеспечением его рабочей силой от волостей воеводства по графику до конца строительства. И все это занесено в особую книгу. Очень жаль, что она не дошла до наших дней. Степень готовности работ высокая. Видимо, ему не хватило третьего лета, чтобы довести дело до конца. Князь Козловский вел свою стройку Хлыновской крепости как раз три года. Может быть, какие-то материалы того периода еще сохранились и послужили Петру Дорофеевичу.

Какие выводы сегодня мы можем сделать из истории строительства крепости г. Хлынова Петром Дорошенко?

1. Это масштабный и оригинальный фортификационный проект воеводы. Полная перестройка оборонительных сооружений. Не ремонт обветшавшей старой крепости, а качественная новая постройка.

2. Дорошенко использовал свой богатый опыт военного искусства применительно к совершенно другим реалиям жизни. В Украине и Польше ему приходилось жить и воевать в крепостях, построенных, в основном, из камня и кирпича. Здесь же главный материал – дерево. Хлыновский Кремль – бревенчатая крепость с мощными деревоземляными укреплениями.

3. Воевода заменил архаичные формы старой крепости более современными, близкими к европейским образцам той эпохи. Так, например, вместо наполненных землею ивовых корзин в аршин высотой, поставленных наверх при воеводе Прозоровском вместо зубцов, он построил более эффективные саженные бревенчатые стенки – заборолы с узкими проемами для стрельбы. Существенно изменены и сами башни, ставшие намного более эффективными в бою. Их число увеличилось до шести. Они стали выше, а старые четверостенные башни заменены восьмериками.

Историк вятского зодчества А. Г. Тинский отмечает следующее. На Воскресенской башне медная пищаль была установлена не внизу, как раньше, а на среднем мосту, откуда могла обстреливать дальние цели. Башня Богоявленская получила второй ярус в виде восьмерика, кровлю «по-шатровому» и вышку для караула. На втором уровне боев на колесном станке стояла железная пищаль, которая могла поражать цели на воде. Обороноспособность Кремля увеличило возведение вместо одной Покровской башни двух новых, названных Наугольными [16].

4. Кремль, построенный Петром Дорошенко, и постепенно затем ветшавший и горевший в пожарах (окончательно разрушился к середине XVIII в.), не исчез совершенно. На высокочтимой в Вятском крае иконе «Трифон Вятский перед Богоматерью», написанной в конце XVII в., он запечатлен во всей красе: с башнями (создававшими оригинальный силуэт города) и стенами. Так что какое-то визуальное представление о Хлыновском Кремле Петра Дорошенко мы сегодня имеем. Его детализированный и цельный план строительства двух крепостей (Кремля и Земляного города) был умело вписан в окружающую среду и соответствовал современным методам ведения войны конца XVII в.

5. Проект Хлыновской крепости завершался по чертежам и планам Петра Дорофеевича и после его отъезда из Вятки. К 1696 г. была окончена переделка городской стены, длина которой меж башнями равнялась 390 сажням 5 вершкам. Длина Земляного города укрепленный посада составила 1476 сажени. За ровом был насыпан земляной вал высотой до 4 сажени, укрепленный острогом. Основу оборонительной системы города составляли земляные валы, усиленные тарасами, почти неуязвимые для пушечных ядер [14]. Таким образом, для внутреннего врага (мятежей и народных восстаний) город был неуязвим. Внешний же враг до этих мест не добирался уже с XV в.

К весне 1684 г. Петр Дорошенко вернулся в Москву. В возвращении на родину ему вновь было отказано. В этом же году (25 июля) указом царевны-регентки Софьи Алексеевны ему пожаловано из дворцовых волостей древнее

село Ярополец с приселками и деревнями в тысячу душ «вместо денежного жалования, что ему давано по тысяче рублей». Он пишет челобитную царям от 1 июня 1684 г. о присылке к нему родных из Малороссии. Но никто так и не приехал, кроме племянника Григория Андреевича Дорошенко (и то через пару лет) [17].

Не отчаиваясь, Петр Дорофеевич строит новую личную жизнь. В 57 лет он женится на молодой и красивой барышне из московской дворянской семьи – Агафье Еропкиной. В этом браке родились три сына и дочь. Правнучкой гетмана стала Наталья Гончарова – жена А. С. Пушкина. Менее известно, что правнуком Дорошенко по линии его старшей дочери Любви Лизогуб был писатель Николай Гоголь.

Опираясь на свой московский дом и опыт строительства в Хлынове, Дорошенко возвел себе в Яропольце просторные бревенчатые хоромы. Прожил он в них на покое 14 лет (в дрязгах по межеванию с соседями и хозяйственных хлопотах) и здесь же умер 19 ноября (9 ноября по ст. ст.) 1698 г. По преданию, повелением митрополита Димитрия Ростовского (из семьи казачьего сотника, служившего под началом гетмана) в начале 1700-х гг. над могилой последнего была воздвигнута часовня, где регулярно проводились панихиды.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Костомаров, Н. И. Руина / Н. И. Костомаров // Исторические монографии и исследования. – СПб., 1882. – Т. 15.
2. Дорошенко, Д. Гетьман Петро Дорошенко / Д. Дорошенко. – Нью-Йорк, 1985.
3. Чухлиб, Т. Петр Дорошенко / Т. Чухлиб. – Киев, 2007.
4. Грушевский, М. С. Дорошенко Петр / М. С. Грушевский // Энциклопедический словарь Т-ва Гранат и К. М., б.г. – Т. 19. – С. 8.
5. Соловьев, С. М. Сочинения. Книга VII. Том 13 / С. М. Соловьев. – М., 1991. – С. 200.
6. Акты Южной и Западной России. Том 13. – СПб., 1884. – С. 135.
7. Кочегаров, К. А. К истории пребывания в России гетмана П. Д. Дорошенко в 1677 – 1685 годах / К. А. Кочегаров // Славяноведение. – 2013. – № 2. – С. 21, 22.
8. Завойская, Н. Е. Гетман Петр Дорошенко на Вятском воеводстве / Н. Е. Завойская // Вятский исторический сборник. Годы 2020–2022-й. – Киров, 2023. – С. 111–137.
9. Верещагин, А. С. Предисловие издателя к «Расходной книге земского старосты г. Хлынова И. Репина 1678 – 1680 гг.» / А. С. Верещагин // Труды Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК) 1905 года. – Вятка, 1906. Вып. 5–6. Отдел 2. С. III.
10. Воеводы на Вятке // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. – Вятка, 1870. Отдел 5. – С. 211.
11. Расходная книга земского старосты г. Хлынова И. Репина 1678 – 1680 гг. // Труды ВУАК 1905 г. – Вятка, 1906. Вып. 5–6. Отдел 2. С. XVIII.
12. Росписной список боярина и воеводы князя Михаила Ивановича Лыкова, что он принял от Петра Дорошенко город Хлынов 7192 года // Труды ВУАК. – 1905. – Вып. 5–6. – Отдел 2. – С. 30–31.
13. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. – Вятка, 1881. – С. 215–216.
14. Тинский, А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках / А. Г. Тинский. – Киров, 1976.
15. Вятский Временник // Труды ВУАК. – 1905. – Вып. 2. – С. 61.
16. Тинский, А. Г. Крепостная архитектура Хлынова XVII века / А. Г. Тинский // Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Архитектура. – Киров, 1996. – С. 30–32.
17. Сомова, Л. Украинский предок Н. Н. Пушкиной и его «Ерополчеськая вотчина» / Л. Сомова, В. Антонов // Сельская новь. – 2012. – 12 сент. – № 37.

References

1. Kostomarov, N. I. Ruina [The ruin] / N. I. Kostomarov // Historical monographs and research. – St. Petersburg, 1882. – Vol. 15.
2. Doroshenko, D. Getman Petro Doroshenko [Hetman Petro Doroshenko] / D. Doroshenko. – New York, 1985.
3. Chukhlib, T. Pyotr Doroshenko. – Kiev, 2007.
4. Grushevsky, M. S. Doroshenko Pyotr / M. S. Grushevsky // Encyclopedic dictionary of Granat and Co Partnership. – Moscow. – Vol. 19. – P. 8.
5. Solovyev, S. M. Sochineniya [Essays]. Book VII. Vol. 13 / S. M. Solovyev. – Moscow, 1991. – P. 200.
6. Akty Yuzhnoi i Zapadnoi Rossii [Acts of Southern and Western Russia]. Vol. 13. – St. Petersburg, 1884. – P. 135.
7. Kochegarov, K. A. K istorii prebivaniya v Rossii getmana P. D. Doroshenko v 1677–1685 godah [On the history of Hetman P. D. Doroshenko's stay in Russia in 1677–1685] / K. A. Kochegarov // Slavyanovedenie [Slavic studies]. – 2013. – P. 21, 22. – No. 2
8. Zavoiskaya, N. E. Hetman Pyotr Doroshenko in the Vyatka voivodeship / N. E. Zavoiskaya // Vyatka historical collection. The years 2020 – 2022. – Kirov, 2023. – P. 111–137.
9. Vereshchagin, A. S. [Publisher's preface to the "Expenditure book of the Zemstvo elder of Khlynov town I. Repin 1678–1680"] / A. S. Vereshchagin // Proc. of the Vyatka Scientific Archival Commission (VUAK) 1905. – Vyatka, 1906. – Issue 5–6. Dept. 2. S. III.
10. Voevody na Vyatke [Voivodes in Vyatka] // Pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1870 god [Commemorative book of the Vyatka province for 1870]. – Vyatka, 1870. Dept. 5. – P. 211.
11. Rashodnaya kniga zemskogo starosty g. Khlynov I. Repina 1678–1680 [The account book of the Zemstvo elder of Khlynov town I. Repin 1678–1680] // Proc. of the Vyatka Scientific Archival Commission (VUAK) 1905. – Vyatka, 1906. Issue 5–6. Dept. 2. S. XVIII.
12. Rospisnoi spisok boyarina i voevody knyazya Mikhaila Ivanovicha Lykova, chto on prinyal ot Petra Doroshenko gorod Khlynov 7192 goda [The painted list of the boyar and voivode Prince Mikhail Ivanovich Lykov, that he took over

- the town of Khlynov from Pyotr Doroshenko in 7192] // Proc. of the Vyatka Scientific Archival Commission (VUAK) 1905. – Issue 5–6. Dept. 2. – P. 30–31.
13. Drevnie akty, odnosyashiesya k istorii Vyatskogo kraia. [Ancient acts related to the history of the Vyatka region]. – Vyatka, 1881. – P. 215–216.
 14. Tinsky, A. G. Planirovka i zastroika goroda Vyatki v XVII–XIX vekah [Planning and development of the Vyatka town in the XVII–XIX centuries] / A. G. Tinsky. – Kirov, 1976.
 15. Vyatka Vremennik // Proc. of the Vyatka Scientific Archival Commission (VUAK) 1905. – Issue 2. – P. 61
 16. Tinsky, A. G. Krepostnaya arhitektura Khlynova XVII veka [Khlynov's fortress architecture of the XVII century] / A. G. Tinsky // Encyclopedia of the Vyatka land. – Vol. 5. Architecture. – Kirov, 1996. – P. 30–32.
 17. Somova, L. Ukrainskii predok N. N. Pushkinoi i ego "Eropolcheskaya votchina" [The Ukrainian ancestor of N. N. Pushkina and his "European patrimony"] / L. Somova, V. Antonov // Selskaya nov' [Rural new]. – 2012. – September 12. – No. 37.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» № FUUU-2025-0026.

Acknowledgements (state task):

The study was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on research topic «State policy for the development of the European North of Russia: current problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI–XX centuries» No. FUUU-2025-0026.

Информация об авторе:

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e mail: bva.prof@mail.ru).

Author:

Berdinskikh Viktor – Dr. Sci. (History), Prof., Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. e-mail: bva.prof@mail.ru

Для цитирования:

Бердинских, В. А. Вятский воевода гетман Петр Дорошенко и Хлыновский кремль / В. А. Бердинских // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 21–28.

For citation:

Berdinskikh, V. A. Vyatka Voivode Hetman Pyotr Doroshenko and the Khlynov Kremlin / V. A. Berdinskikh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 21–28.

Дата поступления статьи: 24.02.2025

Прошла рецензирование: 28.02.2025

Принято решение о публикации: 07.03.2025

Received: 24.02.2025

Reviewed: 28.02.2025

Accepted: 07.03.2025

Счетные списки Кехотской волости последней трети XVII века

С. А. Никонов

Кольский НЦ РАН,
г. Апатиты
snikonov-77@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрен комплекс счетных списков церковных приказчиков Кехотской волости последней трети XVII в. Значение счетных списков заключается в том, что они раскрывают один из механизмов, позволявших волости контролировать деятельность выборных должностных лиц. В работе дана общая характеристика сохранившегося комплекса документов, выявлены особенности формуляра счетных списков, участие в проверке представителей церковной власти Двинского уезда.

Ключевые слова:

счетные списки, Кехотская волость, церковный приказчик, приход, Русский Север

Введение

Традиции самоуправления крестьянской волости Русского Севера всесторонне изучены в отечественной историографии XIX–начала XXI в. Хорошо известным явлением стало совпадение приходской и волостной структур общины, в которой управление церковными делами и имуществом находилось в руках выборных должностных лиц – церковных старост (приказчиков).

Избрание волостных и приходских старост в XVI–XVII вв. сопровождалось составлением выбора – специального документа, фиксировавшего их обязанности и ответственность. По окончании срока исполнения должности староста должен был отчитаться в приходе и расходе денежных средств и натуральных запасов.

Мнения ученых о том, насколько церковный староста (приказчик) был подотчетен общине, расходятся. Так, С. В. Юшков и З. А. Огризко писали о широких полномочиях церковных старост, ведавших имуществом и казной прихода [1, 2]. По мнению З. А. Огризко, выборные старосты почти не отличали «церковных владений от своих личных», о чем говорят их многочисленные долги. Богатые крестьяне, выбивавшиеся на выборную должность, стремились сохранить ее в пределах своей семьи [2, с. 76–77].

Напротив, выдающийся историк северного крестьянства А. И. Копанев видел зависимость церковно-приходского хозяйства от воли крестьянского мира. Сдавая должность, церковный староста давал строгий отчет волостным крестьянам, заинтересованным в сохранении полноценного хозяйства прихода [3, с. 35–36].

Counting lists of the Kekhotsky volost of the last third of the XVII century

S. A. Nikonov

Kola Science Centre, RAS,
Apatity
snikonov-77@mail.ru

Abstract

The paper considers a set of counting lists of church clerks of the Kekhotsky volost of the last third of the XVII century. The significance of the counting lists is that they reveal one of the mechanisms that allowed the volost to control the activities of elected officials. The work provides a general characteristics of the preserved set of documents, identifies the features of the form of the counting lists, participation in the verification of representatives of the church authorities of the Dvinsky Uyezd.

Keywords:

counting lists, Kekhotskaya volost, church clerk, parish, Russian North

Механизмы контроля деятельности старост (приказчиков) были рассмотрены М. М. Богословским. Он отметил, что инициатива в проверке старосты могла исходить как от мира, так и от духовной и светской властей [4, с. 165]. Последняя ситуация возникала в случае конфликтов, когда староста отказывался идти на счет или община не хотела принимать отчет выборного лица [там же, с. 165–166]. По наблюдениям исследователя, чаще всего считала старосту специальная комиссия, в которую входили выборные от волости, носившие название «мирских счетчиков, счетных людей» [там же, с. 164]. В самой процедуре счета М. М. Богословский видел не сформировавшийся институт, а явление частного договора: «Это не столько акт контроля одного государственного учреждения над другим, сколько расчетная сделка между хозяином и его наемным слугою» [там же, с. 167]. Другие формы контроля, помимо итогового счета, исследователь не рассматривал.

Основным источником для нас являются счетные списки церковных старост (приказчиков) Подвинья. Этот вид источника еще не стал объектом специального изучения. Более того, мы не находим о нем сведений не только в общей классификации актов С. М. Каштанова [5, с. 150–154], но и в работах А. И. Копанева и Г. В. Демчук по истории крестьянства Русского Севера [6, 7]. Следуя классификации С. М. Каштанова, счетные списки можно отнести к отчетному виду делопроизводственной документации [5, с. 153].

В Государственном архиве Архангельской области был выявлен комплекс счетных списков Кехотской волости последней трети XVII в. Все документы связаны друг с другом и имеют делопроизводственную нумерацию от 1 до 29, проставленную во второй половине XIX в. Каждый номер соответствует счету конкретного церковного приказчика [8].

Изучение счетных списков позволило выявить 19 проверок церковных приказчиков: первая из них состоялась 17 апреля 1677 г., последняя – 24 июня 1698 г. Три счета носили коллективный характер. 17 апреля 1677 г. были проверены пять, 15 февраля 1682 г. – четверо, 8 марта 1685 г. – трое приказчиков. Коллективные проверки осуществлялись, если церковный приказчик несколько лет не выходил на счет. С августа 1685 г. на проверку выходил только один приказчик.

Во второй половине XVII в. был ужесточен контроль церковных властей за деятельностью приходов. Особенно заметной эта тенденция стала после 1681 г., когда постановлением церковного собора было увеличено количество епархий. Среди вновь созданных отмечена Холмогорская и Важская епархия, первым руководителем которой стал архиепископ Афанасий (Любимов).

Формально руководство финансовыми и хозяйственными делами переходило в ведение священников. Церковные приказчики выступали в роли помощников. Эти изменения фиксируют и рассматриваемые источники. С 1685 г. в отчете участвуют не только церковные приказчики, но и священники Кехотской волости – Дементий (один раз) и Дмитрий Иванов сын.

Усиление контроля епархиальных властей находит отражение и в формуляре счетных списков. Так, состоявшийся 15 февраля 1682 г. счет четырех приказчиков проводился по указу митрополита Великого Новгорода и Великих Лук Корнилия. Местом проведения счета был софийский владычный двор Холмогор, а среди участников проверки оказываются доверенные лица митрополита – игумен Спасо-Козьмерецкого монастыря Диодор и протопоп Спасского собора Петр Афанасьев. Участие кехотских приказчиков в подобного рода проверке не было исключительным. В январе 1678 г. здесь же, по указу митрополита, проверяли и церковных приказчиков Богоявленской Ухтоостровской волости.

Механизм проведения счета включал ряд процедур. Первая из них заключалась в избрании волостью доверенных лиц – счетчиков. Как следует из счетного списка от 17 апреля 1677 г., выбор счетчиков был зафиксирован письменным постановлением – «мирским излюбом». После 1685 г. выбор счетчиков стал не только внутренним делом общины, но и обязательным требованием архиерейской власти. Ежегодная смена одного церковного приказчика другим должна была сопровождаться обязательной проверкой, отчет о которой поступал в Казенный приказ архиерейского дома. Эти условия фиксировались в специальных архиерейских памятях.

Вторым этапом была процедура счета – учета всех доходов и расходов в течение срока исполнения должности приказчиком. Доходы и расходы вычислялись на основе

прихода-расходных книг. Встречаются упоминания и других учетных документов, которые, по всей видимости, не сохранились. Это отводные тетради, в которых фиксировались наличные средства, переходившие вновь избранному приказчику, «рописки» – документы краткосрочного займа священником или приказчиком денег из церковной казны «на церковные покупки».

Количество счетчиков не превышало пяти человек, в большинстве случаев составляло два-три человека. В их число, как правило, не входили должностные лица волости. В ряде случаев одним из счетчиков был земский судейка.

Выявленное количество счетчиков как будто подтверждает наблюдения М. М. Богословского о деятельности счетных комиссий северной волости, состоявшей из двух-трех авторитетных крестьян. В действительности, счетные комиссии имели локальное разнообразие, которое еще ждет своего изучения. Отметим, что в Богоявленском Ухтоострове во второй половине XVII – первой трети XVIII в. в комиссию входило от одного до двух десятков крестьян.

Счетный список имел устойчивый формуляр, включавший следующие элементы: 1) дату проведения счета и имена (имя) церковных приказчиков, выходящих на проверку; 2) состав счетной комиссии; 3) проверку денежного прихода и расхода; 4) проверку натурального прихода и расхода; 5) итоговый протокол, содержащий данные о «начетных» деньгах и жите, которые надо вернуть в казну; 6) заверяющую часть, где указано имя церковного дьячка – составителя документа.

Процедура счета в рассматриваемых документах имеет свои особенности в отличие от аналогичных процедур в Богоявленском и Троицком Ухтоострове. Так, деньги по какой-либо статье прихода, не собранные церковным приказчиком и священником, оставались на их ответственности и дальше. На счет в ноябре 1690 г. были выведены земский судейка и «приписной человек», назначенные для сбора «на прошлых церковных приказщиках по счетным и по церковным кабалам на мирских людех» денег, своевременно не внесенных в церковную казну.

Выводы

Счетные списки Кехотской волости открывают возможность для сравнительного исследования деятельности выборных волостных комиссий, занимавшихся проверкой должностных лиц в разных волостях Русского Севера. Приводимые в документах данные о движении денежных и натуральных средств раскрывают источники формирования бюджета церковного прихода и статьи расходов. Вместе с тем, невыплаты церковных приказчиков по некоторым статьям, носившие хронический характер, указывают на кризисные явления в истории прихода Кехотской волости в конце XVII в.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Юшков, С. В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. / С. В. Юшков. – СПб.: тип. М. А. Александрова, 1913. – 137 с.
2. Огризко, З. А. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. (К вопросу о первичных формах феодальной собственности на землю) / З. А. Огризко // История СССР. – 1961. – № 3. – С. 71–81.
3. Копанев, А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. / А. И. Копанев; под ред. Н. Е. Носова. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – 244 с.
4. Богословский, М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство / М. М. Богословский. – М.: издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. – С. 30, 45, 311.
5. Каштанов, С. М. Русская дипломатика / С. М. Каштанов. – М.: Высшая школа, 1988. – 229 с.
6. Копанев, А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. / А. И. Копанев; под ред. Н. Е. Носова. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 245 с.
7. Демчук, Г. В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке / Г. В. Демчук. – Екатеринбург, 2002. – 323 с.
8. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 735. Сст. 1–66.

References

1. Yushkov, S. V. Ocherki iz istorii prihodskoj zhizni na Severe Rossii v XV–XVII vv. [Essays from the history of parish life in the North of Russia in the XV–XVII centuries] / S. V. Yushkov. – St. Petersburg: M. A. Alexandrov Printing House, 1913. – 137 p.

2. Ogrizko, Z. A. Zemlevladenie severnorusskikh volostnykh cerkvej v XVII v. (K voprosu o pervichnykh formakh feodal'noy sobstvennosti na zemlyu) [Land ownership of the Northern Russian volost churches in the XVII century (On the question of the primary forms of feudal ownership of land)] / Z. A. Ogrizko // History of the USSR. – 1961. – No. 3. – P. 71–81.
3. Kopanев, A. I. Krest'yane Russkogo Severa v XVII v. [Peasants of the Russian North in the XVII century] / A. I. Kopanев; Ed. N. E. Nosov. – Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1984. – 244 p.
4. Bogoslovsky, M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v. T. 2: Deyatel'nost' zemskogo mira. Zemstvo i gosudarstvo [Zemstvo self-government in the Russian North in the XVII century. Vol. 2: The activities of the Zemstvo world. Zemstvo and the state] / M. M. Bogoslovsky. – Moscow: publication of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1912. – 311, 45, 30 p.
5. Kashtanov, S. M. Russkaya diplomatika [Russian diplomacy] / S. M. Kashtanov. – Moscow: Higher School, 1988. – 229 p.
6. Kopanев, A. I. Krest'yanstvo Russkogo Severa v XVI v. [The peasantry of the Russian North in the XVI century] / A. I. Kopanев; Ed. N. E. Nosov. – Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1978. – 245 p.
7. Demchuk, G. V. Zemel'nyj stroj v Dvinskom uезде v XVII veke [Land system in Dvinsky Uyezd in the XVII century] / G. V. Demchuk. – Ekaterinburg, 2002. – 323 p.
8. Gosudarstvennii arhiv Arhangel'skoi oblasti [State Archive of the Arkhangelsk region]. F. 1025. Op. 1. D. 735. Sst. 1–66.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц-региона ФИЦ Кольского НЦ РАН FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Acknowledgments (state task):

The research was carried out within the framework of the state task of the Center for Humanitarian Problems of the Barents region of the Federal Research Center Kola Science Center, RAS FMEZ-2024-0002 «Dynamics of the socio-cultural image of the Kola North in the context of the history of the development of the Arctic frontier of Russia».

Информация об авторе:

Никонов Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»; <https://orcid.org/0000-0003-2523-7365> (184209, Российская Федерация, Мурманская область, г. Апатиты, Академгородок, д. 40А; e-mail: snikonov-77@mail.ru).

Author:

Sergey A. Nikonov – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Chief Researcher at the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Federal Research Center "Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences"; <https://orcid.org/0000-0003-2523-7365> (40A, Akademgorodok, Apatity 184209, Murmansk region, Russian Federation; e-mail: snikonov-77@mail.ru).

Для цитирования:

Никонов, С. А. Счетные списки Кехотской волости последней трети XVII века / С. А. Никонов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 29–32.

For citation:

Nikonov, S. A. Counting lists of the Kekhotsky volost of the last third of the XVII century / S. A. Nikonov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 29–32.

Дата поступления статьи: 02.12.2024

Прошла рецензирование: 06.12.2024

Принято решение о публикации: 13.12.2024

Received: 02.12.2024

Reviewed: 06.12.2024

Accepted: 13.12.2024

Купеческое сословие в законодательстве Российской империи XVIII века

И. И. Лейман

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар;
Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар
irinaleyman@gmail.com

Аннотация

Автор рассматривает основные законодательные акты, связанные с формированием купеческого сословия в Российской империи в XVIII в. Образование гильдейской купеческой корпорации началось в эпоху Петра I, когда закрепление торговых людей в городах было направлено на повышение эффективности системы налогообложения и увеличение поступления финансовых средств в государственный бюджет. В первой трети XVIII в. происходит терминологическое и законодательное выделение торговых людей в отдельную группу, интегрированную не только в экономическую сферу, но также и в структуру местного самоуправления. В законодательной практике второй трети XVIII в. термин «купечество» применяли для обозначения группы людей, занимавшихся торговой деятельностью; в 1742 г. купеческое сословие было разделено на три гильдии. В последней трети XVIII в. Манифест о Высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою 1775 г. и Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. окончательно оформили сословную организацию гильдейского купечества. Таким образом, к концу XVIII в. купеческое сословие в Российской империи было представлено в составе трех гильдий, каждая из которых предполагала условия для вступления в виде объема объявляемого капитала и давала определенный круг привилегий, связанных с торговлей, предпринимательством, путями сообщения и общественным положением.

Ключевые слова:

купечество, законодательство, Российская империя, XVIII в.

Введение

Всплеск интереса к истории купеческого сословия отмечается с конца XX в. и продолжает сохраняться по настоящее время. Одним из направлений исследовательской мысли является изучение динамики законодательства в отношении купечества. Уже в дореволюционной

Merchant class in the legislation of the Russian Empire in the XVIII century

I. I. Leyman

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar;
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar
irinaleyman@gmail.com

Abstract

The author considers the main legislative acts related to the gradual formation of the merchant class in the Russian Empire in the XVIII century. The formation of the guild merchant corporation begins in the era of Peter the Great, when the consolidation of traders in towns was aimed at improving the efficiency of the taxation system and increasing the flow of funds to the state budget. In the first third of the XVIII century, there was a terminological and legislative separation of traders into a separate group, integrated not only into the economic sphere, but also into the structure of local government. In the legislative practice of the second third of the XVIII century, the term “merchant class” was used to denote a group of people engaged in trading activities; in 1742, the merchant class was divided into three guilds. In the last third of the XVIII century, the Manifesto on the Supreme Favors Granted to Different Classes on the Occasion of the Conclusion of Peace with the Ottoman Porte in 1775, and the Charter on the Rights and Benefits of the Towns of the Russian Empire in 1785 finally formalized the class organization of the guild merchant class. Thus, by the end of the XVIII century, the merchant class in the Russian Empire was represented by three guilds, each of which implied conditions for entry in the form of the amount of declared capital and provided a certain range of privileges related to trade, entrepreneurship, communication routes and social status.

Keywords:

merchants, legislation, Russian Empire, XVIII century

историографии в работах В. Э. Дена и П. Н. Милюкова, посвященных хотя и довольно узким аспектам социально-экономической истории Российской империи XVIII в., приведены примеры законов, связанных с формированием купеческого сословия, и дано описание причин и пред-

посылок их появления [1, 2]. Современная историография вопроса преимущественно представлена трудами историков права (в том числе, налогового права) [3–6]. Обзор законодательства о купечестве присутствует в монографиях, посвященных истории предпринимательства в целом и купеческого сословия в частности [7–11].

Материалы и методы

Анализ историографии показывает, что основные законодательные акты, принятые в XVIII в. в отношении купечества (Регламент главного магистрата 1721 г.; Инструкция Московского купечества первой, второй и третьей гильдий старшинам и старостам с товарищи 1742 г.; Манифест о высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою 1775 г.; Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г.), отмечены большинством авторов. При этом вне поля зрения исследователей остаются другие, не столь масштабные документы, но тем не менее имеющие существенное значение для понимания условий и контекста, в которых формировалось новое сословие, сыгравшее впоследствии важнейшую роль в политической, экономической и социокультурной сферах жизни страны.

Цель данной статьи – комплексный анализ законодательных актов, принятых в XVIII в. в отношении купеческого сословия; основным источником выступает полное собрание законов Российской империи (собрание первое, с 3 по 26 том, период с 1689 по 1801 г.).

Результаты и их обсуждение

Торговые люди издавна играли весомую роль в структуре экономической жизни, активно занимаясь покупкой, транспортировкой и перепродажей товаров не только внутри страны, но и за ее пределами. Однако понятие «купец» в этом значении сформировалось далеко не сразу. В судебниках 1497, 1550 и 1589 гг., а также в Соборном Уложении 1649 г. данный термин употреблялся по отношению как к торговцам, так и покупателям (аналогично в средневековой русской литературе и фольклоре) [7, с. 223; 11, с. 45, 46]. Постепенное закрепление за торговцами понятия «купец» и образование гильдейской купеческой корпорации начинается в эпоху Петра I [11, с. 46, 61].

Еще в конце XVII–начале XVIII в. Петр I предпринял попытки закрепления торговых людей в городах с целью повышения эффективности системы налогообложения и увеличения поступления финансовых средств в государственный бюджет, так как «потребность в деньгах русского правительства вызывалась главным образом необходимостью покрывать все растущие военные расходы», «создать армию, а также флот, и найти нужные для этого деньги» [1, с. 20–21]. Учреждение ратуши в 1699 г. П. Н. Милюков рассматривал как меру, «имевшую целью сословную реформу городского населения России» и «как изъятие целого сословия из ведения воевод и дарование ему самоуправления» [2, с. 86]. Среди причин указа от 30 января (здесь и далее даты приведены по старому сти-

лю) 1699 г. значилось то, что «всем посадским и купецким и промышленным людям во многих их приказных волокитех, и от приказных и розных чинов от людей в торгах их и во всяких промыслах чинятся им большие убытки и разоренье, а иные от того торгов и промыслов своих отбыли и оскудали» [12, с. 598]. Однако основной целью было не столько устранение приказной волокиты, а также воеводских обид купцам и другим указанным категориям населения, сколько чтобы «Его Великого Государя казне окладным доходам доимки, а пошлинным и питейным и иным сборам недоборов бы не было, а было б <...> во всех доходах и сборах пополнение» [2, с. 86; 12, с. 598]. Это подтверждается и тем фактом, что реформа не была распространена на Сибирь: в то время сибирское купечество еще было немногочисленно и небогато: «людишки худые, скудные» и им «в сборе денежной казны верить нечему» [2, с. 86].

В 1705 г. был издан указ «Об учинении переписи купцов, посадских и слободских людей с показанием достатка и промыслов каждого» [13]. В 1709 г. было велено торговым людям «для пополнения купечества приписать в посады, кто имеет торгу 100 рублей и больше» (важно отметить, что в данном законодательном акте словом «купечество» обозначалась торговая деятельность, т. е. процесс) [14, с. 440]. С тех, кто не захочет жить в посаде и у кого «небольшие торги», согласно закону, необходимо было брать оброк с промыслов; всем остальным объявлялось «не торговать и промыслов никаких не держать и в лавках не сидеть» [там же]. Купецким людям запрещалось записываться «в разные чины»; тех же, кто нарушил указ, необходимо допрашивать в ратуше, «каких ради вин из купечества, презирая Его Государевы указы, в разные чины записались», и «за прошедшие годы деньги во всякие поборы править все сполна» [там же].

Внешнеполитические обстоятельства первого десятилетия XVIII в. способствовали дальнейшему увеличению государственных расходов на содержание армии и флота [2, с. 419]. При этом подворная перепись 1710 г. выявила существенную убыль числа дворов по сравнению с результатами переписи 1678 г.; основной причиной являлось «стремление населения уклониться от обложения посредством увеличения скученности населения двора» [1, с. 21]. Указанные факторы предопределили две основные задачи государственной реорганизации: административную и податную; кроме того, на первый план выдвигалась и необходимость совершенствования торговой политики [2, с. 382, 436]. Логичным способом увеличения налоговых поступлений стало введение подушной подати: планирование перехода на новую систему налогообложения началось в 1718 г.; официальный указ был издан в 1724 г. Реформа не только вывела страну из затруднительного финансового положения и восстановила равновесие в бюджете; изменение единицы налогообложения оказало существеннейшее влияние на весь дальнейший общественный строй России и, в том числе, на формирование купеческого сословия [1, с. 22, 24; 2, с. 514–515].

16 января 1721 г. был утвержден «Регламент или Устав Главного Магистрата» [15]. Слово «купечество» здесь

продолжает использоваться для обозначения торговой деятельности (процесса). Так, к числу «главных дел» магистрата относилось, в том числе, «купечество и мануфактуры размножать», а в ведомостях о состоянии городов необходимо было указывать, «какое тех приморских городов обыватели купечество и промыслы имеют» [там же, с. 292]. Согласно положениям Регламента, торговле отводилась весьма значимая роль не только непосредственно в структуре управления и хозяйства городов, но и для Российской империи в целом: одной из целей данного законодательного акта было «Всероссийской купечество, яко рассыпанную храмину, паки собрать» [там же, с. 292–293]. В состав магистрата было рекомендовано включать «лучших и дельных и в купечестве искусных людей», и сам он должен был способствовать «всякому благоприобретению в купечестве» (причем последнее – «свободное и безобидное во всем везде» – должно было являться одной из важных составляющих «каждого города изобилия») [там же, с. 293–294, 297]. В основном комплексе задач магистрат был обязан соотноситься с губернатором, вице-губернатором и воеводой, однако наиболее важные направления, такие как «купечество, мануфактуры и корабельное хождение», требовали «сношения» с коммерц- и мануфактур-коллегиями [там же, с. 297, 300].

По отношению к людям, которые занимались торговлей, в законодательном акте применялись термины «купецкие люди», «купеческие люди» и «купцы» (первые два словосочетания использованы восемь раз, последнее – четыре). При этом в одной из глав встречается фраза «каждой купец и продавец», т. е. слово «купец» употреблено в значении покупатель [там же, с. 301]. Таким образом, на уровне терминологии мы наблюдаем, что в начале XVIII в. четкого определения, как именно называть торговых людей, пока не сложилось.

Согласно «Регламенту Главного Магистрата», граждане (жители города) разделялись на две гильдии: в первую гильдию, в частности, входили «знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги и которые разными многими товарами в рядах торгуют», а во вторую – «которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют» [там же, с. 295]. В задачи магистрата входило «подробное описание всем жителям в городах и кто какой промысел имеет, а именно: купеческие люди, <...> также сколько которых городов из посадов и из слобод купецких и ремесленных людей куда выбыло» [там же, с. 292].

С деятельностью «купеческих людей» были тесно связаны такие понятия, как ярмарки, биржи и маклеры. Особая роль отводилась ярмаркам, которые не только умножали казенные сборы, но и способствовали формированию единого внутреннего рынка. Так, в города, «не при море лежащие», во время ярмарок привозились «потребные товары, которых тамошние жители в дальних городах сыскивать, купить принуждены в цене с передачею» [там же, с. 301]. Ярмарки способствовали «купецким и ремесленным людям в торгах и в ремеслах их», а горожане и жители окрестных селений могли выгодно сбывать местные произведения и скот, благодаря чему «везде торги и промыслы умножаются, а в народе происходит из

того всякое довольство» [там же]. В силу указанного комплекса обстоятельств важной задачей магистрата было расширение ярмарочной сети в городах и уездах в удобное время и «в пристойных местах», преимущественно там, где «водяной ход есть свободной» [там же].

Биржи, по примеру «иностранных купеческих городов», было рекомендовано устраивать «в больших приморских и прочих купеческих знатных городах» недалеко от ратуши [там же]. На биржах можно было совершать торговые сделки, выписывать векселя, вести учет прибывших и отходивших кораблей. В приморских и крупных торговых городах для установления «доброго в купечестве порядка» магистрат должен был определять «из купечества добрых и во всех торгах и вексельных переводах искусных людей» маклера, т. е. посредника в торговых сделках, выдаче векселей и т. п. [там же]. Маклер не получал жалованья от магистрата, но имел «определенные деньги от купеческих людей» [там же].

В 1724 г. была утверждена «Инструкция Магистратам», которая во многом повторяла текст Регламента (в том числе относительно деления на две гильдии). Одним из отличавшихся пунктов «Инструкции Магистратам» было «иметь смотрение, дабы гражданам как купецким, так и ремесленным людям от посторонних разных чинов и от приезжих купецких людей в их торгах и ремеслах помешательства, також и приезжим купецким и уездным людям от граждан в ценах и продолжением времени утеснения и принуждения не было» [16, с. 391]. Слово «купечество» использовалось в тексте инструкции для обозначения торговой деятельности, т. е. процесса «для приобщения по купечеству в посад», «кто приедет для купечества или других ради потреб» и др. [там же, с. 390, 395].

Таким образом, в первой трети XVIII в. мы наблюдаем терминологическое и законодательное выделение торговых людей в отдельную группу, интегрированную не только в экономическую сферу, но также и в структуру местного самоуправления. Основной причиной описанных процессов выступает необходимость повышения эффективности системы налогообложения вследствие растущих государственных расходов на содержание армии и флота. Связующим страну в торгово-экономическом плане явлением в этот период выступают ярмарки, время и место проведения которых были обусловлены природно-климатическими условиями.

В законодательной практике второй трети XVIII в. термин «купечество» уже применяется для обозначения группы людей, занимавшихся торговой деятельностью. В 1739 г. была утверждена резолюция «О позволении купечеству покупать для отдачи в рекруты людей и крестьян» [17, с. 975]. Поводом стало обращение в Сенат купечества г. Торжка с целью, «чтобы в отдачу в рекруты людей и крестьян покупать позволить, представляя к отдаче настоящих от купечества людей нет возможности, что из них выбирают к разным казенным сборам и к делам повсягодно, а купцов малоллюдно и многие имеются старые и дряхлые, и ежели де им своих отдавать, могут придти в несостояние, и многие доимки причинятся» [там же]. Принимая во внимание весомую роль нового сословия

в структуре городского самоуправления и хозяйства, кабинет министров разрешил купечеству Российской империи при соблюдении ряда условий покупать людей и крестьян для отдачи в рекруты, если «своих от купечества людей к отдаче свободных не случится» [там же, с. 976].

В 1742 г. «Инструкция Московского купечества первой, второй и третьей гильдий Старшинам и Старостам с товарищи» определила разделение купеческого сословия на три гильдии [3, с. 5; 4, с. 49; 6, с. 15; 11, с. 49]. Московскому магистрату с целью упрощения сбора подушной подати было предписано «Московское купечество разобрать на три части, которые имеют называться гильдиями» [18, с. 560]. В тексте законодательного акта понятие «купечество» применяется уже преимущественно по отношению к группе людей: «за выбором всего Московского купечества», «для сбора с купечества подушных денег», «выбирать погодно из купечества квартирмистров» и т. п. [там же, с. 560, 561]. Но, вместе с тем, встречается и употребление для обозначения процесса торговли, как это было принято ранее: «а ежели кто из граждан пожелает для своего купечества или для каких других нужд...» [там же, с. 565].

В законодательстве второй трети XVIII в. встречаются интересные примеры, связанные с тем, что преступников из числа купцов высылали на территории, которым был необходим импульс развития. В 1744 г. был издан закон «О ссылке на житье в Оренбург преступников из купцов, мастеровых и ремесленных людей», согласно которому «как купецких, так и мастеровых и ремесленных людей, подлежащих по указам за вины их в ссылку на житье в Сибирь и на заводы, отныне таких людей ссылать на житье <...> в Оренбург, дабы таким образом в том новом месте промышленных мастеровых и ремесленных людей умножено быть могло» [19, с. 56]. Особенно активно подобная практика будет применяться во второй трети XIX в., но это будет осуществляться не в рамках пенитенциарной системы, а посредством различных законодательных мер поощрения к переезду.

В последней трети XVIII в. была окончательно оформлена сословная организация гильдейского купечества [3, с. 5; 4, с. 49; 5, с. 529; 6, с. 14, 15; 11, с. 47, 53]. Согласно «Манифесту о Высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» от 17 марта 1775 г., мещан, которые «мелким торгом расторгнутся, и капитал свой умножат свыше 500 рублей», необходимо было записывать в купечество, разделяя по гильдиям в зависимости от размера объявленного ежегодно капитала [20, с. 86]. Манифест отменял взимание с купцов подушной подати, заменяя ее на однопроцентный налог капитала [там же, с. 83, 86]. В мае 1775 г. было введено уточнение о распределении купцов по гильдиям: в первую гильдию попадали купцы с капиталом более 10 тыс. руб., во вторую – с капиталом от 1 до 10 тыс. руб.; в третью – с капиталом от 500 до 1 тыс. руб. [21, с. 145]. Объявление капиталов на сумму свыше 500 руб. было «оставлено на добровольное показание на совесть каждому» [21, с. 146]. В законе 1781 г. было отмечено, что однопроцентный налог с объявленного капитала необ-

ходимо было платить «без различия вероисповедания» [22, с. 73] (правда в последующем это условие неоднократно претерпевало изменения: в частности, уже в 1794 г. налог с евреев, объявивших капитал, был увеличен вдвое [23, с. 532]). Также был установлен четкий период времени для объявления капиталов – декабрь, так как «большею частию купечество, по окончании летних ярманок в приморских особливо городах, и по закрытию мореплавания, возвращаются в дома» [22, с. 73]. Таким образом, мы снова встречаем в тексте законов обусловленность сословных характеристик не только основным родом занятий купечества – торговлей (прежде всего, периодической – ярмарками), но и географическим фактором.

Наиболее пространное толкование привилегий и обязанностей купечества было дано в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. («Жалованной грамоте городам»), действие которой сохранялось до принятия в 1870 г. «Городового положения», хотя уточнения в отношении прав и обязанностей купеческого сословия в этот период продолжали вводиться отдельными законодательными актами [24]. «Жалованная грамота городам» открывала путь в купечество каждому, «какого кто бы ни был рода или поколения, или семьи, или состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла», кто объявил капитал. При этом пороговое значение объявленного капитала, необходимого для вступления в третью гильдию, было повышено и составило сумму от 1 до 5 тыс. руб. (во вторую гильдию соответственно от 5 до 10 тыс. руб.) [там же, с. 364]. Объявление капитала должно было происходить ежегодно в период с 1 декабря по 1 января; в это же время вносился налог в виде одного процента с капитала. Грамота подтверждала право записанных в купечество лиц на освобождение от подушной подати. Более того, члены семьи, вписанные в капитал, независимо от возраста, также были «свободны суть от особенного платежа, ибо капитал почитается семейный, но да объявят, в каком числе семья» [там же, с. 368]. Даже после смерти главы семьи, на кого был записан капитал, наследники могли платить «с капитала умершего, пока не в разделе, ибо капитал почитается яко компанейской, но да объявят, в каком числе» [там же]. И также подтверждалось положение закона 1775 г. о том, что объявление капитала остается «на показании по совести каждого; и того для нигде и ни под каким видом об утайке капитала доноса не принимая и следствия не чинить» (причем теперь это правило касалось объявления капитала любого размера) [там же].

Указанные обстоятельства создавали условия для того, чтобы желающие записаться в купечество могли самостоятельно определить гильдию, исходя из возможности уплаты налога с капитала и потребности в получении того или иного объема привилегий. В частности, купцам 3-й гильдии дозволялось вести розничную торговлю по городу и уезду; «мелочный товар возить водою и сухим путем» по сельским торжкам (на которых можно было делать и оптовые закупки для последующей розничной продажи «в городе или округе»); содержать малые речные суда; иметь трактиры, питейные дома, бани и постоялые

дворы; при этом запрещалось «по городу ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади» [там же, с. 369]. Купцы 2-й гильдии имели право «производить всякие внутри империи торги»; перевозить товары «водою и сухим путем» для торговли (в том числе оптовой) на ярмарках; открывать фабрики и заводы; содержать речные суда. Второгильдейские купцы были освобождены от телесных наказаний и имели право «ездить по городу в коляске парою» [там же]. Записанным в 1-ю гильдию купцам было дано право вести не только внутреннюю, но и внешнюю оптовую торговлю; иметь фабрики, заводы, речные и морские суда; они были освобождены от телесных наказаний и могли «ездить по городу в карете парою» [там же, с. 368-369]. Перечень привилегий демонстрирует основные сферы интересов и возможности развития представителей купеческого сословия: это торговля, предпринимательство, пути сообщения, общественное положение (причем все они находились в тесной взаимосвязи и были взаимообусловлены).

С 1794 г. объем объявляемого капитала вновь был повышен: для вступления в 1-ю гильдию он составил свыше 16 тыс. руб., во 2-ю – от 8 до 16, в 3-ю – от 2 до 8 тыс. руб. [25, с. 531].

Своеобразным итогом процесса формирования нового сословия и признания на уровне государства его значимости можно считать закон 1800 г. «Об учреждении для купечества особого отличия под названием коммерции советников, и о сравнении оного с восьмым классом статской службы», в котором, в частности, было отмечено, что торговля «есть корень, откуда обилие и богатство произрастают» [26, с. 102-103].

Выводы

Таким образом в течение XVIII в. произошло выделение и постепенное оформление нового сословия. Это прослеживается даже на уровне терминологии, когда от понимания купечества как процесса (т. е. торговой деятельности), что было характерно для первой трети XVIII в., акцент сместился на восприятие купечества как группы людей, что можно было наблюдать уже с середины XVIII в. К концу XVIII в. купечество было четко разделено на три группы – гильдии, каждая из которых предполагала условия для вступления в виде объема объявляемого капитала и давала определенный круг привилегий, связанных с торговлей, предпринимательством, путями сообщения и общественным положением. На протяжении всего XVIII в. мы можем наблюдать, насколько тесно не только торгово-предпринимательская деятельность купечества, но и разрабатываемая для нового сословия правовая база были связаны с географическим фактором (например, период для объявления капиталов, освоение территорий и др.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Ден, В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 1 / В. Э. Ден. – М., 1902.
2. Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Милюков. – СПб., 1902.
3. Галимова, Л. Н. Купечество и лица торговых занятий в Российской истории и законодательстве / Л. Н. Галимова // Вестник ЧГУ. – 2009. – № 4. – С. 3-11.
4. Гончаров, Ю. М. Социально-правовое положение купеческого сословия во второй половине XIX – начале XX в. / Ю. М. Гончаров // Известия АлтГУ. – 1998. – № 3. – С. 48-57.
5. Михеев, С. С. К вопросу о динамике развития купеческого сословия Российской империи через призму эволюции российского законодательства / С. С. Михеев // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 528-532.
6. Старцев, А. В. Налогообложение и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII-начале XX в. / А. В. Старцев, А. А. Сизова // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2015. – № 2 (16). – С. 14-22.
7. История предпринимательства в России: в 2-х кн. Кн. 1. От средневековья до середины XIX века / ред. А. В. Семенов. – М., 2000.
8. Мацук, М. А. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. / М. А. Мацук, В. В. Шаньгина. – Сыктывкар, 1996.
9. Никитина, С. К. История российского предпринимательства / С. К. Никитина. – М., 2001.
10. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века / ред. А. К. Сорокин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 344 с.
11. Судовиков, М. С. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года / М. С. Судовиков. – Киров, 2018.
12. ПСЗ. I. Т. III (1689 – 1699). № 1674.
13. ПСЗ. I. Т. IV (1700 – 1712). № 2076.
14. ПСЗ. I. Т. IV (1700 – 1712). № 2220.
15. ПСЗ. I. Т. VI (1720 – 1722). № 3708.
16. ПСЗ. I. Т. VII (1723 – 1727). № 4624.
17. ПСЗ. I. Т. X (1737 – 1739). № 7973.
18. ПСЗ. I. Т. XI (1740 – 1743). № 8504.
19. ПСЗ. I. Т. XII (1744 – 1748). № 8906.
20. ПСЗ. I. Т. XX (1775 – 1780). № 14275.
21. ПСЗ. I. Т. XX (1775 – 1780). № 14327.
22. ПСЗ. I. Т. XXI (1781 – 1783). № 15130.
23. ПСЗ. I. Т. XXIII (1789 – 6 ноября 1796). № 17224.
24. ПСЗ. I. Т. XXII (1784 – 1788). № 16188.
25. ПСЗ. I. Т. XXIII (1789 – 6 ноября 1796). № 17223.
26. ПСЗ. I. Т. XXVI (1800 – 1801). № 19347.

References

1. Den, V. E. Naseleniye Rossii po pyatoy revizii. Podushnaya podat' v XVIII veke i statistika naseleniya v kontse XVIII veka [Population of Russia according to the 5th revision. Poll tax in the XVIII century and population statistics at

- the end of the XVIII century]. Vol. 1. / V. E. Den. – Moscow, 1902.
2. Milyukov, P. N. Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo [State economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great] / P. N. Milyukov. – St. Petersburg, 1902.
 3. Galimova, L. N. Kupechestvo i litsa torgovykh zanyatiy v Rossiyskoy istorii i zakonodatel'stve [Merchants and persons engaged in trade in Russian history and legislation] / L. N. Galimova // Vestnik CHGU [Bull. of Chuvash State Univ.]. – 2009. – №. 4. – P. 3–11.
 4. Goncharov, Yu. M. Sotsial'no-pravovoye polozheniye kupecheskogo sosloviya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v [Social and legal status of the merchant class in the second half of the XIX – early XX centuries] / Yu. M. Goncharov // Izvestiya AltGU [Proc. of Altai State Univ.]. – 1998. – №. 3. – P. 48–57.
 5. Mikheev, S. S. K voprosu o dinamike razvitiya kupecheskogo sosloviya Rossiyskoy imperii cherez prizmu evolyutsii rossiyskogo zakonodatel'stva [On the issue of the dynamics of the development of the merchant class of the Russian empire through the prism of evolution of Russian legislation] / S. S. Mikheev // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. i. V. G. Belinskogo [Proc. of V. G. Belinsky Penza State Pedag. Univ.]. – 2011. – №. 23. – P. 528–532.
 6. Startsev, A. V. Nalogooblozheniye i sotsial'no-pravovoy status predprinimateley v Rossii v XVIII nachale XX v [Taxation and the social-legal status of entrepreneurs in Russia in the XVIII – early XX centuries] / A. V. Startsev, A. A. Sizova // Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo [Bull. of Tomsk State Univ. Law]. – 2015. – №. 2 (16). – P. 14–22.
 7. Istoriya predprinimatelstva v Rossii: v 2-kh. kn. Kn. 1. Ot srednevekovyya do serediny XIX veka [History of entrepreneurship in Russia: in 2 books. Book 1. From the Middle Ages to the mid-XIX century] / Ed. A. V. Semenov. – Moscow, 2000.
 8. Matsuk, M. A. Torgovlya i puti soobshcheniya v komi kraye v XIX v. [Trade and communication routes in the Komi region in the XIX century] / M. A. Matsuk, V. V. Shangina. – Syktyvkar, 1996.
 9. Nikitina, S. K. Istoriya rossiyskogo predprinimatelstva [History of Russian entrepreneurship] / S. K. Nikitina. – Moscow, 2001.
 10. Predprinimatelstvo i predprinimateli Rossii. Ot istokov do nachala XX veka [Entrepreneurship and entrepreneurs of Russia. From the origins to the beginning of the XX century] / Ed. A. K. Sorokin. – Moscow: ROSSPEN, 1997. – 344 p.
 11. Sudovikov, M. S. Kupechestvo Vyatskogo kraya : ot istokov do 1917 goda [Merchants of the Vyatka region: from origins to 1917] / M. S. Sudovikov. – Kirov, 2018.
 12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. III (1689 – 1699). № 1674.
 13. Ibid. Collection I. Vol. IV (1700 – 1712). № 2076.
 14. Ibid. Collection I. Vol. IV (1700 – 1712). № 2220.
 15. Ibid. Collection I. Vol. VI (1720 – 1722). № 3708.
 16. Ibid. Collection I. Vol. VII (1723 – 1727). № 4624.
 17. Ibid. Collection I. Vol. X (1737 – 1739). № 7973.
 18. Ibid. Collection I. Vol. XI (1740 – 1743). № 8504.
 19. Ibid. Collection I. Vol. XII (1744 – 1748). № 8906.
 20. Ibid. Collection I. Vol. XX (1775 – 1780). № 14275.
 21. Ibid. Collection I. Vol. XX (1775 – 1780). № 14327.
 22. Ibid. Collection I. Vol. XXI (1781 – 1783). № 15130.
 23. Ibid. Collection I. Vol. XXIII (1789 – November 6, 1796). № 17224.
 24. Ibid. Collection I. Vol. XXII (1784 – 1788). № 16188.
 25. Ibid. Collection I. Vol. XXIII (1789 – November 6, 1796). № 17223.
 26. Ibid. Collection I. Vol. XXVI (1800 – 1801). № 19347.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» № FUUU-2025-0026.

Acknowledgments (state task):

The study was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the research topic « State policy for the development of the European North of Russia: current problems of the socio-political, economic, socio-cultural and demograaphic history in the XVI–XX centuries». No. № FUUU-2025-0026.

Информация об авторе:

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: irinaleyman@gmail.com); заведующий кафедрой связей с об-

щественностью и рекламы СГУ им. Питирима Сорокина (167001, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Author:

Irina I. Leyman – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Public Relations and Advertising of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (26, Kommunisticheskaya st, Syktyvkar 167000. Russian Federation; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Для цитирования:

Лейман, И. И. Купеческое сословие в законодательстве Российской империи XVIII века / И. И. Лейман // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 33–39.

For citation:

Leyman, I. I. Merchant class in the legislation of the Russian Empire in the XVIII century / I. I. Leyman // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 33–39.

Дата поступления статьи: 20.03.2025

Прошла рецензирование: 28.03.2025

Принято решение о публикации: 04.04.2025

Received: 20.03.2025

Reviewed: 28.03.2025

Accepted: 04.04.2025

К вопросу о таможенной пограничной цепи Екатерины II: документальные свидетельства из Национального архива Республики Карелия и Государственного архива Архангельской области

Н. А. Хребтов

Архангельский краеведческий музей,
г. Архангельск
Северный Арктический федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск
ya.nax1999@yandex.ru

Аннотация

Статья носит археографический характер и преимущественно включает ввод в научный оборот новых свидетельств об организации таможенной службы на Русском Севере в период царствования Екатерины II. К таким материалам относятся приказы генерала-губернатора Т. И. Тутолмина об обустройстве застав и организации стражи на границе России и Швеции; описание границы и аналитические заметки об устройстве таможенных постов; формулярный список служителей Юшкозерской таможенной заставы; ведомость о наличии форпостов и военнослужащих на границе со Швецией. В статье приведены сведения об участии военнослужащих Санкт-Петербургской, Олонецкой и Архангельской губерний в охране границ и таможен на территории Карелии. Указ Екатерины II 1782 г. об учреждении таможенной цепи не принес ожидаемых результатов, и на основе архивных изысканий становится очевидным, что российское правительство столкнулось с рядом проблем и на территории Карелии, обеспечивая там защиту от контрабанды.

Ключевые слова:

таможенная служба, таможенная цепь; таможенная застава, Т. И. Тутолмин, Олонецкое наместничество, Русский Север, Юшкозерская пограничная таможенная застава, пограничная стража

Обращение к историческому опыту совершенствования таможенной политики России в XVIII в. необходимо для понимания современной внутренней политики страны. Опыт прошлого помогает лучше понять, как государственные экономические меры влияли на развитие внутренней и международной торговли России. Это знание позволит избежать ошибок и использовать успешные практики в бу-

On the Customs Border Chain of Catherine II: documentary evidence from the National Archive of the Karelia Republic and the State Archive of the Arkhangelsk Region

N. A. Khrebtov

Arkhangelsk Museum of Local Lore,
Arkhangelsk
M. V. Lomonosov Northern Arctic Federal University,
Arkhangelsk
ya.nax1999@yandex.ru

Abstract

The paper is of an archaeographic nature and mainly includes the introduction into scientific circulation of new evidence on the organization of the customs service in the Russian North during the reign of Catherine II. Such materials include orders from Governor-General T.I. Tutolmin on the arrangement of outposts and the organization of guards on the border of Russia and Sweden; a description of the border and analytical notes on the arrangement of customs posts; a formular lists of employees of the Yushkozersk customs outpost; a statement on the presence of outposts and military personnel on the border with Sweden. The paper provides information on the participation of military personnel from the St. Petersburg, Olonets and Arkhangelsk provinces in protecting the borders and customs in Karelia. The Decree of Catherine II of 1782 on the establishment of the customs chain did not bring the expected results, and, based on archival research, it became obvious that the Russian government faced a number of problems on the territory of Karelia as well, ensuring protection from smuggling there.

Keywords:

customs service, customs chain, customs outpost, T.I. Tutolmin, Olonets governorate, Russian North, Yushkozersk border customs outpost, border guard

дущем. В XVIII в. Российская империя активно стремилась к укреплению своей экономической самостоятельности через протекционистские меры, что находит отражение и в современных экономических стратегиях. Таможенная политика того времени способствовала развитию отечественного производства за счет защиты от иностранной конкуренции. Сегодня этот подход также актуален,

особенно в условиях санкций и необходимости импортозамещения. Исторический опыт показывает, как таможенное регулирование могло влиять на международные отношения и внешнюю политику государства. Это важно учитывать при формировании современной внешнеполитической стратегии. Помимо всего прочего, таможенные пошлины являлись важным источником доходов для казны, что остается актуальным и сегодня, когда бюджетная стабильность является одной из ключевых задач государственной политики. Таким образом, изучение исторического опыта таможенной политики может дать ценные знания и идеи для решения текущих экономических и политических задач России.

В отечественной историографии среди авторов первых наиболее комплексных и крупных работ по истории таможенного дела можно отметить К. И. Лодыженского, Д. И. Менделеева, И. М. Кулишера, П. Б. Струве. Исследователи представили общий обзор развития таможенной политики России со времен Древнерусского государства до XIX столетия, изучили динамику таможенных тарифов, изменения размеров пошлин, раскрыли сущность российской политики протекционизма. Авторы советского периода обращались к исследованию истории внешней торговли России, изучали вопросы влияния изменений таможенной политики на дворянство и купечество, дали оценку преобразованиям российских монархов в XVIII столетии, отмечая их последовательную политику покровительства отечественной промышленности [1–3]. Среди советских авторов можно отметить С. А. Покровского, Е. В. Спиридонову, Р. И. Козинцеву, М. Я. Волкова [4–7]. Некоторые аспекты истории таможенной политики в постсоветской историографии изучены Н. В. Козловой, А. В. Космыниным, Н. Н. Фирсовым. Наиболее комплексной является коллективная работа «Таможенное дело в России. X–начало XX вв.» [8–11]. История таможен на Русском Севере рассмотрена в трудах С. Ф. Огородникова, В. Н. Булатова, Т. С. Минаевой, О. В. Петрова, Л. И. Санникова, В. В. Головина, К. М. Агамирзоева, Л. Н. Лобченко. Наиболее полно у авторов изучена история Архангельского порта и архангельской таможни, таможенное дело на территориях Кольского полуострова и Карелии, русско-шведские торговые отношения в XVIII столетии, проблема незаконного провоза товаров, противостояние таможенных чиновников и крестьян на примере Юшкозерской таможенной заставы. Несмотря на достаточно обширную историографию, до сих пор остаются лакуны в истории российской таможенной политики. Среди таких «белых пятен» – история учреждения таможенной цепи Екатериной II для предотвращения провоза контрабанды [12–17].

На региональном уровне данная тема упоминается только в работе В. В. Головина, который отмечает, что учреждение таможенной цепи и создание специальных подразделений по борьбе с контрабандой являлось наиболее действенным мероприятием Екатерины II по предотвращению таможенных правонарушений на государственной границе России [12, с. 40], и в монографии Т. С. Минаевой,

которая дает противоположную оценку данной меры, отмечая ее неэффективность [18, с. 154].

В фондах Национального архива Республики Карелия (НАРК) и Государственного архива Архангельской области (ГААО) сохранились дела, содержащие информацию об устройстве таможенной цепи на Русском Севере, о деятельности Юшкозерской заставы, об участии военнослужащих в обеспечении безопасности застав и форпостов. Так, в Ф. № 2 («Олонецкое губернское правление») Оп. № 61 (1784–1902 гг.) НАРК содержатся распоряжения генерал-губернатора Т. И. Тутолмина о мерах по организации таможенной цепи на русско-шведской границе на территории Олонецкого наместничества, материалы о поездках чиновников на границу для составления планов, их заметки и рекомендации по организации новых застав. Некоторые документы Ф. № 396 («Олонецкое наместническое правление») Оп. № 1 (1771–1797 гг.) НАРК включают «журналы присутствия» Олонецкого наместничества, из которых можно получить информацию о работе Юшкозерской заставы, прибытии к ней беглых крестьян и солдат, объемах привозимых и вывозимых товаров. Фонд № 1 («Архангельское наместническое правление») Оп. № 2 (1784–1796 гг.) и Ф. № 1367 («Канцелярия генерала-губернатора Архангельского, Вологодского и Олонецкого») Оп. № 2 (1776–1802 гг.) ГААО включают в себя такие документы, как ведомость о чинах, находившихся при таможнях и подчиненных им заставам; ведомости о состоянии денежной казны по сбору пошлин с импортных и экспортных товаров при Юшкозерской заставе, отчеты о списочном и наличном штате заставы, количестве и местонахождении форпостов и караулов при них; штаты Олонецкого егерского батальона, военнослужащие которого включались в работу пограничных застав; рапорты и другие виды делопроизводственной документации Юшкозерской таможенной заставы. Таким образом, разрозненные и не систематизированные архивные материалы НАРК и ГААО дают некоторое представление об устройстве таможенной цепи в 1780–1790-е гг. на территории Беломорской Карелии.

27 сентября 1782 г. Екатерина II издала указ «Об учреждении особой таможенной цепи и стражи для отвращения потаенного провоза товаров». Согласно документу, новая стража учреждалась в каждой западной приграничной губернии и находилась в ведении генералов-губернаторов, таможенные сборы поступали в губернские казенные палаты губерний [19, с. 682–685].

Территория Карелии до 1784 г. административно делилась между Архангелогородской, Санкт-Петербургской и Новгородской губерниями. Указом от 22 мая 1784 г. Екатерина II преобразовала Олонецкую область Петербургской губернии в самостоятельное Олонецкое наместничество, административным центром которого стал Петрозаводск [20, с. 150]. Первым генералом-губернатором был назначен генерал-поручик Тимофей Иванович Тутолмин [21, с. 15–17].

Ввиду территориально-административных изменений и связанных с этим организационных сложностей по созданию и формированию администрации нового наместни-

чества, к вопросу об организации таможенной цепи приступили лишь к концу 1784 г.

20 декабря 1784 г. генерал-губернатор Т. И. Тутолмин отдал приказ в Олонецкое наместническое правление: «... составить план и усмотреть локальное положение границы со Швецией ввиду потаенного провозу товаров по лежащим на границе местам большей частью необитаемые и пресечении всякого рода покушения к провозу товаров через границу с утайкой пошлин:

1. Все дороги должны быть со стражей;
2. По рачительному соображению понапрасну не умножить количество застав в местах необитаемых, дабы не было казенных издержек;
3. Сделать между по границе снимая летние и зимние во все места дороги и проезды ведущие через границу империи;
4. Описывать подробнее со всеми препятствиями;
5. Определить, где необходимо построить дома для стражи и таможенных досмотрщиков;

6. Если где надобно поставить разъездных судов по рекам и озерам, сколько построить, вычислить суммы на содержание там гребцов в год» [22, л. 1–3].

Ответственным за выполнение перечисленных задач были назначены землемер прапорщик Башмаков и верхний земский заседатель секунд-майор Скорняков. Последнему были переданы примечания и планы границы, которые ранее составлял унтер-цолнер Петербургской таможни асессор Яблонский [там же, л. 16]. 9 января 1785 г. Башмаков, Скорняков, Николай Эмин, в задачи которого включались топографическое описание границы и создание пейзажных зарисовок, и сержант Лука Михайлов, снятый с работы на Олонецких горных заводах в качестве переводчика с карельского языка, были отправлены на выполнение приказа генерала-губернатора и снабжены суммой – 250 руб. Описание пути от межи Архангельского до Выборгского наместничеств по границе со Швецией было закончено спустя три месяца [там же, л. 32]. 4 апреля Скорняков и Эмин отчитались о проделанной работе (табл. 1):

Таблица 1

«Замечания на постановление по границе шведской таможенных застав и страж»¹

Table 1

Comments on the Swedish Customs Border Regulations and Guards

Где должно учредить заставу	Таможенная застава учреждена быть долженствует в тех местах, где многия из разных мест текущие воды соединяются и составляют один путь или где многия идущия от границы дороги в одно сходятся и посем в разные разделяются, то для пресечения тайных по оным провозов и необходимо нужно против положить какие либо преграды
При каких местах нужно ставить стражу	Стражу прилично поместить при всяком пути идущем от границы ибо сия блюдя шестие торгующих сопровождает оных в заставу и охраняет часто занимаемое ею место от скрытного товаров провоза
Сие приняв в предмет за нужное полагаю учредить при нижеследующих местах таможни и стражи:	
При деревне Мультозерской Россию от Швеции отделяющей необходимо должно поместить таможенную заставу, ибо кроме пути, ведущего чрез сию деревню в Отечество наше, в 25 верстах от оной находится шведская таможня, следственно в соответствие оной потребно построить таковую же заставу и поколику помянутая деревня лежит при озере Кола, то и нужно иметь для объездов при таможне сей казенную лодку	
В Деревне Имос озера стража и лодка не нужны ² . Несмотря на показание свое что тракту прямо до границы по причине имеющихся тут каменистых гор, болот и разных речек никакого нет, а проезжают чрез Мультозерскую деревню, следовательно для избежания напрасного ущерба при деревне сей, как заставы так и лодки иметь не нужно	
Кушванскую стражу снять	Учредя в Мультозере заставу, можно снять стражу состоящую в Кушванде, ибо путь будет и без того помянутой таможней пресечь
При деревне Пестозерской поколику сие отстоит от границы в 27 верстах и при том дорога склоняется в другую сторону потребно поставить стражу и при ней иметь казенную лодку	
В деревне Войница нужно учредить стражу и при ней иметь казенную лодку, ибо чрез сию и Мультозеро проезжают за границу отстояние ея от оной 43 версты	
В погосте Вок-Наволоцком должна быть застава или по меньшей мере увеличиться ныне в двух солдатах состоящая стража, ибо разныя четыре идущие из Швеции дороги как то чрез деревни Нишкозерскую по реке или чрез деревню Каменную, Сундозерскую и Шарозерскую в погосте сем сходятся и после в две ведущия к Кимосозеру и Юшкозерску разделяются, то для сего и полагаю что нужно поставить заставу и при ней иметь казенную лодку	
В деревне Каменной должно учредить стражу и лодку, ибо чрез сию деревню проезжают купцы зимой и летом из Швеции в Вок-Наволоц	
В деревне Нишкоре поколику и чрез сию проезжают в Вок-Наволоц потребно поставить стражу	
В деревне Бабьей губе нужно поместить стражу и лодку, ибо и чрез сию лежит в Россию дорога	
При деревне Минозерской стража не нужна ³ , в этом месте болота топкие, дремучие леса и высокие горы что делает путь непроходимым. Зимой же ездят чрез оную из Каямбургские ярманки и для сего поставляется на сие время из Камосозерска в двух солдатах состоящая стража	
Деревня Ровкула должна укреплена быть стражею и при оной иметь казенную лодку ибо от границы отстоит в 25 верстах и имеет две дороги к Камосозеру и Минозерску, ведущия тракт через деревню сию пересекав озеро Ровкула простирается сухим путем весьма трудным по причине болот, лесов	
При Ребольском погосте учреждение застав полагаю я не весьма нужным ибо проезд водяным путем чрез оный не весьма свободный в деревне же Колвас уже имеется застава нужна токмо для чинения объездов казенная лодка	
При деревне Лубосалмской поколику летом путь по топким болотам чрез оную труден то для сего и нужно поставлять в оной токмо зимой стражу	
При деревне Островской нужно по удобному летом чрез оную проезду поместить стражу и при ней иметь казенную лодку, отстоит от границы в 15 верстах	
При деревне Кудома лакса отстоящий в семи верстах от границы нужно поставить стражу ибо путь чрез оную самой ближайшии и свободный есть	

Порозерская деревня отделяет Швецию от Санкт-Петербургской и Выборгской губерний следственно и необходимо должно при оной учредить стражу числом служащих протчия превосходящую и по лежащему при деревне сей озеру иметь для учинения объездов казенную лодку	
Об учреждении застав и стражи в Онежской части состоящей в Архангельской губернии	Таковое помещение застав и страж расположено сообразуясь с дорогами, идущими из Шведской Лапландии в Россию, ибо постановлением в помянутых деревнях караулов пресекутся все могущия случаться тайные товаров провозы. Для большего же охранения от скрытых вывозов шведских произведений необходимо нужно также укрепить заставою и стражей и онежскую часть, ибо гораздо более провозят чрез оныя места нежели чрез Юшкзерскую таможенную проехав чрез Кемский городок в Кереть и протчие лопские места из оных же и в Норвегию легко можно избежать платежа пошлин и для сего полагаю я непременно должно учредить в Кемском городке заставу, за ним же в приличных местах поместить и стражи

Верхнего земского суда заседатель Иван Скорняков» [там же, л. 23–30].

Примечание. ¹ Здесь и в табл. 2, 3. сохранены стилистика, орфография и пунктуация авторов-исполнителей. ² Хотя Яблонский, ранее составлявший замечания, писал, что при деревне надлежало иметь стражу и лодку для объездов. ³ Яблонский же отмечал, что таможня в этом месте необходима, так как путь от данной деревни вел к Кем и Архангельску.

Note. Here and in Tabl. 2, 3. ¹The style, spelling and punctuation of the authors-performers are preserved in Tables provided. ² Although Yablonsky, who had previously compiled the comments, wrote that the village should have had a guard and a boat for rounds. ³ Yablonsky also noted that a customs office was necessary in this place, since the route from his village led to Komi and Arkhangelsk.

Замечания были составлены и собственноручно подписаны самим Скорняковым. В качестве приложения после замечаний приведена смета со всеми необходимыми материалами на организацию одной таможи, которая должна была обойтись казне практически в 900 руб. Осенью 1785 г. цолнер Юшкзерской таможенной заставы поручик Федор Федоров составил ведомость таможи и подчиненных ей застав и стражи (табл. 2, 3).

Иных сведений о том, как в дальнейшем реализовывались планы об обустройстве таможен и застав на границе Олонецкой губернии со Швецией в конце XVIII столетия, не сохранилось, или документы исследователями не выявлены пока что.

Известно, что вплоть до 1790-х гг. была не решена проблема по обеспечению безопасности границы и охране таможен военными силами. Несмотря на то, что и для несения караулов при таможене пунктом № 7 «Штатов для портовых и пограничных таможенных застав» от 1776 г. закреплялось активное привлечение нижних чинов и унтер-офицеров, направлять которых должна была Гарнизонная канцелярия [24, л. 2–7].

На содержание пограничной стражи требовалось 6280 руб. в год. Проблема временно решалась расположе-

нием при заставе воинской команды, присланной 21 июня 1783 г. по указу Санкт-Петербургской губернской казенной палаты, а именно Санкт-Петербургским обер-комендантом генералом-майором Чернышевым, на смену состоявших при Олонецкой Юшкзерской пограничной заставе воинских чинов из новгородского батальона. Итого при заставе и на расположенных форпостах в 1785 г. из военнослужащих числились: один сержант, один каптенармус, один капрал, 19 рядовых [23, л. 11 об].

Лишь весной 1790 г. был сформирован особый Олонецкий егерский батальон «для употребления как к пограничной страже в военное время, так и при горных тамошних заводах» [25, л. 84]. К концу 1793 г. при Олонецкой Юшкзерской пограничной заставе числились 10 рядовых и один минер [26, л. 139 об.].

Как отмечает ряд исследователей, создание так называемой «таможенной цепи» не оправдало ожиданий правительства [18, 27, 28]. Через российские таможи продолжился ввоз контрабандных товаров. Какой был процент провоза нелегальных товаров через русско-шведскую границу на территории Олонецкого наместничества до и после Указа 1782 г. неизвестно. Однако, учитывая проблемы организации там системы таможенных застав

Таблица 2

Список именной Олонецкой Юшкзерской пограничной таможенной заставы на 1785 год [23, л. 9–9 об.]

Table 2

List of the personal Olonetsk Yushkozersk border customs outpost for 1785 [23, l. 9–9 ob.]

Чины и имена	Число людей по штату	Число людей, состоящих по списку	Кто именно при какой должности находится	Когда и кем к таможене определены
Цолнер Федор Федоров	1	1	У исправления положенной яко то при осмотре и отпуске везущего чрез сию заставу разного звания торговыми людьми за границу в Швецию российского и привозимого из оной заграничного по силе тарифу товару и взятая с надлежащих по тому тарифу пошлин и в пользу городов денежной казны и в прочем во всем порученной в силу законов цолнерской должности	Прислан к должности прошлого 1783 г. 8 февраля при указе Санкт-Петербургской губернии и с казенной палаты определенный Санкт-Петербургским губернским правлением по достоинству советника таможенных дел господина статского советника Дала и по сообщению оной палаты
Копеист (положен по штату) На лицо канцелярист состоящий на копеецкой вакансии Феофан Федоров	1	1	У исправления приходной и расходной книги и прочих письменных дел	Определен прошлого 1779 г. 21 марта по указу бывшей Главной над таможенными сборами канцелярии
Капрал	1	0		
Солдат	5	0		
Итого положено по штату: 8		По списку состоит: 2		

Таблица 3

Ведомость Юшкозерской пограничной таможенной заставы и подчиненных ей форпостов и стражи [23, л. 10–10 об].

Table 3

Statement of the Yushkizersk border customs outpost and its subordinate outposts and guards [23, l. 10–10 ob.]

№		В каких деревнях	Число воинских людей	В каком расстоянии, число верст	Для чего учреждены
1	Повенецкого уезда	Повенецкого уезда Панозерского погоста в деревне Юшкозере при таможенных заставе караул. Рядовых:	3	Оный форпост расстоянием от заставы в 10 верстах	Оные форпосты учреждены дабы как из заграницы шведской в Россию так и из оной заграницу мимо таможенной заставы потаенной от пошлин товаров провозимо не было
		На расположенных от сей заставы форпостах: В Деревне Юшкозере Каптенармус:	1		
		Рядовых:	2		
		В Деревне Сопасалме Капрал:	1		
2		Рядовой:	1		
3	В Панозерском погосте	В деревне Погоской Рядовых:	2	Оный форпост расстоянием от заставы 50 верст, а от Салминского форпоста 40 верст	Оный форпост учрежден для осмотру и препровождения к заставе везущего заграницу в Швецию покупного в России товару
4		В деревне Кургиеве Рядовой:	1	Оный форпост расстоянием от заставы 80 верст, а от Погоского форпоста 30	Оные форпосты учреждены к непуску заграницу в Швецию товаров в рассуждении, что состоят в стороне большого тракта
5	Арханг. Наместничества Онежской округи в Кемском ведомстве	В деревне Подчеренского устья Рядовой:	1	Оный форпост расстоянием от заставы 195 верст, от Кургиевского форпоста 125 верст	
6	Повенецкого уезда в Панозерском погосте	В деревне Кушванды Сержант:	1	Оный форпост расстоянием от заставы 150 верст, а от Подчеренского форпоста 52	Чрез оные форпосты имеются пропуски как заграницу в Швецию, так и из оной в Россию товаров понеже оные состоят по прямой дороге от заставы на которой к осмотру чинится по данным им инструкциям
		Рядовой:	1		
7	Повенецкого уезда	В деревне Вок-Наволоц Рядовых:	2	Оный форпост расстоянием от заставы 125 верст, а от Кушвандского форпоста 226	Оный форпост учрежден к недопуску заграницу в Швецию товаров в рассуждении, что состоят в стороне большого тракта
8		В деревне Кимасозере Рядовой:	1	Оный форпост расстоянием от заставы 70 верст, а от Вок-Наволоцкого форпоста 90 верст	
9	В Ребольском погосте	В деревне Колвосозера Рядовых:	2	Оный форпост расстоянием от заставы 162 версты, от Кимасозерского форпоста 92 версты	Оные форпосты учреждены к непуску заграницу в Швецию товаров в рассуждение что состоят в стороне большого тракта
10	Повенецкого уезда в Селецком погосте	В деревнях Свиных горах и Кубасалме Рядовых:	2	Оный форпост расстоянием от заставы 263 версты, а от Колвосозерского форпоста 101	

(административная реорганизация территории Карелии и формирование новой администрации; недостаток военнослужащих для охраны форпостов; отсутствие лодок для объездов по рекам и озерам; нехватка средств для обустройства всех застав; большие расстояния между форпостами и заставами; обширные и труднопроходимые территории), можно сделать вывод, что таможенные заставы Беломорской Карелии не обладали большей эффективностью по выявлению контрабанды, чем аналогичные таможни на западных и юго-западных границах Российской империи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

- Лодыженский, К. И. История русского таможенного тарифа / К. И. Лодыженский. – СПб., 1886.
- Кулишер, И. М. История русской торговли / И. М. Кулишер. – Петербург, 1923.
- Струве, П. Б. Торговая политика России / П. Б. Струве. – СПб., 1913.
- Покровский, С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России / С. А. Покровский. – М., 1947.
- Спиридонова, Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I / Е. В. Спиридонова. – М., 1952.
- Козинцева, Р. И. Очерки внешней торговли и таможенной политики России первой трети XVIII века.: автореф. ... дис. к.и.н. / Р. И. Козинцева. – Л., 1961.
- Волков, М. Я. Таможенная реформа 1753–1757 гг.: автореф. ... дис. к.и.н. / М. Я. Волков. – М., 1961.
- Козлова, Н. В. Российский абсолютизм и купечество / Н. В. Козлова. – М., 1999.
- Космынин, А. В. Внешнеторговая политика русского правительства во второй половине XVIII в.: автореф. ... дис. к.и.н. / А. В. Космынин. – Воронеж, 1998.

10. Фирсов, Н. Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II / Н. Н. Фирсов. – Казань, 1902.
11. Таможенное дело в России. X–начало XX вв. – СПб., 1995.
12. Головин, В. В. Таможенное дело на Мурмане: историко-правовой очерк / В. В. Головин. – Мурманск, 1999. – 271.
13. История Архангельской таможни XVI–XX вв. / В. Н. Булатов, Т. С. Минаева, О. В. Петров [и др.]. – Архангельск, 2001.
14. Агамирзоев, К. М. Четыре века таможенной истории Карелии (XVII–XXI вв.): справочное издание по истории таможенной службы в Карелии / К. М. Агамирзоев. – Костомукша, 2023.
15. Петров, О. В. Из истории таможенного дела на Европейском Севере России: (в Архангельской области и Ненецком автономном округе) / О. В. Петров // Вестник Международного «Института управления». – 2005. – № 7/9. – С. 47–52.
16. Лобченко, Л. Н. Становление и развитие таможни на Кольском Севере в период с XVII до середины XX в.: историко-правовой аспект / Л. Н. Лобченко // Вопросы истории. – 2020. – № 2. – С. 73–82.
17. Петров, О. В. Архангельская таможня. 1586–2006 / О. В. Петров. – Архангельск, 2006.
18. Минаева, Т. С. Таможенная политика России и Швеции в условиях торговой конкуренции XVIII в. / Т. С. Минаева. – Архангельск: САФУ, 2023. – 280 с.
19. ПСЗ РИ. Т. 21. № 15522.
20. ПСЗ РИ. Т. 22. № 15999.
21. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: биографический справочник / Н. А. Кораблёв, Т. А. Мошина. – Петрозаводск: «Строительный стандарт», 2012. – 140 с.
22. НАРК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 1/12.
23. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1а. Д. 76.
24. ГААО. Ф. 1367. Оп. 3. Д. 1а.
25. ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1671.
26. ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1649.
27. Кулишер, И. М. История русской торговли / И. М. Кулишер. – Петербург, 1923. – С. 317.
28. Соломеин, А. Ю. История таможенного дела и таможенной политики России: учебное пособие / А. Ю. Соломеин. – СПб.: ИЦ Интермедиа, 2011. – 252 с.
5. Spiridonova, E. V. Ekonomicheskaya politika i ekonomicheskie vzglyady Petra I [Economic policy and economic views of Peter the Great] / E. V. Spiridonova. – Moscow, 1952.
6. Kozintseva, R. I. Ocherki vneshnei torgovli i tamozhennoi politiki Rossii pervoi treti XVIII veka [Essays on foreign trade and customs policy of Russia in the first third of the XVIII century]: abstract of diss.... Cand. Sci. (History) / R. I. Kozintseva. – Leningrad, 1961.
7. Volkov, M. Ya. Tamozhennaya reforma 1753–1757 [Customs reform of 1753–1757]: abstract of diss.... Cand. Sci. (History) / M. Ya. Volkov. – Moscow, 1961.
8. Kozlova, N. V. Rossiiskii absolutizm i kupechestvo [Russian absolutism and merchant class] / N. V. Kozlova. – Moscow, 1999.
9. Kosmynin, A. V. Vneshnetorgovaya politika russkogo pravitelstva vo vtoroi polovine XVIII v. [The foreign trade policy of the Russian government in the second half of the XVIII century]: abstract of diss.... Cand. Sci. (History) / A. V. Kosmynin. – Voronezh, 1998.
10. Firsov, N. N. Pravitelstvo i obschestvo v ih otnosheniyah k vneshnei torgivle Rossii v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II [Government and society in their relations to Russia's foreign trade during the reign of Empress Catherine II] / N. N. Firsov. – Kazan, 1902.
11. Tamozhennoe delo v Rossii. X–nachalo XX vv. [Customs business in Russia. X–early XX centuries]. – St. Petersburg, 1995.
12. Golovin, V. V. Tamozhennoe delo na Murmane: istoriko-pravovoi ocherk [Customs business in Murmansk: historical and legal essay] / V. V. Golovin. – Murmansk, 1999. – 271 p.
13. Istoriya Arkhangel'skoi tamozhni XVI–XX vv. [History of Arkhangelsk customs of the XVI–XX centuries] / V. N. Bulatov, T. S. Minaeva, O. V. Petrov [et al.]. – Arkhangelsk, 2001.
14. Agamirzoev, K. M. Chetyre veka tamozhennoi istorii Karelii (XVII–XXI vv.): spravocnoe izdanie po istorii tamozhennoi sluzhby v Karelii [Four centuries of Karelian customs history (XVII–XXI centuries): reference book on the history of the customs service in Karelia] / K. M. Agamirzoev. – Kostomuksha, 2023.
15. Petrov, O. V. Iz istorii tamozhennogo dela na Evropeiskom Severe Rossii: (v Arkhangel'skoi oblasti i Nenetskom avtonomnom okruge) [From the history of customs in the European North of Russia: (in the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug)] / O. V. Petrov // Bull. of the International Institute of Management. – 2005. – No. 7/9. – P. 47–52.
16. Lobchenko, L. N. Stanovlenie i razvitie tamozhni na Kolskom Severe v period s XVII do serediny XX v.: istoriko-pravovoi aspekt [The formation and development of customs in the Kola North in the period from the XVII to the middle of the XX century.: historical and legal aspect] / L. N. Lobchenko // Questions of history. – 2020. – No. 2. – P. 73–82.

References

1. Lodyzhensky, K. I. Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa [The history of the Russian customs tariff] / K. I. Lodyzhensky. – St. Petersburg, 1886.
2. Kulisher, I. M. Istoriya russkoi torgovli [The History of Russian trade] / I. M. Kulisher. – Petersburg, 1923.
3. Struve, P. B. Torgovaya politika Rossii [Trade policy of Russia] / P. B. Struve. – St. Petersburg, 1913.
4. Pokrovsky, S. A. Vneshnyaya torgovlya i vneshnaya torgovaya politika Rossii [Foreign trade and foreign trade policy of Russia] / S. A. Pokrovsky. – Moscow, 1947.

17. Petrov, O. V. Arkhangelskaya tamozhnya [Arkhangelsk customs. 1586–2006] / O. V. Petrov. – Arkhangelsk, 2006.
18. Minaeva, T. S. Tamozhennaya politika Rossii i Shvecii v usloviyah torgovoi konkurencii XVIII v. [Customs policy of Russia and Sweden in the context of trade competition of the XVIII century] / T. S. Minaeva. – Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal Univ., 2023. 280 p.
19. PSZ RI [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 21. No. 15522.
20. Ibid. Vol. 22. No. 15999.
21. Olonetskie gubernatory i general-gubernatory: biograficheskii spravochnik [Olonets governors and governors-general: a biographical reference] / N. A. Korablev, T. A. Moshina. – Petrozavodsk: "Building Standard" Publ., 2012. – 140 p.
22. NARK [National Archive of the Komi Republic]. F. 2. Op. 61. 1/12.
23. GAAO [State Archive of the Arkhangelsk Region]. F. 1. Op. 2. Vol. 1a. 76.
24. Ibid. F. 1367. Op. 3 1a.
25. Ibid. F. 1367. Op. 2. D. 1671.
26. Ibid. F. 1367. Op. 2. D. 1649.
27. Kulisher, I. M. Istoriya russkoi tamozhni [History of Russian trade] / I. M. Kulisher. – Petersburg, 1923. – p. 317.
28. Solomein, A. Yu. History of customs affairs and customs policy of Russia: textbook / A. Yu. Solomein. – St. Petersburg: IC Intermedia, 2011. – 252 p.

Информация об авторе:

Хребтов Никита Андреевич – заведующий отделом научно-просветительских программ Архангельского краеведческого музея (Российская Федерация, г. Архангельск, ул. Набережная северной Двины, 85/86; e-mail: ya.nax1999@yandex.ru); аспирант кафедры Отечественной истории Северного Арктического федерального университета им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, г. Архангельск, ул. Набережная северной Двины, д. 17 (головной корпус); e-mail: ya.nax1999@yandex.ru).

Author:

Nikita Andreevich Khrebtov – Head of the Scientific and Educational Programs Department, Arkhangelsk Museum of Local Lore, postgraduate student at the Department of Russian History, M.V. Lomonosov Northern Arctic Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: ya.nax1999@yandex.ru).

Для цитирования:

Хребтов, Н. А. К вопросу о таможенной пограничной цепи Екатерины II: документальные свидетельства из Национального архива Республики Карелия и Государственного архива Архангельской области / Н. А. Хребтов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 40–46.

For citation:

Khrebtov, N. A. On the Customs Border Chain of Catherine II: documentary evidence from the National Archive of the Karelia Republic and the State Archive of the Arkhangelsk Region / N. A. Khrebtov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 40–46.

Дата поступления статьи: 03.12.2024

Прошла рецензирование: 04.12.2024

Принято решение о публикации: 13.12.2024

Received: 03.12.2024

Reviewed: 04.12.2024

Accepted: 13.12.2024

Участие абхазской интеллигенции в развитии российского общества в XIX – начале XX века

И. Х. Дамения

ООО «Издательство "Юридический центр"»,
г. Санкт-Петербург
damenia@rambler.ru

Аннотация

В статье рассмотрена роль абхазской интеллигенции в общественно-политической и социально-экономической жизни российского общества. В начале XIX в. абхазская интеллигенция включала представителей дворянских и княжеских семей, составлявших абхазскую военную интеллигенцию. С середины XIX в. растет контингент абхазских чиновников из различных социальных слоев населения. Основную массу социальной группы стали составлять выходцы из недворянских слоев общества, получившие образование в столичных российских учебных заведениях по различным специальностям. Среди них можно выделить юристов, журналистов, филологов, специалистов по флоре и фауне, другим научным дисциплинам. Яркие представители абхазской интеллигенции работали во благо развития российского общества в области культуры и образования. С конца XIX в. начинается творческий путь Александра Константиновича Шервашидзе (Чачба), имя которого можно поставить в ряд выдающихся художников России. С начала XX в. активную деятельность проявляли представители политической абхазской интеллигенции в установлении советской власти и развитии нового социалистического общества.

Ключевые слова:

Абхазия, абхазская интеллигенция, военная интеллигенция, абхазские чиновники, А. К. Шервашидзе (Чачба), политическая интеллигенция, Российское государство

Интерес к истории развития абхазской национальной интеллигенции XIX–XX вв. и ее участие в российском обществе не угасает в современной исторической науке. Актуальность проблемы исследования роли абхазской интеллигенции обусловлена той необходимостью, которую она играла в общественно-политической и социально-экономической жизни не только абхазского, но и российского общества.

Тема участия абхазской интеллигенции в российском культурном, социально-экономическом и политическом развитии не находила должного отражения в дореволюционной и советской историографии. Историография на-

Participation of the Abkhazian intelligentsia in the development of Russian society in the XIX-early XX centuries

I. Kh. Damenia

Law Center Publishing House, LLC,
St. Petersburg
damenia@rambler.ru

Abstract

The paper considers the role of the Abkhazian intelligentsia in the socio-political and socio-economic life of Russian society. At the beginning of the XIX century, the Abkhazian intelligentsia included representatives of noble and princely families who made up the Abkhazian military intelligentsia. Since the mid-XIX century, a large contingent of Abkhazian officials from various social strata of the population has been growing. The bulk of the social group began to consist of people from non-noble strata of society who received education at the educational institutions of the Russian capital in various specialties. Among the large group one can see lawyers, journalists, philologists, specialists in flora and fauna, and other scientific disciplines. Prominent representatives of the Abkhazian intelligentsia worked for the benefit of the development of the entire Russian society in the field of culture and education. Since the end of the XIX century, the creative path of Alexander Konstantinovich Shervashidze (Chachba) began, whose name can be ranked among the outstanding artists of Russia. Since the beginning of the XX century, representatives of the political Abkhazian intelligentsia have been actively involved in the establishment of Soviet power and the development of a new socialist society.

Keywords:

Abkhazia, Abkhazian intelligentsia, military intelligentsia, Abkhazian officials, A. K. Shervashidze (Chachba), political intelligentsia, Russian state

чала XX в. представлена немногочисленными работами представителей абхазской интеллигенции конца XIX–начала XX в. [1, 2]. Большую ценность представляют материалы местной абхазской и общероссийской периодической печати.

Тем не менее данная проблема не теряла своей актуальности. В советской историографии серьезным шагом в осмыслении роли абхазской интеллигенции является исследование Г. А. Дзидзария «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» [3]. В трудах современного периода авторы уделяют большое внимание вопросам политического и культурного развития Абхазии

в начале XX в., роли представителей абхазской интеллигенции на развитие российского общества [4; 5; 6, с. 433]. И тем не менее в исторической литературе в настоящее время продолжают оставаться нераскрытыми вопросы участия многих видных представителей абхазской интеллигенции в общественно-политической и культурной жизни Российского государства XIX–начала XX в.

Абхазскую интеллигенцию, так успешно продолжавшую свое формирование на протяжении всего XIX в., по-прежнему возглавляли представители дворянских и княжеских семей. К их числу относился абхазский князь корнет Тулупар Анчабадзе (Ачба), участник подавления Венгерской революции 1848–1849 гг., Лыхненского восстания 1866 г. Военную интеллигенцию представляли полковник Михаил Маршания, поручик Бату Эмухвари, прапорщик Иван Шервашидзе, Куджиман Маргания, Самсон Леванович и Дмитрий Константинович Шервашидзе и мн. др.

Абхазскую военную интеллигенцию представлял генерал-майор Российской армии **Малахий Кваджевич Маргания (Маан)** (1859–1918), родился в с. Гудаве. Поступил в Закавказскую Учительскую семинарию, в 1879 г. перевелся в военное училище. Несколько лет его служба проходила на Кавказе, но основную часть своей жизни он прослужил в Туркмении. В «Послужном списке» М. К. Маргания значатся должности заведующего Ашхабадской, Мервской сотнями в 1887 и 1890 гг., Туркменской конной милицией, командующего Туркменским конно-иррегулярным дивизионом в 1899 г., исполняющего делами российского пограничного с Персией комиссара. Он был командиром Дагестанского конного полка, Верхнеудинского казачьего полка. Неоднократно по делам службы посещал Персию, командировался в города Закавказья и Средней Азии. М. К. Маргания был высокообразованным офицером. Знание нескольких языков (абхазский, русский, турецкий, туркменский, персидский) свидетельствовало о его ценности не только как военно-политического деятеля. Одновременно он проявлял интерес и к научным знаниям. В частности, принимал активное участие в составлении «Руководства для обучения туркмен русскому языку», вышедшего в 1893 г. В 1895 г. была издана его работа «От берегов р. Мургаба до берегов р. Аму-Дарья», высоко оцененная в научных кругах. Военная дипломатическая деятельность М. К. Маргания отмечена высшими медалями и наградами Российской империи и Персии.

В целом, военная абхазская интеллигенция была достаточно широко представлена во всех сферах жизни Российской империи и сыграла немаловажную роль в развитии государственного строительства как Абхазии, так и России в целом.

С середины XIX в. в Абхазии растет количество абхазских чиновников, выходцев из различных социальных слоев населения. Рост их числа был связан с необходимостью подготовки местных кадров руководства, духовенства, военной и полицейской структур государственной власти. Многие абхазы работали переводчиками, служителями церкви, губернскими секретарями.

Большую роль в общественно-политической жизни Кавказа и России сыграл **Георгий Дмитриевич Шервашидзе (Чачба)** (1847–1918), российский государственный деятель, один из ярких представителей абхазского высшего сословия, правнук владельца Абхазии Келешбея Чачба, состоявший в придворном чине обер-гофмейстера в числе первых лиц Императорского двора. Г. Д. Шервашидзе (Чачба) в детстве был отдан на воспитание супруге начальника Черноморской береговой линии, а впоследствии Кутаисского губернатора, генерала Н. П. Колюбякина Александре Александровне Колюбякиной-Крижановской. От нее еще совсем юный Г. Д. Шервашидзе (Чачба) получил первые познания в литературе, истории, изучении русского и иностранного языков. Генерал Н. П. Колюбякин в период службы на Кавказе увлекался историей Абхазии, сохранились его работы по вопросам истории и этнографии Абхазии, написанные им в годы проживания в Сухуме с 1851 г. [7, 8]. Знакомство с сосланными на Кавказ декабристами, в числе которых был и А. А. Бестужев-Марлинский, также сыграло большую роль в формировании общественно-политических взглядов молодого Г. Д. Шервашидзе (Чачба).

С 1858 г. Г. Д. Шервашидзе (Чачба) провел в Санкт-Петербурге. В 1865–1869 гг. он получал образование на юридическом факультете Московского университета. Государственную службу начал в г. Тифлисе в должности титулярного советника и чиновника особых поручений при начальнике Главного управления Кавказского наместничества. В 1883 г. назначен вице-губернатором, а в 1889–1897 гг. – губернатором Тифлиса. В 1888 г. произошло знакомство Г. Д. Шервашидзе (Чачба) с императором Александром III и императрицей Марией Федоровной при посещении царской семьи Абхазии. С 1899 г. Г. Д. Шервашидзе (Чачба) состоял при императрице в должности обер-гофмейстера, а в 1905–1913 гг. заведовал канцелярией Марии Федоровны.

Г. Д. Шервашидзе был награжден медалью «В память Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг.», орденами Святого Александра Невского, Белого Орла, Святой Анны, Святого Станислава, Святого Владимира; орденами и наградами царских императорских семей Англии, Бухары, Дании, Италии, Мекленбург-Шверина, Ольденбурга, Персии, Швеции, Японии.

Современники отмечали роль и влияние Г. Д. Шервашидзе (Чачба) на императорский двор и, в частности, вдовствующую императрицу Марию Федоровну, отношения которых были оформлены морганическим браком. С. Ю. Витте называл его «своим большим приятелем <...> когда Георгий оказывал ему услуги посредничеством в переговорах с императрицей» [9, с. 287, 292]. Доказательством высокого социального положения стало участие Г. Д. Шервашидзе (Чачба) в коронационных торжествах в Англии в 1911 г.

Высока роль Г. Д. Шервашидзе (Чачба) в общественно-политической жизни России, Кавказа и Абхазии. Так, историк С. З. Лакоба отмечает, что Г. Д. Шервашидзе «был в высшей степени образованным, культурным человеком, принимавшим непосредственное участие и в решении

ряда политических вопросов царской России [10]. А председатель правительства С. Ю. Витте пишет о предпринимаемых им попытках остановить надвигавшуюся в 1904 г. русско-японскую войну» [9, с. 353]. С уверенностью можно отметить и его роль в снятии «виновности» с абхазского населения в 1907 г. российским императором Николаем II.

Деятельность Г. Д. Шервашидзе (Чачба) была направлена в первую очередь на социально-культурное и общественно-политическое развитие Абхазии. Он являлся действительным членом «Кавказского общества сельского хозяйства», был покровителем многих писателей и общественных деятелей Кавказа. Большая роль отводится ему в открытии народных школ Кавказа. В 1902 г. он с супругой, Марией Александровной Николаи (внучкой Александра Чавчавадзе, племянницей Нины Грибоедовой), посещал школы Абхазии. По инициативе Марии Александровны в 1893 г. в Сухуме были поставлены два спектакля. Сохранилась уникальная библиотека Г. Д. Шервашидзе (Чачба), представленная научной литературой по кавказоведению и абхазоведению, а также классиками русской и зарубежной литературы на русском и иностранном языках, после его смерти в 1918 г. была передана университету в Тифлисе.

Абхазская интеллигенция к концу XIX в. уже была представлена большой группой лиц из разных слоев населения. Основную массу социальной группы составляли выходцы из недворянских слоев общества, получившие образование в столичных российских учебных заведениях по различным специальностям. Среди них можно выделить юристов, журналистов, филологов, специалистов по флоре и фауне, другим научным дисциплинам. Их деятельность как в Абхазии, так и за ее пределами оказалась востребованной и оставила заметный след в истории абхазского народа и российского общества.

Передовую абхазскую интеллигенцию представлял **Давид Григорьевич Анчабадзе (Ачба)** (1854–1888), по окончании Кутаисской гимназии с 1868 г. обучался в Московском университете на юридическом факультете. После завершения учебы со степенью кандидата права Д. Г. Анчабадзе работал помощником известного адвоката В. Д. Спасовича. С 1877 г. являлся присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты. Известна профессиональная деятельность Д. Г. Анчабадзе на процессах. Последние годы жизни он жил в Кутаисе, был поверенным Г. Д. Шервашидзе, позже, с 1887 г., переехал на постоянное место жительства в Абхазию. Историк Г. А. Дзидзария отмечает его деятельность в журнале «Иверия», где он работал по приглашению И. Чавчавадзе и сыграл большую роль в национально-освободительном движении Грузии [3, с. 107].

В Московском университете на юридическом факультете получили образование В. Г. Гурджуа, Г. Д. Чачба, Г. Черкезия, оставившие заметный вклад в развитии юридического образования в России [11]. Здесь же, с 1898 г., обучался **Григорий Матвеевич Зухбай** (1879–1952). По окончании Сухумской горской школы он поступил в Ставропольскую классическую гимназию, а затем – Московский университет на юридический факультет. В начале XX в.

Г. М. Зухбай принимал активное участие в студенческих движениях в Москве, за что был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, а затем этапирован на Кавказ. Однако тяга к учебе и готовность в наведении правопорядка в стране не оставляла молодого абхаза, и он был восстановлен в университете. В 1903 г. после завершения учебы Г. М. Зухбай работал на кафедре римского права [12], одновременно вел судебную практику, работая на должности присяжного заседателя при Московском окружном суде в 1903–1904 гг., помощником присяжного поверенного при совете присяжных поверенных округа Московской судебной палаты в 1904–1909 гг. С 1909 г. Г. М. Зухбай продолжил свою деятельность присяжным поверенным Тифлисской судебной палаты. С 1911 г. – гласный Сухумской городской Думы [13, с. 194].

К представителям абхазской интеллигенции этого периода следует отнести **Геorgia Тыгвовича Черкезия** (1850–1936), выходца из крестьянской семьи. После окончания юридического факультета Московского университета в 1880 г. начал практическую деятельность. С 1896 г. Г. Т. Черкезия продолжил работу в Абхазии помощником мирового судьи Сухумского мирового отдела, с 1896 г. – переводчиком и секретарем суда. С 1907 г. – титулярный советник, гласный Сухумской городской управы. С 1911 г. работал в г. Очамчире в чине коллежского асессора судебным приставом мирового отдела. Свою деятельность в области юриспруденции он продолжал и в начале XX в.

Следует выделить специалиста по изучению лесного хозяйства Абхазии выходца из крестьянской среды **Алексея Васильевича Гамисония** (1871–1930). После окончания Окумской школы он продолжил учебу в Новофонской школе, затем поступил в Ахалцихское лесное училище. В 1894 г. А. В. Гамисония был направлен на работу в Кубанско-Черноморское управление земледелия и государственных имуществ заведующим горскими лесами Псекупского района [14]. В 1906–1911 гг. А. В. Гамисония получал образование в Петербургском лесном институте. После завершения учебы по специальности ученый-лесовод проводил исследования в Приамурской лесозащитной партии, Туркестанском крае, Екатеринодаре. Его изучение лесных хозяйств регионов вошло в основу многих научных докладов, статей, выступлений. В 1916 г. А. В. Гамисония был назначен лесничим Курганского степного культурного лесничества. С 1921 г. А. В. Гамисония продолжил активную практическую деятельность в Абхазии [15].

Среди абхазских представителей технических специальностей следует отметить **Раждена Ивановича Какубу** (1873–1941). После окончания Сухумской горской школы и продолжения учебы в Ставропольской гимназии он, в 1894 г., поступил в Санкт-Петербургский институт путей сообщения, где был оставлен ассистентом после завершения учебы. По прошествии нескольких лет работы в Санкт-Петербурге, в начале XX в., он вернулся в Абхазию и продолжил заниматься инженерно-техническими работами в области строительства шоссейных дорог, мостов, железнодорожных линий, общественных зданий на территории Абхазии.

Представитель новых кадров этнических абхазских интеллигентов – **Георгий Михайлович Шервашидзе (Чачба)** (1846–1918), сыгравшего значимую роль в общественной и культурной жизни России и Кавказа. Старший сын последнего абхазского владельца с десятилетнего возраста воспитывался в семье кутаисского генерала-губернатора А. И. Гагарина, где обучался русскому, грузинскому языкам и грамоте. Затем Г. М. Шервашидзе продолжил обучение в Тифлисе и Санкт-Петербурге.

В 1863 г. он был назначен адъютантом главнокомандующего Кавказской армией, а 19 апреля 1864 г. становится подпоручиком. После упразднения Абхазского княжества в 1864 г. правительством было решено «удалить всех членов владетельского дома навсегда из Абхазии» [16, с. 675]. После Лыхненского восстания 1866 г. Г. М. Шервашидзе был переведен в пехотный полк в г. Кутаис, а в 1867 г. откомандирован к Оренбургскому казачьему войску. В 1871 г. в чине штабс-капитана он был направлен в распоряжение командующего Одесским военным округом, а 17 июня 1875 г. снова назначен адъютантом командующего Кавказской армией.

С 1879 г. Г. М. Шервашидзе продолжил активную деятельность в Санкт-Петербурге, где поселился у Д. Г. Анчабадзе. В северной столице принимал участие в литературно-музыкальных вечерах Д. С. Мережковского, Я. П. Полонского. Здесь произошло его знакомство с известными уже тогда грузинскими поэтами и общественными деятелями А. Церетели, И. Чавчавадзе.

В апреле 1879 г. он становится флигель-адъютантом Александра II, в 1880 г. зачисляется в свиту императора. В июле 1883 г. увольняется в отставку «до выздоровления», а в августе 1887 г. назначается полковником с оставлением на службе в звании флигель-адъютанта и переезжает в Кутаис. Однако в 1888 г. Г. М. Шервашидзе был выслан за революционные взгляды против царского правительства за пределы Кавказа на время пребывания там Александра III. В знак протеста он навсегда увольняется с военной службы с правом ношения мундира. В 1905 г. Г. М. Шервашидзе возвращается в Абхазию, последние годы жизни он провел в г. Сухуме, где всецело посвятил себя литературному творчеству.

Произведения Г. М. Шервашидзе (Чачба) дополнили классику абхазской литературы. Особенность его произведений в том, что автор выступает защитником абхазских интересов и воли абхазского народа. Глубокое знание языков (русского, абхазского, грузинского, турецкого, английского, французского, немецкого) позволяло ему свободно общаться и высказываться на злободневные вопросы в среде литературной и творческой интеллигенции Кавказа и России, куда он влился как один из писателей и поэтов, благодаря которому общественность узнавала об Абхазии и ее народе. В 1870 г. стихотворение «Урада» поставлено на первое место в антологии абхазской поэзии.

Первые произведения Г. М. Шервашидзе (Чачба) увидели свет в 1880-х гг. Его пьесы занимают особое место в абхазской драматургии. В 1881 г. им была представлена комедия «Уходящие тени» (в 1881 г. состоялась театральная постановка на сцене Тифлисского театра, в 1882 г. –

публикация). В 1883 г. драма «Дым без огня» (была поставлена в Кутаисском, а затем и Тифлисском театрах). Трагедия «Георгий III» (1908), по оценкам критиков, стала самым значительным драматическим произведением Г. М. Шервашидзе (Чачба). Он известен также классическими переводами А. С. Пушкина, В. Гюго, а также многочисленными рецензиями на различные пьесы грузинских театров на страницах местной периодической печати. Среди его многочисленных произведений можно выделить «Обращение к братьям-абхазам», написанное накануне его смерти в 1918 г., в котором автор призывает народ защищать так дорого доставшуюся свободу, не отдавать ее в чужие руки и держаться за свою самобытность.

Ярким примером этнического интеллигента следует считать **Давида Зурабовича Чхотуа** (1849–1929), который учился в Кутаисской гимназии, в 1871 г. поступил в Новороссийский, а затем – Петербургский университет. Первоначально он был студентом физико-математического факультета по отделению естественных наук по специальности геология и минералогия, а с 1875 г. продолжил обучение на юридическом факультете [17]. Однако в том же году по семейным обстоятельствам Д. З. Чхотуа оставил учебу и согласился управлять имениями тестя Г. М. Шервашидзе Эреста Степановича Андреевского в Восточной Грузии. В 1876 г. он был ложно обвинен в убийстве дочери Э. С. Андреевского. Известный адвокат В. Д. Спасович в защите утверждал, что это был несчастный случай [18]. Однако Д. З. Чхотуа был приговорен к 20 годам каторжных работ и пожизненной ссылке, на Родину он вернулся только в 1906 г.

Общественно-политические взгляды Д. З. Чхотуа формировались под влиянием демократических традиций передовой кавказской и российской общественной мысли. Большую роль в этом сыграли годы, проведенные в Санкт-Петербурге, а также общение с передовыми представителями абхазской интеллигенции, в первую очередь с Г. М. Шервашидзе. Д. З. Чхотуа был не только энциклопедически образованным человеком, но и одаренным публицистом и литературным критиком. Он сотрудничал с грузинскими газетами «Иверия», «Дрозба», «Сасопло газети», «Кребули», являлся автором ряда публицистических статей – «Два обычая в Абхазии», «Влияние языка на развитие мышления народа», «Ян Гус», «История земли или геология», «Герои поэмы Руставели, их мировоззрение», вошедших в классику исторической и общественно-публицистической мысли абхазской интеллигенции. Одна из его ранних работ – «Два обычая в Абхазии», была опубликована в 1872 г. в газете «Дрозба». В ней автор представил обширный материал о воспитании и гостеприимстве абхазов. В отечественной кавказоведческой литературе одной из значительных работ Д. З. Чхотуа считается его труд «Герои поэмы Руставели, их мировоззрение».

С конца XIX в. начинается творческий путь **Александра Константиновича Шервашидзе (Чачба)**, имя которого можно поставить в ряд выдающихся художников России. Он оформлял спектакли, оперные и балетные декорации, «Русские сезоны» С. Дягилева в крупнейших театрах Санкт-Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона, Мадрида.

Десятки его произведений хранятся в различных музеях мира и частных коллекциях. Он известен и как критик-искусствовед, и как историк искусства. Его отец, Константин Георгиевич Чачба (1811–1883) – внук правителя Абхазского княжества Келешбея, младший брат последнего владельца князя Абхазии Михаила, был одним из лучших представителей абхазских интеллигентов-патриотов XIX в. Отец хотел, чтобы сын стал военным, рос крепким и сильным. В 1874 г. Константин Георгиевич отправился в Санкт-Петербург с сыном, чтобы определить его в Пажеский корпус, который в свое время окончил сам.

После Санкт-Петербурга Александр продолжил обучение в Москве в реальном училище И. М. Хайновского, но Константин Георгиевич забрал сына и определил его в Нижегородский кадетский корпус. Однако из-за плохой успеваемости и неудовлетворительного поведения Александра исключили из 6 класса Кадетского корпуса. Одной из причин такого отношения к военной карьере стала внезапная смерть отца в 1883 г. А. К. Чачба отправился в г. Киев, где при содействии отчима в 1887 г. он был принят в 5 класс Киевского реального училища. В 1889 г. он получил аттестат об его окончании. Но уже в годы учебы он приобщился к искусству и особенно к живописи. Любовь к ней пробудили преподаватели училища лауреат Петербургской Академии художеств И. Ф. Селезнев и художник А. Прахов.

В 1891 г. А. К. Шервашидзе (Чачба) зачислили в Московское художественное училище. Он обучался вместе с будущими художниками, ставшими впоследствии его близкими друзьями: Е. С. Кругликова, А. С. Строганов, Ф. С. Кротов, Л. Е. Ляпунов, А. С. Голубкина, В. И. Горский, Н. И. Успенский и др. [19, с. 283].

В 1892 г. на XV выставке работ Московских художников-учащихся А. К. Шервашидзе (Чачба) представил свои первые живописные работы «Друзья», «Ночь приближается», «В саду». Особо была отмечена последняя работа, выполненная маслом. Преподаватели московского училища обращали внимание на несомненную одаренность художника и советовали ему продолжить обучение в Париже. Особо настаивал на этом известный русский художник В. Д. Поленов, преподававший Александру технику портрета. Впоследствии Александр Константинович писал: «В Московском училище преподавателем техники портрета был В. Д. Поленов. Благодаря его усилиям я в 1893 году поехал в Париж для изучения искусства написания портрета...» [19, 208].

В Париже А. К. Шервашидзе учился в мастерских Фернана Кормона и Жюльена Дюпре. В мастерской Ф. Кормона учились многие будущие художники, в числе которых был голландский художник Винсент Ван Гог. Александр Константинович старался ничего не пропустить. Все, что касалось искусства живописи, интересовало его: содержание произведения, сюжет, идея, усвоение техники, выделение главного в натуре, – он внимательно прислушивался к советам учителей, мнению друзей, осмысливал все это и, следуя своему вкусу, рисовал. В Париже он пребывал до 1899 г., впоследствии часто возвращался в этот город.

В начале XX в. он вновь посетил Париж (1901–1906) уже известным мастером художественного дела. Его соратниками среди парижской художественно-литературной среды были художники, писатели, музыканты, такие как А. Н. Толстой, Е. С. Кругликова, С. П. Яремич, В. Е. Борисов-Мусатов, М. А. Волошин, А. Н. Бенуа, И. Е. Грабарь, К. Д. Бальмонт, В. Брюсов, Н. П. Ряпушинский, В. И. Альбицкий, Н. А. Тархов, А. Г. Якимченко, французский поэт, критик Рене Гиль, А. В. Гольштейн и мн. др. Александр Константинович был активным участником организованного в 1904 г. в Париже художницей Е. С. Кругликовой «Кружка русских артистов» – комитета «Монпарнас» [5, с. 67].

Александр Шервашидзе (Чачба) в свободное время посещал выставки, салоны, изучал картины французских живописцев, творения романтиков и импрессионистов, постимпрессионистов, часто публиковался в журналах «Аполлон», «Мир искусства», «Золотое руно», «Ежегодник императорских театров», освящая темы русского и мирового искусства.

Среди полотен, созданных в эти годы (1905–1906), показывающих рост его таланта, можно выделить «Автопортрет», «Портрет Е. В. Подалка». Эти две картины создали ему славу талантливого художника. Одна из них – «Автопортрет», была выставлена на первой в истории русского национального искусства выставке русских художников в Париже, организованной С. П. Дягилевым в 1906 г. После это произведение выставлялось на многих выставках Парижа. Современники высоко оценивали художественное мастерство и бережное отношение к принципам живописи Александра Чачба, поэтому он был избран членом Французской национальной ассоциации художников.

Один из этапов творчества А. К. Шервашидзе связан со знакомством с А. Н. Бенуа. Вот что пишет А. Н. Бенуа в 1906 г.: «...Из самых первых, кто после Бальмонтов последовал за нами в Примель, был наш новый знакомый, необычайно милый и прелестный человек, художник, князь Александр Константинович Шервашидзе (Чачба). Его род принадлежал к самой достоверной и древней кавказской аристократии, а предки его были, как говорят, даже царями Абхазии, но Александр Константинович, хоть и был очень породист с виду, однако, обладая весьма скудными средствами, вел жизнь более чем скромную». В одном из писем А. Бенуа говорит о том, что благодаря Александру Константиновичу он нашел работу: «...лучшее, что смог сделать, пишет он, – то, что он поручил Рябушинскому Николаю Павловичу (редактор журнала "Золотое Руно") подготовить мой биографический очерк для номера журнала». Здесь же А. Бенуа высоко оценивает работы «Букет цветов» и «Автопортрет» [6, с. 431].

В 1906 г. А. К. Чачба начинает работать в театрах Санкт-Петербурга. В официальном заказе от дирекции императорских театров указано: «Предписываю поручить художнику князю Александру Константиновичу Шервашидзе исполнение декорации 2-й картины "Фауст" на казенном материале с уплатой ему за означенную работу пятисот рублей...». Работа в Санкт-Петербургских театрах продолжалась до середины 1908 г. [20, л. 2–7, 10].

В 1909 г. он оформил оперу Р. Вагнера «Тристан и Изольда», поставленную режиссером В. Э. Мейерхольдом в Мариинском театре. К этому времени А. К. Шервашидзе (Чачба) и В. Э. Мейерхольд уже были известны как мастера театрально-сценического искусства. Александр Константинович своими работами заслужил славу талантливого сценографа. Кроме того, благодаря своим произведениям а также критическим и теоретическим статьям об искусстве он стал известен и как глубокий знаток современного искусства [21, с. 8].

Еще больший успех имело оформление драмы Эрнста Хардта «Шут Тантрис». Критики считали искусство А. К. Чачба главенствующим в «Шуте Тантрисе», открыто говорили, что оно оказывает большое влияние на развитие современного театрально-декоративного искусства. Режиссер, драматург, историк русского театра Н. Н. Евреинов писал: «И разумеется, не один талант и не одна случайность объяснение тому, что А. К. Шервашидзе так поразительно удался, в смысле духа, декоративные постановки рыцарских "Тристана и Изольды" в Мариинском театре и "Шута Тантриса" в Александринском. Благородный дышит вольно только там, где благородное» [22, с. 61].

Репертуар Александринского театра сезона 1910–1911 гг. состоял из спектаклей – «Без вины виноватые» А. Н. Островского, «Женитьба Белугина» А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева, «Дон-Жуан» Ж. Б. Мольера, «Гамлет, принц Датский» В. Шекспира и др. Сохранились эскизы костюмов к трагедии «Гамлет» количеством до 105 шт. Приводимые эскизы подтверждают глубокое знание А. Чачба законов сцены и поведения актеров на ней. Они созданы после проведения глубоких и всесторонних исследований. Современники отмечают, что несмотря на то, что многие художники создавали костюмы для «Гамлета», но еще никто не смог превзойти Александра Шервашидзе (Чачба).

В 1912 г. в Санкт-Петербурге проходили юбилейные торжества, посвященные 100-летию Отечественной войны 1810 г. Александр Константинович внес большой вклад в проведении этого праздника, в частности, в инсценировке произведения Л. Толстого «Война и мир», за которую 31 мая 1913 г. художник был награжден Владимирской лентой с медалью. Среди оформленных А. Чачба оперных спектаклей петербургская публика хорошо приняла музыкальную легенду «Чудо роз» («Дочь прошлых веков») композитора П. П. Шенка. Либретто написал Б. П. Никонов. Премьера оперы состоялась в Мариинском театре 24 сентября 1913 г.

В годы работы в Санкт-Петербурге А. К. Шервашидзе (Чачба) также были оформлены в Мариинском театре балеты «Талисман» (106 эскизов), «Синяя борода», «Царь Кандавл».

Более 10 лет работал абхазский художник в императорских театрах Санкт-Петербурга, и за это время он успел оформить и стать соавтором более чем 30 спектаклей в Александринском, Мариинском, Харьковском драматических театрах. Его также приглашали и в другие петербургские театры – Китайский, Михайловский, Французский [23].

С жизнью и деятельностью А. К. Шервашидзе (Чачба) в Санкт-Петербурге связано важное театральное событие начала XX в. – участие во втором сезоне (1911/12) «Старинного театра» Н. Н. Евреинова. Здесь художник и встретил близких друзей, членов «Мира искусства» Н. К. Рериха, И. И. Билибина, Е. Е. Лансере, Н. А. Щуко, Н. К. Калмыкова и др.

Несмотря на занятость в театрах А. К. Шервашидзе (Чачба) находил время для участия в выставках и других художественных мероприятиях Санкт-Петербурга. Диапазон его творческих интересов был широк. Он работал во многих жанрах: прекрасный портретист, график, сценограф-декоратор, книжный иллюстратор, художественный критик. Кроме того, он принимал участие во многих культурных событиях того времени. Являлся незаменимым участником проводившихся в Петербурге «Вечеров моды». Был членом редколлегии наиболее популярных петербургских журналов, таких как «Искусство», «Золотое руно», «Аполлон», «Мир искусства».

В 1910 г. в Киеве проходила выставка живописи, графики, скульптуры, театрально-декорационного искусства, архитектурных эскизов. В ней принимали участие 54 художника с 312 работами. Среди известных работ, представленных на выставке, были и полотна Александра Константиновича Шервашидзе (Чачба).

Художник оказывал помощь в книжном издательстве Н. И. Бутковской, выпускавшей монографии о русском и зарубежном искусстве. Впервые здесь были изданы монографии о творчестве М. К. Чюрлениса, И. И. Левитана, В. А. Серова и др. А. К. Шервашидзе (Чачба) проводил кропотливую и сложную работу по поиску авторов монографий, привлечению их к сотрудничеству с издательством.

Актуальными для современников, изучающих мир искусства, являются критические статьи А. К. Шервашидзе (Чачба) по искусству. Эти работы представляют автора как крупного исследователя не только своего времени, но и ныне, при бесспорных достижениях искусствознания, заслуживающих нашего пристального внимания. Первые критические и теоретические статьи появились в 1904 г. в Петербургских журналах «Золотое Руно», «Мир искусства», «Искусство», «Аполлон», «Ежегодник Императорских театров». В журнале «Аполлон» числился специальным корреспондентом, освещавшим культурную жизнь Парижа.

В 1904–1913 гг. А. К. Шервашидзе (Чачба) были изданы следующие статьи по искусству: «Индивидуализм и традиция», «Французская живопись за сто лет», «Жорж Сера», «Сезанн», «Александр Бенуа», «Ван Гог», «Парижская выставка русских работ», «Выставка Таркова», «Парижское письмо», «Парижская весенняя выставка», «Осенний Салон» и др. Они показывают его вдумчивым исследователем, глубоко разбирающимся в социальных причинах, приведших к отчуждению народа от искусства.

Первое посещение им Абхазии относится к 1918 г. Быть полезным своему народу, помочь ему по мере своих сил в возрождении национального искусства двигало им, и он начал в силу своих возможностей работать в области культурного развития Абхазии. В это время в Сухуме выходили

газеты «Сухумский вестник», «Сухумский листок объявлений», «Сухумские вести» и другие газеты и журналы. По опубликованным в них информации, объявлениям о культурной жизни можно понять, что в начале 1910-х гг. в Сухуме проходило много художественных мероприятий как силами местных деятелей, так и гастролеров.

В начале XX в. в Сухуме было три собственных театра: Алоизи, Самуриди, Козловского, в которых проходили все культурные мероприятия города. Гастроли, а также выступления местных русских, грузинских, армянских самодеятельных драматических и музыкальных коллективов повышали культурный уровень населения. Представления проходили на русском, греческом, турецком, позднее и на абхазском языках.

С целью становления профессионального театра в Сухуме А. К. Шервашидзе (Чачба) были открыты драматические курсы в Сухумском артистическом обществе. К этому важному делу приобщились учителя школ Абхазии, а также находившиеся в Абхазии В. В. Каменский, поэт В. И. Стражев и мн. др. Они с воодушевлением принялись за воспитание молодых кадров. Открытие драматической студии имело большое значение. Занятия с молодежью проходили по программам: постановка голоса, правильное дыхание, мимика, пластика, грим, импровизация, изучение роли и др.

Для развития абхазского национального изобразительного искусства А. К. Шервашидзе (Чачба) открыл художественную студию и сам в ней преподавал. Он провел много лекций об известных художниках во многих городах Закавказья – о творчестве русского скульптора М. М. Антокольского, русского художника И. И. Левитана, голландского живописца М. Либермана, немецкого живописца И. Израэльса и т. д.

А. К. Шервашидзе (Чачба) беспокоило состояние Абхазии и абхазской культуры, в частности столицы Абхазии – города Сухума, находившегося в запущенном состоянии, у него не было «своего архитектурного лица, в облике царит эстетическая безвкусица». Объехав всю Абхазию, рассматривая и изучая обычаи, традиции народа, художник карандашом делал эскиз карты с изображением мест, где проживали абхазы. Говорил о необходимости создания музеев этнографии, археологии, истории. Для спасения абхазского языка от забвения считал необходимым перевести на абхазский язык классиков мировой литературы Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Д. Лондона и др.

В годы грузинского меньшевистского правления А. К. Чачба был вынужден покинуть Абхазию. Он уезжает в Баку и здесь продолжает заниматься творчеством. В частности, А. К. Шервашидзе (Чачба) является автором первого герба социалистического Азербайджана. Ему принадлежит также авторство обложки журнала «Свободная мысль», вышедшего в Баку в 1919 г.

Пребывание вне Абхазии было недолгим, в начале лета 1919 г. он возвращается на родину. Однако грузинское меньшевистское правительство вновь не давали ему покоя и ему вновь вновь покинуть родину, теперь уже навсегда. В 1924 г. 10 июля из Парижа Н. Н. Евреинов пи-

сал М. А. Волошину: «Александр Константинович бежал из Абхазии из-за нападков меньшевиков, теснивших его друзей абхазов, ныне большевиков, причем его провожал в Батуми сам тов. Н. Лакоба, нынешний Предсовнаркома Абхазии» [24].

А. К. Чачба и Н. Бутковская до весны 1920 г. прибыли в Крым, продолжали заниматься живописью. Он оформлял декорации театров, создавал портреты знакомых. Позже, по приглашению С. П. Дягилева, отправился в Лондон, который находился там с балетной труппой. К сожалению, ему уже не суждено было вернуться на родину. Началась Первая мировая война. Затем годы тяжелых сталинских репрессий вынуждали его оставаться за рубежом. А. К. Шервашидзе (Чачба) скончался в 1968 г. в Доме престарелых в Монте-Карло.

После смерти многие его работы были переданы Сухумской картинной галерее, в архивах Петербургского государственного академического Мариинского театра находятся эскизы декорации к «Фаусту», хранятся и в фондах государственного центрального Театрального музея им. А. А. Бахрушина, других фондах музеев театрального искусства в Москве, Санкт-Петербурге, Лондоне, Париже, а также в Абхазии и Грузии.

К началу XX в. идет формирование политической абхазской интеллигенции. Яркие ее представители – Н. А. Лакоба, Э. А. Эшба, Н. Н. Акиртава, сыграли важную роль в политической жизни не только Абхазии, но и Российского государства начала XX в. Абхазская интеллигенция, малочисленная и не имеющая достаточного политического знания и опыта, тем не менее оказалась в ситуации, когда именно от нее зависела судьба не только Абхазии, но и Кавказа в целом. Абхазия оказалась «под угрозой непосредственных военных действий» с первого дня начала Первой мировой войны и была вовлечена во внешнеполитическую жизнь Российской империи [25, с. 18]. В первую очередь следует отметить активное участие абхазских всадников в составе Абхазской сотни в Первой мировой войне, среди которых было много отличившихся героических лиц, вошедших в ее историю [26].

Таким образом, абхазская интеллигенция была достаточно широко представлена во всех сферах жизни российского общества. Военная абхазская интеллигенция сыграла большую роль в развитии государственного строительства как Абхазии, так и России в целом. Позднее представители абхазской интеллигенции, получившие образование в столичных российских учебных заведениях по различным специальностям, продолжали трудовую деятельность в вузах, организациях и структурах российского общества. Это была большая армия юристов, журналистов, филологов, художников и поэтов. Их деятельность как в Абхазии, так и за ее пределами была востребованной и оставила заметный след в истории абхазского народа и российского общества.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Ашхацава, С. М. Пути развития абхазской истории. Доклад, читанный на 1-м Всесоюзном краеведческом съезде в Абхазии 12 сентября 1924 г. / С. М. Ашхацава. – Сухуми: Издание Наркомпроса Абхазии, 1925. – 46 с.
2. Эмухвари, А. М. Абхазцы и их потребности / А. М. Эмухвари // Газета «Черноморский вестник». – 1898. – № 154, 155.
3. Дзидзария, Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции / Г. А. Дзидзария. – Сухуми, Алашара, 1979. – 354 с.
4. Аджинджал, Б. А. К. Чачба (Шервашидзе) / Б. Аджинджал. – Сухуми: Алашара, 1978. – 82 с.
5. Аджинджал, Б. М. Волошин и А. Чачба (Шервашидзе) / Б. Аджинджал, В. Купченко // Абхазский институт языка, литературы и истории. Известия. Т. VIII. – Тбилиси, 1979. – С. 67–73.
6. Бенуа, А. Мои воспоминания / А. Бенуа. В 5 кн. Кн. 5. – М., 1980. – 743 с.
7. Косвен, М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке / М. О. Косвен. – Кавказский этнографический сборник. – М., 1955. – С. 329–330.
8. Колюбякин, Н. П. Об Абхазии / Н. П. Колюбякин // Газета «Кавказ». – 1853. – 26 сент.
9. Витте, С. Ю. Воспоминания / С. Ю. Витте. В 3 т. Т. 2. – М., 1960. – 639 с.
10. Лакоба, С. З. Абхазский князь на Российском престоле? / С. З. Лакоба. – URL: // <http://abkhazworld.com/abkhazia/history/911-an-abkhaz-prince-on-the-russian-throne-by-stanislav-lakoba.html>. (дата обращения: 13.01.2025).
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1268. Оп. 5. Д. 401. Л. 40.
12. Архив Абхазского Государственного Музея. Ф. 3. Оп. 1. Д. 75. Л. 5.
13. Кавказский календарь на 1913 г. – Тифлис: Главное управление кавказского наместника, 1912. – 893 с.
14. Ивардава, З. Лесничий Алексей Васильевич / З. Ивардава // Газета «Советская Абхазия». – 1970. – November 4.
15. Винюков, А. Старейший лесовод Абхазии / А. Винюков // Газета «Советская Абхазия». – 1936. – October 7.
16. Документы по истории Грузии. Серия 2. 1862–1917. т. I, ч. I. – Тбилиси, 1954. – 980 с.
17. Государственный исторический архив Ленинградской области (далее – ГИА ЛО). Д. 238 (Д.З. Чхотуа). Ф. 14Ю. Оп. 3. Л. 17251.
18. Спасович, В. Д. Сочинения. Т. VI. Судебные речи (1875–1882) / В. Д. Спасович. – СПб., 1894. – С. 164–276.
19. Центральный государственный архив литературы и искусства (далее – ЦГАЛИ). Путеводитель. – М., 1963. – 809 с.
20. РГИА. Ф. 494. Оп. 8. Д. 150. Л. 1–10.
21. Аджинджал, Б. М. Князь Александр Чачба (Шервашидзе). Статьи об искусстве. Отрывки из писем и записных книжек / Б. М. Аджинджал. – СПб., 1998. – 120 с.
22. Евреинов, Н. Н. Оригинал о портретистах / Н. Н. Евреинов. – М., 1922. – 110 с.
23. Летопись Императорских театров. – 1911. – Вып. 4. – С. 105.
24. Рукописный отдел Российской академии наук (далее – РО РАН). Фонд М. А. Волошина. № 562.
25. Дзидзария, Г. А. Очерки истории Абхазии 1910–1921 гг. / Г. А. Дзидзария. – Тбилиси, 1963. – 405 с.
26. Цвижба, Л. И. Абхазская сотня на фронтах Первой мировой войны / Л. И. Цвижба. – М., 1921. – 309 с.

References

1. Ashkhatsava, S. M. Puti razvitiya abkhazskoy istorii. Doklad, chitannyj na 1-m Vsesoyuznom kraevedcheskom s"ezde v Abkhazii 12 sentyabrya 1924 g. [Ways of development of the Abkhazian history. Report read at the 1st All-Union Congress of Local Lore in Abkhazia on September 12, 1924] / S. M. Ashkhatsava. – Sukhumi: Publication of the People's Commissariat of Education of Abkhazia, 1925. – 46 p.
2. Emukhvari, A. M. Abhazcy i ih potrebnosti [Abkhazians and their needs] / A. M. Emukhvari // Gazeta «Chernomorskiy vestnik» [“Black Sea Bulletin” Newspaper]. – 1898. – № 154, 155.
3. Dzidzariya, G. A. Formirovanie dorevolyucionnoj abkhazskoy intelligencii [Formation of the pre-revolutionary Abkhazian intelligentsia] / G. A. Dzidzariya. – Sukhumi: Alashara, 1979. – 354 p.
4. Adzhindzhal, B. A. K. Chachba (Shervashidze) / B. Adzhindzhal. – Sukhumi: Alashara, 1978. – 82 p.
5. Adzhindzhal B. M. Voloshin i A. Chachba (Shervashidze) [M. Voloshin and A. Chachba (Shervashidze)] / B. Adzhindzhal, V. Kupchenko // Abkhazskij institut yazyka, literatury i istorii [Abkhazian Institute of Language, Literature and History]. Proc. – Vol. VIII. – Tbilisi, 1979. – P. 67–73.
6. Benua, A. Moi vospominaniya [My memories] / A. Benua. In 5 books. Book 5. – Moscow, 1980. – 743 p.
7. Kosven, M. O. Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoj nauke [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science] / M. O. Kosven. – Kavkazskij etnograficheskij sbornik [Caucasian ethnographic collection]. – Moscow, 1955. – P. 329–330.
8. Kolyubyakin, N. P. Ob Abhazii [About Abkhazia] / N. P. Kolyubyakin // Gazeta «Kavkaz» [«Kavkaz» Newspaper]. 1853. – September 26.
9. Vitte, S. Yu. Vospominaniya [Memoirs] / S. Yu. Vitte. In 3 vols. Vol. 2. – Moscow, 1960. – 639 p.
10. Lakoba, S. Z. Abkhazskij knyaz' na Rossijskom prestole? [Is Abkhaz Prince on the Russian throne?] / S. Z. Lakoba // <http://abkhazworld.com/abkhazia/history/911-an-abkhaz-prince-on-the-russian-throne-by-stanislav-lakoba.html>.
11. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 1268. Op. 5. D. 401. L. 40.
12. Arhiv Abkhazskogo Gosudarstvennogo Muzeya [Archive of the Abkhazian State Museum]. F. 3. Op. 1. D. 75. L. 5.

13. Kavkazskij kalendar' na 1913 g. [Caucasian Calendar for 1913]. – Tiflis: Glavnoe upravlenie kavkazskogo namestnika [General Directorate of the Caucasian Governor], 1912. – 893 p.
14. Ivardava, Z. Lesnichij Aleksej Vasil'evich [Forester Alexei Vasilyevich] / Z. Ivardava // Gazeta «Sovetskaya Abkhaziya» [“Soviet Abkhazia” Newspaper]. – 1970. 4. 11.
15. Vinyukov, A. Starejsnij lesovod Abhazii [The oldest forester of Abkhazia] / A. Vinyukov // Gazeta «Sovetskaya Abkhaziya» [“Soviet Abkhazia” Newspaper]. – 1936. 17.10.
16. Dokumenty po istorii Gruzii. Seriya 2. 1862-1917 [Documents on the history of Georgia. Series 2. 1862-1917]. Vol. I, Part.I. – Tbilisi, 1954. – 980 p.
17. Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Leningradskoj oblasti [State Historical Archive of Leningrad Region] (hereinafter – GIA LO). D. 238 (D. Z. Chkhotua). F. 14Ю. Op. 3. L. 17251.
18. Spasovich, V. D. Sochineniya. T. VI. Sudebnye rechi (1875-1882) [Works. Vol. VI. Judicial speeches (1875-1882)] / V. D. Spasovich. – St. Petersburg, 1894. – P. 164-276.
19. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [Central State Archive of Literature and Art] (hereinafter – TsGALI). Putevoditel' [Travel Guide]. – Moscow, 1963. – 809 p.
20. RGIA. F.494. Op. 8. D. 150. LL.1-10.
21. Adzhindzhal, B. M. Knyaz' Aleksandr Chachba (Shervashidze). Stat'i ob iskusstve. Otryvki iz pisem i zapisnykh knizhek [Prince Alexander Chachba (Shervashidze). Articles about art. Excerpts from letters and notebooks] / B. M. Adzhindzhal. – St.Petersburg, 1998. – 120 p.
22. Evreinov, N. N. Original o portretistah [The original about portrait painters] / N. N. Evreinov. – Moscow, 1922. – 110 p.
23. Letopis' Imperatorskih teatrov [Chronicle of the Imperial Theaters]. – 1911, Issue 4. – P. 105.
24. Rukopisnyj otdel Rossijskoj Akademii nauk [Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences] (hereinafter – RO RAN) Fond of M. A. Voloshin. № 562.
25. Dzidzariya, G. A. Ocherki istorii Abhazii 1910-1921 gg. [Essays on the history of Abkhazia 1910-1921] / G. A. Dzidzariya. – Tbilisi, 1963. – 405 p.
26. Tsvizhba, L. I. Abkhazskaya sotnya na frontah Pervoj mirovoj vojny [The Abkhaz Hundred on the fronts of the First World War] / L. I. Tsvizhba. – Moscow, 1921. – 309 p.

Информация об авторе:

Дамения Ирина Хухутовна – кандидат исторических наук, ООО «Издательство “Юридический центр”», генеральный директор, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств; ORCID iD 0009-0005-7712-5682 (191124, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Тверская, д. 20, кв. 99; e-mail: damenia@rambler.ru).

Author:

Irina Kh. Damenia – Cand. Sci. (History), General Director of “Law Center” Publishing House, LLC, corresp. member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts; ORCID iD 0009-0005-7712-5682 (20, Tverskaya st., flat 99, St. Petersburg 191124, Russian Federation; e-mail: damenia@rambler.ru).

Для цитирования:

Дамения, И. Х. Участие абхазской интеллигенции в развитии российского общества в XIX – начале XX века / И. Х. Дамения // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 47-55.

For citation:

Damenia, I. Kh. Participation of the Abkhazian intelligentsia in the development of Russian society in the XIX-early XX century / I. Kh. Damenia // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 47-55.

Дата поступления статьи: 13.01.2025

Прошла рецензирование: 17.01.2025

Принято решение о публикации: 24.01.2025

Received: 13.01.2025

Reviewed: 17.01.2025

Accepted: 24.01.2025

Эпоха модерна и демография семьи православного духовенства в конце XIX – начале XX века (по материалам Вятской епархии)

Е. О. Виноградов

Вятский государственный университет,
г. Киров
d_ve@bk.ru

Аннотация

В статье на примере Вятской епархии автор рассматривает процесс модернизации духового сословия в конце XIX–начале XX в. Исследованы архивные материалы по истории трех священнических родов – Вознесенских, Лобовиковых, Вечтомовых – на протяжении двух столетий. Проанализированы демография, трудовая деятельность и социальные приоритеты разных поколений. Духовенство медленнее, чем другие сословия, встраивалось в модернизацию. Изначально являясь привилегированным сословием и сохраняя свой статус и сословные привилегии, оно постепенно превращалось в профессиональную группу, что соответствовало интересам сословия и запросам государства. Этот процесс фактически завершился к концу первого десятилетия XX в. В исследовании выявлены особенности белого духовенства этого периода: его демография оставалась одинаковой на протяжении длительного периода и зависела от внешних благоприятных условий и усилий государства; священнические семьи не тяготели к монашеству и не являлись поставщиком кадров для него; священнические династии полностью не покидали духовное сословие; прослеживалась приверженность духовенства к служению на своей малой исторической родине. Модернизация значительно повлияла на духовное сословие, но говорить о кризисе в церкви и ее служителей не приходится.

Ключевые слова:

Русская православная церковь, Вятская епархия, духовное сословие, модернизация, демография, Вознесенские, Лобовиковы, Вечтомовы

Конец XIX–начало XX в. в России стали временем запоздавшей модернизации. Архаичные формы политической и социальной систем внешне оставались прежними, но содержание их постепенно менялось. В тот период претерпевали латентные изменения такие социальные институты, как семья и церковь. Советская историография, признавая изменения, происходившие в Русской православной церкви (РПЦ) в пореформенную эпоху, отмечала

The Modern Era and the demography of the Orthodox clergy family in the late XIX–early XX century (based on materials of the Vyatka Diocese)

E. O. Vinogradov

Vyatka State University,
Kirov
d_ve@bk.ru

Abstract

Using the Vyatka Diocese as an example, the paper considers the process of modernization of the clergy in the late XIX–early XX centuries. The author studied archival materials on the history of three priestly families – the Voznesenskys, the Lobovikovs, and the Vechtomovs – for over two centuries. The demography, work activities and social priorities of different generations were analyzed. The clergy were slower to integrate into modernization than other classes. Initially being a privileged class and retaining its status and class privileges, it gradually turned into a professional group, which corresponded to the interests of the class and the demands of the state. This process was actually completed by the end of the first decade of the XX century. The study revealed the peculiarities of the white clergy of this period: its demography remained the same for a long period and depended on external favorable conditions and the efforts of the state; priestly families did not gravitate towards monasticism and were not a supplier of personnel for it; priestly dynasties did not completely leave the clergy; the commitment of the clergy to service in their small historical homeland could be traced. Modernization significantly affected the clergy, but there is no need to talk about a crisis in the church and its ministers.

Keywords:

Russian Orthodox Church, Vyatka Diocese, clergy, modernization, demography, the Vechtomovs, the Lobovikovs, the Voznesenskys.

их незначительность. По словам советских историков, церковь «тащилась» за государством в вопросах реформ [1]. Более того, основным реформатором церковной жизни являлось государство. Нуждаясь в образованных людях для проведения преобразований, государство в 1863 г. снимает «крепость» с духовенства, одновременно с 1867 г. разрешив всем сословиям поступление в духовные учебные заведения и упростив курс семинарских наук. Из

многопрофильной семинарии времен Николая I церковное образование становится узконаправленным и сугубо религиозным. Вместе с тем, с 1869 г. появляется выборность преподавателей и ректоров духовных семинарий и академий, чем они приближаются к светским учебным заведениям. Если охарактеризовать все изменения, связанные с духовным ведомством, то можно назвать это движение модернизацией церкви, что коснулось всех сфер церковной жизни начиная от образования и заканчивая управлением. Этот процесс, с некоторыми отступлениями в 1880-х гг., не прерывался до самого Поместного собора 1917–1918 гг.

«Закат» церковной жизни связывался советскими историками не с репрессиями советского времени, а с «закатом самодержавной системы», частью которой была церковь [там же, с. 379]. Устойчивое мнение советской историографии, которое затем переместилось в труды современных российских историков, что РПЦ находилась в состоянии кризиса. «Связанная с самодержавным государством, не пережившая буржуазной реформации и не приспособившаяся к условиям капиталистического общества, Русская Православная церковь находилась в состоянии кризиса» [там же, с. 381]. По мнению авторов цитируемого труда, кризис выразился в оторванности епископата от простого духовенства. Однако из 109 архиереев 72 чел. происходили из духовного сословия, 99 чел. имели высшее образование и различные ученые степени, 33,5 % до монашества имели семьи [2]. Едва ли можно говорить о том, что епископат не представлял себе жизни простого духовенства и народа. Помимо прочего, епископы обязаны были ежегодно объезжать вверенные им епархии, составлять и подписывать епархиальный отчет в Священный Синод.

Утверждения о невероятных богатствах церкви тоже не выдерживают критики. Количество пахотной земли в 50 европейских губерниях на 1905 год составляло 395 192 443 дес. [3], из них в собственности духовенства было 337 206 дес., крестьянства – 13 214 025, дворянству принадлежало 53 169 008 дес. [там же, с. 12–13]. В собственности церкви находилось 1 871 856 дес., из них 739 777 дес. – в монастырской собственности. Таким образом, все церковное землевладение составляло 0,4 % от всей пахотной земли. Кроме того, надо принять во внимание, что с 1764 г. в 33 десятины, отведенных на приход, включалась земля под храм и территория вокруг него. Даже однопричтовый приход включал в себя одного священника и одного пономаря, т. е. 16,5 дес. на семью, но в то же время на одно хозяйство бывших государственных крестьян, которых было подавляющее большинство в Вятской губернии, приходилось 16,8 дес. [там же, с. 102]. Советская историография преподносит доходы духовенства, как сверх доходы, ложившиеся непосильным бременем на народ. В доказательство приводился «Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода Константина Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год», в котором общий доход РПЦ определялся в 52 439 606 руб., общая численность черного и белого духовенства – 155 600 чел. [4]. Таким обра-

зом, на одного человека приходилось 337 руб. в год, или по 28 руб. в месяц, что составляло жалование рабочего Санкт-Петербурга в 1904 г. [5].

Отдельный вопрос – это расслоение духовенства. Советскими историками расслоение понималось, как кризисное явление в жизни духовенства. Расслоение в доходах между городскими и деревенскими приходами, расслоение в доходах духовенства и причта. Едва ли можно отнести к кризисным явлениям то, что городское духовенство получало твердое жалование от государства, и оно было выше, чем у сельских священников, которые использовали церковную землю и собирали ругу с прихожан, т. е. имели дополнительные источники дохода. Кроме того, так называемое «неравенство» было закреплено в петровской «Табели о рангах», по которой духовенство имело определенные преференции. Так, сан диакона приравнивался к IX классу «Табели», а священник – к VII классу, что соответствовало чину надворного советника. Духовенство не было податным сословием, и дети духовенства являлись почетными потомственными гражданами. Уже с середины XVIII в. духовенство фактически стало вторым свободным сословием [6].

Утверждалось, что при понимании происходивших перемен в социальной жизни духовное сословие упорно удерживало патриархальный идеал устройства государства и общества [1, с. 386]. В этом тоже виделся кризис, но здесь налицо подмена понятий. Сохранение веры в обществе не равно сохранению «патриархальных порядков» в общественном развитии, а изменения действительно происходили.

По нашему мнению, изменения в социальной жизни общества и церкви отразились на семьях духовенства, но особым специфическим образом. Для исследования нами взяты три рода вятского духовенства: Вознесенские, Лобовиковы и Вечтомы и их близкие родственники. Можно сказать, что Лобовиковы и Вознесенские – это один род по факту происхождения.

У Лобовиковых – Вознесенских было исследовано 179 персон в восьми поколениях со второй половины XVII – по 70-е гг. XX в., у Вечтомовых – 186 персон в десяти поколениях со второй половины XVII – по 80-е гг. XX в. Данные по XX в. недостаточны и релевантны только до 1918 г.

История этих фамилий во многом типична для духовенства вятской земли. Как и большинство священнических родов, это потомственное духовенство. На протяжении двух столетий выходцы из этих фамилий становились священно-, церковнослужителями православной церкви. Первые упоминания о Лобовиковых относятся к началу XVIII в., из подворных росписей Арской дороги мы узнаем, что они выходцы из податного сословия [7]. Сисой Давидов, дьячок, 50 лет, в 1722 г. служит в Богородицкой церкви Лобановской волости и имеет двух сыновей [8]. Примерно к этому же времени относится и первое упоминание о Вечтомовых. В клировой ведомости с. Сбарского упомянут поп Иоанн Сидоров Вештомов, 49 лет [9]. В этой же церкви служил его сын Василий, 18 лет, который уже сам являлся отцом четырехмесячного сына Ульяна [там же, л. 129].

Судя по документам XVIII в., священнические семьи были немногочисленными. Вечтомы и их ближайшие родственники в трех поколениях в XVIII в. имели в среднем трое детей на семью, реже – четверо. То же самое можно сказать и о роде Лобовиковых. Исповедные росписи и различные переписи не могут дать ответа на вопрос о малом числе выживших детей в семье. Экстраполируя данные XIX в. на предыдущее столетие, можно сказать, что вопрос был не в числе рожденных детей, а в числе доживших до взрослого возраста. Ситуация начинает меняться в последней четверти XVIII – начале XIX в. Причины улучшения демографии можно видеть в преобразованиях Екатерины Великой. Кроме того, и в правление Павла I уделялось особое внимание заботе о новорожденных.

Для семей духовенства немаловажным фактором была и смертность рожениц, так как церковное право запрещало не только священство второбрачным, но и вступление во второй брак вдовым священнослужителям. Это значит, что смерть супруги священника или диакона автоматически прекращала увеличение их семей, но иначе обстояло дело с церковнослужителями. Пономари и дьячки, не находясь в священном сане, не были связаны церковными правилами и могли вступить во второй брак, но теряли при этом возможность карьерного роста, что очень часто ограничивало возможности их детей получить даже среднее специальное образование по причине недостатка средств на обучение [6, с. 110].

Автор предполагает, что модернизация общества мало повлияла на демографию духовенства. Демография духовного сословия не была детерминирована ни имущественным, ни социальным фактором. Наибольшее значение имели здоровье супругов и забота государства о здоровье граждан в виде родовспоможения.

В таблице указано общее число детей обоего пола на семью, но учет семей взят только по прямой восходящей линии без учета семей дочерей. Семьи дочерей учитываются как не прямые родственники.

Число детей на одну семью (1700–1918) [20–49]

Number of children per family. 1700–1918 [20–49]

Фамилии / Годы	1700–1750	1750–1800	1800–1850	1850–1900	1900–1918
Вознесенские	нет данных	нет данных	3	6,3	3,25
Лобовиковы	3	2,6	2,5	4,2	2,75
Вечтомы	3	2,3	4,5	9	3
Прочие родственники	нет данных	3	9	5,3	нет данных

Вознесенские – Лобовиковы: из 179 исследованных персон 100 – мужчины, 79 – женщины. Среднее число детей на семью на протяжении двух столетий составило 3 чел. Средняя продолжительность жизни: мужчины – 50 лет; женщины – 66 лет.

Вечтомы: из 186 исследованных персон 108 – мужчины, 78 – женщины. Среднее число детей на семью на протяжении двух столетий составило 3 чел. Средняя продолжительность жизни: мужчины – 54 года; женщины – 83 года. Большая разница в продолжительности жизни женщин в трех родах объясняется неполнотой данных.

Всплески рождаемости в разное время можно объяснить благоприятным стечением обстоятельств для каждой конкретной пары. Так, у разных пар в одно и то же время было от одного до 11 детей.

Национальный состав духовенства Вятской епархии состоял в основном из русских. На это указывают фамилии родственников исследуемых родов. У Лобовиковых, Вознесенских: Вознесенские, Короваевы, Шилыевы, Блиновы, Галицких, Мышкины, Орловы, Поповы, Бехтеревы, Бувевские, Васнецовы, Виноградовы, Витыньш, Головины, Дьячковы. У Вечтомовых: Латушевич (Филипповы), Катаевы, Мултановские, Вознесенские, Васнецовы, Верещагины, Виноградовы, Курочкины, Мышкины, Шкляевы, Ермолины, Инге, Князевы, Поршневы, Решетовы, Рубинские, Утробины.

Большой проблемой была смертность и самих священнослужителей. Кроме естественных причин были и другие. Церковные правила вменяли в обязанность священнику напутствие и причастие умирающих. За отказ напутствовать к нерадивому священнику применялись различные взыскания, такие как штрафы, запрещение в служении, направление в «черные труды» в монастырь, что лишало семью дохода. Священник должен был ехать в любое время года и суток и не всегда к здоровому человеку. Нередко это приводило к печальным последствиям. Так, из восьми семей Лобовиковых, Вознесенских в конце XVIII – первой половине XIX в. своих кормильцев лишились две семьи: не стало Алексея Карповича Лобовикова, умер в 26 лет [10], и Иоанна Дмитриевича Лобовикова, который умер в 24 года. Из семи семей во второй половине XIX в. все главы семейств преодолели тридцатилетний рубеж. Из шести семей Вечтомовых во второй половине XIX в. все главы семейств преодолели сорокалетний рубеж. Таким образом, можно констатировать, что профессиональная деятельность духовенства прямо влияла на численность семьи.

Интересно, что из всех семейств за 200 лет никто не был пострижен в монашество. Только один человек пробовал себя на монашеском поприще – Владимир Александрович Вечтомов [11], но его попытка не увенчалась постригом. Владимир Александрович стал дворянским заседателем г. Уржума в чине коллежского асессора [12]. Все это говорит о том, что монашество пополнялось в основном не из духовного сословия, исключая только высшее духовенство.

Великие реформы Александра II привели всю Россию в движение. Духовное сословие, осознавая себя привилегированной частью общества, вовсе не сразу бросилось пополнять ряды светской интеллигенции, и тому были свои причины. Главной проблемой являлось получение светского образования. Гимназия и университет были дверью в другую жизнь. Но только дети духовенства крупных приходов, где был достаточный доход, могли себе позволить учебу в гимназии, которая включала в себя питание, проживание в губернском или уездном городе и плату за обучение. Остальные дети духовенства, особенно из больших семей, или дети причетников на такую роскошь рассчитывать не могли, их уделом оста-

валось духовное сословие с образованием на казенном коште и проживание в общежитии духовного училища или семинарии. Именно дети бедного духовенства в конце XIX–начале XX в. заменили выбывшие кадры. И только к первой российской революции 1905–1907 гг. этот поток исчерпал себя. К этому времени пополнение духовного звания происходит из крестьянской среды. В смысле разрушения корпоративности духовного сословия и превращения его в профессиональное сообщество цель государства к началу XX в. была достигнута. После небольшого затишья, связанного с бурными событиями 1905–1907 гг., все больше молодых людей, закончивших семинарию, выбирало путь служения церкви не из-за корпоративной этики, а по внутреннему призванию. Уже к 1914 г. из 57 выпускников семинарии 26 чел. решили посвятить себя священническому служению, что составило 45 % от общего числа выпуска [13]. Проиллюстрируем это на примерах.

Среди мужчин Вечтомовых, родившихся в 40–60 гг. XIX в., многие стали священнослужителями и благодаря природному уму и трудолюбию заняли хорошие места и приличные должности. Их дети поступили в университеты. Кто не смог или не успел достигнуть «степеней известных», остался в духовном сословии.

Владимир Ипполитович Вечтомов (1867–1900), псаломщик с. Мещеряково, прожил всего 33 года [14]. Его единственный сын Василий стал псаломщиком в с. Удалово [15]. У Владимира Ипполитовича было двое братьев – Николай, 1867 г. р., и Петр, 1871 г. р. Оба состояли на гражданской службе благодаря образованию, которое им оплатил их дед – почтенный протоиерей с. Березник Николай Александрович Вечтомов [16]. Владимир Николаевич Вечтомов, 1845 г. р., кафедральный протоиерей в г. С.-Франциско, благочинный Американских церквей и член Духовного правления. С 1879 по 1887 г. занимался преподаванием в школе при кафедре в С.-Франциско. В 1886–1887 гг. по распоряжению Св. Синода одновременно проводил ревизирование церковью Алеутской епархии. С 1889 г. – протоиерей Спасского собора г. Елабуги. В 1912 г. Владимир Николаевич был избран депутатом Государственного Совета [17]. Его сын, Сергей Владимирович, получил юридическое образование и был юристом и историком в Псковской губернии [18]. Павел Николаевич Вечтомов (1847–1885) – священник с. Холуницко-Троицкое. Его сын, Александр Павлович, уже в 1891 г. выбрал светскую службу [16].

В роду Вознесенских процесс вымывания в гражданское ведомство начался еще раньше. Одним из первых светским человеком стал сын священника с. Укань Луки Дометиевича Вознесенского (1791–1844), дворянский заседатель уездного суда в Котельничском уезде, коллежский секретарь Семен Лукич Вознесенский [19]. А уже к середине XIX в. в каждом семействе Вознесенских был один или несколько человек, покинувших духовное звание. Тем не менее в среде потомственного духовенства наблюдалось очень интересное явление. Нам не встречалось такого семейства, в котором бы случился полный выход всех членов из духовного сословия в гражданское ведомство, исключение составляли фамилии, пресекавшиеся по прямой мужской линии. Всегда кто-то из детей духовенства про-

должал дело служения церкви. Такое положение вещей сохранялось вплоть до революции 1917 г.

Еще одной особенностью потомственного духовенства, которая заслуживает своего исследователя, является процесс возвращения к служению в свои «родовые гнезда», т. е. в те населенные пункты, в которых представители одной фамилии служили много поколений и даже не одно столетие. Так, для Лобовиковых и Вознесенских это было с. Талоключинное, сейчас пгт Богородское – административный центр Богородского района. Для Вечтомовых таким населенным пунктом можно считать г. Кунгур Пермского края и его окрестные села.

Таким образом, говорить о кризисе в среде духовного сословия можно весьма условно. В новых условиях демография духовенства не изменялась по сравнению с предыдущими периодами. Изменялось только отношение к служению в церкви, как основному занятию. В этом смысле можно говорить не о кризисе, а о постепенной модернизации духовного сословия и встраивании его в новые условия, что сопровождалось постепенным изменением структуры духовенства, которое превращалось из потомственного сословия в профессиональную группу, связанную не происхождением, а убеждениями. Это полностью соответствовало как интересам государства, так и Русской православной церкви.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
2. Фирсов, С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. – М.: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. – 623 с.
3. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России / Центральный статистический комитет МВД. – СПб.: Тип.-лит.-я М. Я. Минкова, 1907. – С. 272.
4. Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви в России) / общ. ред. и предисл. А. М. Сахарова; сост. и авт. примеч. Е. Ф. Грекулов. – М.: «Мысль», 1975. – С. 210.
5. Кирьянов, Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX–начало XX в.) / Ю. И. Кирьянов. – М., 1979. – С. 108.
6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: В 2 т. / Б. Н. Миронов. – 3. изд., испр. и доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.
7. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА) Ф. 350. Оп 2. Д. 1153. Л. 513. Ревизские сказки. 1748 г. Книга переписная выбывших после I ревизии купцов пригорода Малмыша и Арска, дворцовых, помещичьих, архиерейских, монастырских ясачных (русские, новокрещены, татары, мари) крестьян Арской дороги Казанского у.

8. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1118. Л. 504. Подворные росписи и описание деревень ясачных и безъясачных крестьян (русские, татары, мари) Рысковой сотни Бамаметеева Арской дороги Казанского у. 1722 г.
9. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 237. Оп. 74. Д. 69. Л. 129. Клировые ведомости 1746 г. Село Сбарское.
10. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1672. Л. 85. Клировые ведомости. Село Малая Суна. 1793 г.
11. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 128. Д. 1028. Дело об определении исключенного ученика Владимира Вечтомова в Успенской монастырь в послушника. 1825 год.
12. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 годы. Вятка: тип. губернского правления, 1866. С. 87.
13. Вятские епархиальные ведомости – 1914. – № 20. – С. 632. Отдел неофициальный.
14. Государственный архив Республики Татарстан (далее ГАРТ). Ф. 992. Оп. 1. Д. 308. Л. 452. Клировые ведомости за 1900 г. Село Мещеряково.
15. ГАРТ. Ф. 992. Оп. 1. Д. 323. Л. 123. Клировые ведомости за 1915 г. Село Удалово.
16. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 357. Л. 32. Клировые ведомости за 1891 год. Село Березник.
17. Двадцатипятилетие служения в протоиерейском сане настоятеля Спасского собора г. Елабуги В. Н. Вечтомова // Вятские епархиальные ведомости. – 1903. – № 8. – 16 апреля. – С. 316–340. Отдел неофициальный.
18. Патраш Наталья Васильевна. Чиновник Великолукского окружного суда В. С. Вечтомов. Псков, N. 43 / 2015 Псков. 2015 г. С. 125.
19. Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 годы. Вятка: тип. губернского правления, 1866. С. 72.
20. ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 6а. Вятская Духовная Семинария. 1784 г.
21. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 69. Л. 129. Ведомость о священнослужителях их детях Вятской епархии; об обучающихся в славянолатинской и российской школах. 2-я ревизия 1744–1745 г.
22. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 210. Л. 120. Вятский духовный архиерейский приказ, г. Хлынов. 1724–1744 г.
23. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 83. Д. 231. Вятская духовная консистория 1780–1788 г.
24. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 11. Клировые ведомости Кафедральный собор. 1775 г.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1270. Л. 12. Клировые ведомости 1808 г.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 386. Связка 251. Клировые ведомости 1814 г.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1937. Л. 19. Клировые ведомости 1820 г.
28. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 42. Клировые ведомости 1823 г.
29. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1572. Л. 2. Клировые ведомости 1824 г.
30. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1977. Л. 99. Клировые ведомости 1830 г.
31. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1985. Л. 404. Клировые ведомости 1832 г.
32. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 883. Клировые ведомости 1842 г.
33. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1463. Клировые ведомости 1843 г.
34. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 885. Клировые ведомости 1844 г.
35. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 448. Клировые ведомости 1845 г.
36. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 801. Л. 67. Клировые ведомости 1860 г.
37. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 807. Л. 297. Клировые ведомости 1864 г.
38. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 809. Л. 69. Л. 305. Клировые ведомости 1866 г.
39. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 772. Клировые ведомости 1879 г.
40. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 348. Клировые ведомости 1880 г.
41. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 352. Клировые ведомости 1885 г.
42. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 356. Клировые ведомости 1890 г.
43. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 357. Л. 32. Клировые ведомости 1891 г.
44. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1344. Клировые ведомости 1909 г.
45. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 385. Клировые ведомости 1915 г.
46. ГАРТ. Ф. 992. Оп. 1. Д. 297. Клировые ведомости 1890 г.
47. ГАРТ. Ф. 992. Оп. 1. Д. 308. Л. 41. Клировые ведомости 1900 г.
48. ГАРТ. Ф. 992. Оп. 1. Д. 318. Л. 29. Клировые ведомости 1910 г.
49. ГАРТ. Ф. 992. Оп. 1. Д. 323. Л. 35. Клировые ведомости 1915 г.

References

1. Russkoe pravoslavie: vehi istorii [Russian Orthodoxy: milestones of history] / Sci. Ed. A. I. Klibanov. – Moscow: Politizdat, 1989. – 719 p.
2. Firsov, S. L. Russkaya tserkov' nakanune peremen [The Russian Church on the eve of change: (end of the 1890s–1918)] / S. L. Firsov. – Moscow: Cultural Center “ Ecclesiastical Library”, 2002. – 623 p.
3. Statistika zemlevladieniya 1905 g. Svod dannyh po 50 guberniyam Evropeiskoi Rossii [Statistics of land ownership 1905. Summary of data for 50 provinces of the European Russia / Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. – St. Petersburg: M. Ya. Minkov Printing House-Lithography, 1907. – P. 272.
4. Religiya i tserkov' v istorii Rossii (Sovetskie istoriki o pravoslavnoi tserkvi v Rossii [Religion and the Church in the history of Russia (Soviet historians on the Orthodox Church in Russia)] / Ed. and preface – A. M. Sakharov. Comp. and author's notes – E. F. Grekulov. – Moscow: Mysl Publ., 1975. – P. 210.
5. Kiryanov, Yu. I. Zhiznennii uriven' rabochih Rossii (konec XIX–nachalo XX v.) [The standard of living of workers in Russia (late XIX – early XX century)] / Yu. I. Kiryanov. – Moscow, 1979. – P. 108.
6. Mironov, B. N. Socialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.) [Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century)]: in 2 vols / B. N. Mironov. Edition 3, revised and updated. – St. Petersburg: “Dmitry Bulanin” Publishing House. – 548 p.

7. Rossiiskii gosudarstvennii arhi drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] (hereinafter RGADA) F. 350. Op. 2. D. 1153. L. 513. Revision lists. 1748. Census book of the merchants of the suburbs of Malmyshevo and Arsk who left after the first revision, palace, landowner, bishop, monastery yasach (Russians, newly baptized, Tatars, Mari) peasants of the Arskaya road, Kazan Uyezd.
8. RGADA, F. 350. Op. 2. D. 1118. L. 504. Courtyard murals and descriptions of villages of yasach and non-yasach peasants (Russians, Tatars, Mari) of the Ryskov Hundred of Bamametevo of the Arskaya road, Kazan Uyezd. – 1722.
9. Tsentralnii gosudarstvennii arhiv Kirovskoi oblasti [Central State Archive of the Kirov region] (hereinafter TsGAKO). F. 237. Op. 74. D. 69. L. 129. Clerical Gazette 1746. Sbarskoye village.
10. Tsentralnii gosudarstvennii arhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. 134. Op. 1. D. 1672. L. 85. – Clerical Gazette. Malaya Suna village. 1793
11. TsGAKO. F. 237. Op. 128. D. 1028. The case of the determination of the expelled disciple Vladimir Vechtomov in the Assumption Monastery as a novice. 1825.
12. Pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1866 i 1867 gody [Commemorative book of Vyatka province 1866–1867]. – Vyatka: Printing House of the Provincial Government, 1866. – P. 87.
13. Vyatskie eparhialnye vedomosti [Vyatka Diocesan Gazette]. – 1914. – No. 20. – P. 632. Non-official.
14. Gosudarstvennii arhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan] (hereinafter GART). F. 992. Op. 1. D. 308 L. 452. – Clerical gazette for 1900. Meshcheryakovo village.
15. GART. F. 992. Op. 1. D. 323. L. 123. Clerical Gazette for 1915. Udalovo village.
16. TsGAKO. F. 237. Op. 70. D. 357. L. 32. Clerical Gazette for 1891. Bereznik village.
17. Dvadtsatipatiletie sluzheniya v protoiereiskom sane nastoyatelya Spasskogo sobora g. Elabugi V. N. Vechtomova [Twenty-fifth anniversary of the ministry as archpriest of the rector of the Cathedral of the Savior in Elabuga, V. N. Vechtomov] // Vyatka Diocesan Gazette. – 1903. – No. 8. April 16. – P. 316–340. Non-official.
18. Patrash, N. V. Chinovnik Velikolukskogo okruzhnogo suda V. S. Vechtomov [Official of the Velikiye Luki District Court V. S. Vechtomov] / N. V. Patrash. – Pskov, No. 43 /2015. – Pskov. – 2015. – P. 125.
19. Pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1866 i 1867 gody [Commemorative book of Vyatka province 1866–1867]. – Vyatka: Printing House of the Provincial Government, 1866. – P. 72.
20. TsGAKO. F. 176. Op. 2. D. 6a. Vyatskaya duhovnaya seminariya [Vyatka Theological Seminary]. 1784.
21. Ibid. F. 237. Op. 74. D. 69. L. 129. Vedomost' o svyaschenosluzhitelei ih detyah Vyatskoi eparhii; ob obuchayushchih v slavyanolatinskoi i rossiiskoi shkolah [Bulletin of the clergy and their children of the Vyatka diocese; about students in Slavolatinsk and Russian schools]. 2nd revision 1744–1745.
22. Ibid. F. 237. Op. 81. D. 210. L. 120. Vyatskii duhovnii arhiereiskii prikaz [Vyatka spiritual episcopal order], Khlynov 1724–1744.
23. Ibid. F. 237. Op. 83. D. 231. Vyatskaya duhovnaya konsistoriya [Vyatka Spiritual Consistory of 1780–1788].
24. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 11. Klirovie vedomosti Kafedralnii sobor [Clerical Gazette Cathedral]. – 1775.
25. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 1270. L. 12. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1808.
26. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 386. Bundle 251. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1814.
27. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 1937. L. 19. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1820.
28. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 42. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1823.
29. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 1572. L. 2. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1824.
30. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 1977. L. 99. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1830.
31. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 1985. L. 404. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1832.
32. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 883. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1842.
33. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 1463. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1843.
34. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 885. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1844.
35. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 448. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1845.
36. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 801. L. 67. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1860.
37. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 807. L. 297. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1864.
38. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 809. L. 69. L. 305. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1866.
39. 40. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 772. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1879.
40. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 348. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1880.
41. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 352. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1885.
42. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 356. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1890.
43. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 357. L. 32. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1891.
44. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 1344. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1909.
45. Ibid. F. 237. Op. 70. D. 385. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1915.
46. GART. F. 992. Op. 1. D. 297. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1890.
47. Ibid. F. 992. Op. 1. D. 308. L. 41. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1900.
48. Ibid. F. 992. Op. 1. D. 318. L. 29. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1910.
49. Ibid. F. 992. Op. 1. D. 323. L. 35. Klirovie vedomosti [Clerical Gazette]. 1915.

Информация об авторе:

Виноградов Евгений Олегович – аспирант направления «Исторические науки и археология» Вятского государственного университета, ORCID: 0009-0001-8165-0384 (610000, Российская Федерация, г. Киров, ул. Московская, д. 36; e-mail: d_ve@bk.ru).

Author:

Evgeny O. Vinogradov – postgraduate student in the field of Historical Sciences and Archeology at Vyatka State University, ORCID: 0009-0001-8165-0384; (36, Moskovskaya st., Kirov 610000, Russian Federation; e-mail: d_ve@bk.ru).

Для цитирования:

Виноградов, Е. О. Эпоха модерна и демография семьи православного духовенства в конце XIX – начале XX века (по материалам Вятской епархии) / Е. О. Виноградов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 56–62.

For citation:

Vinogradov, E. O. The Modern Era and the demography of the Orthodox clergy family in the late XIX-early XX century (based on materials of the Vyatka Diocese) / E. O. Vinogradov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 56–52.

Дата поступления статьи: 13.01.2025

Прошла рецензирование: 17.01.2025

Принято решение о публикации: 24.01.2025

Received: 13.01.2025

Reviewed: 17.01.2025

Accepted: 24.01.2025

Семужий промысел в Печорском уезде в начале XX века

О. А. Куратов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
olegkuratorov@mail.ru

Аннотация

На основе архивных источников и литературы рассмотрено состояние наиболее доходного рыболовного промысла крестьян Печорского уезда Архангельской губернии в начале XX в. – семужьего. Изучена его роль в крестьянском хозяйстве, выявлено количество промышленников в двух волостях Печорского уезда – Пустозерской и Усть-Цилемской, на территориях которых был распространен промысел. Дано краткое описание орудий рыбного лова, применявшихся при лове семги. Отмечено широкое распространение организации промысла в форме артелей, появление богатых крестьян-предпринимателей, широко использовавших труд наемных рабочих из числа односельчан. Выявлено глубокое проникновение капитализма в промысел. Сделан вывод о том, что в начале XX в. семужий промысел в Печорском уезде имел яркий товарный характер.

Ключевые слова:

Печорский уезд Архангельской губернии, крестьяне, промыслы, семужий промысел, начало XX в.

Одним из традиционных местных промыслов коренного населения Печорского уезда Архангельской губернии в начале прошлого столетия было рыболовство. Оно имело преобладающее значение в хозяйственной жизни крестьянства края как в отношении количества занятых им лиц, так и в отношении доходности, что обуславливалось низкой урожайностью сельскохозяйственных культур, а также географическими особенностями местности [1, с. 34]. Как отмечал исследователь Печорского края С. В. Мартынов, «рыбы ловится очень много, водится она в изобилии, и ловля ее не требует большого искусства или хитрости» [2, с. 120], причем занимались ловлей как мужчины, так и женщины по самой Печоре с ее притоками и в водах Ледовитого океана, а также в озерах [там же, с. 119]. Исследователи промысловой деятельности крестьян северо-западных губерний страны отмечают схожую картину: для части крестьянского населения, жившего по берегам крупных озер и рек, ловля рыбы была единственным источником существования, поскольку и здесь земледелие не обеспечивало необходимых потребностей [3, с. 38].

Salmon fishery in the Pechora Uyezd at the beginning of the XX century

O.A. Kuratov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
olegkuratorov@mail.ru

Abstract

Based on archival sources and literature, the paper considers the state of the salmon fishery, the most profitable type of peasant activity of the Pechora Uyezd of the Arkhangelsk Province at the beginning of the XX century. Its role in the peasant economy has been studied, and the number of industrialists in two volosts of the Pechora Uyezd – Pustozersk and Ust-Tsilma, where the fishery was widespread, has been identified. A brief description of the fishing gear used in salmon fishing is given. The widespread organization of the fishery in the form of artels, and the emergence of wealthy peasant entrepreneurs who made extensive use of hired workers from among their fellow villagers are noted. The deep penetration of capitalism into this industry is revealed. It is concluded that at the beginning of the XX century the salmon fishery in the Pechora Uyezd had a vivid commercial character.

Keywords:

Pechora Uyezd of the Arkhangelsk province, peasants, crafts, salmon fishery, beginning of the XX century

При этом для крестьянских хозяйств на Печоре, и в особенности в низовьях главной реки края, среди добываемых промыслов основной доход давала ловля важнейшей ресурсной рыбы севера – семги, которая традиционно высоко ценилась и дорого стоила. В двух волостях уезда, где семужья ловля была доходным промыслом – Пустозерской и Усть-Цилемской, число занятых в промысле лиц (а также наемных рабочих), количество вылавливаемой рыбы и средний доход представлены в таблице.

Материал таблицы свидетельствует о том, что в начале XX в. семужьим промыслом занимались жители 818 хозяйств с общей численностью промышленников 1948 чел., или 38,2 % от всех наличных хозяйств волости. Общая сумма дохода, получаемого населением от семужьего промысла, достигала 81 612,10 руб. за выловленные 3931 пуда рыбы (64 391,75 кг). Сравним эти цифры с доходностью от лова белой рыбы, служившей весьма серьезным подспорьем в качестве повседневной пищи. Промысел ее был распространен по всей территории уезда, но не имел столь серьезного экономического значения, что хорошо видно из данных по Усть-Цилемской волости. Выловлено

Число хозяйств, занятых в ловле семги, и доходность промысла (1903)

Number of farms engaged in salmon fishing and profitability of the fishery (1903)

Таблица

Table

Волость (общее число наличных хозяйств)	Хозяйства с наемными рабочими								Хозяйства без наемных рабочих			
	Число хозяйств	Занято лиц					Выловлено пудов* семги	На сумму, руб.	Число хозяйств	Занято лиц	Выловлено пудов семги	На сумму, руб.
		Из семьи	Наемные рабочие									
			Взрослые		Подростки							
			Муж.	Жен.	Муж.	Жен.						
Пустозерская (712)	134	209	263	48	35	6	2105,3	44616,5	124	245	553,9	11236,1
Усть-Цилемская (1430)	82	142	55	19	25	5	305,9	6127	478	896	965,9	19632,5
Итого	216	351	318	67	60	11	2411,2	50743,5	602	1141	1519,8	30868,6

Примечание. * 1 пуд = 16,3805 кг.

Источники: [4, л. 29, 35, 89, 94 об., 95, 101].

Sources: [4, sheets 29, 35, 89, 94 rev, 95, 101].

было 7668,7 пудов рыбы. При стоимости за пуд 2,14 руб. это составило лишь 16 411 руб. [4, л. 56].

Важно заметить, что в расчет доходности промысла вошли данные по семге, шедшей на продажу, в то время как рыба, выловленная для потребления, в расчет не принималась. Также приведенные цифры доходов должны быть уменьшены на стоимость оплаты труда наемных рабочих, не принимаемых в расчет. Стоимость найма рабочих будет оговорена далее в статье. Однако нужно учесть, что большинство хозяйств не имело наемных рабочих. Из 818 хозяйств без наемных рабочих в семужьем промысле – 602 хозяйства, а пользуются ими соответственно только 216 хозяйств (26,4 %). Необходимо заметить при этом, что большинство наемных рабочих нанимаются не исключительно для рыбной ловли, а для выполнения всякого рода работ по хозяйству [4, л. 56 об.]. Как видно из таблицы, при ловле рыбы в качестве наемных рабочих также трудились подростки и женщины.

Рассмотрим организационно-бытовую составляющую семужьего промысла. Эти сведения нередко становились предметом интереса исследователей Печорского края, таких, например, как уже упоминавшийся С. В. Мартынов. В его географо-экономическом описании, изданном в 1905 г., немало внимания уделяется различным промыслам, составляющим основу хозяйственной жизни населения, в то числе семужьему.

Выезжали на ловлю семги в различное время. Промысел семги производился в основном, в летне-осенние месяцы. Это чаще всего делалось в августе, но были исключения, когда рыба появлялась с середины июля. Мартынов замечает, что в 1903 г. семга не появлялась и в конце августа [2, с. 123]. Промышляли преднерестовую рыбу, редко – отнерестившуюся, мясо которой теряло свои вкусовые качества. На семужий лов отправлялись, объединяясь от 12 до 16 промышленников, и составляя артели [5, с. 155]. Широкое распространение артельного рыболовства на Печоре объясняется стремлением рационализировать процесс лова начиная с подготовки к нему. Каждая артель должна была иметь свои снасти и несколько артельных лодок. На изготовление сети (приобретение конопля, веревки) уходили значительные средства. Требовались,

участник артели вносил «пай», т. е. часть средств, покрывающих расходы всей артели. Таким образом, крестьяне, не имевшие средств для приобретения всего необходимого, до ловли семги не допускались, либо нанимались работниками на тони к более зажиточным людям. Весенний и зимний лов (сига, нельмы, щуки, налимы и др.) был уже вольный, т. е. производился где и кому угодно [там же].

Ловили семгу всеми имеющимися в наличии снастями, и выбирали их сообразно с особенностями лова на конкретном участке реки [6, с. 75]. Традиционные орудия коллективного рыболовства, использовавшиеся коми, подробно описывает Н. Д. Конаков. «Запор» (т. е. заграждение) через всю реку, предназначенный для лова идущей на нерест семги назывался «забой» и делались артелями. Во всю ширину реки с лодки при помощи колотушки на мелком месте вбивались колья высотой 1,5–2 м, немного наклоненные против течения, и возвышавшиеся над водой на длину до полуметра. Чтобы укрепить колья, у их нижних концов наваливали камни, а на колья вешались куски забойной сети, сплетенные из рогожи или бечевы разной длины [5, с. 138]. Из сетных ловушек на Печоре для осеннего лова семги широко применялись крупные «ветели» (ставные рыболовные сети на обручах), большие неводы, достигавшие 900 м. Практиковали печорские рыбаки и лов плавной сетью – «плавуном», т. е. одностенной двухтептивной сетью, длиной не менее 120–130 м [5, с. 141, 144]. В Усть-Цилемской волости 695 хозяйств имели по одной и более лодок (всего лодок – 984), сетные снасти имело 921 хозяйство: неводов имелось 54 007 сажень, поплавленной семужьих – 26 374 сажень [4, л. 56 об.]. Как видно из приведенных цифр, обеспечение населения рыболовным промысловым инвентарем можно считать вполне достаточным.

Быт промышленников был организован весьма скромно. По описанию С. В. Мартынова, спали рыбаки всегда прямо в одежде, растянувшись на земле и положив под голову первую попавшуюся вещь. Пищу принимали три раза в день. Обед состоял из ухи, заправленной ячменной крупой. Второе блюдо – рыба, вынутая из ухи. Иногда из ржаной или ячменной муки пекли лепешки и ели их с рыбьим жиром, который вываривался из внутренно-

помимо прочего, и запасы продовольствия. При семужьем промысле рыболовные места разделялись на участки, которыми пользовались по жребию. Практиковалась продажа «бедными» односельчанами своих участков воды «богатым». Мартынов приводит сведения о приблизительных расходах артели: стоимость лодки – 25 руб., сети – 70 руб., найма 3–5 рабочих (по 20 руб. в месяц) – 60–100 руб., и еще от 15 до 100 руб. за «воду» (за участок реки) [2, с. 123]. Каждый

стей рыбы. На паужин и ужин – то же самое, что за обедом и, кроме того, чай с хлебом или калачами. Удобных жилищ во время ловли не имелось, и промышленники оставались на открытом воздухе, либо строили себе шалаши из прутьев или паруса, растянутого в кольях [2, с. 122]. Медицинской помощи во время рыбной ловли не существовало, хотя отправляющиеся на ловлю проводили на ней, вдали от своих селений, до нескольких месяцев, при тяжелых условиях работы и вечном риске заболеть [там же].

Скупщиками рыбы являлись приезжие купцы и их приказчики, покупающие рыбу немедленно после ее улова. Была распространена практика продажи семги в свежем виде. Она дороже ценилась и выигрывала в весе (соленая рыба теряет в весе около 10 %). Продукты труда рыбопромышленников Печоры приобретали в основном купцы, приезжавшие из Чердыни Пермской губернии (как их называли местные жители – «чердаки», или «усольцы»), которые, очевидно, при отсутствии конкуренции, долгое время устанавливали между собой соглашение о максимальной цене рыбы [там же, с. 129]. В начале XX в. на рынке заявили о себе крупные петербургские фирмы, которые устраивали ледники для хранения семги. Благодаря конкуренции цена на семгу значительно выросла (в два-три раза) и, например, в 1902 г. доходила до 35 руб. за пуд [4, л. 55 об.]. Самым крупным скупщиком семги в Усть-Цилемской волости считался петербургский купец Языков, присылавший ежегодно своего приказчика. В среднем цена семги колебалась от 20 до 25 руб. за пуд, в зависимости от величины рыбы. Товар забирали под квитанции, расчет по которым производился уже по окончании периода лова [4, л. 55 об.].

Продажа не всегда происходила за наличный расчет. Чердынские и местные усть-цилемские скупщики, кредитовавшие промышленников продуктами, зачастую забирали рыбу за долги. Красноречиво демонстрирует сложившуюся в связи с этим экономическую ситуацию все тот же С. В. Мартынов. «Все население Печорского края, – пишет он, – распадается на две категории: на капиталистов, или "богачей", которые с помощью чердынцев заправляют экономическими силами населения и удивляют путешественника своим довольством и изобилием в жизни, и крестьян-промышленников, живущих в вечном долгу, в кабальной зависимости, и внешний достаток их представляет только обман зрения, объясняясь жизнью в кредит» [2, с. 129]. Более того, современники отмечали, что для достижения более выгодной сделки, скупщики прибегали к угощению лакомствами и спаиванию водкой [4, л. 55 об.].

Семужий промысел, таким образом, в начале прошлого века все более подпадал под власть капитала. Артельное начало его было вызвано дороговизной предприятия. При невозможности участия в артелях значительного числа местного населения, главную роль в промысле имели разбогатевшие крестьяне, которые полностью взяли под свой контроль его организацию, и купцы-скупщики, контролировавшие реализацию продукта.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Куратов, О. А. Отхожие промыслы крестьян Печорского уезда в начале XX века / О. А. Куратов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2024. – № 10 (76). – С. 33–37.
2. Мартынов, С. В. Печорский край. Ч. 1. Очерки природы и быта, население, культура, промышленность / С. В. Мартынов. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. – 284 с.
3. Никулин, Н. В. Рыболовство в Новгородской и Псковской губерниях и связанные с ним промыслы (вторая половина XIX–начало XX века) / Н. В. Никулин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – № 12. – С. 36–44.
4. Государственный архив Архангельской области. Ф. 115. Оп. 11. Д. 587а.
5. Конаков, Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX–начале XX в. Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока / Н. Д. Конаков. – М.: Наука, 1983. – 248 с.
6. Бернштам, Т. А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX–первой трети XX в. / Т. А. Бернштам // Из культурного наследия народов России: сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXVIII. – Л., 1972. – С. 62–98.

References

1. Kuratov, O.A. Othozhie promysly krest'yan Pechorskogo uyezda v nachale XX veka. [Seasonal work of the Pechora Uyezd peasants in the early XX century] // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, No. 10 (76), 2024. – P. 33–37.
2. Martynov, S. V. Pechorskij kraj. Ch. 1. Ocherki prirody i byta, naselenie, kul'tura, promyshlennost' [Pechora Region. Part 1. Essays on nature and everyday life, population, culture, industry] / S. V. Martynov. – St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1905. – 284 p.
3. Nikulin, N. V. Rybolovstvo v Novgorodskoj i Pskovskoj guberniyah i svyazannye s nim promysly (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Fishing in the Novgorod and Pskov provinces and related crafts (the second half of the XIX — early XX century)] / N. V. Nikulin // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bull. of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences]. – 2013. – No. 12. – P. 36–44.
4. Gosudarstvennii arhiv Arhangelskoi oblasti [State Archive of the Arkhangelsk region]. F. 115. Op. 11. D. 587a.
5. Konakov, N. D. Komi ohotniki i rybolovy vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. Kul'tura promyslovogo naseleniya taezhnoj zony Evropejskogo Severo-Vostoka [Komi hunters and fishermen in the second half of the XIX — early XX century. Culture of the commercial population of the taiga zone of the European Northeast] / N. D. Konakov. – Moscow: Nauka, 1983. – 248 p.

6. Bernstam, T. A. Rybolovstvo na Russkom Severe vo vtoroj polovine XIX – pervoj tretej XX v. [Fishing in the Russian North in the second half of the XIX – first third of the XX century] / T. A. Bernstam // Iz kul'turnogo naslediya

narodov Rossii: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [From the cultural heritage of the peoples of Russia: Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XXVIII. – Leningrad, 1972. – P. 62–98.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» № FUUU-2025-0026.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the research topic «State Policy for the development of the European North of Russia: actual problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI–XX centuries.» № FUUU-2025-0026.

Информация об авторе:

Куратов Олег Александрович – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: olegkuratov@mail.ru).

Author:

Oleg A. Kuratov – Junior Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: olegkuratov@mail.ru).

Для цитирования:

Куратов, О. А. Семужий промысел в Печорском уезде в начале XX века / О. А. Куратов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 63–66.

For citation:

Kuratov, O. A. Salmon fishery in the Pechora Uyezd at the beginning of the XX century / O. A. Kuratov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 63–66.

Дата поступления статьи: 24.03.2025

Прошла рецензирование: 28.03.2025

Принято решение о публикации: 04.04.2025

Received: 24.03.2025

Reviewed: 28.03.2025

Accepted: 04.04.2025

Пожары и взаимное страхование «от огня» церковных построек в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1910–1917 годах

А. В. Рожина

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург
arojina@bk.ru

Аннотация

В статье на основе архивных документов автор анализирует организацию страхования от пожаров церковной недвижимости в Тотемском уезде Вологодской губернии, рассматривает подготовительный этап страхования (оценка построек и назначение страховых премий) в 1910 г. и реализацию процесса в течение 1911–1917 гг.

В духовном ведомстве была выстроена система взаимного страхования недвижимого имущества, при которой Страховой отдел аккумулировал, проверял и утверждал документы по страхованию построек. На епархиальном уровне основная деятельность по страховому делу была сосредоточена в руках благочинных, роль Вологодской духовной консистории сводилась к пересылке документов и денежных средств. В Тотемском уезде примерно 77 % от страховых премий расходовалось на возмещение пожарных убытков, что было на 27 % выше средних показателей по Российской империи. Сопоставляя расходы на страхование и выплаты за ущерб от пожаров в церковных строениях, автор приходит к выводам, что страхование на принципах взаимности, позволявшее компенсировать убытки «от огня», оказалось достаточно целесообразно в Тотемском уезде.

Ключевые слова:

взаимное страхование, страхование от огня, пожар, Вологодская губерния, Тотемский уезд, Спасо-Суморин монастырь

Введение

О катастрофических последствиях «от огня» упоминалось еще в летописных сводах. Так, в «Патриаршей или Никоновской летописи» был описан «великий пожар» в Москве в 7055 г. (от 1547 г. Р. Х.): «не пощади Бог только множество святых церквей и образов святых своих... и многое множество народу згореша» [1, с. 154]. В XIX–начале XX в. о страшной птице по имени «красный петух» не забыли:

*«"Петух" пролетает повсюду,
Невидимый глазом простым,
И чуть где опустится низко –*

Fires and mutual insurance “against fire” of church buildings in the Totem Uyezd of the Vologda province in 1910–1917

A. V. Rozhina

North-Western Institute of Management, Russian Academy of
National Economy and Public Administration,
St. Petersburg
arojina@bk.ru

Abstract

The paper, based on archival documents, analyzes the organization of fire insurance for church real estate in the Totem Uyezd of the Vologda province. The preparatory stage of insurance (assessment of buildings and assignment of insurance premiums) in 1910 and the implementation of the process during 1911–1917 are considered.

The Ecclesiastical Department established a system of mutual insurance of real estate, in which the Insurance Department accumulated, checked and approved documents for the insurance of buildings. At the diocesan level, the main activity in the insurance business was concentrated in the hands of the deans; the role of the Vologda Ecclesiastical Consistory was reduced to the transfer of documents and funds. In the Totem Uyezd, approximately 77% of insurance premiums were spent on fire damage compensation, which was 27% higher than the average for the Russian Empire. Comparing the costs of insurance and payments for damage from fires in church buildings, the author comes to the conclusion that insurance based on the principles of reciprocity, which made it possible to compensate for losses “from fire,” turned out to be quite appropriate in the Totem Uyezd.

Keywords:

mutual insurance, fire insurance, fire, Vologda province, Totem Uyezd, Spaso-Sumorin monastery

*Появятся пламя и дым...
Свое совершает он дело,
Нигде, ничего не щадит, –
И в лес, и в деревню, и в город,
И в села, и в церкви летит...» [2, с. 2].*

Пожары уносили жизни людей, уничтожали имущество, жилые и культовые постройки и считались стихийным бедствием. Проблема защиты «от огня» находилась под пристальным вниманием властей. Организованный с 1802 г. в Центральном статистическом комитете при Министерстве внутренних дел сбор количественных данных

о пожарах имел практическую значимость для принятия управленческих решений. С одной стороны, принимались меры по обеспечению оборудования для тушения огня и созданию специальных команд преимущественно в городах [3, с. 8–11; 4, с. 30], а жители окраин самостоятельно не могли противостоять огненной стихии. Как описывали очевидцы пожара 1891 г., *«прекратилась возможность подвести воду и надежда отстоять церковь была потеряна, все силы были употреблены на спасение церковного имущества»* [5, л. 20 об.].

Другой мерой, предпринятой правительством Николая I, была организация страхования «от огня» для компенсации причиненного ущерба. Началось страховое дело в России под опекой государства с 20–30-х гг. XIX в. и было связано с открытием «Первого российского страхового общества» и с появлением раскладочной системы в среде государственной деревни, когда в случае пожара выплачивалось денежное пособие, при этом убытки возлагались на всю крестьянскую общину [6, с. 103]. В 1852 г. законодательно был расширен перечень построек для обязательного страхования, который помимо крестьянских дворов включал административные здания и приходские училища [7, с. 444–448].

Развитие страхового дела в России обусловило появление исследований по разным видам и формам страхования. Первые такие труды по страхованию от пожаров были опубликованы еще в 1860-х гг. и касались вопросов рассмотрения взаимного страхования в свете освещения реформаторской деятельности правительства [8]. Бум исследований по общим вопросам страхования и положению страхового дела в империи приходится на конец XIX–начало XX в., когда помимо обязательного страхования действовало и добровольное в коммерческих обществах и земствах [9, 10].

Статистические данные о количестве пожаров, собранные в губерниях европейской части за полстолетия с 1860-х гг. до 1909 г., демонстрируют их увеличение в семь раз: если в 1860–1864 гг. зафиксировано почти 59 тыс. случаев, в 1905–1909 гг. – свыше 408 тыс. Так, русский экономист, профессор Санкт-Петербургского университета П. И. Георгиевский, сопоставляя количественные показатели пожаров в России, еще в 1912 г. связывал их рост, во-первых, с постепенным увеличением точности собираемых данных, отмечая, что *«пожары, ранее вовсе не регистрировавшиеся, ныне наблюдаются и заносятся в списки»* (по-видимому, здесь речь идет о том, что не фиксировались незначительные возгорания, не приводившие к полному уничтожению построек – А. В.). Во-вторых, он считал, что эта тенденция обусловлена естественным приростом населения и увеличением количества построек [11, с. XV]. При этом, к 1900-м гг. отмечалась и положительная динамика: сокращение *«силы пожара»* (число погоревших дворов в одном пожаре) и уменьшение ущерба, наносимого в среднем от одного случая. Больше половины возгораний приходилось на летне-осенний период, при этом сила пожаров была максимальной летом и весной [там же, с. XVI].

По статистическим материалам в целом по европейской части Российской империи за 1905–1909 гг. максимальное количество пожаров в среднем за год в городах приходилось на Московскую губернию (1109 – «среднее число пожаров» в год), в сельской местности – на Вятскую губернию (5821 – «среднее число пожаров» в год). Вологодская губерния входила в 10 губерний с минимальным «средним числом пожаров» в городах (35 – «среднее число пожаров» в год) и была на седьмой позиции по минимальным показателям пожаров в сельской местности среди губерний (309 – «среднее число пожаров» в год) [там же, с. VII–IX]. Большая часть выясненных причин пожаров в целом по империи была связана с неосторожным обращением с огнем, не была исключением и Вологодская губерния, в которой возгорания по неосторожности происходили в 11 % случаев, а также от *«дурного устройства труб и печей»* – 8,7, от поджогов – 8,5, от удара молнии – 7,3 % и по другим причинам – 54,5 % [12, с. 131].

При этом, если в целом по европейской части империи в конце XIX–начале XX в. отмечалось увеличение пожаров, то в Вологодской губернии эта тенденция, напротив, не прослеживалась. В г. Тотьме в 1895–1899 гг. было зафиксировано 10 пожаров, в 1900–1904 гг. – два, 1905–1909 гг. – пять, что, однако, больше, чем в городах Усть-Сысольске и Сольвычегодске, в которых за 15 лет (1895–1909) произошло минимальное количество случаев среди городов губернии – по восемь пожаров [12, с. 168]. К 1910 г. в Тотьме – уездном городе с населением 8835 чел. – в распоряжении городской пожарной команды насчитывалось шесть бочек, шесть насосов и машин, у вольнонаемной команды – одна бочка, пожарный насос и машина. В других населенных пунктах Тотемского уезда пожарных команд не было вовсе [13, с. 2–9].

Заметим, что в региональных трудах, посвященных различным аспектам развития православных монастырей на Европейском Севере России в XVIII–начале XX в., исследователи неоднократно обращались к страховым документам, отложившимся в фондах архивов. Это дало возможность весьма подробно изучить социально-экономическую деятельность православных обитателей, при этом роль страхования церковных построек не стала самостоятельным предметом исследования [14–19]. В современной российской науке к рассмотрению организации взаимного страхования церковного недвижимого имущества обращаются ученые разных отраслей знания [20–23], но по-прежнему этот аспект остается малоизученным, при этом в архивах отложился большой пласт источников, проливающих свет на события прошлого. В рамках серии работ автора о страховании «от огня» в духовном ведомстве по материалам Вологодской губернии в 1910–1917 гг. [4, 24, 25] значимыми представляются вопросы практической реализации процесса, а также корреляции между размером страховых премий и страховых выплат в Тотемском уезде. Эти характеристики дают основание прийти к постановке вопроса об оценке целесообразности для страхователей страхования церковной недвижимости на принципах взаимности.

Материалы и методы

«Взаимное страхование» духовного ведомства подразумевало страхование церковных построек «от огня» не в частных обществах, а создание в Страховом отделе Хозяйственного управления Святейшего Синода единого фонда средств за счет «страховых премий» (вносимые ежегодно за страхование недвижимого имущества). Из страховых средств выплачивались компенсации (вознаграждение) за ущерб в случае пожара, обеспечивалось содержание чиновников, делопроизводство, командировки по страховому делу духовного ведомства. Остатки сумм переводились в облигации государственных займов и банков и формировали так называемый «запасный капитал» [24, с. 1058–1060].

При помощи методов формализации и систематизации исторических данных в исследовании анализируется процесс взаимного страхования строений духовного ведомства на основе нормативно-правовых актов и страховых документов церковного имущества Тотемского уезда Вологодской епархии, хранящихся в фонде Хозяйственного управления при Синоде Российского государственного исторического архива. Источники, отложившиеся в архиве, позволяют обобщить сведения о суммах страховых премий, количестве пожаров и компенсаций по ним в период взаимного страхования, соотнести расходы на страхование и его целесообразность в 1911–1917 гг.

Результаты и их обсуждение

Согласно «Высочайше утвержденному положению о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства» (далее – «Положение о взаимном страховании»), обязательному страхованию «на началах взаимности» подлежало епархиальное недвижимое имущество на территории всей Российской империи (кроме епархий Восточной Сибири, Туркестанского края и Грузинского экзархата), за исключением строений, находившихся в частной собственности духовенства и тех, которые были построены и содержались исключительно за счет казны и специальных средств Святейшего Синода [26, с. 615]. Почти через год после принятия «Положения о взаимном страховании» определением Святейшего Синода 4–18 мая 1905 г. за № 2282 был утвержден страховой тариф от огня для строений духовного ведомства. Все церковные постройки были разделены на четыре разряда по огнеопасности для строений в городах и сельской местности. В отдельный (первый) разряд были выделены культовые здания (храмы, часовни, колокольни), с которых взимались страховые премии по минимальному размеру; во второй – церковно-причтовые строения, жилые и хозяйственные постройки, склады; в третий – «огнеопасные службы»: бани, зерносушильни и пр.; в четвертый – «заведения, производящие легко воспламеняющиеся вещества» [27, л. 80, 80 об., 81].

По инициативе епархиальных властей и членов Государственной Думы Святейший Синод определением от 27–28 ноября 1909 г. ввел в действие «Положение о взаимном страховании» за № 9539 с 1 января 1911 г. [28, с. 211–212], что

ознаменовало начало обязательного страхования церковного недвижимого имущества. В аналитической записке «К вопросу о реорганизации местной агентуры взаимного страхования от огня строений духовного ведомства», подготовленной служащими Страхового отдела Н. Ф. Шенцом и Т. И. Дмитриевым, отмечалось, что при введении «взаимного страхования от огня строений духовного ведомства имелось с виду, при платеже небольших премий, дать возможность возстановления, в случаях несчастий от пожара, пострадавших от огня строений, а это достигалось путем привлечения к страхованию наибольшего количества строений, при возможно недорогой организации управления»¹ [29, л. 1–2].

Управление процессом взаимного страхования, согласно «Положению о взаимном страховании», было построено в соответствии с четкой иерархией церковных властей и разделением полномочий между ними. На высшем уровне основная роль в руководстве страхованием принадлежала Общему страховому присутствию, в его состав входили на правах членов, вице-директор Хозяйственного управления, управляющий Страховым отделом духовного ведомства, страховые инспекторы, старшие делопроизводители Страхового отдела и представитель от Контроля при Святейшем Синоде. Решениям Присутствия подчинялся Страховой отдел Хозяйственного управления Святейшего Синода, который осуществлял общий контроль и организацию процесса страхования построек в духовном ведомстве [26, с. 615].

На уровне епархий, которые были разделены на благочиннические округа, «исполнительные действия по страхованию от огня» церковных построек поручались благочинным или заменяющим их по страховому делу священникам [там же, с. 616]. Они фактически осуществляли реализацию взаимного страхования на местах и выполняли функции страховых агентов. Территория Тотемского уезда Вологодской епархии была разделена на шесть благочиннических округов, за страхование в каждом округе отвечал благочинный, за исключением первого округа, где в 1910 г. заменяющим по страховому делу благочинного был назначен священник Василий Алешинцев (табл. 1) [30, л. 36–45; 31, л. 1–37; 32, л. 1–51; 33, л. 1–46; 34, л. 1–51; 35, л. 1–37; 36, с. 21].

Наблюдение за выполнением благочинными или заменяющим их по страховому делу священниками законодательно возлагалось на духовные консистории, которым законодательно предписывались широкие полномочия, включавшие: «наблюдение за безнедоимочным поступлением всех страховых сборов в епархии и своевременная рассылка их в Страховой Отдел духовного ведомства», «разсмотрение произведенных о пожарных убытках исследований и представление сих последним со своим заключением в Страховой Отдел духовного ведомства»; «выдача, в случае надобности, авансов в счет вознаграждений за пожарные убытки»; «командирование Епархиальных Архитекторов и других лиц в исключительных случаях для составления расчетов и проверки действий» благочинных или заменяющих их по страховому делу

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация – авторские.

Таблица 1
Благочинные Тотемского уезда Вологодской епархии в 1910 году
Table 1
Dean of the Totem Uyezd of the Vologda Diocese in 1910

Благочиннический округ	Должность благочинного или заменяющего благочинного по страховому делу	Фамилия, имя благочинного или заменяющего благочинного по страховому делу
Городской	Благочинный церквей г. Тотьмы священник Сретенской церкви	Николай Патрушев
Первый	Заменяющий благочинного первого округа священник	Василий Алешинцев
Второй	Благочинный второго округа священник Спасо-Преображенской церкви	Феодосий Малевинский
Третий	Благочинный третьего округа священник Успенской Шуйской церкви	Никтополион Церковницкий
Четвертый	Благочинный четвертого округа священник Спасо-Преображенской Кокшегской церкви	Николай Преображенский
Пятый	Благочинный пятого округа священник Николаевской Чаловской церкви	Николай Юшков

Источники: [30–36].
Sources: [30–36].

священников [26, с. 616]. Старший делопроизводитель Страхового отдела Н. Ф. Шенец отмечал, что на практике консистории не осуществляли возложенную на них руководящую роль [29, л. 25–26].

В результате осуществленных благочинными работ по оценке строений и расчету страховых премий в 1910 г. в Тотемском уезде было принято «на страх» 460 церковных строений духовного ведомства (включая культовые, образовательные, жилые и хозяйственные постройки) на сумму свыше 1,2 млн руб., назначены страховые премии 1929 руб. 15 коп. (табл. 2). Страховые оценки и карточки были предоставлены благочинными в Вологодскую духовную консисторию, которая направила их для утверждения в Страховой отдел. В дальнейшем в период взаимного страхования в обязанности благочинных входило осуществление сбора и отправки страховых премий в духовную консисторию, оценивание новых построек.

Таблица 2
Страхование построек духовного ведомства в Тотемском уезде
Вологодской епархии в 1911 году

Table 2
Insurance of buildings of the Ecclesiastical Department in the Totem Uyezd of the Vologda Diocese in 1911

Благочиннический округ	Количество застрахованных строений к 1 января 1911 г.	Страховые суммы строений к 1 января 1911 г., руб.	Ежегодные страховые премии к 1 января 1911 г., руб.
Городской	57	344 600,0	254,33
Первый	109	148 900,00	319,89
Второй	62	26 500,00	313,74
Третий	66	277 935,00	380,32
Четвертый	109	265 655,00	469,65
Пятый	57	138 078,00	191,22
Итого	460	1 201 668,00	1 929,15

Источники: [30–35].
Sources: [30–35].

В 1914 г., согласно Отношениям Вологодской духовной консистории от 24 января и 19 февраля 1914 г. за № 1075 и 2058, был образован шестой благочиннический округ с назначением на должность благочинного священника Василия Алешинцева [37, л. 1–50]. За период взаимного страхования пожары в строениях духовного ведомства происходили во всех благочиннических округах Тотемского уезда, за исключением пятого и шестого (табл. 3). В страховом случае, согласно «Положению о взаимном страховании» и инструкций, благочинные освидетельствовали, оценивали убытки, проводили проверки на месте происшествия и представляли данные о них в духовную консисторию [26, с. 616]. В свою очередь консистория направляла эти сведения в Страховой отдел, который назначал и высылал компенсации. Потерпевшие ущерб страхователи получали денежные выплаты не в консистории, а через благочинного [32, л. 2–4, 4 об.].

В результате пожаров в период взаимного страхования в Тотемском уезде пострадало 14 церковных строений (в том числе четыре деревянных), из них отнесенных к первому разряду – 50 % (семь культовых построек), ко второму – 43 % (два здания духовно-учебных заведений, четыре жилые постройки), к третьему разряду – 7 % (одна баня, относившаяся к «огнеопасным службам»). Обращаясь к причинам происшествий в епархиальных постройках, отметим, что 15 % пожаров приходилось на удары молнии, 15 % – на неисправность домовых труб или печи, причины 70 % возгораний не установлены [30, л. 1–37, 37 об., 43, 43 об.; 31, л. 1–37; 32, л. 2–4, 4 об.; 33, л. 39–41, 41 об.; 34, л. 51, 51 об.; 35, л. 1–37; 37, л. 1–50].

В страховых документах были зафиксированы факты, когда церковные деревянные постройки были полностью уничтожены огнем. В январе 1915 г. в четвертом округе сгорел причтовый дом, при этом здание каменной Поцкой Ильинской церкви пострадало незначительно [39, л. 51, 51 об.]. В декабре того же года в третьем округе огнем было полностью уничтожено здание церковно-приходской школы, построенное в 1897 г. при Дмитриевской Шейбухтской церкви [33, л. 39–41, 41 об.]. В январе 1916 г. в первом округе от неисправной домовых труб сгорел застрахованный при Кулибаровской Вознесенской церкви одноэтажный церковно-школьный дом с мезонином (1901 г. постройки), покрытый тесом. За ущерб от этих пожаров страхователям была выплачена 100%-ная компенсация страховой суммы строений, а уничтоженные огнем постройки были исключены из страхования [31, л. 35–37, 37 об.].

Около 29 % случаев возгораний в Тотемском уезде в 1911–1917 гг. случилось от удара молнии, урон был нанесен каменным строениям: в 1911 г. третьем округе загорелась Богородицкая Пустошуйская церковь (1846 г. постройки), в 1916 г. во втором округе – Стрелицкая Спасо-Преображенская церковь (1752 г. постройки, в 1862 г. была отремонтирована). В первом случае убыток был оценен в 15 руб., во втором – в 301 руб. [33, л. 39–41, 41 об.; 34, л. 51, 51 об.]. При этом, в архивных документах сохранились сведения о причинении так называемого «холодного удара» молнией по епархиальным строениям, если это не

Таблица 3
Пожары в церковных постройках Тотемского уезда Вологодской губернии
в 1911–1917 годах

Table 3
Fires in church buildings of the Totem Uyezd of the Vologda province in 1911–1917

Благочиннический округ/ страхователь	Год пожара	Страховая оценка строений, пострадавших от пожара, руб.	Годичные премии за строения, пострадавшие от пожара, руб.	Размер страховых выплат за строения, пострадавшие от пожара, руб.
Городской округ				
Спасо-Суморин мужской монастырь	1917	86 200,00	85,52	8 388,00
Варницкая Воскресенская церковь	1915	50,00	15,03	33,00
Первый округ				
Кулибаровская Вознесенская церковь	1916	300,00	19,02	300,00
Второй округ				
Стрелицкая Спасо-Преображенская церковь	1916	14 000,00	33,10	301,00
Третий округ				
Богородицкая Пустошуйская церковь	1911	5 000,00	9,17	15,00
Дмитриевская Шейбухтская церковь	1915	750,00	26,36	750,0
Четвертый округ				
Пощкая Ильинская церковь	1915	7 850,00	21,60	406,00
Пятый округ				
-	-	-	-	-
Шестой округ				
-	-	-	-	-
Всего в Тотемском уезде	1911–1917	114 150,0	209,80	10 193,0

Источники: [30–35, 37].
Sources: [30–35, 37].

приводило к возгоранию, то страховые выплаты не полагались. К примеру, 20 июня 1911 г. ударом молнии было повреждено строение каменной холодной Николаевской Чаловской церкви в пятом округе Тотемского уезда, но, согласно определению Синода от 24 августа 1911 г. за № 6411, было вынесено решение: «...убытки возмещать не надлежит» [33, л. 39–41, 41 об.; 34, л. 51, 51 об.].

Существенный урон в результате пожара 4 июня 1917 г. был нанесен строениям в Спасо-Суморинском мужском монастыре, основанном Феодосием Тотемским в XVI в. Пострадали от огня три каменные церкви: Церковь Преображения Господня (построена в 1689 г., отремонтирована в 1880 г.), Церковь Вознесения Господня (построена в 1825 г.), Церковь Успения Божией Матери (построена в 1864 г.) и каменная колокольня (построена в 1850–1852 гг.). Урон был нанесен главному каменному корпусу монастырских келий (построен в 1856 г.), западному каменному корпусу братских келий (построен около 1820 г.), а также ка-

менному с деревянным мезонином дому для богомольцев. При этом уцелели все деревянные хозяйственные постройки (конюшня, амбары, прачечная, баня, сеновал), церковно-приходская школа, изба для рабочих и «красная изба»², а также каменные – скотный двор и гостинный корпус [30, л. 39–43, 43 об.; 25, с. 307–308]. Пожар на монастырской территории произошел в тот период, когда Крестьянский продовольственно-хозяйственный съезд в г. Вологде объявил себя Губернским Советом крестьянских депутатов и избрал свой Исполком. Это совпадение (несмотря на то, что причина возгорания не установлена), а также парадоксальная закономерность, что от огня пострадали только каменные культовые строение и жилые корпуса братии и богомольцев, дают основание предположить, что поводом пожара вполне могли быть революционные настроения в уезде. В советский период Тотемская иноческая обитель была закрыта, его строения использовались для размещения учебных заведений и воинских частей. В 1995 г. Указом Президента Российской Федерации (от 20 февраля 1995 г. № 176) Ансамбль Спасо-Суморина монастыря был отнесен к категории объектов культурного наследия федерального значения, в настоящее время там ведутся ремонтно-реставрационные работы.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно прийти к следующим выводам. Страховые документы, отложившиеся в фондах Хозяйственного отдела Синода, не дают оснований однозначно утверждать об эффективности системы взаимного страхования строений духовного ведомства. Во-первых, взаимное страхование давало экономические гарантии защиты ущерба при пожаре в епархиальных строениях, позволяло компенсировать убытки «от огня» за счет страховых премий при ежегодном пополнении общего фонда средств в Страховом отделе Хозяйственного управления Синода. Главным руководящим органом было Общее страховое присутствие, но утверждение страховых документов и основной контроль за организацией страхования в духовном ведомстве осуществлял Страховой отдел Святейшего Синода, который взаимодействовал на уровне епархии с благочинными через Вологодскую духовную

² В страховых документах зафиксировано строение под названием «красная изба» – прочное бревенчатое здание, обшитое тесом, окрашенное охрой, отапливалось русской печью. Предназначение и год постройки не указаны.

консисторию, роль которой сводилась главным образом к приему и отправке документов и денежных средств. Но прослеживаются расхождения «де юре» и «де факто» в распределении полномочий по организации страхового дела между Общим страховым присутствием, Страховым отделом, Вологодской духовной консисторией и благочинными. Фактически основная работа по страховому делу была возложена на благочинных и заменяющих их священников.

Во-вторых, за период 1911–1917 гг. в Тотемском уезде 79 % происшествий в духовном ведомстве связаны с возгораниями каменных строений, при этом большая опасность от пожаров исходила для построек из дерева: из четырех деревянных строений три были полностью уничтожены огнем. В целом, для этого уезда страхование на принципах взаимности оказалось достаточно целесообразным: при страховых премиях в размере более 13 тыс. руб. за ущерб «от огня» было выплачено свыше 10 тыс. руб., т. е. около 77 % (для сравнения, в целом по Российской империи начисленные компенсации составляли примерно 50 % от годовых премий, тогда как по Усть-Сысольскому уезду Вологодской губернии на покрытие пожарных убытков уходило всего 15 %) [4, с. 31–33; 20, с. 47].

В-третьих, размер выплат по всем зафиксированным страховым случаям в Тотемском уезде превышал суммы годовых премий от 1,6 до 98 раз, что может служить подтверждением целесообразности страхования для погорельцев. При этом, архивные документы не подтверждают, что размер выплат за ущерб от пожаров был достаточным для полноценного ремонта пострадавших «от огня» построек или строительства новых зданий в случае полного их разрушения.

С приходом к власти большевиков происходят существенные изменения: в 1918 г. церковь отделяется от государства, отменяется взаимное страхование, церковное имущество национализируется, в рамках атеистической идеологии рушатся храмы, часть культовых построек используется не по их назначению. В постсоветский период большая часть сохранившихся культовых построек была возвращена Русской православной церкви. В современных реалиях обращение к дореволюционному опыту взаимного страхования – один из шагов поиска экономических решений для борьбы с пагубным влиянием пожаров на наше культурное достояние.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / под ред. С. Ф. Платонова при участии С. А. Адрианова. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1904. – Т. 13. – 302 с.
2. Гиляровский, В. Красный петух / В. Гиляровский // Московский листок. – 1882. – № 183. – С. 2.
3. Города России / Центр. стат. ком. МВД. Т. 1: Города России в 1904 году. – СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. – 907 с.
4. Рожина, А. В. Реализация взаимного страхования «от огня» строений духовного ведомства в России в 1910–1917 гг. (по материалам Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии) / А. В. Рожина // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2024. – № 6 (72). – С. 29–36.
5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 172. Д. 2581. 48 л.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (далее – ПСЗРИ-2). – Т. 6. Часть вторая. – 1831, № 4845. – СПб., 1832. – С. 102–104.
7. ПСЗРИ-2. – Т. 27. Часть вторая. – 1852, № 26412. – СПб., 1853. – С. 444–448.
8. Преженцов, А. О. Взаимное страхование от пожаров и его реформа / А. О. Преженцов. – СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1867. – 36 с.
9. Гофштеттер, И. А. Пожарно-страховое дело в земских губерниях (Новгородской, Казанской, Вятской, Пермской и Нижегородской), история его развития и современная постановка / И. А. Гофштеттер. – СПб.: Тип. Уч-ща глухонемых, 1902. – 300 с.
10. Луневский, С. П. Страхование от огня / С. П. Луневский. – СПб.: Типо-лит. К. Фельдман, 1912. – 206 с.
11. Георгиевский, П. Пожары в России / П. Георгиевский // Статистика пожаров в Российской империи за 1895–1910 годы. – Ч.1. 63 губернии Европейской России. – СПб.: Центр. стат. ком. МВД, 1912. – С. I–LXIX.
12. Статистика пожаров в Российской империи за 1895–1910 годы. – Ч.1. 63 губернии Европейской России. – СПб.: Центр. стат. ком. МВД, 1912. – 276 с.
13. Города России / Центр. стат. ком. МВД. Т. 1: Города России в 1910 году. – СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. – 1200 с.
14. Есеева, О. В. Пинежские монастыри Архангельской губернии в XVII–начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / О. В. Есеева. – Сыктывкар, 2006. – 288 с.
15. Камкин, А. В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года: Любителю старины. Краеведу. Учителю. Студенту / А. В. Камкин. – Вологда: ВГПИ, 1992. – 164 с.
16. Котов, П. П. Монастыри в системе церковной власти в конце XVIII – начале XX века: по материалам Вологодской губернии / П. П. Котов, А. В. Рожина. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 238 с.
17. Рожина, А. В. Монастыри и церковная власть в Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Рожина. – Сыктывкар, 2012. – 244 с.
18. Рожина, А. В. Экономический аспект взаимоотношений монастырей Вологодской губернии с церковно-государственными властями в конце XVIII – начале XX века / А. В. Рожина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2012. – № 2. – С. 68–72.
19. Самсонова, Т. Ю. Соловецкий монастырь: хозяйственная деятельность, социальный состав и управление. Вторая половина XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук / Т. Ю. Самсонова. – М., 1997. – 211 с.
20. Кокарев, М. С. Страхование церковной недвижимости в Российской империи в начале XX в. / М. С. Кокарев //

Модернизация культуры: диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве, образовании : материалы IX Международной научно-практической конференции, Самара, 25–26 мая 2023 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2023. – С. 44–47.

21. Логвинова, И. Л. Взаимное страхование в России: особенности эволюции. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 176 с.
22. Райлян, А. И. Страхование законодательство Российской империи: (1861–1917 гг.): дис. ... канд. юр. наук / А. И. Райлян. – М., 2005. – 219 с.
23. Турбина, К. Е. Взаимное страхование / К. Е. Турбина, В. Н. Дадыков. – М.: Анкил, 2007. – 344 с.
24. Рожина, А. В. К вопросу о взаимном страховании строений духовного ведомства в России в период думской монархии / А. В. Рожина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2024. – Т. 34, № 5. – С. 1055–1063.
25. Рожина, А. В. Взаимное страхование недвижимого имущества духовного ведомства в России в 1910–1917 гг. (по документам Вологодской епархии) / А. В. Рожина // Карамзинские чтения / РГИА. – Вып. 5: Памяти императора Александра III. – СПб.: РГИА, Издательство «Авро-ра», 2024. – С. 303–309.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. XXIV. – № 24.712. – СПб., 1904. – С. 614–809.
27. РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 574. 96 л.
28. Объяснительная записка к смете доходов и расходов специальных средств ведомства Святейшего Синода на 1916 год. – Петроград: Синодальная Типография. – 1915. – 261 с.
29. РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 573. 42 л.
30. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 133. Л. 1–52.
31. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 134. 62 л.
32. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 135. 51 л.
33. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 136. 46 л.
34. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 137. 73 л.
35. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 138. 37 л.
36. Памятная книжка Вологодской губернии на 1912 год. – Вологда: Типография Губернского правления. – 1912. – XII, 130 с.; [1] л. испр. и доп.; [2] л. рекл. объявл.
37. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 139. Л. 1–50.

References

1. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Complete Collection of Russian Chronicles. Chronicle collection called the Patriarchal or Nikon Chronicle] / Ed. S. F. Platonov with participation of S. A. Adrianov. – St. Petersburg: I. N. Skorokhodov Printing House, 1904. – Vol. 13. – 302 p.
2. Gilyarovskiy, V. Krasnyy petukh [Red Rooster] / V. Gilyarovskiy // Moskovskiy listok [Moscow leaflet]. – 1882. – № 183. – P. 2.
3. Goroda Rossii [Towns of Russia] / Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 1: Cities of

Russia in 1904. – St. Petersburg: Nyrkin Typolithography. – 1906. – 907 p.

4. Rozhina, A. V. Realizatsiya vzaimnogo strakhovaniya «ot ognia» stroyeniy dukhovnogo vedomstva v Rossii v 1910–1917 gody (po materialam Ust'-Sysl'skogo uyezda Vologodskoy gubernii) [Implementation of mutual insurance “against fire” of buildings of the ecclesiastical department in Russia in 1910–1917 (based on materials from the Ust'-Sysl'sk Uyezd of the Vologda province)] / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2024. – № 6(72). – P. 29–36.
5. Rossiiskii gosudarstvennii istoricheskii arhiv [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 799. Op. 172. D. 2581. 48 L.
6. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2-e [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2] (hereinafter – PSZRI). – Vol. 6. Part 2. – 1831, № 4845. – St. Petersburg. 1832. – P. 102–104.
7. Ibid. – Vol. 27. Part 2. – 1852, № 26412. – St. Petersburg, 1853. – P. 444–448.
8. Prezhenstov, A. O. Vzaimnoye strakhovaniye ot pozharov i yego reforma [Mutual fire insurance and its reform] / A. O. Prezhenstov. – St. Petersburg: Printing house of the Public Benefit Partnership, 1867. – 36 p.
9. Gofshtetter, I. A. Pozharno-strakhovoye delo v zemskikh guberniyakh (Novgorodskoy, Kazanskoy, Vyatskoy, Permskoy i Nizhegorodskoy), istoriya yego razvitiya i sovremennaya postanovka [Fire and insurance business in Zemstvo provinces (Novgorod, Kazan, Vyatka, Perm and Nizhny Novgorod), history of its development and modern setting] / I. A. Gofshtetter. – St. Petersburg: Printing House of the Deaf and Dumb College, 1902. – 300 p.
10. Lunevsky, S. P. Strakhovaniye ot ognia [Fire insurance] / S. P. Lunevsky. – St. Petersburg: K. Feldman Typolithography, 1912. – 206 p.
11. Georgievskiy, P. Pozhary v Rossii [Fires in Russia] / P. Georgievskiy // Statistika pozharov v Rossiyskoy imperii za 1895–1910 gody [Statistics of fires in the Russian Empire for 1895–1910]. – Part 1. 63 provinces of European Russia. – St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1912. – P. I–LXIX.
12. Statistika pozharov v Rossiyskoy imperii za 1895–1910 gody [Statistics of fires in the Russian Empire for 1895–1910]. – Part 1. 63 provinces of European Russia. – St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1912. – 276 p.
13. Goroda Rossii [Towns of Russia] / Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. Vol. 1: Towns of Russia in 1910. – St. Petersburg: Nyrkin Typolithography, 1914. – 1200 p.
14. Eseeva, O. V. Pinezhskiy monastyr Arkhangel'skoy gubernii v XVII – nachale XX veka [Pinega monasteries of the Arkhangelsk province in the XVII–early XX centuries]: diss... Cand. Sci. (History) / O. V. Eseeva. – Syktyvkar, 2006. – 288 p.
15. Kamkin, A. V. Pravoslavnaya tserkov' na Severe Rossii. Ocherki istorii do 1917 goda: Lyubitelyu stariny. Krayevedu. Uchitelyu. Studentu [Orthodox Church in the North of

- Russia. Essays on history before 1917: To a lover of antiquity. To local historian. To the teacher. To the student] / A. V. Kamkin. – Inst. of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. – Vologda: Vologda State Pedag. Inst., 1992. – 164 p.
16. Kotov, P. P. Monastyri v sisteme tserkovnoy vlasti v kontse XVIII – nachale XX veka: po materialam Vologodskoy gubernii [Monasteries in the system of church authorities in the late XVIII–early XX century: based on the materials of the Vologda province] / P. P. Kotov, A.V. Rozhina. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 238 p.
 17. Rozhina, A. V. Monastyri i tserkovnaya vlast' v Vologodskoy gubernii v kontse XVIII – nachale XX veka [Monasteries and church authorities in the Vologda province in the late XVIII–early XX century]: diss... Cand. Sci. (History) / A. V. Rozhina. – Syktyvkar, 2012. – 244 p.
 18. Rozhina, A. V. Ekonomicheskiy aspekt vzaimootnosheniy monastyrey Vologodskoy gubernii s tserkovno-gosudarstvennymi vlastyami v kontse XVIII – nachale XX veka [Economic aspect of the relationship between the monasteries of the Vologda province and the church-state authorities in the late XVIII–early XX century] / A. V. Rozhina // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya [Bull. of Tyumen State Univ. Humanities]. – 2012. – No. 2. – P. 68–72.
 19. Samsonova, T. Yu. Solovetskiy monastyr' khozyaystvennaya deyatel'nost', sotsial'nyy sostav i upravleniye. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Solovetsky Monastery economic activity, social composition and management. Second half of the XIX–early XX centuries]: diss... Cand. Sci. (History) / T. Yu. Samsonova. – Moscow, 1997. – 211 p.
 20. Kokarev, M. S. Strakhovaniye tserkovnoy nedvizhimosti v Rossiyskoy imperii v nachale XX v. [Insurance of church real estate in the Russian Empire at the beginning of the XX century] / M. S. Kokarev // Modernizatsiya kul'tury: dialogi o proshlom i nastoyashchem v nauke, iskusstve, obrazovanii [Modernization of culture: dialogues about the past and present in science, art, education]. – 2023. – P. 44–47.
 21. Logvinova, I. L. Vzaimnoye strakhovaniye v Rossii: osobennosti evolyutsii [Mutual insurance in Russia: features of evolution] / I. L. Logvinova. – Moscow: Finansy i statistika [Finance and Statistics], 2009. – 176 p.
 22. Railyan, A. I. Strakhovoye zakonodatel'stvo Rossiyskoy imperii: (1861–1917 gg.) [Insurance legislation of the Russian Empire: (1861–1917)]: diss... Cand. Sci. (Law) / A. I. Railyan. – Moscow, 2005. – 219 p.
 23. Turbina, K. E. Vzaimnoye strakhovaniye [Mutual insurance] / K. E. Turbina, V. N. Dadkov. – Moscow: Ankil, 2007. – 344 p.
 24. Rozhina, A. V. K voprosu o vzaimnom strakhovanii stroyenykh dukhovnogo vedomstva v Rossii v period dumskey monarkhii [On the issue of mutual insurance of buildings of the ecclesiastical department in Russia during the period of the Duma monarchy] / A. V. Rozhina // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bull. of Udmurt Univ. Series History and Philology]. – 2024. – Vol. 34, №. 5. – P. 1055–1063.
 25. Rozhina, A. V. Vzaimnoye strakhovaniye nedvizhimogo imushchestva dukhovnogo vedomstva v Rossii v 1910–1917 gg. (po dokumentam Vologodskoy eparkhii) [Mutual insurance of real estate of the ecclesiastical department in Russia in 1910–1917 (according to documents of the Vologda diocese)] / A. V. Rozhina / Karamzinskiye chteniya [Karamzin readings] / RGIA [Russian State Historical Archive]. – Issue 5: Pamyati imperatora Aleksandra III [In memory of Emperor Alexander III]. – St. Petersburg: RGIA, Izdatel'stvo «Aurora» [Russian State Historical Archive, “Aurora” Publishing House], 2024. – P. 303–309.
 26. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3-ye [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3]. – Vol. XXIV. – No. 24.712. – St. Petersburg. – 1904. – P. 614–809.
 27. RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 799. Op. 31. D. 547. 96 L.
 28. Ob"yasnitel'naya zapiska k smete dokhodov i raskhodov spetsial'nykh sredstv vedomstva Svyateyshego Sinoda na 1916 god [Explanatory note to the estimates of income and expenses of the special funds of the Department of the Holy Synod for 1916]. – Petrograd: Sinodal'naya Tipografiya [Synodal Printing House]. – 1915. – 261 p.
 29. RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 799. Op. 31. D. 573. 42 L.
 30. Ibid. F 799. Op. 33. D. 133. L. 1–52.
 31. Ibid. F 799. Op. 33. D. 134. 62 L.
 32. Ibid. F 799. Op. 33. D. 135. 51 L.
 33. Ibid. F 799. Op. 33. D. 136. 46 L.
 34. Ibid. F 799. Op. 33. D. 137. 73 L.
 35. Ibid. F 799. Op. 33. D. 138. 37 L.
 36. Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1912 god [Commemorative book of the Vologda province for 1912]. – Vologda: Tipografiya Gubernskago pravleniya [Printing House of the Provincial Government]. – 1912. – XII, 130 p.; [1] l. revised and updated; [2] l. advertisements.
 37. RGIA. F 799. Op. 33. D. 139. L. 1–50.

Информация об авторе:

Рожина Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43; e-mail: arojina@bk.ru).

Author:

Anastasiya V. Rozhina – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration (57/43, Sredny ave. V.O., St. Petersburg 199178, Russian Federation; e-mail: arojina@bk.ru).

Для цитирования:

Рожина, А. В. Пожары и взаимное страхование «от огня» церковных построек в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1910-1917 годах / А. В. Рожина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 67–75.

For citation:

Rozhina, A. V. Fires and mutual insurance “against fire” of church buildings in the Totem Uyezd of the Vologda Province in 1910-1917 / A.V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 67-75.

Дата поступления статьи: 12.02.2025

Прошла рецензирование: 25.10.2024

Принято решение о публикации: 14.02.2025

Received: 12.02.2025

Reviewed: 25.10.2024

Accepted: 14.02.2025

Научные подходы в изучении обряда жертвоприношения животных у зырян в первой трети XX века: историко-культурный контекст, источники, результаты

Л. С. Лобанова

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
sergejluda@mail.ru

Аннотация

В статье автор ставит вопрос о междисциплинарном подходе к исследованию народных традиций, вышедших из активного бытования и не имеющих достоверных этнографических описаний. Данная проблематика актуальна не только для изучения коми традиции, но и этнографических исследований других народов. Проанализированы фрагменты научных работ П. А. Сорокина, В. П. Налимова, А. С. Сидорова, посвященные изучению обряда жертвоприношения домашних животных среди коми-зырян, с применением методов биографического, описательного, сравнительно-сопоставительного и текстологического анализов. В ходе исследования выявлено, что изучение обряда жертвоприношения животных в работах П. А. Сорокина, В. П. Налимова и А. С. Сидорова соответствует теоретическим разработкам этнографической науки начала XX в. Для нее характерны поиск и выявление «корней» обряда, соотношение актуальных религиозных практик с древними формами религий и дохристианским мировоззрением, игнорирование актуального контекста бытования традиции. Установлено, что источником сведений об обряде являются личные воспоминания и полевые материалы авторов, а также опубликованные работы. Описание обряда, включенное в исследование, можно назвать кратким и обобщенным, характерным для этнографических заметок второй половины XIX в., что объясняется попыткой авторов представить частное как типичное. Проведенный анализ источников позволил уточнить отдельные детали в описании обряда, выявить спорные моменты и обосновать противоречия. В результате исследования уточнены вопросы историографии обряда жертвоприношения животных в коми традиции, проведен источниковедческий анализ материалов, что дает возможность выйти на новый этап в изучении данного ритуала.

Ключевые слова:

жертвоприношение животных, коми традиция, финно-угорская мифология, историография, источниковедение

Scientific approaches to the study of the ritual of animal sacrifice of the Zyryans in the first third of the XX century: historical and cultural context, sources, results

L. S. Lobanova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
Syktyvkar
sergejluda@mail.ru

Abstract

The author raises the problem of an interdisciplinary approach to the study of folk traditions that have gone out of active use and do not have reliable ethnographic descriptions. This problem is relevant not only for the study of the Komi tradition, but also for ethnographic studies of other peoples. The paper analyzes fragments of scientific works by P. A. Sorokin, V. P. Nalimov, A. S. Sidorov, devoted to the study of the ritual of sacrificing domestic animals among the Komi-Zyryans, using methods of biographical, descriptive, comparative and textual analysis. The analysis revealed that the study of the ritual of sacrificing animals in the works of P. A. Sorokin, V. P. Nalimov and A. S. Sidorov corresponds to the theoretical developments of ethnographic science of the early XX century. It is characterized by the search for and identification of the "roots" of the rite, the correlation of current religious practices with ancient forms of religions and pre-Christian worldview, ignoring the current context of the tradition. It has been established that the source of information about the rite is the personal memories and field materials of the authors, as well as published works. The descriptions of the ritual included in the studies are brief and generalized, typical of ethnographic notes of the second half of the XIX century, which is explained by the authors' attempt to present the particular as typical. The analysis of the sources made it possible to clarify individual details in the description of the rite, identify controversial points and substantiate contradictions. As a result of the study, the issues of historiography of the animal sacrifice rite in the Komi tradition were clarified, a source study analysis of the materials was carried out, which makes it possible to enter a new stage in the study of this ritual.

Keywords:

animal sacrifice, Komi tradition, Finno-Ugric mythology, historiography, source studies

Введение

Одним из приоритетных направлений в исследовании народных традиций является реконструкция ритуалов, вышедших из активного бытования и не имеющих достоверных этнографических описаний. Основной источник такой работы – это различного рода тексты, содержащие сведения об описываемой практике, а также научные работы по изучению этих явлений. Подобные исследования возможны только в рамках междисциплинарного подхода, поскольку предмет и объект изучения находятся в различных областях научных дисциплин – исторической и филологической соответственно. Данные положения обосновывают актуальность представленной статьи, в основе которой анализ научных подходов в изучении обряда жертвоприношения животных зырян начала XX в., определение источников этих работ, установление идей, в рамках которых были сформированы эти научные подходы, и оценка их значимости.

Обзор литературы

Ритуал жертвоприношения домашних животных был распространен в православной сельской общине коми до 1930-х гг. Попав под запрет в ходе антирелигиозной кампании, жертвоприношения, как и другие календарные традиции, приуроченные к датам церковного календаря, в связи со сменой религиозной, общественной и хозяйственной системы, потеряли свою актуальность и перешли в разряд исторического прошлого народа. Кроме того, запрет коснулся и исследований в области народного мировоззрения, которые возобновились только в 1950-е гг. в рамках изучения традиционной духовной культуры коми [1]. Основными источниками по обряду жертвоприношения домашних животных на этом этапе стали устные воспоминания носителей традиции, заставших активный период бытования ритуала, а также письменные документально-художественные тексты конца XVIII–XIX в., содержащие сведения о жертвоприношениях. В работах второй половины XX в. ритуал жертвоприношения изучался как календарный обряд коми, в котором нашло отражение переплетение языческих и православных традиций [2, с. 235; 3, с. 141; 4, с. 39, 82–95; 5, с. 59–60, 91–92, 163–165, 201–202, 226, 234, 315–317], что стало следствием развития идей материалов XIX–начала XX в. о дохристианских корнях ритуала [6]. Подобным образом данная ритуальная практика изучалась и в традициях других народов [7; 8, с. 255–256; 9; 10, с. 384; 11; 12, с. 73–74, 13; 14]. Однако в начале XXI в., в результате изменений в исследовательской парадигме, ритуал жертвоприношения домашних животных православной сельской общины стал изучаться в рамках христианской традиции [15, с. 225; 16, с. 68; 17; 18]. Основная проблема в изучении указанного ритуала заключается в том, что исследователи не учитывали непосредственный контекст бытования традиции, особенности текстов, а также исторический контекст его изучения, с которого и предлагается начать наши разыскания.

С первых публикаций ритуал жертвоприношения домашних животных в коми традиции получил следующие характеристики: «суеверные обряды, которые без сомнения от времен древняго их богослужения происходят» [19, с. 237], «иллюстрация древних верований и обрядов, которые сохранились у этого народа в силу изолированности и труднодоступности, а также высокой степени религиозности» [20, с. 341], «напоминающее языческое празднество» [21, с. 129]. Подобным образом ритуал жертвоприношения интерпретировался не только в коми традиции, но среди населения Русского Севера и других финно-угорских народов, что соответствовало этнографическим изысканиям XIX в. В этих исследованиях жертвоприношение рассматривалось, во-первых, как некое единое явление, локальные варианты которого понимались как следствие эволюционного развития; во-вторых, без учета представлений, в рамках которых проводился ритуал, считая их вторичными и поверхностными, и, в-третьих, «через реконструкцию истоков, через выявление функций, через этимологию, через исследование аксиологических аспектов» пытались определить сущность религиозной практики [22, с. 103]. Кроме того, данные положения по отношению к жертвоприношению животных усиливались высказываниями представителей официальной церковной власти, признававших ритуал языческим и настоятельно рекомендовавших бороться с ним¹. В то же время активно публиковались работы, описывающие кровавые жертвоприношения среди крещеных в XVII–XVIII вв. и во многом сохранивших дохристианское мировоззрение финно-угорских народов. Все это в результате определило основную идею в исследовании обряда жертвоприношения среди финно-угорских народов: ритуал признавался «пережитком» финно-угорской мифологии, и на основе сохранившегося среди удмуртов, мари, мордвы, хантов² обряда предполагалось реконструировать основные этапы исторического прошлого других народов. И именно в этом контексте был представлен обряд жертвоприношения животных в работах исследователей коми традиции, анализу которых и посвящена данная статья.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили научные работы П. А. Сорокина, В. П. Налимова, А. С. Сидорова, посвященные изучению традиционной культуры народа коми, в частности описанию и интерпретации обряда жертвоприношения животных. Источники сведений об указанном ритуале устанавливаются с помощью биографического и сравнительно-сопоставительного методов. Исследование проведено с применением методов сравнительно-исторического и текстологического анализов.

¹ Подобные высказывания встречаются в статьях священнослужителей, описывающих жертвоприношения животных среди зырян, карел и северо-русских, которые были опубликованы в «Вологодских губернских ведомостях», «Олонецких губернских ведомостях»

² Об актуальной практике жертвоприношений среди этих народов см. [23–26].

Результаты и их обсуждение

Обряд жертвоприношения зырян в работах П. А. Сорокина. Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) – коми-зырянин, ставший выдающимся российским и американским ученым, основоположник теорий социальной стратификации и социальной мобильности. Он в период обучения на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета занимался изучением этнографии народа коми [27, с. 8–9]. В одной из своих первых этнографических работ «Пережитки анимизма у зырян» П. А. Сорокин [28], «опираясь на разработанный Э. Тейлором “метод пережитков” и его историко-религиоведческую теорию, сделал попытку реконструировать систему идеологических представлений, которую он был склонен связывать с анимизмом» [29, с. 48]. Проанализировав представления коми о душе-двойнике человека – *орт* и душе-дыхании – *лов*, приведя обширный материал о перевоплощениях души, ученый приходит к выводу, что в основе анимизма, как древнейшей формы религии, лежит комплекс представлений о культе предков, пережитком которого П. А. Сорокин считает и жертвоприношения:

«Перед посевом зырянин, обращаясь с молитвой об урожае к Богу, просит также содействия и у своих умерших предков. В некоторых зырянских селах, как, например, Паль и Час, Яренск. у., до сих пор существует обычай в Ильин день и Покров (1-го октября) приносить в жертву в виде нетельной коровы или быка. Во время обедни мясо варится около церкви в больших котлах, разрезается на части и после освящения и молебна съедается присутствующими. Эти жертвоприношения представляют ничто иное, как пережитки того же культа предков, или вообще пережиток жертвы добрым душам. В настоящее время под влиянием христианства они приняли церковный характер. Время их приношения совпадает как раз с началом посева и концом уборки хлеба, имеющим решающее значение для земледельца. В старину зырянин обращался с просьбой о помощи к добрым душам (душам предков) и умиловивлял их дарами. <...> После окончания жатвы кладут на межу, разделяющую два поля, особое кушанье “чомör” (ячменная мука размешанная на масле). Большинство зырян едят “чомör” теперь дома, поминая умерших. Опять здесь видно то же желание отблагодарить души умерших» [28, с. 39–40].

В приведенной цитате обозначены два населенных пункта – села Палевицы и Часово³. Из биографии П. А. Сорокина известно, что в 10-летнем возрасте, после трагических событий в жизни, он со старшим братом около года работал в Палевицкой церкви и весной 1901 г. окончил одногодичную церковно-приходскую школу [30, с. 18]. Получается, что сведения о жертвоприношении автор воспроизводит на основе личных воспоминаний. По историческим данным, в Палевицком приходе, кроме деревянной Ильинской церкви с приделом св. Модеста, в 1804 г. была

построена одноэтажная каменная церковь с тремя приделами: во имя Покрова Божией Матери, во имя свт. Николая Мирликийского Чудотворца, во имя вмч. Георгия – они повторяли престолы старой деревянной церкви XVIII в.⁴ В с. Часово, которое располагается по соседству с Палевицами, после пожара 1894 г., уничтожившего деревянные церкви, в начале XX в. были построены два каменных храма: первый – с приделами во имя Всемилового Спаса и свт. Василия Великого, второй – во имя св. Апостолов Петра и Павла⁵. Неслучайно приделы храмов в указанных населенных пунктах посвящены святым – свт. Николаю Мирликийскому Чудотворцу, пророку Илие, Василию Великому, Модесту Иерусалимскому, апостолам Петру и Павлу, вмч. Георгию, Всемиловому Спасу – все они в народной традиции коми наделяются функциями покровительства в различных сферах хозяйственной деятельности. В приведенной цитате время принесения жертвы указывается по церковному календарю «в Ильин день или Покров», которое якобы «совпадает как раз с началом посева и концом уборки хлеба». Приходится признать, что в реальности эти даты не совпадают: к Ильину дню, в зависимости от погоды и климатических условий, завершали сенокос и начинали уборку злаковых культур, а в Покров уже обычно лежал снег, и в это время женщины начинали обмолот собранного урожая, а мужчины находились на лесном промысле. Соответственно, общественные жертвоприношения животных на Покров вряд ли были возможны, к тому же, у нас нет ни одного свидетельства об этом. Возможно, Покров, являющийся престольным праздником в Палевицах, появляется в этой цитате в результате ассоциации с Ильиным днем, который также широко отмечали в Палевицах, с той лишь разницей, что на Ильин день совершали общественные жертвоприношения, а на Покров – индивидуальные обетные приношения, одним из видов которых могли выступать овцы. Значимые сельскохозяйственные циклы – начало посева и конец уборки хлеба – были ритуализированы, адресатами совершаемых в эти периоды обрядов наравне с Богом и святыми выступали «умершие предки», на основании чего обряд жертвоприношения животных П. А. Сорокиным рассматривается как пережиток культа предков – «жертва добрым душам», совершаемый с целью умиловить, отблагодарить и вызвать на помощь.

Более уверенно эту мысль высказывает П. А. Сорокин в статье «Современные зыряне» [31]. В разделе «Религиозные верования и культ», сославшись на подробное изложение данной темы в статье «Пережитки анимизма у зырян», автор выдвигает тезис, что мировоззрение зырян представляет «странную смесь православия и осколков бывших верований», и подтверждает его описанием похоронно-поминальных обрядов, медицинских практик, перечислением «особых существ» и мест их локации, в которых верят зыряне вместе с Богом и святыми. «На

⁴ Палевицкая Покровская церковь // Православные приходы и монастыри Севера. – URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=95 (дата обращения: 22.11.2021).

⁵ Часовская Спасская церковь // Православные приходы и монастыри Севера. – URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=102 (дата обращения: 22.11.2021).

этой почве тысяча верований, суеверий и т. д. Даже святым в церкви и то приносят жертвы в виде быка, коровы, овцы и т. д., которые в праздники (в Петров день на Удоре, в Ильин, в Покров день и т. д.) закалываются у церкви, валятся, освящаются и съедаются» [31, № 23, с. 884].

Сведения о жертвоприношении «в Петров день на Удоре» появляются в результате совершенной П. А. Сорокиным летом 1911 г. экспедиции, во время которой он посетил удорские села Кослан, Вендинга, Ёртом, Важгорт и др.⁶, в том числе и деревни Коздинга и Буткан, где в то время действовали часовни во имя свв. Апостолов Петра и Павла. Жертвоприношение святому ставится в один ряд с обрядами, в которых адресатами являются умершие предки и мифологические персонажи – духи локусов.

Обряд жертвоприношения зырян в работах В. П. Налимова. В контексте культа предков рассматривает кровавые жертвоприношения коми-зырян и пермяков Василий Петрович Налимов (1879–1932) – выходец из зырянских крестьян, фельдшер по первому образованию, ученый-этнограф, финно-угровед, профессор. Его интересы лежали в области реконструкции традиционного мировоззрения народа коми, а собранные им полевые материалы стали основным источником по изучению обрядов и верований коми для российских и зарубежных исследователей [32]. В. П. Налимов касается вопроса о жертвоприношениях животных в статье «Пермяки», опубликованной в сборнике «Великая Россия» [33, с. 185–186]. Приведя сведения об обряде «черешван»⁷, основная цель которого угадать «волю и желание усопших, а также некоторых христианских святых» и определить «имя усопшего и род требуемых поминок», автор предполагает, что «требовательность усопших была перенесена и на христианских святых, которые только вместо поминок требуют себе свечей и молебствия». Далее, описав ритуал жертвоприношения, проводимый в пермяцком селе Б. Коча 18 августа на день Флора и Лавра⁸, заключает, что принесение в жертву животных он склонен «считать пережитком общественных угощений»: «В этом празднике думали видеть пережиток кровавых жертвоприношений, бывших во времена язычества. Но идею кровавых жертвоприношений трудно связать с древним дохристианским мировоззрением пермяков и зырян. Ни у тех, ни у других нет божества, которое требовало бы в жертву животных, нуждалось в пище, было бы покровителем животных. Это празднество следует скорее считать пережитком общественных угощений, подобная которым сохранились кое-где и теперь» [33, с. 186].

Таким образом, В. П. Налимов – единственный среди исследователей, рассматривавших обряд жертвоприношения домашних животных в народной традиции коми,

отрицает его дохристианское происхождение и обращает внимание на ритуал совместной трапезы, который проводится с целью устранения бедствия.

Обряд жертвоприношения зырян в работах А. С. Сидорова. Иных теоретических взглядов придерживается Алексей Семенович Сидоров (1892–1953) – ученый-энциклопедист, специалист в области языкознания, археологии, этнографии, фольклористики и литературоведения. В статье «Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян» он рассматривает обряды жертвоприношений в рамках теории тотемизма как ранней формы религии коми-зырян [40]. Ученый предполагает, что жертвоприношения божеству восходят к ритуальному закланию тотема. Он отмечает, что «кровавые жертвоприношения при храмах уцелели в разных местах Зырянского края» и приводит описание обряда с. Палевиц: «... в храмовые праздники во время богослужения около церкви закалывают быков, коров, нетелей, овец и баранов, подбор которых устанавливается сообразно полу “святого” (в праздник Покрова, например, режется корова-нетель и овцы). Некоторые части, как правая лопатка, голова и кожа, идут отчасти в церковную казну, отчасти духовенству, а остальные части, тут же сваренные в общих котлах, делятся между верующими. Для регулярного снабжения обрядов жертвенными животными церковной казной содержались целые стада быков, для чего эта казна обеспечивалась достаточным количеством лугов и пашен. Кроме обязательных жертвенных животных, нередко приносились добровольные жертвы, особенно овцы. При этом, если “моление” совпадает со временем пастбы скота на выгоне, считается необходимым поймать одного вольного барана». В завершении отмечает распространение подобных «молений» в Шошке, Палаузе, Богородске и приводит вишерскую легенду об явлении оленя [там же].

Основой научных трудов А. С. Сидорова стали полевые материалы по традиционной культуре коми, собранные им самим, а также его студентами (на сегодняшний день эти материалы считаются утерянными). В анализируемом фрагменте обозначены четыре населенных пункта, из которых Палевицы – это малая родина ученого, в основе данных по Богородску – публикация М. И. Михайлова [41], а по Шошке и Палаузу – записи студентов. Этим объясняются качественные и количественные показатели материалов, представленных в исследовании, и выбор в качестве примера рассмотреть обряд в с. Палевицы как одного из зырянских мест, где «уцелели» «кровавые жертвоприношения». Описание обряда составлено как универсальная схема, в результате чего конкретные действия и сведения сокращаются и обобщаются. Жертвоприношения приурочиваются к храмовым праздникам.

По историческим данным, в Палевицах была деревянная Ильинская церковь с приделом св. Модеста, а в 1804 г. построена одноэтажная каменная церковь с тремя приделами: во имя Покрова Божией Матери, во имя свт. Николая Мирликийского Чудотворца, во имя вмч. Георгия. Соответственно храмовыми праздниками в Палевицах были Покров (1 / 14 октября), свт. Николая Мирликийского

⁶ Дневниковые заметки, сделанные П. А. Сорокиным во время этой поездки, хранятся в архиве ИРЛИ, опубликованы Ю. В. Дойковым [30, с. 57–66].

⁷ Речь идет о специфическом коми-пермяцком обряде «черёшлан» (букв. «вешание топора»), который проводится с целью определения источника болезни, несчастья и т. п. Подробнее см. [34–36].

⁸ Сведения об этом обряде получили распространение после публикации М. В. Малахова [37]. В начале 2000-х гг. обряд был реконструирован, в связи с чем вызвал интерес у современных исследователей [38, 39].

(9 / 2 мая; 6 / 19 декабря), вмч. Георгия (23 апреля / 6 мая), Пророка Илии (20 июля / 2 августа), свт. Модеста Иерусалимского (18 / 31 декабря)⁹.

И если следовать логике ученого, кроме Покрова, во все остальные праздники «сообразно полу "святого"» жертвовали быков и баранов, а в Покров «режется ко́рова-нетель и овцы». И здесь возникает противоречие с описанием общественного жертвоприношения в с. Палевицы на Ильин день, которое приводится в произведении И. А. Шергина, где в качестве жертвы закалываются бык, стельная нетель, овцы и бараны [42, с. 47]. Кроме того, ни в одном другом материале не встречается подобное разделение. Соответственно, данное замечание А. С. Сидорова вызывает сомнение в правдивости, может быть объяснено желанием ученого выделить Покров, как самый большой храмовый праздник в Палевицах, или выявить дополнительные подтверждения для объяснения жертвоприношений в рамках теории тотемизма.

Животное, по мнению автора статьи, жертвуется из стада быков, которое содержится церковной казной «для регулярного снабжения обрядов жертвенными животными». Надо заметить, что практика животноводства встречается и в других, более обеспеченных приходах, и в подобных случаях церковь продавала населению быков для заклания, и животное выкупалось за счет средств, собранных с каждого двора прихода [2, с. 326].

Обряд, по описанию А. С. Сидорова, заключается в том, что «в храмовые праздники во время богослужения около церкви закалывают» жертвенное животное, мясо делят на три части – «церковную казну, отчасти духовенству, а остальные части, тут же сваренные в общих котлах, делятся между верующими», что является универсальным вариантом общественных жертвоприношений. В описании «кровавых жертвоприношений» обозначено принесение «обязательных жертвенных животных» – быков, и «добровольной жертвы» – овец. Оригинальным выглядит замечание, что «если "моление" совпадает со временем пастбы скота на выгоне, считается необходимым поймать одного вольного барана». Подобная практика замечена только в описании жертвоприношения в с. Коквицы на праздник Кирика и Иулиты (15 июля), описание которого встречается в произведении И. А. Шергина [42, с. 45].

По мнению автора статьи, все варианты «кровавых жертвоприношений» восходят к «молению», которое устраивалось в старину на Вишере (в с. Богородск), по причине того, что там сохранилось «предание», мотивирующее замену жертвенного оленя на домашнее животное. «Здесь к соответствующему моменту обрядов прибегал каждый раз дикий олень, которого и закалывали. Однажды по какой-то причине олень не явился к должному времени. Богослужение начало заканчиваться и верующие принуждены были заколоть быка. После этого прибегает олень весь в пене, по-видимому, бежавший издалека, поэтому опоздавший. Видя, что приход напрасен, олень ударяется головой о церковную паперть и умирает. После

этого олень на Вишере уже не появлялся; с тех пор верующие в разных селах "молят" домашний скот» [40, с. 47]. Необходимо заметить, что поиск и реконструкция более древнего варианта обряда были основной целью этнографической науки того времени.

Никаких материалов о жертвоприношениях в селах Шошке и Палауз нам обнаружить не удалось. На страницах «Летописи Палаузской церкви» отмечено, что в данном приходе крестный ход совершается 1 августа, с XVII в. среди особо чтимых прихожанами указываются иконы Божией Матери Владимирской, Тихона Епископа Амафунтского (16 / 29 июня), свт. Василия Великого, а в честь последних двух святых освящены приделы нового каменного храма 1850 г. постройки. Кроме того, в приходе имелись две часовни в честь св. Священномученика Власия Епископа Севастийского [43, л. 2–7]. В сопоставлении с другими традициями коми, где крестные ходы совершались в честь иконы Божией Матери Владимирской, Василия Великого, Священномученика Власия, в том числе с жертвоприношениями, мы можем предположить, что подобная традиция имела место и в с. Палауз.

Заключение

В конце XIX–начале XX в. исследователи традиционной культуры коми, на основе актуальных и разработанных в то время мифологических и религиоведческих теорий, предпринимают попытки научно-исследовательской интерпретации накопленных этнографических сведений о зырянах. Ученые сосредотачивают внимание на анализе традиционного мировоззрения с акцентом на реконструкцию дохристианских верований, основанную на анализе различного рода поверий, обрядов и фольклора, в число которых попадает и ритуал жертвоприношений.

В ходе анализа выявлено, что изучение обряда жертвоприношения животных в работах П. А. Сорокина, В. П. Налимова и А. С. Сидорова соответствует теоретическим разработкам этнографической науки начала XX в. Для нее характерны поиск и выявление «корней» обряда, соотнесение актуальных религиозных практик с древними формами религий и дохристианским мировоззрением, игнорирование актуального контекста бытования традиции. Установлено, что источником сведений об обряде являются личные воспоминания и полевые материалы авторов, а также опубликованные работы. Описание обряда, включенное в исследования, можно назвать краткими и обобщенным, характерным для этнографических заметок второй половины XIX в., что объясняется попыткой авторов представить частное как типичное. Проведенный анализ источников позволил уточнить отдельные детали в описании обряда, выявить спорные моменты и обосновать противоречия.

Следует признать, что рассмотрение жертвоприношений в контексте теорий анимизма и тотемизма не оставило сомнений в древности происхождения ритуала и получило дальнейшее развитие в исследованиях второй половины XX в., что в целом является показателем значимости на-

⁹ Палевицкая Покровская церковь // Православные приходы и монастыри Севера. – URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=95 (дата обращения: 20.11.2021).

учных идей исследователей коми традиции начала XX в. в историографии по данному вопросу.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Шабает, Ю. П. «Долгий путь коми этнографии»: от ретроспективных исследований по этнической истории и традиционной культуре коми к современному этнологическому мониторингу Европейского Северо-Востока России (1940–2000-е гг.) / Ю. П. Шабает, В. Э. Шаратов // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2020. – № 2. – С. 102–115.
2. Белицер, В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX–начало XX в. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 45) / В. Н. Белицер. – М.: Наука, 1958. – 393 с.
3. Дукарт, Н. И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX – начала XX в. / Н. И. Дукарт // Вопросы истории Коми АССР (XVII–начало XX в.) (Труды Института языка, литературы и истории; вып. 16). – Сыктывкар, 1975. – С. 141–152.
4. Конаков, Н. Д. От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды / Н. Д. Конаков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 128 с.
5. Мифология коми: Энцикл. уральских мифологий / науч. ред. В. В. Напольских. – М.: Издательство ДИК, 1999. – 480 с.
6. Лобанова, Л. С. Жертвоприношение животных – «древний обычай зырян»: особенности экспликации обряда в этнографических материалах XVIII–XIX вв. / Л. С. Лобанова // Традиционная культура. – 2024. – Т. 25, № 3. – С. 123–133.
7. Срезневский, И. Святотлища и обряды языческого богослужения древних славян, по свидетельствам современным и преданиям / И. Срезневский. – Харьков: Университетская типография, 1846. – 107 с.
8. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М., 1868. – Т. 2. – 790 с.
9. Михайлов, А. Жертвоприношение у христиан / А. Михайлов // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: ТипоЛитография Императорского Казанского университета, 1898. – Т. XIV, вып. 1–6. – С. 441–444.
10. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
11. Толстой, И. И. Чудо у жертвенника Ахилла на Белом острове / И. И. Толстой // Статьи о фольклоре / сост., отв. ред. В. Я. Пропп. – М.; Л., 1966. – С. 19–23.
12. Рыбаков, Б. А. Календарь IV века из земли полян / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1962. – № 4. – С. 73–74.
13. Шаповалова, Г. Г. Севернорусская легенда об олене / Г. Г. Шаповалова // Фольклор и этнография Русского Севера / отв. ред.: Б. Н. Путилов, К. В. Чистов. – Л.: Наука, 1973. – С. 209–223.
14. Конкка, А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) / А. П. Конкка // Обряды и верования народов Карелии / науч. ред.: А. П. Конкка, Э. С. Киуру. – Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. – С. 77–95.
15. Мороз, А. Б. Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели / А. Б. Мороз // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2013. – С. 212–233.
16. Панченко, А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А. А. Панченко. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2004. – 541 с.
17. Лобанова, Л. С. Жертвоприношение животных как элемент религиозной обрядности православной сельской общины коми XVIII – первой трети XX в. / Л. С. Лобанова // Народная религиозность в свете фольклора: сборник научных статей / сост. и науч. ред. Л. В. Фадеева и Ю. М. Шеваренкова. – М.: Государственный институт искусствознания, 2023. – С. 198–214.
18. Лобанова, Л. С. Особенности экспликации ритуала жертвоприношения в церковно-приходских летописях Коми края второй половины XIX–начала XX в. / Л. С. Лобанова // Религиоведение. – 2023. – № 3. – С. 97–107.
19. Лепехин, И. И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, вольного экономического в С[анкт]–П[етербурге] друзей природы испытателей в Берлине гессенгомебургского патриотического общества члена по разным провинциям Российского государства в 1771 г. / И. И. Лепехин. – СПб.: Императорская академия наук, 1814. – Т. 3. – С. 237.
20. Сорокин, П. Старинный обряд у зырян / П. Сорокин // Вологодские губернские ведомости. – 1848. – № 30. – С. 341.
21. Красов, А. В. Зыряне и просветитель их святой Стефан, епископ Пермский и Устьвымский (1383–1396) / А. В. Красов. – СПб.: Типография В. В. Комарова, 1896. – 218 с.
22. Кузнецова, О. В. Исследование жертвоприношения в религиоведении XIX–XX вв. Архаическое жертвоприношение / О. В. Кузнецова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 102–111.
23. Садиков, Р. Р. Преемственность и ревитализация в обрядах общественных жертвоприношений у закамских удмуртов / Р. Р. Садиков, Е. Тулуз // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – Т. 11, № 3. – С. 97–114.
24. Анисимов, Н. В. Поминальный обряд чекан в этнокультурном ландшафте удмуртской деревни / Н. В. Анисимов // Традиционная культура. – 2021. – Т. 22, № 1. – С. 145–156.
25. Рудь, А. А. Коллективное жертвоприношение в ритуальном пространстве восточных хантов / А. А. Рудь // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 4. – С. 157–165.

26. Девяткина, Т. П. Домашние животные и птицы в традиционных обрядах мордвы: финно-угорский контекст / Т. П. Девяткина, С. С. Панфилова // Финно-угорский мир. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 453–462.
27. Несанелис, Д. А. Долгий путь Питирима Сорокина / Д. А. Несанелис, В. А. Семенов // Сорокин П. А. Этнографические этюды: статьи. – Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1999. – С. 4–17.
28. Сорокин, П. А. Пережитки анимизма у зырян / П. А. Сорокин // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. – 1910. – № 20. – С. 49–62; № 22. – С. 39–47.
29. Несанелис, Д. А. Традиционная этнография народа коми в работах П. А. Сорокина / Д. А. Несанелис, В. А. Семенов // Рубеж. – 1991. – Вып.1. – С. 47–56.
30. Дойков, Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография (1889–1922) / Ю. М. Дойков. – Архангельск: [б.и.], 2008. – Т. 1.
31. Сорокин, П. А. Современные зыряне / П. А. Сорокин // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1911. – № 18. – С. 525–536; № 22. – С. 811–820; № 23. – С. 876–885; № 24. – С. 941–949.
32. Несанелис, Д. А. Пути «инородца в России. Василий Петрович Налимов / Д. А. Несанелис, В. А. Семенов, А. И. Терюков // В. П. Налимов. Очерки по этнографии финно-угорских народов. – Ижевск; Сыктывкар, 2010. – С. 5–16.
33. Налимов, В. П. Пермь / В. П. Налимов // Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России / под ред. Д. Н. Анучина. – М.: Дело, 1912. – С. 172–192.
34. Королёва, С. Ю. Представления о мыже в народных поминальных молитвах, несказочной прозе и обрядовой практике коми-пермяков (опыт системного описания) / С. Ю. Королёва // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 4. – С. 194–203.
35. Булышева, У. Д. Коми-пермяцкий обряд «Черошлан» в экспедиционных записях Гимназии искусств 1995–2019 гг. / У. Д. Булышева, Д. В. Расова, Л. С. Лобанова // Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал. – 2022. – Вып. 2 (23). – С. 5–10.
36. Голева, Т. Г. Мыжа в представлениях коми-пермяков / Т. Г. Голева // Вестник угроведения. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 138–147.
37. Малахов, М. В. Быкобой у пермяков в день Флора и Лавра / М. В. Малахов // Записки Уральского общества любителей естествознания. – 1888. – Т. XI. – С. 85–96.
38. Пантюхин, Д. А. Коми-пермяцкий праздник Проллавер с обрядом Быкобой / Д. А. Пантюхин // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 1. – С. 85–101.
39. Голева, Т. Г. Жертвенный обряд коми-пермяков в селе Большая Коча / Т. Г. Голева // Вестник Пермского исследовательского центра. – 2020. – № 3. – С. 85–96.
40. Сидоров, А. С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян / А. С. Сидоров // Коми му. – 1924. – № 1–2. – С. 43–50.
41. Михайлов, М. Устьвым / М. [И]. Михайлов // Вологодские губернские ведомости. – 1850. – № 1–17, 19–22, 25, 27–28, 32, 34–35, 38–42, 44–46, 49–50, 52.
42. Шергин, И. А. В дебрях Севера / И. А. Шергин. – СПб.: Отечественная типография, 1910. – 80 с.
43. Национальный архив Республики Коми. Ф. 230. Оп. 1. Д. 196. Летопись Палаузской Богородской церкви за 1869–1919 годы.

Reference

1. Shabaev, Yu. P. «Dolgiy put' komi etnografii»: ot retrospektivnykh issledovaniy po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture komi k sovremennomu etnologicheskomu monitoringu Evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii (1940–2000-e gg.) [“The Long Way of Komi Ethnography”: from retrospective studies on the ethnic history and traditional culture of Komi to modern ethnological monitoring of the European Northeast of Russia (1940–2000s)] / Yu. P. Shabaev, V. E. Sharapov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. “History and Philology” series. – 2020. – No. 2. – P. 102–115.
2. Belitser, V. N. Ocherki po etnografii narodov komi. XIX – nachalo XX vv. [Essays on the ethnography of the Komi people. XIX–early XX century] (Proc. of Miklukho-Maklay Inst. of Ethnography. New series. Vol. 45) / V. N. Belitser. – Moscow: Nauka Publ., 1958. – 393 p.
3. Dukart, N. I. Vesenne-letnie prazdniki i obryady v severnoy derevne kontsa XIX – nachala XX v. [Spring-summer holidays and rituals in the northern village of the late XIX – early XX centuries] / N. I. Dukart // Voprosy istorii Komi ASSR (XVII – nachalo XX v.) [Questions of the history of the Komi ASSR (XVII – early XX centuries)] (Proc. of the Inst. of Language, Literature and History; Issue 16). – Syktывkar, 1975. – P. 141–152.
4. Konakov, N. D. Ot Svyatok do Sochel'nika: Komi traditsionnye kalendarnye obryady [From Yuletide to Christmas Eve: Komi traditional calendar rites] / N. D. Konakov. – Syktывkar: Komi Book Publ. House, 1993. – 128 p.
5. Mifologiya Komi: Encykl. Uralskih mifologii [Mythology of Komi: Encyclopaedia of Uralic mythologies] / Sci. Ed. V. V. Napol'skikh. – Moscow: DIK Publ. House, 1999. – 480 p.
6. Lobanova, L. S. Zhertvoprinoshenie zhivotnykh – «drevniy obychay zyryan»: osobennosti eksplikatsii obryada v etnograficheskikh materialakh XVIII–XIX vv. [Animal Sacrifice – an “Ancient Custom of the Zyryans”: explication of the rite in ethnographic materials of the XVIII–XIX centuries] / L. S. Lobanova // Traditsionnaya kul'tura [Traditional Culture]. – 2024. – Vol. 25, No. 3. – P. 123–133.
7. Sreznevsky, I. Svyatilishcha i obryady yazycheskogo bogosluzheniya drevnikh slavyan, po svidetel'stvam sovremennym i predaniyam [Sanctuaries and rituals of pagan worship of the ancient Slavs, according to modern evidence and traditions] / I. Sreznevsky. – Kharkov: University Printing House, 1846. – 107 p.
8. Afanasyev, A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic views of the Slavs on nature] / A. N. Afanasyev. – Moscow, 1868. – Vol. 2. – 790 p.

9. Mikhailov, A. Zhertvoprinoshenie u khristian [Sacrifice among Christians] / A. Mikhailov // Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete [Proc. of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. – Kazan: TipoLitografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta [Typolithography of the Imperial Kazan University], 1898. – Vol. XIV, Issue 1–6. – P. 441–444.
10. Zelenin, D. K. Vostochnoslavianskaya etnografiya [East Slavic ethnography] / D. K. Zelenin. – Moscow: Nauka Publ., 1991. – 511 p.
11. Tolstoy, I. I. Chudo u zhertvennika Akhilla na Belom ostrove [The miracle at the altar of Achilles on the White Island] // I. I. Tolstoy // Statyi o folklоре [Articles on folklore] / Comp. and Ed. V. Ya. Propp. – Moscow, Leningrad, 1966. – P. 19–23.
12. Rybakov, B. A. Kalendar' IV veka iz zemli polyan [IVth century calendar from the land of Polyane] / B. A. Rybakov // Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]. – 1962. – No. 4. – P. 73–74.
13. Shapovalova, G. G. Severnorusskaya legenda ob olene [The North Russian legend about a deer] / G. G. Shapovalova // Fol'klор i etnografiya Russkogo Severa [Folklore and ethnography of the Russian North] / Eds. B. N. Putilov, K. V. Chistov. – Leningrad: Nauka Publ., 1973. – P. 209–223.
14. Konkka, A. P. Zhertvoprinosheniya zhiivotnykh na letnikh kalendarnykh prazdnikakh karel (materialy k opisaniyu obryada) [Animal sacrifices at Karelian summer calendar holidays (rite description materials)] / A. P. Konkka // Obryady i verovaniya narodov Karelii [Rites and beliefs of the Karelia peoples] / Sci. Eds. A. P. Konkka, E. S. Kiuru. – Petrozavodsk: Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1988. – P. 77–95.
15. Moroz, A. B. Legenda o zhertvennom olene: geografiya, varianty, istochniki, paralleli [The Legend of the Sacrificial Deer: geography, options, sources, parallels] / A. B. Moroz // Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo [To the 90th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy] / Ed. S. M. Tolstaya. – Moscow: Indrik Publ., 2013. – P. 212–233.
16. Panchenko, A. A. Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klор i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt [Christism and Catholicism: folklore and traditional culture of Russian mystical sects] / A. A. Panchenko. – 2nd edition. – Moscow: United Humanitarian Publ. House, 2004. – 541 p.
17. Lobanova, L. S. Zhertvoprinoshenie zhiivotnykh kak element religioznoy obryadnosti pravoslavnoy sel'skoy obshchiny komi XVIII – pervoy treti XX v. [Animal sacrifice as an element of the religious rituals of the Komi Orthodox rural community of the XVIII – first third of the XX centuries] / L. S. Lobanova // Narodnaya religioznost' v svete fol'klора. Sbornik nauchnykh statey [Folk religiosity in the light of folklore. Collection of sci. papers] / Comp. and Ed. L. V. Fadeeva, Yu. M. Shevarenkova. – Moscow: State Institute of Art Studies Publ., 2023. – P. 198–214.
18. Lobanova, L. S. Osobennosti eksplikatsii rituala zhertvoprinosheniya v tserkovno-prikhodskikh letopisyakh Komi kraia vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Peculiarities of explication of animal sacrifice ritual in the Parish Chronicles of the Komi territory of the second half of the XIX – early XX century] / L. S. Lobanova // Religiovedenie [Study of Religion]. – 2023. – No. 3. – P. 97–107.
19. Lepekhin, I. I. Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviya Ivana Lepekhhina ... v 1771 g. [Continuation of the daytime notes of Ivan Lepekhin's journey, academician and Doctor of Medicine, free economist in St. Petersburg, Friends of Nature in Berlin, member of the Hessengomburg Patriotic Societies in various provinces of the Russian state, in 1771] / I. I. Lepekhin. – St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1814. – Vol. 3. – P. 237.
20. Sorokin, P. Starinnyy obryad u zyryan [The old rite among the Zyryans] / P. Sorokin // Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1848. – No. 30. – P. 341.
21. Krasov, A. V. Zyryane i prosvetitel' ikh svyatyy Stefan, episkop Permskiy i Ust'vymskiy (1383–1396) [The Zyryans and their enlightener St. Stephen, Bishop of Perm and Ust'vym (1383–1396)] / A. V. Krasov. – St. Petersburg: V. V. Komarov Printing House, 1896. – 218 p.
22. Kuznetsova, O. V. Issledovanie zhertvoprinosheniya v religiovedenii XIX–XX vv. Arkhaicheskoe zhertvoprinoshenie [Researching sacrifices in the religious studies of XIX – XX centuries. Archaic sacrifice] / O. V. Kuznetsova // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [Proc. of A. I. Herzen Russian State Pedagog. Univ.]. – 2010. – No. 120. – P. 102–111.
23. Sadikov, R. R. Preemstvennost' i revitalizatsiya v obryadakh obshchestvennykh zhertvoprinosheniy u zakamskikh udmurtov [Continuity and revitalization of the rituals of public sacrifice among the Trans-Kama Udmurts] / R. R. Sadikov, E. Tuluz // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. – 2017. – Vol. 11, No. 3. – P. 97–114.
24. Anisimov, N. V. Pominal'nyy obryad chekan v etnokul'turnom landshafte udmurtskoy derevni [The memorial ceremony of the Chekans in the ethnocultural landscape of the Udmurt village] / N. V. Anisimov // Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]. – 2021. – Vol. 22, No. 1. – P. 145–156.
25. Rud', A. A. Kollektivnoe zhertvoprinoshenie v ritual'nom prostranstve vostochnykh khantov [Public sacrifice in the ritual space of the Eastern Khanty] / A. A. Rud' // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bull. of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. – 2022. – No. 4. – P. 157–165.
26. Devyatkina, T. P. Domashnie zhiivotnye i ptitsy v traditsionnykh obryadakh mordvy: finno-ugorskiy kontekst [Domestic animals and birds in traditional rites of the Mordovians: Finno-Ugric context] / T. P. Devyatkina, S. S. Panfilova // Finno-ugorskiy mir [Finno-Ugric World]. – 2022. – Vol. 14, No. 4. – P. 453–462.
27. Nesanelis, D. A. Dolgiy put' Pitirima Sorokina [The long way of Pitirim Sorokin] / D. A. Nesanelis, V. A. Semenov // Sorokin P. A. Etnograficheskie etyudy: stat'i [Ethnographic

- sketches: articles]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1999. – P. 4–17.
28. Sorokin, P. A. Perezhitki animizma u zyryan [Remnants of animism among the Zyryans] / P. A. Sorokin // Izvestiya Arkhangel'skogo Obshchestva izucheniya Russkogo Severa [News of the Arkhangel'sk Society for the Study of the Russian North]. – 1910. – No. 20. – P. 49–62, No. 22. – P. 39–47.
 29. Nesanelis, D. A. Traditsionnaya etnografiya naroda komi v rabotakh P. A. Sorokina [Traditional ethnography of the Komi people in the works of P. A. Sorokin] / D. A. Nesanelis, V. A. Semenov // Rubezh [The frontier]. – 1991. – Issue 1. – P. 47–56.
 30. Doykov, Yu. Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiya (1889 – 1922) [Man out of season. Biography (1889–1922)]. – Arkhangel'sk, 2008. – Vol. 1.
 31. Sorokin, P. A. Sovremennye zyryane [Modern Zyryans] / P. A. Sorokin // Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa [[News of the Arkhangel'sk Society for the Study of the Russian North]]. – 1911. – No. 18, – P. 525–536; – No. 22. – P. 811–820; – No. 23. – P. 876–885; No. 24. – P. 941–949.
 32. Nesanelis, D. A. Puti «inorodtsa v Rossii. Vasilii Petrovich Nalimov [Ways of “a foreigner in Russia”] / D. A. Nesanelis, V. A. Semenov, A. I. Teryukov // V. P. Nalimov. Ocherki po etnografii finno-ugorskiykh narodov [Essays on ethnography of Finno-Ugric peoples]. – Izhevsk; Syktyvkar, 2010. – P. 5–16.
 33. Nalimov, V. P. Permyaki [People of Perm] / V. P. Nalimov // Velikaya Rossiya. Geograficheskie, etnograficheskie i kul'turno-bytovye ocherki sovremennoy Rossii [Great Russia. Geographical, ethnographic and cultural essays of modern Russia] / Ed. D. N. Anuchin. – Moscow: Delo Publ., 1912. – P. 172–192.
 34. Koroleva, S. Yu. Predstavleniya o myzhe v narodnykh pominal'nykh molitvakh, neskazochnoy proze i obryadovoy praktike komi-permyakov (opyt sistemnogo opisaniya) [Ideas about «Myzha» in folk memorial prayers, non-fairytale prose and ritual practice of the Komi-Permians (an attempt of a systematic description)] / S. Yu. Koroleva // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Bull. of Perm Univ. Russian and foreign philology]. – 2011. – No. 4. – P. 194–203.
 35. Bulysheva, U. D. Komi-permyatskiy obryad «Cheröshlan» v ekspeditsionnykh zapisyakh Gimnazii iskusstv 1995–2019 gg. [Komi-Permian rite “Cheroshlan” in the expeditionary records of the Gymnasium of Arts 1995–2019] / U. D. Bulysheva, D. V. Rasova, L. S. Lobanova // Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya: nauchno-populyarnyy kraevedcheskiy zhurnal [News of the Society for the Study of the Komi Territory: popular science journal of local lore]. – 2022. – Issue 2 (23). – P. 5–10.
 36. Goleva, T. G. Myzha v predstavleniyakh komi-permyakov [Myzha in the ideas of the Komi-Permians] / T. G. Goleva // Vestnik ugrovedeniya [Bull. of Ugric Studies]. – 2024. – Vol. 14. – No. 1. – P. 138–147.
 37. Malakhov, M. V. Bykoboy u permyakov v den' Flora i Lavra [Bullfighting at the Permians on Flora and Laurel Day] / M. V. Malakhov // Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitely estestvoznaniya [Notes of the Ural Society of Natural Science Lovers]. – 1888. – Vol. XI. – P. 85–96.
 38. Pantyukhin, D. A. Komi-permyatskiy prazdnik Prollaver s obryadom Bykoboy [The Komi-Permian Celebration of Prollaver with the Bullfighting Rite] / D. A. Pantyukhin // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. – 2012. – No. 1. – P. 85–101.
 39. Goleva, T. G. Zhertvennyy obryad komi-permyakov v sele Bol'shaya Kocha [Sacrificial rite of the Komi-Permians in the village of Bolshaya Kocha] / T. G. Goleva // Vestnik Permskogo issledovatel'skogo tsentra [Bull. of Perm Research Center]. – 2020. – No. 3. – P. 85–96.
 40. Sidorov, A. S. Sledy totemisticheskikh predstavleniy v mirovozzrenii zyryan [Traces of totemistic ideas in the worldview of the Zyryans] / A. S. Sidorov // Komi mu [Komi Territory]. – 1924. – No. 1–2. – P. 43–50.
 41. Mikhailov, M. Ust'vym / M. Mikhailov // Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. – 1850. – No. 1–17, 19–22, 25, 27–28, 32, 34–35, 38–42, 44–46, 49–50, 52.
 42. Shergin, I. A. V debryakh Severa [In the wilds of the North] / I. A. Shergin. – St. Petersburg: Domestic Printing House, 1910. – 80 p.
 43. Nacionalnii arhiv Respubliki Komi [National Archive of the Komi Republic]. F. 230. Op. 1. D. 196. Letopis' Palauzskoy Bogorodskoy tserkvi za 1869–1919 gody. [Chronicle of the Palauz Mother of God Church for 1869–1919].

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (2021–2025) (рег. № 121051400044–2).

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the framework of the planned research topic of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS «Poetics of folklore of the peoples of the European North of Russia in synchrony and diachrony» (2021–2025) (reg. No. 121051400044–2).

Информация об авторе:

Лобанова Людмила Сергеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: sergejluda@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5892-1254>).

Author:

Lyudmila S. Lobanova – Cand. Sci. (Philology), Researcher at the Folklore Sector, Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: sergejluda@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5892-1254>).

Для цитирования:

Лобанова, Л. С. Научные подходы в изучении обряда жертвоприношения животных у зырян в первой трети XX века: историко-культурный контекст, источники, результаты / Л. С. Лобанова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 76–85.

For citation:

Lobanova, L. S. Scientific approaches to the study of the ritual of animal sacrifice of the Zyryans in the first third of the XX century: historical and cultural context, sources, results / L. S. Lobanova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 76–85.

Дата поступления статьи: 22.11.2024

Прошла рецензирование: 24.02.2025

Принято решение о публикации: 28.02.2025

Received: 22.11.2024

Reviewed: 24.02.2025

Accepted: 28.02.2025

Роль истребительной авиации 8-й воздушной армии по защите неба над Ростовской областью и Донбассом в марте-апреле 1943 года

М. В. Медведев

ЮНЦ РАН,
г. Ростов-на-Дону
m1max@mail.ru

Аннотация

В статье автор исследует действия истребительной авиации 8-й воздушной армии в период отсутствия наступательных операций наземных войск Южного фронта по освобождению Ростовской области и территории Донбасса в марте-апреле 1943 г. Проанализирован боевой потенциал истребительных частей и соединений 8-й воздушной армии в составе Южного фронта, выделены ключевые моменты, где решающую роль сыграли своевременные действия советской авиации в боях в небе над Ростовом-на-Дону и Батайском в данный период. Выявлены подвиги советских летчиков-истребителей, удостоенных звания Героя Советского Союза. Благодаря заслугам истребительной авиации 8-й воздушной армии был сохранен боевой потенциал войск Южного фронта для дальнейшего освобождения Ростовской области.

Ключевые слова:

истребительная авиация, 8-я воздушная армия, Южный фронт, Ростовская область, Миус, Донбасс, Великая Отечественная война

В 2025 г. исполняется 80 лет с момента важнейших событий, предрешивших завершение коренного перелома в Великой Отечественной войне. В начале 1943 г. на советско-германском фронте в ходе решающих сражений на Дону, под Сталинградом и на Кавказе произошли существенные перемены в пользу Красной армии. Преобразованный из Сталинградского фронта Южный фронт 2-го формирования уже с 1 января 1943 г. из-под Сталинграда начал Ростовскую наступательную операцию. Почти за два месяца боев была освобождена большая часть Ростовской области и г. Ростов-на-Дону. Однако Южному фронту совместно с войсками Северо-Кавказского фронта не удалось окружить и уничтожить северокавказскую группировку противника. В конце февраля 1943 г. армейская группа вермахта «Холлидт» и другие части противника отступили и закрепились на оборонительной линии по р. Миус. С марта и до середины лета 1943 г. на этом

The role of fighter aircraft of the 8th Air Army in protecting the skies over the Rostov region and Donbass in March - April 1943

M. V. Medvedev

Federal Research Centre Southern Science Centre,
Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don
m1max@mail.ru

Abstract

The paper considers the actions of the fighter aviation of the 8th Air Army during the absence of offensive operations of the ground forces of the Southern Front to liberate the Rostov region and the territory of Donbass in March-April 1943. The combat potential of the fighter units and formations of the 8th Air Army in the Southern Front is analyzed, the key points where the timely actions of Soviet aviation played a decisive role in the battles in the skies over Rostov-on-Don and Bataysk during this period are highlighted, the exploits of Soviet fighter pilots who were awarded the title of Hero of the Soviet Union were revealed. Thanks to the merits of the fighter aviation of the 8th Air Army, the combat potential of the Southern Front troops was preserved for the further liberation of the Rostov region.

Keywords:

Fighter aviation, 8th Air Army, Southern Front, Rostov region, Mius, Donbass, Great Patriotic War

рубеже среди сухопутных частей и соединений противоборствующих сторон не происходили активные наступательные действия.

На протяжении весны 1943 г. в воздушном пространстве Ростовской области противник не оставлял попыток нарушить тыловое обеспечение войск Южного фронта и всячески пытался вывести из строя важнейшие объекты в районе Ростова-на-Дону путем их бомбардировок. Ведущая роль в противодействии вражеским налетам выпала на истребительную авиацию 8-й воздушной армии Южного фронта. В последние годы вышли в свет новейшие исследования, открывающие свет на проблематику освобождения Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. Однако данный период действий 8-й воздушной армии до сих пор не нашел отражение в специальных исторических работах.

Так, одной из первых попыток изучения истории 8-й воздушной армии в сражениях в годы войны стала работа о боевом пути армии [1], а также сборник очерков и воспоминаний, изданный под руководством совета ветеранов 8-й воздушной армии [2]. Очерковый характер обозначенных работ не представляет возможности объективно оценить вклад 8-й воздушной армии в операциях Красной армии, проведенных на южном участке советско-германского фронта. В современных исторических исследованиях авторы касались отдельных вопросов в рамках действий 8-й воздушной армии в других операциях на территории юга страны [3–5]. Особого внимания заслуживает военно-воздушная энциклопедия, представляющая информацию обо всех истребительных авиаполках СССР [6], а также справочное издание, представляющее поименные списки советских асов не только Великой Отечественной войны, но и послевоенных вооруженных конфликтов [7].

В предыдущей публикации автор статьи касался аналогичных вопросов, только другой хронологии действий, когда 8-я воздушная армия летом 1943 г. приняла участие в двух операциях Южного фронта в 1943 г. в Миусской наступательной и Донбасской стратегической наступательной операциях [8]. В этой связи для полной картины действий необходимо провести анализ роли истребительной авиации 8-й воздушной армии в борьбе против бомбардировщиков люфтваффе, атаковавших тылы Южного фронта весной 1943 г. В решении поставленных задач использовался комплекс документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации и другие материалы.

После завершения Ростовской наступательной операции к началу марта 1943 г. войска Южного фронта остановились на подступах к р. Миус. Мощный оборонительный рубеж, созданный противником на правом берегу, на время стал непреодолимой преградой для наземных войск фронта. В этот период не прекращала свои действия 8-я воздушная армия Южного фронта под командованием генерала-лейтенанта Героя Советского Союза Т. Т. Хрюкина, которая контролировала пространство в небе западной части Ростовской области и прилегающей части Донбасса. В начале марта в своем составе она имела 2-й смешанный авиационный корпус (201-я истребительная и 214-я штурмовая дивизии), 226-ю штурмовую, 268-ю истребительную, 270-ю бомбардировочную, 272-ю ночную бомбардировочную дивизии, два отдельных полка и повторно сформированный 10-й смешанный авиационный корпус (206-я, 289-я штурмовые и 287-я истребительная авиадивизии) [9, с. 89]. В дальнейшем состав армии менялся. Противостоящий 8-й воздушной армии 4-й воздушный флот люфтваффе представлял серьезную угрозу советским войскам на Миусе и тыловым частям Южного фронта под Ростовом-на-Дону.

Наиболее важным в тактическом и стратегическом плане для 8-й воздушной армии сталокрытие аэродромного узла в районе Ростова-на-Дону, железнодорожных станций и переправ через Дон. С 18 марта 1943 г. 268-я истребительная авиадивизия стала 6-й гвардейской. Она

имела задачу прикрывать от ударов с воздуха важные объекты в Ростове и Батайске. В этот период в состав 6-й гвардейской истребительной авиадивизии входили: 9-й, 31-й, 73-й и 85-й гвардейские истребительные авиаполки.

Противник, понимая важность для войск Южного фронта коммуникаций в районе Батайска и переправ через р. Дон в Ростове-на-Дону, всеми средствами пытался вывести из строя станции снабжения в данных местах. Кроме того, там пересекались важнейшие линии направлений на Кавказ и Сталинград. Поэтому противник еще долго не оставлял цели разрушить железнодорожные ветки, поднимая для этого в воздух свои бомбардировщики с аэродромов в Крыму и Донбассе.

В течение 20, 21, 22 и 25 марта немецкая авиация наносила массированные удары с воздуха по данным объектам группами от 70 до 80 бомбардировщиков разных типов под прикрытием от 15 до 30 истребителей типа Ме-109. Достаточно сильные вражеские авианалеты произошли 25 марта 1943 г. Противник в четвертый раз произвел массированный бомбардировочный налет группами по 4, 7, 18, 30 бомбардировщиков типа Ю88, Ю-87, Хе-111, До-215, всего – до 85 самолетов, под прикрытием 25–30 истребителей типа Ме-109ф, которым успешно противодействовали части 6-й гвардейской истребительной авиадивизии 8-й воздушной армии [10, л. 329].

В отношении 6-й гвардейской истребительной авиадивизии, командующие Южным фронтом и 8-й воздушной армией дали указания при массированных налетах авиации противника на объекты Ростова и Батайска уничтожать бомбардировщики противника в воздухе, а их недопущение до объектов возлагалось на 105-ю истребительную авиадивизию ПВО.

25 марта, после получения сигнала тревоги о следовании со стороны Таганрога на Ростов крупной группы бомбардировщиков, в воздух были подняты дежурные группы истребителей 6-й гвардейской истребительной авиадивизии. К тому времени в воздухе находилось две группы из числа 11 самолетов Як-1, вылетевшие в 14:00 на выполнение задания. Для усиления первых двух групп в 15:00 было поднято в воздух еще 14 истребителей Як-1. Ситуация продолжала накаляться. Всего для отражения вражеских налетов 6-я гвардейская истребительная авиадивизия задействовала в течение дня 46 самолетов Як-1 [там же, л. 330].

Показательной была работа четверки Як-1 из состава 9-го гвардейского истребительного полка, вылетевшая в 15:00 из хутора Обуховка Азовского района. Звено истребителей, ведущим которого выступал капитан Амет-хан Султан, встретили сразу четыре бомбардировщика Хе-111, а затем еще 30 единиц Ю-87, идущих в воздухе колонной под прикрытием истребителей. Советские истребители, имея преимущество в высоте полета над бомбардировщиками противника на 500 м, атаковали в лоб вражескую группу Ю-87. С первой попытки гвардейцы не добились успеха и только после разворота на 180° вторично провели атаку, в результате чего капитан Амет-хан Султан с дистанции 100 м сбил самолет ведущего «юнкерсов», окрашенный в белый цвет. Кроме того, ведомый Амет-хана

Султана старший лейтенант П. П. Коровкин в том бою атаковал один Ю-87, вел по нему стрельбу до израсходования боеприпасов, после чего таранил вражеский бомбардировщик, а сам катапультировался, но был расстрелян в воздухе двумя истребителями Ме-109. Старший лейтенант П. П. Коровкин героически погиб и за совершенный подвиг был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени [11, л. 111–111 об.].

Вторая четверка 9-го гвардейского истребительного авиаполка, ведущим которой был старший лейтенант А. В. Алелюхин, в районе Рогожкино – Обуховка на высоте 5 км встретили 18 бомбардировщиков Ю-88, действовавших под прикрытием четырех «мессершмиттов». В первой атаке А. В. Алелюхин подбил в воздухе один «юнкерс», вслед за этим, со второго захода, лейтенант И. Я. Сержантов нанес окончательное поражение по горящему вражескому бомбардировщику – он взорвался в воздухе [10, л. 330].

Бои в воздухе у Ростова и Батайска не стихали. В этот день по рации наведения уроженец Дона, заместитель командира эскадрильи полка старший лейтенант Е. П. Дранищев также взлетел шестеркой Як-1 на перехват бомбардировщиков, на исходе боеприпасов он пошел на таран Ю-88, однако «юнкерс» внезапно ушел в сторону и огнем из пулемета подбил Як-1 старшего лейтенанта Дранищева. Самолет Дранищева с горящим мотором вынужденно пошел на посадку, сумев приземлиться на аэродроме в Батайске.

По соседству с отважным 9-м гвардейским авиаполком действовал и 73-й гвардейский истребительный авиаполк. Ведущий группы капитан С. Я. Верблюдов при встрече вражеской группы из 10 «юнкерсов» заставил их развернуться, благодаря чему противник, не доходя до Батайска, сбросил бомбы в поле. При развороте им был уничтожен один «мессершмитт». В том бою отличился и сержант А. С. Евдокимов – на своем истребителе при заходе сзади он подбил один бомбардировщик Ю-88, который сразу загорелся и упал в районе Кулешовки. Выйдя из атаки, сержант Евдокимов на своем Як-1 был обстрелян подоспевшим «мессершмиттом», летчик-гвардеец получил ранение в ногу [там же].

Вылетевшие на сигнал рации две группы из 31-го гвардейского истребительного авиаполка составом по четыре истребителя Як-1, ведущими которых были капитан А. М. Решетов и лейтенант С. Д. Дементьев, вели бои с группами бомбардировщиков противника на больших высотах, в результате чего было сбито три бомбардировщика Ю-88 и один истребитель Ме-109. Следующая четверка Як-1 из состава 85-го гвардейского истребительного авиаполка в результате боя уничтожила один Ме-110 и два Ме-109.

В результате своевременной реакции истребительной авиации 8-й воздушной армии вражеские бомбардировщики, не дойдя до Батайска и Ростова, развернулись и ушли в обратную сторону, сбросив бомбы в поле в Азовском районе. Всего в воздушных боях с истребителями и бомбардировщиками противника 25 марта 1943 г. летчиками 6-й гвардейской истребительной авиадивизии

было сбито 16 и подбито два вражеских самолета. В парке дивизии недосчитались четырех истребителей Як-1 и три самолета гвардейцев было подбито [там же, л. 331].

Противодействуя налетам, 6-я гвардейская истребительная авиадивизия совместно с частями 105-й истребительной авиадивизии ПВО Южного фронта после первых дней налета заставили противника поднять высоту авиударов от 1,5–2 до 5–6 км, увеличить группы истребителей и перейти вместо пикирования с бомбометанием на горизонтальный полет. После 25 марта налеты на объекты в Ростове и Батайске временно прекратились.

За четыре дня авианалетов противник, проведя свыше 300 самолетовылетов, потерял сбитыми и подбитыми 40 самолетов, из них 25 бомбардировщиков. В целях отражения вражеских авианалетов 6-я гвардейская истребительная авиадивизия отправляла в воздух от 27 до 44 самолетов. 105-я дивизия ПВО имела только 40 % боевого состава и была укомплектована в основном устаревшими типами истребителей. Зенитная артиллерия в отражении атак с воздуха не применялась [там же, л. 345–349].

Чтобы понять, каким образом был достигнут успех в отражении столь массированных вражеских авианалетов в марте 1943 г. на важнейшие объекты Южного фронта, необходимо разобраться в самом механизме действий 6-й гвардейской истребительной авиадивизии. Во-первых, наращивание сил в процессе боя осуществлялось с командного пункта командира дивизии, откуда имелись проводная связь и радиосвязь со всеми частями. С командного пункта дивизии также непрерывно наблюдали за обстановкой после появления первых групп противника.

Во-вторых, чтобы истребители могли своевременно взлетать, встретить противника на подходе к объекту, а также его уничтожить, необходимым условием было как можно ближе к линии фронта выставить наблюдательные посты, снабженные рациями, способные зафиксировать пролет противника и вовремя сообщить об этом. Так было в моменты отражения мартовских атак с воздуха на Ростов и Батайск, когда сигналы оповещения поступали из таких пунктов, как Азов и станция Морская. В районе Батайска находился пункт управления воздушным боем. На каждом командном пункте и аэродроме 6-й гвардейской истребительной авиадивизии имелись рации, которыми одновременно принимались сигналы о пролетах самолетов противника. Благодаря тактике дежурства на земле обеспечивалоськрытие объектов, расположенных не ближе 30–40 км от линии фронта в районе р. Миус. Всего за последнюю декаду марта вражескими бомбардировщиками на объекты Южного фронта было произведено шесть массированных авианалетов с участием более 250 бомбардировщиков и 90 истребителей [там же, л. 345–349].

Вскоре в 8-й воздушной армии произошли преобразования. С целью усиления авиации Северо-Кавказского фронта с 17 апреля из состава 8-й воздушной армии был выведен 2-й смешанный авиационный корпус и 287-я истребительная авиационная дивизия 10-го смешанного авиакорпуса.

В период отсутствия наступательных действий со стороны сухопутных войск Южного фронта в воздухе

усиливалось противостояние. Только в апреле противник совершил 1840 авианалетов на Ростов и Батайск, а в мае – уже более 3 тыс. Показательными были сражения с участием 73-го гвардейского истребительного авиаполка. 22 апреля, отражая вражеский авианалет на Ростов, младший лейтенант Л. В. Литвяк, сражаясь в группе шести Як-1, дважды атаковала группу Ю-88, сбив при этом один немецкий бомбардировщик. В этом же вылете она провела бой еще и с шестеркой Ме-109. Имея сильное повреждение самолета и ранение ноги, Литвяк смогла успешно вернуться на свой аэродром [12, л. 120].

27 апреля, в момент скопления нескольких эшелонов противника с живой силой и техникой на станции Успенская, был произведен боевой вылет советских штурмовиков. Истребители 85-го гвардейского истребительного полка 6-й гвардейской авиадивизии на Як-1 сопровождали две группы по шесть Ил-2 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии. Одна пара из группы штурмовиков не смогла опознать цель и удалась на несколько десятков километров западнее Успенской, после чего нанесла удары по другому немецкому эшелону с техникой в Донбассе [1, с. 121].

Заметив отклонение от маршрута двух самолетов 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии, пара командира 85-го гвардейского истребительного полка майора И. П. Залесского и его ведомого младшего лейтенанта А. Е. Голюка продолжили их сопровождение. Вскоре отдалившиеся советские штурмовики и прикрывающая их пара подверглись атаке вражеских истребителей. Увидев сложную ситуацию в схватке Залесского с самолетом противника, спасая командира в воздухе, Голюк правым крылом совершил таран немецкого истребителя и разрубил его правую плоскость. Оба пилота, Голюк и немецкий летчик, катапультировались, приземлившись на территории противника в Донбассе. Голюк попал в плен и только в конце войны был освобожден советскими войсками. В том бою было потеряно еще два самолета Як-1, подбитых немецкими истребителями в районе Степановки-Мариновки [13].

Дальнейшие действия 8-й воздушной армии постепенно перешли на разгром целей в тылу противника на территории Донбасса. С мая 1943 г. основная роль по защите воздушного пространства над важнейшими объектами в Ростове и Батайске вновь была передана 105-й истребительной авиадивизии ПВО под управлением Южного фронта.

Таким образом, овладев ценным опытом в боях под Сталинградом и в Ростовской наступательной операции, уже весной 1943 г. летчики-истребители 8-й воздушной армии смело вступали в бои в небе под Ростовом, Батайском и над рубежом по р. Миус с численно превосходящим противником и одерживали победу в этих сражениях. Только за март и апрель частями 8-й воздушной армии было произведено 15 900 боевых вылетов, в ходе которых уничтожено значительное количество живой силы и техники противника, проведено 105 воздушных боев, сбито 98 самолетов [14, л. 82]. 4 мая 1943 г. 6-я гвардейская истребительная авиадивизия была удостоена почетного звания «Донской» за боевые заслуги.

В боях по защите воздушного пространства над Ростовом и Батайском из состава 6-й гвардейской истребительной авиадивизии принимал участие прославленный 9-й гвардейский истребительный авиаполк. В этом полку служили и защищали донское небо лучшие мастера воздушного боя, такие как будущие дважды Герои Советского Союза В. Д. Лавриненков, А. В. Алелюхин, П. Я. Головачев и Амет-Хан Султан, а также другие летчики-асы этого и других полков 6-й авиадивизии, которым было присвоено высокое звание Героя – И. Я. Сержантов, Л. В. Литвяк, А. Ф. Соломатин, Е. П. Дранищев, А. М. Решетов, И. К. Нестеров и мн. др.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Губин, Б. А. Восьмая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны / Б. А. Губин, В. Д. Киселев. – М.: Воениздат, 1980. – 239 с.
2. Над огненным Доном: очерки и воспоминания об авиаторах 8-й воздушной армии / сост. президиум совета ветеранов 8-й воздушной армии. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985. – 159 с.
3. Скоробогатов, С. Б. Действия авиации 8-й воздушной армии в период подготовки операции по освобождению Крыма (ноябрь 1943 – апрель 1944 г.) / С. Б. Скоробогатов // Ялта 1945: уроки истории: сборник материалов научной конференции, Ливадия, 14–15 февраля 2019 года. – Ливадия: ООО «Антиква», 2019. – С. 179–189.
4. Мухамеджанов, И. Р. 9-й Гвардейский истребительный авиаполк в небе Сталинграда / И. Р. Мухамеджанов // Клио. – 2015. – № 9 (105). – С. 133–140.
5. Матишов, Г. Г. Влияние аномальных природных явлений на действия советской авиации в Северо-Кавказской наступательной операции / Г. Г. Матишов, В. И. Афанасенко, Е. Ф. Кринко // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90 (5). – С. 466–471.
6. Анохин, В. А. Все истребительные авиаполки Сталина. Первая полная энциклопедия / В. А. Анохин, М. Ю. Быков. – М.: Яуза-пресс, 2014. – 944 с.
7. Быков, М. Ю. Все асы Сталина, 1936–1953 / М. Ю. Быков. – М.: Яуза, 2014. – 1390 с.
8. Медведев, М. В. Боевые действия 8-й воздушной армии по освобождению Ростовской области в июле–августе 1943 года / М. В. Медведев // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 4 (112). – С. 19–25.
9. Боевой состав Советской Армии. Часть III. (Январь–декабрь 1943 г.). Военно-Научное управление Генерального Штаба / отв. ред. генерал-лейтенант танковых войск Г. Т. Завизион. – М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1972. – 336 с.
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 346. 5755. Д. 109.
11. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1354.

12. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1721.
13. 9-й гвардейский истребительный в боях весны 1943 года. – URL: <https://proza.ru/2020/01/03/1706> (дата обращения: 17.01.2024).
14. ЦАМО РФ. Ф. 346. Оп. 5755. Д. 121.

References

1. Gubin, B. A. Vos'maja vozdušnaja. Voenno-istoričeskij očerok boevogo puti 8-j vozdušnoj armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Eighth Air Force. Military-historical sketch of the combat route of the 8th Air Army during the Great Patriotic War] / B. A. Gubin, V. D. Kiselev. – Moscow: Voenizdat, 1980. – 239 p.
2. Nad ognennym Donom: očerki i vospominanija ob aviatorah 8-j vozdušnoj armii [Above the fiery Don: essays and memories about the aviators of the 8th Air Army]. – Rostov-on-Don: Book Publ. House, 1985. – 160 p.
3. Skorobogatov, S. B. Dejstvija aviacii 8-j vozdušnoj armii v period podgotovki operacii po osvoboždeniju Kryma (nojabr' 1943 – april' 1944 g.) [Actions of aviation of the 8th Air Army during the preparation of the operation to liberate Crimea (November 1943 – April 1944)] / S. B. Skorobogatov // Yalta 1945: uroki istorii [lessons from history]: collected materials of Sci. Conf., Livadija, February 14–15, 2019. – Livadija: "Antikva" LLC, 2019. – P. 179–189.
4. Mukhamedzhanov, I. R. 9-j Gvardejskij istrebitel'nyj aviapolk v nebe Stalingrada [9th Guards Fighter Aviation Regiment in the skies of Stalingrad] / I. R. Mukhamedzhanov // Klio Publ. – 2015. – № 9(105). – P. 133–140.
5. Matishov, G. G. Vlijanie anomal'nyh prirodnyh javlenij na dejstvija sovetskoj aviacii v Severo-Kavkazskoj nastupatel'noj operacii [The impact of abnormal natural phenomena on the actions of Soviet aviation in the North Caucasus offensive operation] / G. G. Matishov, V. I. Afanasenko, E. F. Krinko // Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Bull. of the Russian Academy of Sciences]. – 2020. – Vol. 90 (5). – P. 466–471.
6. Anokhin, V. A. Vse istrebitel'nye aviapolki Stalina. Pervaja polnaja jenciklopedija. Nauchno-populjarnoe izdanie [All of Stalin's fighter regiments. The first complete encyclopedia. Popular Science publication] / V. A. Anokhin, M. Yu. Bykov. – Moscow: Yauza-press, 2014. – 944 p.
7. Bykov, M. Yu. Vse asy Stalina, 1936–1953 [All Stalin's aces, 1936–1953] / M. Yu. Bykov. – Moscow: Yauza, 2014. – 1390 p.
8. Medvedev, M. V. Boevye dejstvija 8-j vozdušnoj armii po osvoboždeniju Rostovskoj oblasti v ijule-avguste 1943 goda [Combat operations of the 8th Air Army for the liberation of the Rostov region in July–August 1943] / M. V. Medvedev // Nauchnaja mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]. – 2022. – № 4(112). – P. 19–25.
9. Boevoj sostav Sovetskoj Armii. Chast' III. (Janvar' – dekabr' 1943 g.). Voenno-Nauchnoe upravlenie General'nogo Shtaba [Combat personnel of the Soviet Army. Part III. (January–December 1943). Military Scientific Directorate of the General Staff]. – Moscow: Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni Voennoe izd-vo Ministerstva oborony SSSR [Order of the Red Banner of Labor Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR], 1972. – 336 p.
10. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. F. 346. Op. 5755. D. 109.
11. Ibid. F. 33. Op. 686044. D. 1354.
12. Ibid. F. 33. Op. 682526. D. 1721.
13. 9-j gvardejskij istrebitel'nyj v bojah vesny 1943 goda [9th Guards Fighter in the battles of the spring of 1943]. – URL: <https://proza.ru/2020/01/03/1706> (accessed: 17.01.2024).
14. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. F. 346. Op. 5755. D. 121.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01642, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01642, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

Информация об авторе:

Медведев Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, д. 41; e-mail: m1max@mail.ru).

Author:

Maksim V. Medvedev – Cand. Sci. (History), Researcher, Federal Research Centre Southern Science Centre, Russian Academy of Sciences; (41, Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: m1max@mail.ru).

Для цитирования:

Медведев, М. В. Роль истребительной авиации 8-й воздушной армии по защите неба над Ростовской областью и Донбассом в марте–апреле 1943 года / М. В. Медведев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 86–91.

For citation:

Medvedev, M. V. The role of fighter aircraft of the 8th Air Army in protecting the skies over the Rostov region and Donbass in March–April 1943 / M. V. Medvedev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 86–91.

Дата поступления статьи: 20.01.2025

Прошла рецензирование: 31.01.2025

Принято решение о публикации: 07.02.2025

Received: 20.01.2025

Reviewed: 31.01.2025

Accepted: 07.02.2025

Реализация государственной программы подготовки председателей колхозов в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы (на примере Коми АССР)

А. М. Мацук

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
almmatsuk@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрена реализация государственной программы по организации подготовки и повышения квалификации председателей колхозов в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы на примере Коми АССР. Показаны конкретные шаги по достижению данной цели органов власти как на уровне страны, так и республики. Выделены трудности, с которыми столкнулись организаторы рассматриваемого процесса в указанный период. Прослежена динамика учащихся средней сельскохозяйственной школы по подготовке председателей колхозов в Коми АССР в 1947/49 учебные годы.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Коми АССР, сельское хозяйство, среднее специальное образование, подготовка председателей колхозов

Подготовка руководящих кадров для сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны и годы восстановительного периода являлась важным вопросом для страны в целом и отдельных ее регионов в частности. Важность сельскохозяйственного производства для фронта и тыла в годы войны, а также для обеспечения необходимым количеством продукции в последующие годы нельзя недооценивать. Органы власти как на уровне Советского Союза, так и на республиканском уровне тщательно отслеживали ситуацию с комплектованием сельского хозяйства необходимым количеством квалифицированных кадров и повышением их образовательного уровня. Для реализации данной государственной программы (в нашем случае – в отношении председателей колхозов) последовательно принимались необходимые для организации курсов и специальных школ постановления.

Историография истории создания и первых лет работы средних сельскохозяйственных школ по подготовке председателей колхозов, пришедшихся на период Вели-

Implementation of the state program for training collective farm chairmen during the Great Patriotic War and the first post-war years (case study of the Komi ASSR)

A. M. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
almmatsuk@gmail.com

Abstract

The paper considers the implementation of the state program for the organization of training and advanced training of collective farm chairmen during the Great Patriotic War and in the first post-war years using the Komi ASSR as an example. Specific steps taken by the government bodies at both the national and republican levels to achieve this goal are shown. The difficulties encountered by the organizers of the process under consideration during this period are highlighted. The dynamics of secondary agricultural school students in the training of collective farm chairmen in the Komi ASSR in the 1947–1949 academic years is traced.

Keywords:

Great Patriotic War, Komi ASSR, agriculture, secondary specialized education, training of collective farm chairmen

кой Отечественной войны и восстановительного периода народного хозяйства страны, находится на начальной стадии формирования. А. П. Тюрина в своей монографии коснулась некоторых моментов истории исследуемого типа учебных заведений, приведя примеры, относящиеся в целом к Советскому Союзу [1, с. 69–72]. Нам неизвестно ни одной работы, в полной мере раскрывающей данный вопрос ни на уровне РСФСР в целом, ни отдельных регионов РСФСР (автономные республики, края и области) в частности. В статье А. А. Сойникова и А. А. Маховицкого о развитии учебно-материальной базы Курской сельскохозяйственной школы по подготовке председателей колхозов и Курского сельскохозяйственного техникума в 1953–1964 гг. истории организации школы по подготовке председателей колхозов уделено сравнительно немного внимания [2]. Определенная информация о деятельности такого учебного заведения приведена в диссертации А. О. Дагдановой по истории становления и развития средних специальных учебных заведений в Республике Бурятия в 1923–1991 гг. [3]. Отдельные факты об открытии

таких школ помещены в обобщающих работах по истории автономных республик, краев и областей [4, с. 402; 5–7 и др.], трудах по истории сельского хозяйства данного периода [1, с. 69–72; 8, с. 83–84], а также в работах по истории среднего специального образования [9–11 и др.]. В связи с этим, актуальным представляется рассмотрение истории становления данного вида средних специальных учебных заведений, как основного механизма реализации указанной государственной программы.

Перейдем к непосредственному показу процесса реализации государственной программы по подготовке и повышению образовательного уровня председателей колхозов в Коми АССР в рамках обозначенного периода. Предысторией данного процесса стала работа органов власти еще Коми Автономной области по организации подготовки руководящих кадров для сельского хозяйства после проведения массовой коллективизации и создания колхозов, а именно – принятие решения о проведении курсов по подготовке председателей колхозов. Такое решение было принято в январе 1931 г. после обсуждения данного вопроса на заседании Бюро Коми обкома ВКП(б), которое постановило: «1. Курсы провести. 2. Фракции ОИК обеспечить курсы средствами» [12]. Позже дело первичной подготовки председателей и других руководящих работников колхозов передали в ведение Народного комиссариата земледелия Коми АССР, которое в предвоенный период проводило 15-дневные курсы подготовки указанных кадров [8, с. 83].

Следующим шагом в данном процессе стал вопрос о создании необходимых условий для повышения квалификации председателей колхозов. Эта задача возникла в тяжелые годы Великой Отечественной войны, во многом обусловленная важной ролью сельскохозяйственного производства, необходимого для снабжения своей продукцией как фронта, так и тыла. 15 ноября 1944 г. было принято решение ЦК ВКП(б) «Об организации месячных курсов для председателей колхозов». В этом решении ЦК ВКП(б) дал поручение областным и краевым комитетам ВКП(б) организовать и провести в начале 1945 г. курсы, на которых действующим председателям колхозов была бы дана информация по всему спектру актуальных вопросов деятельности колхозов. К решению предлагался учебный план организуемых месячных курсов [13, л. 136, 137], который предполагал лекционные занятия в объеме 200 часов, с расчетом, что слушатели ежедневно будут знакомиться с необходимыми предметами около 6 часов в день.

Утвержденный учебный план содержал: 1. Вводный доклад на тему «Великая Отечественная война и задачи колхозов» (2 часа); 2. Несколько лекций посвящались разбору устава сельскохозяйственной артели (10 часов); 3. Практические моменты управления делами сельскохозяйственной артели (8 часов). В этом блоке лектор должен был сосредоточить внимание слушателей на двух важнейших моментах: на показе всех нюансов созыва и работы общего собрания членов колхоза и указании прав и обязанностей председателя колхоза, счетовода, кладовщика, бригадира, заведующего фермой и председателя ревизионной комиссии; 4. 20 часов занятий были посвящены разбору вопроса об организации труда

в колхозах и оплате труда колхозников. Было рекомендовано подробно остановиться на таких важных аспектах колхозной жизни, как организация и работа полеводческих бригад и звеньев; нормы выработки и расценки на различных работах; дополнительная оплата труда; 5. Большой цикл лекций (20 часов) рекомендовалось прочитать по теме «Меры повышения урожайности отдельно по культурам», где уделялось внимание вопросам агротехники, севооборота, удобрений, борьбы с сорняками и вредителями сельскохозяйственных культур; 6. 8 часов лекций должно было быть посвящено раскрытию вопроса о семенном хозяйстве в колхозах; 7. Следующей теме «Подготовка, технический уход и использование сельскохозяйственных машин и инвентаря» также отводилось 8 часов. Продолжением данной темы были 20-часовые занятия по ознакомлению слушателей курсов с устройством тракторов и сложных сельскохозяйственных машин (плуги, культиваторы, сеялки, сенокосилки, молотилки, веялки, сортировки и комбайны); 8. 12 часов занятий посвящались раскрытию темы о подготовке к весеннему севу 1945 г.; 9. 10 часов – подробному разбору работы МТС, формам и процедуре заключения договоров колхоза с машинно-тракторной станцией; 10. 20 часов – лекционные занятия по проблеме организации животноводства в колхозах. Во время этих занятий необходимо было изучить Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах». Кроме того, слушатели должны были получить рекомендации по увеличению поголовья лошадей и улучшению за ними ухода, а также по содержанию скота на фермах, уходу, кормлению и зимовке; 11. Крупный блок лекций был посвящен различным аспектам финансовой деятельности колхозов: в течение 14 часов лекторы должны были рассказать слушателям о размерах, порядке и сроках обязательных поставок продуктов государству и уплате денежных налогов; 10 часов отводилось на изучение распределения натуральных и денежных доходов в колхозах; в течение 10 часов слушатели получали информацию по составлению производственно-финансовых планов и рабочих планов по периодам; 8 часов отводилось теме «Финансы в колхозах и денежная документация»; 20 часов – теме «Учет и отчетность в колхозах». Итак, мы видим, что учебный план включал в себя наиболее важные вопросы повседневной деятельности руководителей колхозов.

29 ноября 1944 г., т. е. практически сразу после получения текста решения ЦК ВКП(б), Бюро Коми обкома ВКП(б) на своем заседании рассмотрел вопрос «Об организации курсов по подготовке председателей колхозов» (протокол № 248, параграф 8878) [13, л. 126, 127, 136, 137]. Были определены первоочередные действия для успешного проведения мероприятия, назначены ответственные за разные вопросы его подготовки и проведения. Бюро Коми обкома ВКП(б) приняло решение о проведении курсов в г. Сыктывкаре в течение января, февраля и марта 1945 г. (созыв с 1 января, 1 февраля и с 1 марта 1945 г.). В январе и феврале предполагалось подготовить по 122 чел. слушателей, в марте – 120 чел., всего – 364 слушателя курсов.

Бюро утвердило разверстку мест на курсы по подготовке председателей колхозов по районам республики, причем число слушателей от районов было разным. Так, из Летского района предполагалось призвать на курсы 10 чел., Прилузского – 30, Сысольского – 41, Сыктывдинского – 40, Устькуломского – 52, Ижемского – 14, из Устьцилемского района – 37 чел., и т. д. За подбор и участие руководителей колхозов в работе курсов лично отвечали первые секретари соответствующих райкомов партии.

Обращает на себя внимание состав лекторов на указанных курсах. Вводную лекцию читал лично первый секретарь Коми обкома ВКП(б) А. Г. Тараненко. Среди лекторов секретари Коми обкома ВКП(б), руководители СНК Коми АССР, руководители и главные специалисты Наркомата земледелия Коми АССР (главный агроном НКЗ Г. Г. Каракчиев, главный инженер НКЗ А. В. Степанов, главный ветврач НКЗ Т. Ф. Савиновская), руководители и главные специалисты других Наркоматов Коми АССР и руководители отделов Коми обкома ВКП(б), научные сотрудники Базы Академии наук в Коми АССР М. П. Таранец, И. С. Хантимер.

Несомненно, что мероприятие прошло успешно и слушатели получили необходимые знания. Однако такой «мозговой штурм» был весьма тяжелым испытанием для слушателей в плане значительной нагрузки, сконцентрированной в коротком отрезке времени. Кроме того, лишь около половины представителей колхозов могли прослушать весьма полезный для повседневной практики курс лекций. Выше мы отмечали, что через курсы прошло 364 чел., в то же время до начала 1950-х гг. в Коми АССР функционировало более 670 колхозов [4, с. 404; 14, л. 72]. То есть руководители около 46 % колхозов не получили даже первичных необходимых знаний. Такое же положение было, вероятно, по всей стране, поэтому после окончания Великой Отечественной войны правительство СССР поставило вопрос о подготовке председателей колхозов на более длительных по времени курсах, а также расширению обучения до уровня специальных школ, чтобы увеличить и численность обучающихся.

В феврале 1947 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». В документе были затронуты практически все аспекты сельскохозяйственного производства и колхозной (а также и совхозной) жизни. Не обошли вниманием и вопрос о подготовке и переподготовке руководящих кадров колхозов. Пленум ЦК ВКП(б) постановил: «В целях улучшения подготовки и переподготовки колхозных кадров – председателей колхозов, бригадиров, заведующих фермами и счетоводов (*бухгалтеров* – А. М.) считать необходимым организовать в областях, краях и республиках в 1947 г. одногодичные и двухгодичные государственные школы с образцовыми учебно-опытными хозяйствами при них, с тем, чтобы выпускать из этих школ вполне подготовленных руководящих колхозных работников. Для краткосрочной переподготовки председателей колхозов организовать в каждой области, крае, республике в 1947 г. постоянно действующие шестимесячные курсы» [15]. 17 августа 1947 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 2895, а 27 августа 1947 г. – приказ Министерства

сельского хозяйства СССР № 961 по данному вопросу [2]. Указанные постановления имели статус обязательных к исполнению, поэтому уже в 1947 г. по всей стране началась работа по созданию государственных двухгодичных школ по подготовке председателей колхозов и шестимесячных курсов по переподготовке председателей колхозов. По данным А. П. Тюриной, всего в СССР была создана 101 государственная двухгодичная сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов, в том числе 60 школ в РСФСР, на Украине – 19, в Белоруссии – 4, Казахстане – 3, Узбекистане, Молдавии, Литве – по 2, в остальных союзных республиках – по 1 школе [1, с. 69].

Необходимо подчеркнуть, что поступление в среднюю школу по подготовке председателей колхозов было ограничено несколькими факторами. Любой желающий не мог поступить в это учебное заведение. В данную школу могли поступить только члены колхоза, в основном, работающие на руководящих должностях (председатель, счетовод, бригадир полеводческой бригады, заведующий животноводческой фермой, руководители ревизионных комиссий). Из их числа кандидатов в слушатели школы отбирали сначала в районном отделе земледелия. После этого кандидатуры рассматривались в райисполкомах и райкомах партии. И только после утверждения ими кандидат мог быть направлен на учебу в школу по подготовке председателей колхозов. Однако было еще одно важное условие. Командированный на учебу слушатель школы должен был получить необходимые денежные средства на проезд к месту учебы и проживание там за счет своего колхоза [13, л. 126, 127; 14, л. 73].

Процесс подготовки руководителей колхозов набирал обороты. Так, в Коми АССР за три года (1947–1950) «школу и курсы закончило 296 человек» [4, с. 402]. В целом по стране «в 1949 г. 80 двухгодичных школ произвели первый выпуск молодых специалистов в количестве 6575 человек» [1, с. 70, 71].

Перейдем к рассмотрению конкретной деятельности органов власти в направлении создания и работы средней сельскохозяйственной школы по подготовке председателей колхозов в первые послевоенные годы на примере Коми АССР.

Итак, после принятия в начале 1947 г. на пленуме ЦК ВКП(б) постановления «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период», Бюро Коми обкома ВКП(б) 5 июля 1947 г. рассмотрело вопрос «Об организации двухгодичной государственной школы для подготовки и переподготовки руководящих колхозных кадров» (протокол № 375, § 12). По итогам обсуждения было принято совместное постановление Совета Министров Коми АССР и Бюро Коми обкома ВКП(б) по этому вопросу [14, л. 72, 73, 79]. Примечательно, что обсуждение вопроса и принятие совместного постановления произошло раньше выхода постановления Совета Министров СССР № 2895 и приказа Министерства сельского хозяйства СССР № 961 (вышедших в августе 1947 г.) по данному вопросу.

Совет Министров Коми АССР и Бюро Коми обкома ВКП(б) постановили: 1. «Организовать на существующей базе Нижне-Човской одногодичной сельскохозяйственной школы двухгодичную государственную школу для

подготовки и переподготовки руководящих колхозных кадров». Необходимо отметить, что в пригороде г. Сыктывкара – местечке Нижний Чов – располагалось образцовое опытное хозяйство, основанное на базе дореволюционного купеческого имения. Там в конце Великой Отечественной войны была помещена одногодичная сельскохозяйственная школа, в которой проходила подготовка главным образом механизаторских кадров для сельского хозяйства республики. Опытное хозяйство располагало пахотной и сенокосной землями, выгоном, производственными и хозяйственными помещениями, скотом и оборудованием. Все это, ранее принадлежавшее одногодичной школе, и кроме того, учебные помещения, передавались указанным постановлением создаваемой двухгодичной школе по подготовке председателей колхозов. Одногодичная школа пока продолжала базироваться в Нижнем Чове, но была серьезно стеснена в помещениях. Общежитие ее передавалось двухгодичной школе, а для одногодичной школы под общежитие передали одно двухэтажное здание, ранее занимаемое в качестве жилого помещения сотрудниками опытного хозяйства. Кроме того, под учебный корпус двухгодичной и одногодичной школ пришлось приспособить здание, на момент выхода постановления занимаемое детским садом и яслями, перебазировав их в другие здания.

Контингент учащихся двухгодичной государственной школы подготовки и переподготовки руководящих колхозных кадров был установлен указанным постановлением в количестве 100 чел., с ежегодным набором 50 чел. Кроме того, постановлением предписывалось организовать при школе шестимесячные курсы по переподготовке председателей колхозов с контингентом 50 чел. Согласно принятому постановлению, председатели исполкомов райсоветов депутатов трудящихся и секретари райкомов ВКП(б) были обязаны провести отбор учащихся и направить их к 1 сентября 1947 г. в школу и на курсы. На учебу в школе было предписано «отбирать председателей, бригадиров, звеньевых, заведующих фермами, счетоводов колхозов и рядовых колхозников, с образованием не ниже начальной школы, проявивших себя на колхозном производстве, обладающих организаторскими навыками и способных после окончания школы руководить колхозами. На курсы отбирать председателей колхозов, нуждающихся в переподготовке» [14, л. 72, 73].

Совет Министров Коми АССР и Бюро Коми обкома ВКП(б) установили количество учащихся, которые должны были быть направлены в школу и на курсы из каждого района республики: из Летского района, в котором функционировало 36 колхозов, должны были направить по 3 чел. в школу и на курсы; Прилузского (58 колхозов) соответственно 4 и 5 человек; Сысольского (78) – по 5 человек; Сыктывдинского (68) – 5 и 6 человек; из г. Сыктывкара (7) – 1 чел. – в школу; Корткеросского района (22) – по 2 в школу и на курсы; Сторожевского (39) – по 3; из Устькуломского (83) – по 6; Троицко-Печорского (32) – по 2; Устьвымского (45) – 3 и 4; Железнодорожного (31) – 3 и 2; Ухтинского (13) – по 1 чел.; Удорского (49) – по 3; Ижемского (26) – по 2; Устьцилемского (47) – 4 и 3; Устьусинского (14) – по 1 чел.; из Кожвинского района (27 колхозов) – по 2 чел. Итого из всех районов республики, в которых в 1947 г. насчитыва-

лось 675 колхозов, на учебу в школу и на курсы направлялось по 50 чел. [14, л. 79].

Вновь созданное учебное заведение нуждалось в преподавательских кадрах с высшим образованием, а также в новейшей сельскохозяйственной технике, которую должны были осваивать учащиеся. Поэтому Совет Министров Коми АССР и Бюро Коми обкома ВКП(б) постановили «просить Министра сельского хозяйства СССР т. Венедиктова: а) командировать в школу для постоянной преподавательской работы 5 человек специалистов – агрономов и зооветработников с высшим образованием; б) выделить школе трактор, молотилку "МК-1100", северный комбайн, зерноочистительную машину "ВИМ", 5 сенокосилок, 5 конных граблей, 2 жнейки, 2 сеялки, 2 грузовых и одну легковую автомашины; в) обеспечить школу и курсы учебной программой и необходимым количеством (по контингенту учащихся) учебников, наглядных пособий и принадлежностей; г) отпустить школе 200 тысяч рублей и необходимые стройматериалы для проведения ремонта жилых, учебных и хозяйственных зданий и 100 тысяч рублей на дополнительное приобретение домов; д) выделить школе 150 штук кроватей и постельной принадлежности на 150 человек» [14, л. 73]. Также ими были даны конкретные поручения ответственным за те или иные вопросы подготовки школы к работе.

Однако на начальном этапе деятельности рассматриваемой школы проявились определенные шероховатости в организационных вопросах. Так, 22 сентября 1947 г. Бюро Коми обкома ВКП(б) вынуждено было вернуться к вопросу о начале учебных занятий в школе. Дело в том, что Совет Министров СССР в распоряжении № 14 087 предписал перенести начало занятий в двухгодичных государственных школах по подготовке руководящих кадров колхозов с октября на 1 ноября 1947 г. Естественно, что Бюро Коми обкома ВКП(б) распорядилось сделать то же и в отношении Сыктывкарской школы [16]. То есть записанная в совместном постановлении Совета Министров Коми АССР и Бюро Коми обкома ВКП(б) дата начала занятий – 1 сентября – дважды была изменена: сначала с 1 сентября на октябрь и позднее – на 1 ноября. Указанная дата начала занятий сохранилась до конца периода существования данного учебного заведения [17]. Это вполне логичное действие, так как в сентябре и первой половине октября проходят уборка урожая и подготовка скота к зимовке. Председатель колхоза и другие руководители колхоза в это время должны были активно заниматься делами колхоза и объективно не могли выехать на учебу.

Срывы сроков начала учебного процесса в первые несколько лет истории школы были систематическим явлением. В январе 1950 г. Бюро Коми обкома ВКП(б) отмечало: «Многие районы посылают учащихся с большим опозданием, поэтому сроки начала учебы ежегодно нарушаются. В 1949 г. двухгодичная школа начала работу с опозданием на 15 дней и шестимесячные курсы – на 17 дней» [18, л. 14]. Виновниками такого явления были как Министерство сельского хозяйства Коми АССР, так и райкомы ВКП(б) и райисполкомы. Рассматривая вопрос «О наборе в двухгодичную государственную школу руководящих колхозных кадров» 20 октября 1948 г. Бюро Коми

обкома ВКП(б) отмечало: «Министерство сельского Коми АССР, многие райкомы партии и райисполкомы недооценивают важность подготовки и переподготовки руководящих колхозных кадров, не понимая, что одной из главных причин низкой культуры земледелия и животноводства республики является недостаток квалифицированных руководящих кадров колхозов. Особенно беззаботно к делу подготовки и переподготовки руководителей колхозов относятся Сысольский, Сыктывдинский, Сторожевский, Устькуломский и Железнодорожный райкомы партии и райисполкомы, которые ежегодно не выполняют план посылки учащихся в школу и на курсы» [19, л. 12]. Обсуждая вопрос «О наборе учащихся на шестимесячные курсы переподготовки председателей колхозов» 18 марта 1949 г. Бюро Коми обкома ВКП(б) отмечало: «Обратить внимание секретарей райкомов ВКП(б) на недопустимость такого положения, когда в прошлые наборы некоторые райкомы ВКП(б) (Сыктывдинский, Железнодорожный, Сысольский, Устьвымский) не выполнили плана направления председателей колхозов на курсы переподготовки» [20].

Организаторы школы в первые годы ее функционирования столкнулись также и с материальными и кадровыми проблемами. Выше мы отмечали, что Бюро Коми обкома ВКП(б) в 1947 г. просило Министра сельского хозяйства СССР командировать в школу для постоянной преподавательской работы специалистов с высшим образованием, обеспечить школу учебной программой и необходимым количеством учебников, наглядных пособий и принадлежностей, выделить школе различную сельскохозяйственную технику, а также крупную сумму денег на ремонт жилых, учебных и хозяйственных зданий и покупку домов у населения для нужд школы [14, л. 73]. Через год, 20 октября 1948 г., Бюро Коми обкома ВКП(б) отмечало, что «до сих пор школа не обеспечена сельхозмашинами, наглядными пособиями и инвентарем» [19, л. 13]. Однако это не означало, что Министерство сельского хозяйства СССР проигнорировало просьбу Совета Министров Коми АССР и Бюро Коми обкома ВКП(б), так как определенная часть запрашиваемого оборудования, инвентаря и учебной литературы имелась на балансе республиканского Министерства сельского хозяйства и могли быть выделены на местном уровне, что подтверждают проведенные в дальнейшем проверки и принятые Бюро Коми обкома ВКП(б) постановления [18, л. 15].

Большое значение для успешного проведения учебно-го процесса имело состояние учебно-опытного хозяйства, которое, по замыслу ЦК ВКП(б), в регионах должно было быть образцово-показательным, чтобы учащиеся видели ориентиры, к которым они должны были стремиться в своих колхозах. Однако состояние учебно-опытного хозяйства в Сыктывкарской школе было далеко от идеала. По сведениям Бюро Коми обкома ВКП(б), еще в начале 1950 г. «учебно-опытное хозяйство не отвечает требованиям образцового хозяйства и не является показательным, скотные дворы, конюшня пришли в ветхость, животноводческие процессы не механизированы» [там же].

Таким образом, в первые годы организации и функционирования ситуация в школе с обеспечением сельскохозяйственной техникой, учебниками и наглядными

пособиями, состоянием учебно-опытного хозяйства была трудной.

В заключение рассмотрим динамику численности учащихся рассматриваемой школы. Выше мы приводили данные из совместного постановления Совета Министров Коми АССР и Бюро Коми обкома ВКП(б) 1947 г. о том, что контингент учащихся в двухгодичной государственной школе подготовки и переподготовки руководящих колхозных кадров устанавливался в количестве 100 чел. с ежегодным набором 50 чел. [14, л. 73]. Однако эти контрольные цифры нарушались с первого набора учащихся. Так, на 1947/48 учебный год в школу было принято только 27 чел., на 1948/49 учебный год, по состоянию на 20 октября 1948 г., лишь 7 чел. [19, л. 12]. Получается, что общая численность учащихся первого и второго курсов составляла 34 чел. На 1949/50 учебный год, по состоянию на 5 января 1950 г., в школу было командировано только 25 чел. вместо планируемых 50 [18, л. 14].

Итак, согласно приведенным данным, всего в данной школе в течение трех лет должно было обучаться 59 чел., однако, вероятно, их было больше. Во-первых, имели место опоздания явки к началу учебного года по разным причинам. В январе 1950 г. Бюро Коми обкома ВКП(б) отмечало, что «с начала организации школы (вероятно, за два первых учебных года – 1947/48 и 1948/49 – А. М.) недокомплект составляет 48 человек» [18, л. 14]. То есть на учебу явились в течение указанных двух лет 52 чел., а не 34, как следует из приведенных выше данных. Во-вторых, в данную школу зачисление новых учащихся происходило и после начала занятий. Вероятно, впервые эту новацию применили в начале 1950 г., когда Бюро Коми обкома ВКП(б) обязало «министерство сельского хозяйства Коми АССР с 20 января 1950 г. открыть за счет недобора в 1949 г. дополнительную группу учащихся в двухгодичной школе по подготовке руководящих кадров колхозов, а райкомам ВКП(б), райисполкомам обеспечить явку учащихся к сроку в количестве согласно приложению». По плану дополнительного набора в течение двух недель (с 5 по 20 января) районным властям надлежало направить на обучение: из Летского, Прилузского, Сысольского, Сыктывдинского, Устькуломского, Помоздинского, Удорского, Ухтинского и Устьусинского районов и г. Сыктывкара – по 1 чел.; Сторожевского, Ижемского и Устьцилемского – по 2; из Корткеросского, Устьвымского и Железнодорожного районов – по 3 чел. Всего – 25 чел. [18, л. 15, 92]. Интересно, что дополнительные наборы затрагивали учащихся всех бывших в школе курсов. В 1949/50 учебном году, с учетом опозданий и организации дополнительной группы, общая численность учащихся на двух курсах могла составить 57 чел.

Таким образом, реализация государственной программы подготовки и повышения образовательного уровня руководящих кадров колхозов в Коми АССР, которая была начата еще с 1930-х гг., в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы была продолжена несмотря на тяготы военного времени и последующего восстановительного периода. На первом этапе реализации этой программы организаторы столкнулись с определенными трудностями, которые последовательно решались органами власти республики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Тюрина, А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946–1958 гг. / А. П. Тюрина – М.: Наука, 1973. – 310 с.
2. Сойников, А. А. Развитие учебно-материальной базы Курской сельскохозяйственной школы по подготовке председателей колхозов и Курского сельскохозяйственного техникума в 1953–1964 гг. / А. А. Сойников, А. А. Маховицкий // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2023. – № 4 (68).
3. Дагданова, А. О. История становления и развития средних специальных учебных заведений в Республике Бурятия (1923–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук / А. О. Дагданова. – Улан-Удэ, 2003.
4. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / гл. ред. И. Б. Берхин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1978. – 560 с.
5. История Марий Эл с древнейших времен до наших дней: в двух томах. Т. 2. История Марий Эл с 1917 года до начала XXI века / отв. ред.: О. А. Кошкина, Е. П. Кузьмин. – Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2020. – С. 313.
6. Очерки истории Вологодской организации КПСС (1895–1968). – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1969. – С. 534.
7. Мордовия в период реформ Н. С. Хрущева. 1953–1964 гг.: в двух томах / под ред.: Г. А. Куршевой, Е. Н. Бикейкина, Т. М. Гусевой. – Саранск: НИИГН, 2022. – Т. 2. – С. 290–291.
8. Милохин, Д. В. Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946–1958. Социально-экономические аспекты развития / Д. В. Милохин, А. Ф. Сметанин. – М.: Наука, 2005. – 289 с.
9. Мацук, А. М. Подготовка кадров средней квалификации для сельского хозяйства в регионах Европейского Севера России (1950–1980-е гг.) / А. М. Мацук // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2018. – № 1 (33). – С. 103–112.
10. Обухова, Н. И. Государственная политика и реалии развития высшего и среднего специального образования в Удмуртии в послевоенное десятилетие: 1946–1956 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Н. И. Обухова. – Ижевск, 2003.
11. Огневщиков, В. В. Реализация государственной политики в сфере среднего специального образования в Курской области в 1945–1964 годах: дис. ... канд. ист. наук / В. В. Огневщиков. – Курск, 2013.
12. ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУРК НАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 137. Л. 8.
13. ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 485.
14. ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 564.
15. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 3. 1946–1952 годы. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – С. 189.
16. ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 568. Л. 126.
17. ГУРК НАРК. Ф. П-140. Оп. 2. Д. 4263. Л. 9.
18. ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 629.
19. ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 598.
20. ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 611. Л. 64.

References

1. Tyurina, A. P. Formirovanie kadrov spetsialistov i organizatorov kolkhoznogo proizvodstva. 1946–1958 gg. [Formation of personnel of specialists and organizers of collective farm production. 1946–1958] / A. P. Tyurina. – Moscow: Nauka Publ., 1973. – 310 p.
2. Soinikov, A. A. Razvitie uchebno-material'noi bazy Kurskoi sel'skokhoziaistvennoi shkoly po podgotovke predsedatelei kolkhozov i Kurskogo sel'skokhoziaistvennogo tekhnikuma v 1953–1964 gg. [Development of the educational and material base of the Kursk Agricultural School for the training of collective farm chairmen and the Kursk Agricultural College in 1953–1964] / A. A. Soinikov, A. A. Makhovitsky // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes. Electronic sci. journal of Kursk State Univ.]. – 2023. – № 4 (68).
3. Dagdanova, A. O. Istoriia stanovleniia i razvitiia srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedenii v Respublike Buriatii (1923–1991 gg.) [History of the formation and development of secondary specialized educational institutions in the Buryat Republic (1923–1991)]. Diss. ... Cand.Sci. (History) / A. O. Dagdanova. – Ulan-Ude, 2003.
4. Istoriia Komi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the Komi ASSR from ancient times to the present day] / Ed. I. B. Berkhin. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1978. – 560 p.
5. Istoriia Marii El s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Mari El from ancient times to the present day]: in two vols. Vol. 2. History of Mari El from 1917 to the beginning of the XXI century / Ed. O. A. Koshkina, E. P. Kuzmin. – Ioshkar Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, 2020. – P. 313.
6. Ocherki istorii Vologodskoi organizatsii KPSS (1895–1968) [Essays on the history of the Vologda organization of the CPSU (1895–1968)]. – Vologda: North-Western Book Publ. House, 1969. – P. 534.
7. Mordoviya v period reform N.S. Khrushcheva. 1953–1964 gg.: v dvukh tomakh [Mordovia during the reforms of N. S. Khrushchev. 1953–1964]: in two vols / Eds. G. A. Kursheva, E. N. Bikeikin, T. M. Guseva. – Saransk: Sci. Research Inst. of Humanities of Mordovia Publ., 2022. – Vol. 2. – P. 290–291.
8. Milokhin, D. V. Komi kolkhoznaia derevnia v poslevoennye gody. 1946–1958. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty razvitiia [Komi collective farm village in the post-war years. 1946–1958. Socio-economic aspects of development] / D. V. Milokhin, A. F. Smetanin. – Moscow: Nauka Publ., 2005. – 289 p.
9. Matsuk, A. M. Podgotovka kadrov srednei kvalifikatsii dlia sel'skogo khoziaistva v regionakh Evropeiskogo Severa Rossii (1950–1980-e gg.) [Training of medium-skilled

- personnel for agriculture in the regions of the European North of Russia (1950–1980s)] / A. M. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – № 1 (33). – 2018. – P. 103–112.
10. Obukhova, N. I. Gosudarstvennaia politika i realii razvitiia vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniia v Udmurtii v poslevoennoe desiatiletie: 1946 – 1956 gg. [State policy and realities of development of higher and secondary specialized education in Udmurtia in the post-war decade: 1946 – 1956]. Diss ... Cand. Sci. (History) / N. I. Obukhova. – Izhevsk, 2003.
11. Ognevshchikov, V. V. Realizatsiia gosudarstvennoi politiki v sfere srednego spetsial'nogo obrazovaniia v Kurskoi oblasti v 1945 – 1964 godakh [Implementation of state policy in the sphere of secondary specialized education in the Kursk region in 1945–1964]. Diss ... Cand. Sci. (History) / V. V. Ognevshchikov. – Kursk, 2013.
12. GURK «Natsionalnyi arkhiv Respubliki Komi» [GURK “National Archive of the Komi Republic” (hereinafter GURK NARK)]. F. П-1. Op. 1. D. 137. L. 8.
13. Ibid. F. П-1. Op. 1. D. 485.
14. Ibid. F. П-1. Op. 1. D. 564.
15. Direktivy KPSS i Sovetskogo Pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam. Sbornik dokumentov. T. 3. 1946–1952 gody [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues. Collection of documents. Vol. 3. 1946–1952]. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1958. – P. 189.
16. GURK NARK. F. П-1. Op. 1. D. 568. L. 126.
17. Ibid. F. П-140. Op. 2. D. 4263. L. 9.
18. Ibid. F. П-1. Op. 1. D. 629.
19. Ibid. F. П-1. Op. 1. D. 598.
20. Ibid. F. П-1. Op. 1. D. 611. L. 64.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences.

Информация об авторе:

Мацук Александр Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Author:

Aleksandr M. Matsuk – Cand. Sci. (History), Head of the Laboratory of Archaeography and Publication of documents on the history of the development of the European North of Russia of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167000, Russian Federation; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Для цитирования:

Мацук, А. М. Реализация государственной программы подготовки председателей колхозов в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы (на примере Коми АССР) / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 92–98.

For citation:

Matsuk, A. M. Implementation of state program for training collective farm chairmen during the Great Patriotic War and the first post-war years (case study of the Komi ASSR) / A. M. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 92–98.

Дата поступления статьи: 14.01.2025

Прошла рецензирование: 03.02.2025

Принято решение о публикации: 07.02.2025

Received: 14.01.2025

Reviewed: 03.02.2025

Accepted: 07.02.2025

Отражение истории высадки вражеского десанта 1943 года в Коми АССР в романе А. Д. Знаменского «Неиссякаемый пласт»

И. Л. Жеребцов*, В. И. Меньковский**,**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

** Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
vmenkouski@gmail.com

Аннотация

В работе рассмотрен начальный этап творческой биографии писателя А. Д. Знаменского, связанный с его пребыванием в Коми АССР. Отмечено, что в Коми АССР А. Д. Знаменский написал свой первый роман «Неиссякаемый пласт», первую часть которого позднее переработал в роман «Иван-чай». Показано, как в романе в художественной форме впервые в открытой печати отражены реальные события, связанные с десантированием вражеских диверсантов в Коми АССР в июне 1943 г.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Коми республика, десант, художественная литература, А. Д. Знаменский

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Коми АССР являлась тыловым регионом, далеко отстоявшим от линии фронта. Тем не менее немецкие стратеги разрабатывали планы перенесения военных действий и на территорию республики, намереваясь использовать для этого десантные диверсионные группы и многочисленных заключенных, содержащихся в расположенных в регионе лагерях. Короткая история вражеского десанта июня 1943 г., в задачи которого входили организация диверсий на Северо-Печорской железной дороге (и, в частности, взрыв моста через Печору), освобождение заключенных ряда лагерных пунктов и создание из них вооруженных отрядов для разворачивания антисоветской «повстанческой деятельности», достаточно хорошо изучена [1–7 и др.]. Поэтому авторы ограничатся лишь краткой справкой о событиях, произошедших в июне 1943 г. на берегу Печоры.

В ночь с 5 на 6 июня 1943 г. вылетевшие из Норвегии два немецких самолета сбросили в районе совхоза «Кедро-

Reflection of the history of the 1943 landing of the enemy troops in the Komi ASSR in the novel by A.D. Znamensky «The Inexhaustible Layer»

I. L. Zherebtsov*, V.I.Menkovsky**,**

*Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

** Belarusian State University, Republic of Belarus,
Minsk

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
vmenkouski@gmail.com

Abstract

The paper considers the initial stage of the creative biography of the writer A. D. Znamensky, associated with his stay in the Komi ASSR. It is noted that during his stay A. D. Znamensky wrote his first novel "The Inexhaustible Layer", the first part of which he later reworked into the novel "Ivan-Tea". It is shown how, for the first time in the open press, the real events related to the landing of enemy saboteurs in the Komi ASSR in June 1943 are reflected in the novel in artistic form.

Keywords:

Great Patriotic War, Komi Republic, landing, fiction, A. D. Znamensky

вый Шор» Интлага НКВД (Кожвинский район Коми АССР) 12 десантников, хорошо вооруженных и одетых в форму войск НКВД. Диверсанты (выходцы из разных регионов СССР, в том числе А. Г. Доронин из Коми АССР) застрелили командира группы и решили сдаться. Утром 8 июня два участника десанта пришли на ближайшую ферму, где под охраной трех стрелков работали 60 заключенных, сдали оружие, сообщили о своей высадке, об убийстве руководителя и о намерении всех диверсантов сдаться. 8 июня из Сыктывкара в Кедровый Шор вылетела на самолетах группа оперативных работников Наркомата внутренних дел Коми АССР во главе с наркомом внутренних дел Коми АССР С. И. Кабаковым. Стрелки ВОХР из ближайших к месту высадки десанта лагерных пунктов, а также вооруженные коммунистические и советские активисты Кожвинского района были направлены в Кедровый Шор. В тот же день остальные десантники сдались прибывшему к их лагерю отряду из 10 стрелков; при этом в случайной перестрелке был убит один из десантников. После проведенного след-

ствия все участники десанта были отправлены на фронт, за исключением А. Г. Доронина, из-за болезни освобожденного от военной службы.

История о вражеском десанте и в военные, и в первые послевоенные годы не разглашалась. Сразу после получения известия о высадке диверсантов первый секретарь Коми обкома ВКП(б) А. Г. Тараненко предложил нарком внутренних дел Коми АССР С. И. Кабакову принять меры для того, чтобы сведения о вражеском десанте не распространялись, и нарком запретил переговоры на эту тему по телефону и селектору [1, с. 144]. Однако слухи о случившемся в различной форме (в том числе и со значительным преувеличением масштабов события) все же передавались и среди вольного населения, и среди заключенных.

Одним из таких заключенных был Анатолий Дмитриевич Знаменский – будущий писатель, лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького и международной премии имени Михаила Шолохова в области литературы и искусства, автор двухтомного романа «Красные дни» и десятков других художественных и публицистических книг, хорошо известный, в частности, на юге России, где прошла его основная творческая жизнь [8–13 и др.]. А начинал он как писатель в Коми АССР, но этому периоду его творчества уделено значительно меньше внимания [14–16].

А. Д. Знаменский родился 1 мая 1923 г. в казацкой семье на хуторе Ежовский (Ежовка) станицы Слащевская (в совр. Алексеевском районе Волгоградской области), в старших классах увлекся литературным творчеством и журналистикой – написал фантастическую повесть, вел дневник, издавал с одноклассниками рукописный журнал. 17 апреля 1940 г. его арестовали – то ли за неосторожные высказывания, то ли за чтение какой-то запретной литературы; затем обнаружили крамольные записи и рисунки в дневнике и журнале, что усугубила ситуацию [11; 17; 18; 19, с. 62]. А. Д. Знаменского приговорили к шестилетнему заключению в исправительно-трудовом лагере и отправили в Коми АССР.

В Коми АССР А. Д. Знаменский вначале работал в сельхозе «Ухта», который должен был снабжать продовольствием заключенных Ухтпечлага, трудился на лесоповале, раскорчевке, добыче торфа, из-за истощения попал в лагерную больницу, где его выходили (помог не только врач, но и больничный паек). Затем благодаря грамотности и хорошему почерку его назначили помощником нормировщика в лагерную контору. Однако вскоре А. Д. Знаменского направили на прокладку трассы Ухта – Крутая и строительство сажевого завода, затем была работа десятником на каменном карьере близ Северо-Печорской железной дороги, обустройстве нефтешахт на Яреге и второй очереди Ухтинского нефтеперегонного завода [16].

А. Д. Знаменский не раз говорил: «Моими университетами был лагерь. Там мне помогли во всем разобраться. Там все четко знают». «Свои университеты я прошел на Севере, в Коми». «Там я общался с умным народом – с академиками, композиторами, писателями...». Многие из тех, кого А. Д. Знаменский встретил в лагерях, стали прототи-

пами героев его первых журналистских и литературных опытов [11]. Когда А. Д. Знаменский отбыл примерно половину своего срока, произошла высадка вражеской диверсионной группы на берег Печоры.

По истечении шестилетнего срока А. Д. Знаменского в 1946 г. выпустили из лагеря, но он, как сам рассказывал позднее, «был освобожден "с прикреплением к производству", без права ухода с должности инженера по нормированию, что являлось по сути скрытой ссылкой, поселением навечно в Коми АССР» [20]. Работал он в управлении нефтеразведочного треста пос. Войвож. (В биографических справках о писателе, издававшихся в доперестроечный период, об этих годах деликатно повествовалось так: «После окончания средней школы, с 1940 по 1958 г., А. Знаменский работал на новостройках Коми АССР разнорабочим, десятником каменного карьера, старшим нормировщиком строительного-монтажного управления, начальником отдела труда и зарплаты в нефтеразведке» [21, с. 108]).

Работая в Войвоже, А. Д. Знаменский начал заниматься литературной работой – по его словам, «уже через полгода начал большую повесть о героическом труде нефтяников Севера в период войны с фашистами» [20]. В это произведение (вылившееся из повести в роман) автор включил и историю с вражеским десантом (наверное, правильнее сказать – фантазию по мотивам истории десанта). В романе впервые в открытой печати содержалось упоминание о высадке диверсантов в Коми АССР в 1943 г.; правда, выведенные в романе события мало в чем совпадали с реальными, но ведь то было художественное произведение, а не историческое исследование.

Вот несколько фрагментов из романа, посвященных десанту. *«Николай оглядел взьерошенную кромку вершин и насторожился. К лесному шороху явственно присоединялся какой-то другой чуть слышный посторонний гул... Самолёт? Звук был ещё довольно далёким, но почему-то больно задевал за память. Было в нём что-то злобное, надрывное, чужое. Казалось, что в хвое ближних елей кто-то разбудил сотню шмелей. Николай ещё раз недоумевающе огляделся. <...> Посмотрел на часы: пять часов утра... И вдруг одним неожиданным толчком звук усилился, и сразу стало ясно различимо приближение самолётов».*

«Далеко-далеко над синей вязью вершин появились три быстро растущие точки. Сомнения больше быть не могло: шло звено самолётов. А характерное надрывное гудение, переходящее в зловещий вой, убеждало в их принадлежности. Но откуда и зачем появились они здесь?.. <...> Не находилось ни одного сколько-нибудь логичного ответа, но факт был налицо: где-то между Котласом и Нарьян-Маром, за несколько сот километров от передовой, над глушью тайги выли немецкие самолёты. Они миновали посёлок, пролетели над головой и развернулись над зелёной равниной болота».

«Внезапно под фюзеляжем одного из самолётов мелькнул чёрный комок и через минуту расцвёл серым шёлковым венчиком. За ним раскрылись второй, третий... Сомнений не оставалось: это были немецкие парашютисты.

Самолёты сделали круг, ушли вверх и скрылись на западе. Но этого Николай уже не видел. Он забыл о золотов-

ской буровой и бросился обратно. Хлопнула дверь, и Николай почти упал на стол, сорвав телефонную трубку: <...>

– Это начальник Верхне-Пожемского участка... В районе Пожемских болот высажены парашютисты. По-моему – немцы!

– Я как раз говорил по этому поводу, – спокойно сказал майор. – Это товарищ Горбачёв? Очень хорошо... Спасибо... <...>

– По данным контрразведки – это десант с целью диверсии на Северо-Печорской магистрали. Хотят изолировать блокированный Ленинград от воркутинского угля. Наша боевая группа уже готова. Ждали сведений о точном месте высадки десанта... Теперь ясно. Ваша задача – всеми силами помешать им выйти на железную дорогу до подхода нашей группы.

– Задача ясна, однако, у меня почти нет никаких сил, – откровенно сказал Николай. – Диверсанты, конечно, вооружены до зубов...

– У вас есть люди, – и подчеркнул: – Люди! Продержитесь два-три часа...

– Да, люди у меня есть... – повторил про себя Николай. Потом подумал, прикинул что-то в уме и сказал сухо и чётко:

– Слушаюсь, товарищ майор! Задержим!...»

«В посёлке набралось семнадцать охотничьих ружей и три допотопных шомпольных дробовика. У Николая был пистолет. Это было всё, что можно противопоставить десанту. Это были до смешного маленькие силы, но три часа надо было продержаться...» «Все мужчины посёлка двинулись к болоту. Девушки должны были поддерживать связь. В случае отхода отряд предполагалось разбить на две группы и отстаивать две ближние буровые».

«Болото впереди молчало, по Николай чувствовал, что скоро оно заговорит. Диверсанты, видимо, собирались к назначенному месту, или же послали в каком-то направлении разведчиков и ждали первых донесений. Молчание их не могло продолжаться долго.

Иметь бы десяток автоматов, десять-пятнадцать гранат, тогда бы он не торчал в этой обороне. Самое лучшее – выловить всю банду поодиночке, но с чем сейчас идти на немецкие автоматы? Единственно возможное дело – использовать знакомую местность, в гуще леса в упор обстрелять их картечью из ружей.

Николай трезво сознавал, что всю группу, собранную в кулак, задержать будет невозможно. Поэтому-то и слова его были неестественно легковесными, когда он пытался подбадривать насупившихся охотников:

– Ничего, товарищи! Я их уже видел под Москвой. Назад – ни шагу: они нас не видят – стрелять по команде, в упор!

– Прямо в морду! – поддерживал Смирнов, взводя курки, и чувствуя, как между лопаток прокатываются колкие, ледяные дробинки.

– А что если совсем не стрелять, а дожидаться, пока подойдут, и – толовыми шашками? – предложил кто-то из подрывников, не покидая облюбованного куста.

Николая захватила эта смелая мысль.

– А ну-ка, изобретатель, сколачивай ударную группу! Только сами не подорвитесь, да заряды чтоб были в меру!

И тут же удовлетворённо подумал: «С таким народом – не пропадёшь...»

«Немцы вышли на сухую полосу, облегченно огляделись по сторонам и стали переговариваться. Заросли осинника и черёмухи, видимо, страшили их. Лучше было пройти между ёлками, стоящими, словно две сестры, над низкорослым кустарником.

У Алексея затекли пальцы, окостенев на удобной, волнистой ручке ножа. После ранения Кати сердце его сгорало от злобы, от желания воткнуть этот острый кусок стали в душу врага. Едва автоматчики поравнялись с ёлками, слева, словно рысь, метнулось гибкое, напряжённое тело, и нож, блеснув под солнцем, с хрустом вошёл в плечо крайнего немца...

– Клади машину, гад! В бабушку в твою, в Гитлера, в бога! – загремел откуда-то сверху грубый голос Семёна, и второй немец ощутил на виске холодное дыхание стального дула, – клади, говорю, чтоб убытку не было! «

«Семён забрал автоматы и выразительно мотнул головой вперед. Пленные двинулись. Передний покачивался, придерживая левой рукой раненое плечо».

«Партизан! – с ужасом подумал задний немец. – Ужасная страна! Здесь даже в глубоком тылу полно партизан!» – И стал вспоминать русские слова, которым его учили перед десантом. Слова не находились. Недавний окрик Бутырева отшиб у него память.

Не поворачивая головы, немец неожиданно выпалил, словно автомат:

– Гитлер капут... Интернациональ...

Бутырева трудно было пробить таким тоном. Он злобно подтолкнул его коленом:

– Иди, иди! Свой стал! Теперь ты ещё не так запоешь, лишь бы живую остаться».

«После допроса Николай отправил пленных к Кравченко в сопровождении Глыбина и расставил прибывшую группу дорожников в разрыве между фланговыми группами.

И вслед за этим тишина кончилась. Немцы обрушились на левый фланг – шумихинский. Они обстреляли опушку из автоматов и цепью бросились вперёд, прочёсывая тайгу. На их очереди изредка отвечали ружейные выстрелы. Порядка не было. Шумихин, кажется, стал отходить. Из допроса Николай узнал, что немцев – сорок два человека. Четверо выведены из строя. Остаётся узнать – все ли они двинулись на участок Шумихина, или надо ждать атаки и в других местах?

Из кустов выбежала Шура Иванова с растрёпанными косами.

– Шумихин прислал! – захлебнулась она. Скороговоркой, выравнивая дыхание, зачастила: – Немцы отжали нас от болота! Прочёсывают тайгу... Отходим к посёлку... Буровые пока вне опасности...

– Немцев много?

– Точно не знаю. Наверно, много... Семён Захарович передал, что часа полтора можно продержаться и не допустить немцев к посёлку...»

«Немцы врассыпную бежали к лесу. Вдоль дороги издали шелестящим водопадом хлестнули ручные пулемёты. Тяжело переваливаясь по лежням времянки, приближались автомашины с бойцами ликвидационной группы. Николай успел заметить, как с зелёной густохвойной ели, чудом уцелевшей на вырубке, около самых пней, прыгнул Алёшка Овчаренко и, схватив автомат за ствол, понёсся вслед немцам. А в двух шагах лежал Глыбин, прижавшись небритой щекой к холодному суглинку, и холод земли уже сковывал его огромное недвижимое тело. Из кабины передней машины вылез грузный, вспотевший человек в зелёном кителе. Он бросился к Николаю, схватил за плечи и, крепко тряхнув, пожал обе руки:

– Спасибо! Спасибо, товарищ Горбачёв! За работу и за оборону. За битву в тылу!..

Николай узнал Орлова, начальника комбината.

– Служим Советскому Союзу! – по старой памяти вытянулся в струнку Николай.

Бойцы рассеялись в тайге, вылавливая последних десантников» [22, с. 229–253].

Первоначально роман должен был называться «Далеко от фронта». Но, вспоминая А. Д. Знаменский, «вышедший в 1948 году и нашумевший роман В. Ажаева "Далеко от Москвы" тут же заставил меня поискать новое название, и поскольку речь у меня шла о геологической разведке нефти, точно вылилось длиннее, идеологически выверенное словосочетание "Неисскаемый пласт"» [20]. Лагерь и заключенные в романе по цензурным соображениям не упоминались. В 1949 г. А. Д. Знаменский завершил свой роман и отправил на литературную консультацию в Ленинградское отделение Союза советских писателей.

По словам А. Д. Знаменского, результат рецензирования превзошел все его ожидания: рукопись романа одобрили Эльмар Грин (А. В. Якимов), удостоенный в 1947 г. Сталинской премии первой степени за повесть «Ветер с юга», и В. А. Кочетов, журналист, занявшийся после войны литературной деятельностью (будущий автор романа «Журбины» и секретарь Ленинградского отделения Союза писателей). «Кочетов свою рецензию начал с недвусмысленной фразы: "А. Знаменский написал замечательную книгу"» [там же]. Много позже А. Д. Знаменский самокритично признавал: «Обе эти рецензии были даны с большими авансами автору-провинциалу: в рукописи, кроме удачных зарисовок с натуры, было достаточно и "провальных" мест дешевой риторики, и растянутых описаний природы Севера, и морализаторства» [там же].

Надеясь на публикацию романа в ленинградском журнале «Звезда», А. Д. Знаменский «испросил зимний отпуск и махнул в Ленинград, нимало не беспокоясь тем, что вновь рисковал арестом и тюрьмой», поскольку «паспорт мой был выдан "согласно статье 39-й Положения о паспортах", а с такой пометкой в паспорте мне запрещалось появляться не только в Москве и Ленинграде, но и во всех областных центрах страны, а также в Сочи и Ялте» [там же]. В Ленинграде он обратился к редактору этого журнала В. П. Друзину и ответственному секретарю правления Ленинградского отделения Союза советских писателей А. Г. Дементьеву. Последний предложил опубликовать

отрывки из романа в ежегодном «Ленинградском альманахе» (предшественнике журнала «Нева»), но через две или три недели А. Д. Знаменский получил новое предложение – напечатать роман в Петрозаводске – в ежемесячном журнале «На рубеже» (позднее – «Север»). А. Д. Знаменский отправился в Петрозаводск, где его «мягко пожурили... за "бытовизм" и, не говоря худого слова, тут же положили... на стол ножницы и дали пузырек с клеем: требовалось убрать все те куски, которые так смутили в Ленинграде В. П. Друзину и А. Г. Дементьева. А их было немало»; автор «послушно и безропотно обкорнал собственную рукопись» [там же].

В условиях запрета на посещение ряда городов поездка в Ленинград и Петрозаводск была, действительно, чрезвычайно рискованна. Однако один фрагмент из воспоминаний писателя А. Е. Рекемчука заставляет задуматься, на самом ли деле А. Д. Знаменскому угрожала опасность в случае его «обнаружения» в запрещенных для пребывания городах. В 1950-х гг. А. Д. Знаменский участвовал в литературном объединении при газете «Ухта», которое в 1955 г. организовал и возглавил журналист, известный впоследствии писатель А. Е. Рекемчук. Он поведал о своих жарких спорах на политические темы в Ухте и Войвоже с человеком, которого он не назвал по фамилии, но описал весьма узнаваемо: «Он был родом из казачьей станицы, его арестовали перед войной то ли за то, что читал запретное (говорит, что за "Десять дней, которые потрясли мир", за Джона Рида), то ли высказывался слишком круто, как нынче. Отсидел шесть лет в лагере, получил пожизненную ссылку и теперь жил в Вой-Воже, поселке нефтяников близ Ухты, работал нормировщиком, а на досуге сочинял романы – собственно, это увлечение и подсказало ему мысль искать встречи со мною...» [19, с. 62], «Через несколько лет он уехал со всей семьей в родные места, купил дом в станице, потом перебрался в краевой центр. Там он всецело посвятил себя творческой работе, выпустил несколько романов, посвященных противоборству красных и белых на Дону. Кстати, романы эти были вовсе неплохи» [там же, с. 68].

Политические дискуссии в описании А. Е. Рекемчука выглядели примерно так:

«Я, выезжая по заданиям редакции на нефтяные промыслы, иногда находил ночлег в его домишке. <...> Тут-то <...> и разгорались снова наши словесные баталии. Занимало у них был всегда один и тот же: что зря пожалели плетью-гов в девятьсот пятом и девятьсот семнадцатом, и что всех коммуняк надо вешать на фонарях. <...> И я, со всюю страстью молодых лет, спорил с хозяином.

– <...> ...если Советская власть <...> прикажет долго жить, то, прежде всего, встанет вопрос о собственности на средства производства! Кому будет принадлежать эта земля, этот лес, где мы с тобою сейчас водку пьем? Кому будет принадлежать вот это самое, на чем мы сидим, – я показал пальцем в пол, – войвожская нефть, вуктыльский газ? Кто купит Ухтинский нефтеперерабатывающий завод? Кто купит Ярегские нефтешахты?..

– Кто захочет, тот и купит, – досадливо отмахивался он.

– А деньги где возьмет? Ведь это же не три с полтиной!..

– Наворует. За три с полтиной и купит.

Поразительно не то, что мы в те далекие и дремучие времена охватывали мыслью весь масштаб созревших проблем, проникали в их сокровенную суть, в сердцевину, – нет-нет, поразительно вовсе не это. Теперь, вспоминая наши войвожские застольные дискуссии, я дивлюсь другому. Что он уже тогда был несокрушимо прав: наворуют и купят, за три с полтиной» [там же, с. 65–66].

Познакомил спорщиков Борис Рымарев (эту фамилию А. Е. Рекемчук позднее дал герою двух своих произведений), о котором А. Е. Рекемчук сообщил следующее: «Прошел войну, был командиром Красной Армии, преподавал в Бронетанковой академии, потом сел. За что и как получил срок – я не спрашивал» [там же, с. 62]. «Однажды я встретился с Рымаревым на ухтинском железнодорожном вокзальчике. <...> Поездов пока не было, стояла тишина, и он отвел меня в сторонку, подальше от чужих ушей и глаз.

– У меня тяжесть на душе, – сказал он. – Ведь это я познакомил вас... но, понимаете, он очень просил об этом, а я не мог отказать – ведь мы с ним вместе сидели, на одних нарах спали... Так вот, тем более я должен вас предупредить: этот человек – стукач. Он стучал, уже сидя в лагере, и за то ему были там всякие поблажки. Он многих посадил, то есть с его стука многим дали повторные сроки... будьте осторожны. Еще раз извините меня.

А тут и подошел чей-то поезд, то ли его, то ли мой...» [там же, с. 66–67].

Если Б. Рымарев сказал правду, если А. Е. Рекемчук правильно его понял и верно передал его рассказ, то история о поездках А. Д. Знаменского в Ленинград и Петрозаводск может не выглядеть такой уж опасной – А. Д. Знаменский мог получить негласное согласие органов НКВД на эти путешествия и ничем не рисковал. Впрочем, в данном случае сообщение А. Е. Рекемчука – как говорится, «показание с чужих слов», причем писал он о человеке, к которому он, судя по тону его мемуаров, относился не очень хорошо («наши представления о жизни еще более разошлись, и мы не искали встреч друг с другом, хотя, бывало, сталкивались на писательских съездах») [там же, с. 68].

Как бы то ни было, в 1950 г. журнал «На рубеже» опубликовал первую часть романа «Неиссякаемый пласт», в которой действие происходит в годы Великой Отечественной войны, в 1952 г. – вторую часть, посвященную послевоенным событиям. В 1956 г. «Неиссякаемый пласт» вышел отдельной книгой в Сыктывкаре (498 с., тираж 15 тыс. экземпляров); при подготовке к изданию А. Д. Знаменский восстановил вырезанные при журнальной публикации фрагменты (в книге датами создания романа указаны 1948–1954 гг.) [22]. Редактором книги был А. Е. Рекемчук, обложку оформил известный коми художник М. П. Безносков. Ведущий коми литературовед того времени А. А. Вежев в газете «Красное знамя» в 1956 г. откликнулся на выход романа в целом положительной рецензией «Роман о пробужденной тайге», однако отметил, что «автор недостаточно продумал композицию романа. Вторая часть его логически в сюжетном плане не совсем соответствует

первой части». Больше А. Д. Знаменский никогда «Неиссякаемый пласт» не переиздавал. Вторая часть забылась, а первую часть он переработало в роман «Иван-чай», изданный в 1963 г. в журнале «Урал», а в 1964 г. вышедший в одной книге вместе с «Ухтинской прорвой» как диалогия [23] и затем не раз переиздававшийся.

В «Иван-чае» время и место действия романа обозначено более определенно. Если «Неиссякаемый пласт» открывался словами «В тот год тайга не ждала людей... На дальнем севере, куда не достигали ни залпы орудий, ни зловещие отблески пожаров, где в зеленом омуте тайги прижилась тысячелетняя тишина, летом разразилась гроза» [22, с. 3], то «Иван-чай» сообщал: «В том году тайга не ждала людей. В летнюю пору сорок первого года над всем зеленым миром, над лесными урочищами Верхней Печоры и взьерошенными увалами Тиманского кряжа, густо шли темно-багровые тучи» [24, с. 6]. Сцены с ликвидацией вражеского десанта изложены в обоих редакциях романа сходным образом (хотя и не полностью идентично). В частности, в «Иван-чае» добавлена сцена прощания с погибшими: «Вечером хоронили тринадцать погибших при ликвидации вражеского десанта. У первой могилы, где стояли три гроба с телами Шумихина, отца и сына Останиных, наскоро соорудили трибуну. Генерал сказал речь». «Трижды ударили залпом семнадцать охотничьих ружей и три допотопных шомпольных дробовика. Трижды дрогнула, затрепетала вершинами тайга. На первой буровой тягуче, надрывно завыл гудок» [там же, с. 331–332].

В 1950-х гг. А. Д. Знаменский работал над вторым романом «Ухтинская прорва», посвященном истории нефтеразработок на Ухте в начале XX в. Этот роман был завершен к 1957 г. – году, когда писателя реабилитировали «за отсутствием состава преступления». В том же году А. Д. Знаменского приняли в Союз писателей СССР – главным образом, именно на основании рукописи этого романа («Неиссякаемый пласт» был намного слабее). Получив в 1957 г. окончательную свободу, А. Д. Знаменский перешел на работу в редакцию районной газеты «Ухта», заведовал отделом промышленности, но особого удовольствия от журналистики не получал и вспоминал позднее: «Моя работа в редакции районки не заладилась как-то с самого начала», его статьи и заметки перед публикацией «портили и кромсали» [16]. Может быть, свою роль сыграли дискуссии с А. Е. Рекемчуком или с кем-либо еще из коллег-журналистов и писателей. Между прочим, А. Е. Рекемчук тоже заинтересовался историей с десантом и в 1958 г. напечатал в республиканской газете «Красное знамя» документальную повесть «Б7–Б7 выходит из игры» [25]; очевидно, он получил доступ к документам, поскольку повесть относительно точно передает некоторые произошедшие в 1943 г. события (повесть позднее переиздавалась в книжном формате [26]).

В 1958 г. в Коми книжном издательстве был опубликован роман А. Д. Знаменского «Ухтинская прорва». В том же году писатель уехал из Ухты в Москву, где поступил на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького [16]. Из Москвы он в 1960 г. уехал на Кубань в г. Хадыженск, затем – в Горячий Ключ, позднее –

в Краснодар, опубликовал серию книг (художественная проза, поэзия, публицистика).

На север А. Д. Знаменский больше не приезжал, но в 1963 г. написал повесть «Обжалованию не подлежит», рукопись которой отправил в московские журналы. В «Новом мире» и «Юности» повести дали одобрительные оценки, но не опубликовали. Действие повести происходит в северных лагерях, причем как раз в 1943 г. – году высадки вражеского десанта на Печору. Об этом сказано в самом начале повести: «Военная зима 1943 года. Крайний Север. Ухто-Печорские исправтрудлагеря... Зона» [27, с. 20]. Писатель В. П. Астафьев высоко оценил повесть и писал А. Д. Знаменскому, что эта повесть «может, самая важная в твоей жизни» [28, с. 139]. Литературовед Ю. И. Дюжев противопоставлял главного героя этой повести, сохранившего в лагерях силу духа, сломленному судьбой персонажу «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына [там же, с. 138–139].

Опубликовали повесть только через 30 лет – в 1993 г. в «Роман-газете» под названием «Без покаяния». «Видя шумный, но эфемерный успех диссидентствующих писателей, выплескивающих тюремную психологическую баланду в сознание и души людей новых поколений, Анатолий Дмитриевич, как будто с некоторой обидой говорил, что всё это и раньше других он уже описал в повести "Без покаяния". И вроде бы недоумевал, хотя и знал, почему его лагерная повесть оставалась незамеченной ниспровергателями советского периода истории, в то время как писания других авторов об этом же превозносились непомерно» [12]. В 1994 г. повесть издали в Краснодаре [27].

Последний отклик А. Д. Знаменского на «северный» период его жизни появился в начале 1997 г. – в двух номерах газеты «Литературная Кубань» (№ 2 и 3) были опубликованы его размышления и воспоминания «Слово и мысль – в резервации, или Монолог в наморднике...». В этой последней прижизненной публикации писатель рассказал и историю публикации своего первого романа «Неиссякаемый пласт». А. Д. Знаменский скончался в Краснодаре 3 марта 1997 г.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература.

1. Пашинина, В. С. Печорский десант / В. С. Пашинина. – Сыктывкар, 2004. – 160 с.
2. Ануфриев, А. М. Вражеский десант на Печоре / А. М. Ануфриев // Книга Памяти Республики Коми. – Сыктывкар, 1996. – Т. 4. – С. 379–385.
3. Азаров, О. И. «Посылаю отряд для ликвидации» / О. И. Азаров // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми. – Сыктывкар, 1998. – С. 113–122.
4. Турьев, Г. По следам десанта / Г. Турьев // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми. – Сыктывкар, 1998. – С. 123–136.
5. Сивкова, А. По следам десанта / А. Сивкова // Дым Отечества. – Сыктывкар, 2009. – Кн. 4: 2002–2003 гг. – С. 58–67.

6. Жеребцов, И. Л. Всегда в строю, всегда в бою / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев, Н. В. Мельникова. – Сыктывкар, 2018. – 242 с.
7. Жеребцов, И. Л. Десант немецких диверсантов в Коми АССР 1943 г. в художественной, научной литературе и документах / И. Л. Жеребцов // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. – Ростов-на-Дону, 2023. – С. 116–125.
8. Берлизов, Е. М. Анатолий Знаменский / Е. М. Берлизов. – Краснодар, 1973. – 111 с.
9. Писатели Кубани / сост.: Л. А. Гуменюк, К. В. Зверев. – Краснодар, 1980. – 158 с.
10. Шевелева, И. Отблески красных дней / И. Шевелева // Наш современник. – 1989. – № 10. – С. 176–178.
11. И в засуху бессмертники цветут...: к 80-летию писателя Анатолия Знаменского. Воспоминания / ред. В. Ротов. – Краснодар, 2003. – 238 с.
12. Ткаченко, П. «Красные дни» Анатолия Знаменского и наши дни / П. Ткаченко // Наш современник. – 2023. – № 5. – С. 264–271.
13. Юдин, В. Он верил в Россию / В. Юдин // Литературная Россия. – 2023. – 25 авг.
14. Мартынов, В. Знаменский Анатолий Дмитриевич / В. Мартынов // Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар, 1997. – Т. 1. – С. 463.
15. Мартынов, В. И. Знаменский Анатолий Дмитриевич / В. И. Мартынов // Мартынов, В. И. Литераторы земли Коми. – Сыктывкар, 2000. – С. 53–54.
16. Владимиров, Е. Анатолий Знаменский. Летописец казачества и освоения Севера / Е. Владимиров // Регион. – 2023. – № 5. – С. 40.
17. Знаменский, А. Д. Хождение за правдой. Страницы воспоминаний / А. Д. Знаменский. – Краснодар, 1991. – 350 с.
18. Елагин, В. Трагедия эпохи – трагедия таланта / В. Елагин // Кубань. – 1993. – № 3–4. – С. 79–83.
19. Рекемчук, А. Е. Пир в Одессе после холеры / А. Е. Рекемчук. – М., 2003. – 368 с.
20. Знаменский, А. Д. Слово и мысль – в резервации, или Монолог в наморднике... / А. Д. Знаменский // Литературная Кубань. – 1997. – № 2. – С. 3–4.
21. Дюжев, Ю. Строгая память / Ю. Дюжев // Север. – 1983. – № 4. – С. 108–114.
22. Знаменский, А. Д. Неиссякаемый пласт / А. Д. Знаменский. – Сыктывкар, 1956. – 498 с.
23. Знаменский, А. Д. Ухтинская прорва. Иван-чай / А. Д. Знаменский. – М., 1964. – 687 с.
24. Знаменский, А. Д. Иван-чай. Год первого спутника / А. Д. Знаменский. – М., 1987. – 574 с.
25. Рекемчук, А. Е. «Б7-Б7» выходит из игры / А. Е. Рекемчук // Красное знамя. – 1958. – № 74–86.
26. Рекемчук, А. Е. «Б7-Б7» выходит из игры / А. Е. Рекемчук // «Б7-Б7» выходит из игры: сборник приключенческих повестей и рассказов. – Нижний Новгород, 2002. – С. 229–277.

27. Знаменский, А. Д. Без покаяния / А. Д. Знаменский // Знаменский А. Д. Прометей № 319. – Краснодар, 1994. – С. 20–79.
28. Дюжев, Ю. «Приговорен к переделке» / Ю. Дюжев // Север. – 1990. – № 7. – С. 133–142.

References

1. Pashinina, V. S. Pechorskij desant [Pechora landing] / V. S. Pashinina. – Syktyvkar, 2004. – 160 p.
2. Anufriev, A. M. Vrazheskij desant na Pechore [Enemy landing on the Pechora] / A. M. Anufriev // The Book of Memory of the Komi Republic. – Syktyvkar, 1996. – Vol. 4. – P. 379–385.
3. Azarov, O. I. "Posylayu otryad dlya likvidatsii" [I'm sending a detachment to liquidate] / O. I. Azarov // Serving the Fatherland. State Security Bodies of the Republic of Komi. – Syktyvkar, 1998. – P. 113–122.
4. Turyev, G. Po sledam desanta [In the footsteps of the landing] / G. Turyev // Serving the Fatherland. State Security Bodies of the Republic of Komi. – Syktyvkar, 1998. – P. 123–136.
5. Sivkova, A. Po sledam desanta [In the footsteps of the landing] / A. Sivkova // Smoke of the Fatherland. – Syktyvkar, 2009. – Book 4: 2002–2003. – P. 58–67.
6. Zherebtsov, I. L. Vsegda v stroyu, vsegda v boyu [Always in the ranks, always in battle] / I. L. Zherebtsov, M. V. Taskaev, N. V. Melnikova. – Syktyvkar, 2018. – 242 p.
7. Zherebtsov, I. L. Desant nemetskih diversantov v Komi ASSR 1943 g. v hudozhestvennoj, nauchnoj literature i dokumentah [Landing of German saboteurs in the Komi ASSR in 1943 in fiction, scientific literature and documents] / I. L. Zherebtsov // The Great Patriotic War in the history and memory of the peoples of the South of Russia: events, participants, symbols. – Rostov-on-Don, 2023. – P. 116–125.
8. Berlizov, E. M. Anatoly Znamensky / E. M. Berlizov. – Krasnodar, 1973. – 111 p.
9. Pisateli Kubani [Writers of the Kuban] / Comp. L. A. Gumenyuk, K. V. Zverev. – Krasnodar, 1980. – 158 p.
10. Sheveleva, I. Otbleski krasnyh dnei [Reflections of red days] / I. Sheveleva // Nash sovremennik [Our contemporary]. – 1989. – № 10. – P. 176–178.
11. I v zasuhu bessmertniki tsvetut...: k 80-letiyu pisatelya Anatoliya Znamenskogo. Vospominaniya [And in drought, immortelles bloom...: To the 80th anniversary of the writer Anatoly Znamensky. Memories] / Ed. V. Rotov. – Krasnodar, 2003. – 238 p.
12. Tkachenko, P. "Krasnye dni" Anatoliya Znamenskogo i nashi dni ["Red days" of Anatoly Znamensky and our days] / P. Tkachenko // Nash sovremennik [Our contemporary]. – 2023. – № 5. – P. 264–271.
13. Yudin, V. On veril v Rossiya [He believed in Russia] / V. Yudin // Literaturnaya Rossiya [Literary Russia]. – 2023. – August 25.
14. Martynov, V. Znamensky Anatoly Dmitrievich / V. Martynov // The Komi Republic. Encyclopaedia. – Syktyvkar, 1997. – Vol. 1. – P. 463.
15. Martynov, V. I. Znamensky Anatoly Dmitrievich / V. I. Martynov // Martynov, V. I. Writers of the Komi land. – Syktyvkar, 2000. – P. 53–54.
16. Vladimirov, E. Anatolij Znamenskij. Letopisets kazachestva i osvoeniya Severa [Anatoly Znamensky. Chronicler of the Cossacks and the development of the North] / E. Vladimirov // Region. – 2023. – № 5. – P. 40.
17. Znamensky, A. D. Hozhdenie za pravdoj. Stranitsy vospominanij [Walking for the truth. Pages of memories] / A. D. Znamensky. – Krasnodar, 1991. – 350 p.
18. Elagin, V. Tragediya epohi – tragediya talanta [The tragedy of the epoch is the tragedy of talent] / V. Elagin // Kuban. – 1993. – № 3–4. – P. 79–83.
19. Rekemchuk, A. E. Pir v Odesse posle holery [Feast in Odessa after cholera] / A. E. Rekemchuk. – Moscow, 2003. – 368 p.
20. Znamensky, A. D. Slovo i mysl v rezervatsii, ili Monolog v namordnike... [Word and thought in a reservation, or a monologue in a muzzle...] / A. D. Znamensky // Literaturnaya Kuban [Literary Kuban]. – 1997. – № 2. – P. 3–4.
21. Dyuzhev, Yu. Strogaya pamyat [Strict memory] / Yu. Dyuzhev // Sever [The North]. – 1983. – № 4. – P. 108–114.
22. Znamensky, A. D. Neissyakaemyj plast [The inexhaustible layer] / A. D. Znamensky. – Syktyvkar, 1956. – 498 p.
23. Znamensky, A. D. Uhtinskaya prorva. Ivan-chaj [Ukhta multitude. Ivan-tea] / A. D. Znamensky. – Moscow, 1964. – 687 p.
24. Znamensky, A. D. Ivan-chaj. God pervogo sputnik [Ivan-tea. The year of the first sputnik] / A. D. Znamensky. – Moscow, 1987. – 574 p.
25. Rekemchuk, A. E. "B7-B7" vyhodit iz igry ["B7-B7" quits the game] / A. E. Rekemchuk // Krasnoe znamya. – 1958. – № 74–86.
26. Rekemchuk, A. E. "B7-B7" vyhodit iz igry ["B7-B7" quits the game] / A. E. Rekemchuk // "B7-B7" quits the game: Collection of Adventure and Short Stories. – Nizhny Novgorod, 2002. – P. 229–277.
27. Znamensky, A. D. Bez pokayaniya [Without repentance] / A. D. Znamensky // Znamensky, A. D. Prometei № 319. – Krasnodar, 1994. – P. 20–79.
28. Dyuzhev, Yu. "Prigovoren k peredelke" ["Sentenced to alteration"] / Yu. Dyuzhev // Sever [The North]. – 1990. – № 7. – P. 133–142.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI-XX вв.» № FUUU-2025-0026.

Acknowledgements (state task):

The study was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the research topic «State policy for the development of the European North of Russia: current problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI-XX centuries». No. FUUU-2025-0026.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета (220036, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, д. 6; e-mail: vmenkouski@gmail.com); главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Vyacheslav I. Menkousky – Dr. Sci. (History), Professor of the Belarusian State University (6, Krasnoarmeiskaya st., Minsk 220036, Republic of Belarus; e-mail: vmenkouski@gmail.com), Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Отражение истории высадки вражеского десанта 1943 года в Коми АССР в романе А. Д. Знаменского «Неиссякаемый пласт» / И. Л. Жеребцов, В. И. Меньковский // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 99–106.

For citation:

Zherebtsov, I. L. Reflection of the history of the 1943 landing of the enemy troops in the Komi ASSR in the novel by A. D. Znamensky "The Inexhaustible Layer" / I. L. Zherebtsov, V. I. Menkovsky // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 99–106.

Дата поступления статьи: 24.03.2025

Прошла рецензирование: 28.03.2025

Принято решение о публикации: 04.04.2025

Received: 24.03.2025

Reviewed: 28.03.2025

Accepted: 04.04.2025

Производство детской игрушки в Коми АССР во второй половине 1940-х–1950-х годах

А. Н. Поташов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
apotashov1870@gmail.com

Аннотация

В статье автор рассматривает вопросы государственной политики в области организации производства и реализации детской игрушки на территории Коми АССР в середине XX в. На основе анализа архивных материалов выявлен комплекс взаимосвязанных проблем, приведших к дефициту высокохудожественных и качественных детских товаров, выпускавшихся на республиканских предприятиях местной промышленности – артелях и комбинатах. Основные производственные трудности, определенные в ходе исследования, включали дефицит качественного сырья, недостаточную специализацию мастеров, ручной труд как основу производственного процесса и, как следствие, высокую отпускную цену на вырабатываемую продукцию, а также неэффективную работу снабжающих и торговых организаций. Аналогичная ситуация сложилась и в других регионах страны, что вызывало критику со стороны государственных и общественных институтов и многократно обсуждалось в прессе. Во второй половине 1950-х гг. центральные союзные фабрики, внедряя новые материалы и технологии, существенно увеличили объем детской продукции, в то время как в Коми республике производство игрушек оставалось на низком уровне.

Ключевые слова:

дошкольные учреждения, детские игрушки, Коми АССР, местная промышленность, производство игрушек

В современной системе российского дошкольного образования, которая во многом является наследницей советской школы воспитания, большое значение отводится игре. Неотъемлемая часть игрового процесса – детская игрушка – вещь, специально созданная для развлечения и обучения детей в живой, увлекательной форме. Она способствует основным задачам воспитания – умственному, нравственному и физическому развитию ребенка [1, с. 146].

В сложившихся условиях ухода с российского рынка большинства международных компаний, ограничения поставок многих промышленных товаров и политики импортозамещения, вновь становится актуальным вопрос об организации собственного качественного производства, в том числе и детских игрушек. В этом контексте интерес представляет исторический опыт обеспечения воспи-

Production of children's toys in the Komi ASSR in the second half of the 1940s – 1950s

A. N. Potashov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
apotashov1870@gmail.com

Abstract

The author considers the problems of state policy in the field of organizing the production and sale of children's toys in the Komi ASSR in the mid-XX century. Based on the analysis of archival materials, a set of interrelated problems was identified that led to a shortage of highly artistic and high-quality children's goods produced at republican enterprises of the local industry – artels and factories. The main production difficulties identified during the study included a shortage of high-quality raw materials, insufficient specialization of craftsmen, manual labor as the basis of the production process and, as a consequence, high selling prices for the manufactured products, as well as inefficient work of supplying and trading organizations. Similar situation has developed in other regions of the country, which caused criticism from state and public institutions and was repeatedly discussed in the press. In the second half of the 1950s the central Union factories, introducing new materials and technologies, significantly increased the volume of children's products, while in the Komi Republic the production of toys remained at a low level.

Keywords:

preschool institutions, children's toys, Komi ASSR, local industry, toy production

тательного процесса детскими игрушками в Республике Коми в середине прошлого столетия.

Проблемы дошкольного воспитания в целом и материальная оснащенность этого процесса мало затронуты в трудах отечественных исследователей. Одним из редких исключений является исследование дошкольного образования в г. Сыктывкаре [2] и Коми АССР за период с начала XX в. по середину 1940-х гг. [3]. После окончания Великой Отечественной войны по проблемам дошкольных учреждений имеются лишь единичные упоминания в различных публикациях. В частности, выявлена всего одна работа, созданная сугубо в культурологическом ключе, посвященная национальной детской игрушке финно-угорских народов [4]. Между тем, выявлен комплекс архивных и опубликованных документов, которые позволяют про-

анализировать вопросы производства детской игрушки в Коми АССР в середине 1940–1950-х гг.

К началу 1940-х гг. в системе советской педагогики игрушка была признана одним из главных средств коммунистического воспитания ребенка. С усилением влияния государства на частную жизнь ужесточился и надзор за производством детских товаров, так как игра во многом рассматривалась как прообраз взрослой жизни. Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР «О качестве детской игрушки, выпускаемой предприятиями Наркомместпрома РСФСР и промкооперацией» от 18 июня 1941 г. на Народный комиссариат просвещения РСФСР был возложен идеологический и художественный контроль за производством детской игрушки.

В силу объективных обстоятельств в военное время объемы и качество выпуска детской продукции были значительно снижены. Если в 1940 г. ассортимент игрушек насчитывал до 4 тыс. наименований, то к 1946 г. выпускалось не более 500 изделий. Тем не менее постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по увеличению производства игрушек» от 2 октября 1943 г. свидетельствует о внимании руководства страны к воспитанию детей. Оно обязывало создать при отделах (наркоматах) народного образования художественно-технические советы / комиссии, возложив на них обязанности по утверждению образцов игрушек, внедряемых в производство, и наблюдению за их качеством [5, с. 49, 50]. Во время Великой Отечественной войны в РСФСР государственные ассигнования на производство игрушек постепенно увеличивались. Если в 1943 г. было затрачено 137 млн руб., то в 1944 г. почти в два раза больше – 244 млн руб. [6, с. 49].

Во второй половине 1940-х гг. сменился вектор государственной политики, в стране прошли крупные идеологические кампании, во внешней политике обострилась холодная война. Игры и игрушки, как отражение жизни взрослых, обрели новые символы и смыслы. Устарели положения и инструкции по их исполнению и производству, разработанные в 1930-е гг.

Возникновение новых политических концепций и общий дефицит детских игрушек в стране побудили советское правительство сосредоточить внимание на этой проблеме. На основании Постановления Совета Министров СССР от 7 мая 1949 г. № 1818, с целью идеологического руководства и контроля над созданием и производством игрушек для всех возрастов, вновь был организован Художественно-технический совет по игрушке при Министерстве просвещения РСФСР [7, л. 6]. В приказе Минпроса РСФСР от 4 августа 1949 г. № 457 указывалось на необходимость пополнить детские сады пособиями и игрушками, в первую очередь обеспечить в достаточном количестве куклами, мячами, крупным игровым строительным материалом, печатными играми, бумагой, карандашами и красками [8, с. 38]. Этот же текст дублировался на региональном уровне в приказе по Минпросу Коми АССР от 13 сентября 1949 г. «Об улучшении работы детсадов и детдомов» № 262 [9, л. 2].

В постановлении Совета Министров РСФСР от 17 ноября 1949 г. «О мероприятиях по улучшению качества игрушек»

№ 946 отмечалось, что «качество и ассортимент игрушек <...> не удовлетворяет возросших запросов населения»¹ [7, л. 43]. Также указывалось на недостаточное производство технических и спортивных игрушек для детей старшего возраста, настольных печатных игр, игрового строительного материала и игрушек для ясельного возраста. Министерству местной промышленности РСФСР и другим ведомствам на 1950 г. было дано поручение освоить производство оригинальных видов игрушек по утвержденным образцам, специализировать предприятия по их изготовлению, усовершенствовать технологию и механизировать производство.

За изготовлением детских товаров вводился строгий государственный контроль. Правительством была поставлена задача утвердить до 1 февраля 1950 г. технические условия и эталоны на все игрушки, до 1 января пересмотреть цены в сторону их уменьшения; на игрушки устанавливалась специальная маркировка с указанием сортности; выпуск неутвержденных образцов товаров запрещался; от предприятий требовалось издать обширные каталоги на вырабатываемую продукцию. В 1954 г. Госпланом РСФСР была разработана инструкция, которая регулировала технические условия на товары широкого потребления.

Одним из основных требований, предъявляемых к производству детских товаров, стала их безопасность. На смену инструкции 1938 г. главным санитарным инспектором СССР в начале августа 1950 г. были утверждены «Санитарные правила по производству и продаже детских игрушек». Новый документ регулировал санитарные требования к устройству предприятий и магазинов, реализующих товары для детей, нормы химического состава и физические характеристики сырья, перечень допустимых к использованию красок и лаков.

Непосредственным органом, контролирующим процесс игрушечного производства, стал Художественно-технический совет по игрушке при Министерстве просвещения РСФСР, а также созданные комиссии на местах – в автономных республиках, областях и краях. На них возлагалась ответственность за контроль над качеством и ассортиментом игрушек, выпускаемых предприятиями, а также составление заключений по новым образцам [там же, л. 44].

Во исполнение постановления Правительства заместитель председателя Художественно-технического совета по игрушке РСФСР 22 июня 1950 г. направил на имя министра просвещения Коми АССР письмо с просьбой создать комиссию и организовать ее работу [там же, л. 42].

Распоряжением Совмина Коми АССР от 8 августа 1950 г. была утверждена Художественно-техническая комиссия по игрушке при Минпросе республики, в задачи которой входил просмотр, отбор и утверждение образцов изготавливаемой продукции. В состав возглавляемой министром просвещения комиссии вошли заместители министра здравоохранения и местной промышленности, начальник экспертного бюро Минторга, заместитель начальника Управления промкооперации, заведующий республикан-

¹ Здесь и далее в цитируемых документах сохранены авторские орфография и пунктуация.

ским Дошкольным методическим кабинетом, председатель Союза советских художников, завуч Сыктывкарского дошкольного педучилища и заместитель председателя президиума Кооперативного союза инвалидов [там же, л. 38]. В работу рекомендовалось включать дополнительных специалистов: конструкторов, педагогов, художников, врачей и представителей заинтересованных организаций, сгруппированных в секции в составе 5-7 чел., находившихся под руководством членов совета [там же, л. 7, 8].

Министром просвещения РСФСР в мае 1950 г. была утверждена инструкция «О порядке предоставления, рассмотрения и утверждения новых образцов игрушек и настольно-печатных игр». В соответствии с ней готовые игрушки на обсуждение комиссии поступали от Института игрушки, Министерства местной промышленности РСФСР и других промышленных организаций, а также от комиссий по игрушке при отделах Минпроса [5, л. 3-5].

Кроме того, среди мастеров на местах проводились конкурсы, в Москве организовывались выставки, на которых специальной комиссией отбирались лучшие игрушки для массового производства. К сентябрю 1951 г. было выпущено уже три списка утвержденных образцов, каждый из которых включал в себя десятки наименований игрушечных изделий. Для получения образцов и технических условий предприятиям необходимо было написать запрос в Научно-исследовательский институт игрушки (г. Загорск). Также институт проводил курсы по подготовке мастеров-игрушечников с мест.

В сентябре 1955 г. было издано постановление Совета Министров РСФСР «Об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества игрушек», которое обязывало Минпрос РСФСР пополнить списки рекомендуемых игрушек для детей разных возрастов, а также обеспечить постоянный контроль и руководство работой Художественно-технических комиссий при отделах народного образования на местах [5, с. 51]. Указ должен был дополнительно стимулировать работу хозяйственных и общественных организаций, в том числе в регионах. Так, если плановым комитетом Коми АССР на 1952 г. был предусмотрен выпуск детской игрушки на 800 тыс. руб., то в 1956 г. республиканская промышленность должна была изготовить их уже на 1,5 млн руб. [10, л. 1]. В 1960 г. план ассигнований устанавливался в 400 тыс. руб. [11, л. 157]. Уровень государственных дотаций определялся финансовыми возможностями бюджета.

План по производству игрушек распределялся между предприятиями местной промышленности. С началом Великой Отечественной войны крупные заводы и фабрики были перепрофилированы на нужды фронта, основной объем изготовления товаров широкого потребления был возложен на местные артели и комбинаты.

На территории Коми АССР в годы войны функционировало несколько сравнительно крупных организаций, занимающихся выпуском детской игрушки. Среди них была сыктывкарская промышленная артель «Северный кустарь», организованная в 1941 г. после разделения многопрофильной артели имени «Второй пятилетки». К 1945 г. в штате артели состояло 170 чел., и функционировали раз-

ноплановые цеха: пенько-ткацкий, металлоремонтный, ремонта часов, художественный, химический, красильный, трикотажный, фотографии, парикмахерский и игрушечный [12, л. 25]. Игрушечный цех состоял из трех бригад – заготовщиков, лепщиков и росписи [там же, л. 68]. Коллектив рабочих игрушечного цеха в 1946 г. насчитывал 18 чел. [там же, л. 116].

В 1946 г. было изготовлено «игрушек разных из папье-маше» – 7111 шт. на сумму 43 900 руб., «Кукла мягкая» в количестве – 1004 шт. на сумму 10 500 руб. и реализовано детских товаров на 62 097 руб. [там же, л. 116, 120]. Кроме выпуска обычных игрушек «Петух», «Утка», «Заяц» и «Кукла 45 см», артель занималась производством елочных игрушек [там же, л. 126]. В списке изделий из гипса на 1 января 1947 г. значились «Кошка елочная», «Белка елочная», «Шар» [12, л. 32].

Артель «Северный кустарь» систематически не выполняла производственный план из-за нестабильной поставки сырья и вспомогательных материалов. Частые простои на производстве приводили к постоянному оттоку артельских рабочих [там же, л. 5]. И ввиду производственных трудностей в начале 1950-х гг. игрушечный цех был закрыт.

Сыктывкарский горпромкомбинат, организованный в 1940 г., занимался выпуском детской игрушки в первой половине 1940-х гг. В 1945 г. им было изготовлено игрушек на сумму 31 400 руб. [13, л. 1]. В ассортимент входили мягкие игрушки «Слон», «Клоуны», «Мишки», из папье-маше – «Попугай», «Яблоки», «Конь № 8». Однако дефицит материала систематически приводил к невыполнению плановых показателей. Коллектив игрушечного цеха, состоящий из 20 чел., закончил 1946 г. с убытком более чем в 21 тыс. руб., в связи с чем в 1947 г. был ликвидирован [там же, л. 11].

В 1930-е гг. на территории Коми АССР были организованы отделения ГУЛАГа, где, в частности, занимались и производством игрушек. Например, комбинатом пос. Ракпас Железнодорожного района, который входил в систему Севжелдорстроя НКВД СССР. Производственная мощность предприятий района была такова, что за год они могли выпускать до 50 тыс. игрушечных изделий [14]. В начале 1940-х гг. среди игрушек, созданных заключенными-инвалидами, можно было увидеть такие изделия, как «Кукла в костюме цветка», «Куклы озорных мальчиков», «Клоун и цирковой слон» и др.

В лагерях на территории республики находились заключенные со всех регионов страны, среди которых были талантливые художники и мастера. Так, в рампасской зоне, в игрушечном цеху, работал художник Б. Старчиков; расписывал лица кукол выпускник Варшавской академии художеств Д. Крачковский. Изготавливал глиняные модели кукол, коней и отливал формы литовский скульптор Саулус [15, с. 58]. Образование и профессиональные навыки мастеров, безусловно, положительно влияли на качество и художественную ценность игрушек, но ввиду ограниченности качественного материала не могли повлиять на массовый выпуск высокохудожественных игрушек.

К основным недостаткам существовавшего производства можно отнести ограниченные объемы выпуска, узкий ассортимент продукции, отсутствие технического, педагогического и санитарно-гигиенического контроля. В процессе производства рабочие не всегда использовали разрешенные материалы, так как особенно в годы войны необходимого сырья и красок не хватало.

Таким образом, республиканская промышленность не могла удовлетворить возрастающие потребности населения. Только одних первоклассников осенью 1946 г. в Коми АССР пошло учиться 11 320 чел. [16, л. 109]. В детских садах Министерства просвещения в 1947 г. содержалось 6704 ребенка, и для каждого из ребят требовалась игрушка по их интересам [там же, л. 108].

Поскольку к началу 1950-х гг. не удалось наладить массовое изготовление игрушек, то проблему попытались решить организацией их закупок. Художественно-технический совет при Минпросе РСФСР 22 июня 1950 г. направил Министру просвещения Коми АССР письмо, в котором указывалось: «В связи с тем, что в республике не производится игрушки, а завоз их из других областей производится по усмотрению торговых организаций, Министерству просвещения необходимо взять под свой контроль дело снабжения детей доброкачественной игрушкой» [7, л. 42]. Вместе с тем ставился вопрос о восстановлении производства игрушек местной промышленностью в пределах республики.

Министр просвещения Коми АССР отреагировал на указание Минпроса РСФСР, обратившись к министру торговли республики с предложением о закупке игрушек из других регионов РСФСР. В перечень были включены товары 49 наименований: «Девочка в пальто раз. 9 см» [размер – А. П.], «Паровоз с вагоном», трактор «Сталинец» и др. игрушки [там же, л. 48, 49].

Несомненно, решить проблему нехватки игрушек с помощью закупок из других регионов было невозможно. Поэтому в конце лета 1951 г. их изготовлением на территории Коми АССР занялись Воркутинский горпромкомбинат и Пезмогский райпромкомбинат. На производстве изготавливали детские товары: «Конь», «Слон с моськой» (из папье-маше), кукольную мебель (из фанеры) и др. [там же, л. 45, 46]. В протоколах Совета по игрушкам отмечалось, что спрос на детские товары, выпущенные горпромкомбинатом, очень большой.

Вопреки строгому запрету на массовое изготовление детских товаров, неутвержденных республиканской комиссией, Воркутинский комбинат дважды выпускал их в продажу, не согласовывая модель, а лишь утверждая их на техническом совете предприятия, в связи с чем неоднократно получал предупреждения от республиканского совета [10, л. 7].

Воркутинский горпромкомбинат в мае 1952 г. представил на рассмотрение республиканской комиссии изделия, созданные по образцам Московской торговой палаты: «Паровоз», «Трамвай», «Машина-Катюша», автомобиль «ГАЗ-57». На утверждение в Москву были отправлены образцы, изготовленные собственными мастерами: «Конь-качалка», «Гуси», «Клюющие куры» и др. [там же, л. 3].

Все наименования, кроме «Машины-Катюши», были одобрены к массовому выпуску. Причиной приостановки изготовления «Катюши» стали стреляющие элементы (снаряды), которые, по заключению членов комиссии, могли привести к травмированию малышей [там же, л. 8]. Запрещали выпуск некоторых игрушек не только в целях физической безопасности детей, но и по идеологическим соображениям. Так, в феврале 1950 г. Художественно-технический совет РСФСР запретил выпуск детских копилочек «как игрушки, не отвечающей задачам и целям коммунистического воспитания детей» [7, л. 1].

Увеличивающийся спрос на детские товары потребовал расширения географии предприятий-изготовителей. Осваивать производство игрушек на территории республики стал Сыктывкарский горпромкомбинат, а также Корткеросский райпромкомбинат, при которых были организованы отделы игрушек. Одним из первых изделий для детей, выпущенных в 1952 г. Сыктывкарским комбинатом, стали дидактические наборы «Кубики» и «Кубики малышам»². В ходе обсуждения республиканской комиссией были отмечены два существенных изъяна: кубики плохо отшлифованы, картинка непрочко приклеена к поверхности. Несмотря на указанные недостатки, первые изготовленные 200 комплектов были направлены на продажу [10, л. 10].

В 1952 г. план по производству игрушек горпромкомбинатом был выполнен на 21 %, в отчете комбината отмечалось, что сбыт изготовленной игрушки «долгое время не был обеспечен» по вине снабжающих и торговых организаций [17, л. 48]. Из-за низкого качества сырья около 10 % произведенных игрушек получали вторую категорию сортности. За первый квартал 1953 г. план был выполнен только на 18 %, а по деревянным игрушкам «ввиду небеспеченности сбыта» производство не осуществлялось [там же, л. 70].

Поскольку многие детские товары из-за их крупногабаритности не поставлялись в регион, республиканская комиссия в июле 1952 г. обратилась к Сыктывкарскому горпромкомбинату с предложением о выпуске настольного и крупного строительного материала для игры на полу и на участке [10, л. 12].

Летом 1956 г. республиканский совет утвердил новые игрушки, изготовленные Сыктывкарской мебельной фабрикой. В списке значились: «Руль управления машиной» цена за две штуки – 10 руб., «Игровой строительный материал малышам – настольный» цена – 24 руб., «Детские носилки» цена – 10 руб. 10 коп. Для игры на улице в июле 1956 г. утверждены: «Деревянные лопатки», «Детские счеты», «Железные лопатки» и «Тачки» [там же, л. 15]. Комиссией были сделаны небольшие замечания по окраске изготовленного товара, которые предписывалось исправить при дальнейшем производстве. Для игр девочек в сентябре 1956 г. фабрикой был начат выпуск «Комплекта кукольной мебели из 12 предметов» [там же, л. 16].

Ракпасский комбинат в мае 1957 г. предложил на утверждение кубики «Русские сказки». На заседании комиссии было высказано замечание, что аналогичные ку-

² Деревянные кубики, оклеенные картинками.

бики из Ленинграда продают по цене 8 руб. за комплект, а местного производства – за 9 руб. 50 коп. [там же, л. 18]. Однако, как сообщила заведующая отделом универмага Попова, в продаже они бывают очень редко и потому будут раскупаться. Выпускаемый дидактический материал способствовал развитию моторики, мышления и речи у детей.

В феврале 1960 г. Сыктывкарская мебельная фабрика представила «Конструктор Поликарпова», изготовленный по московским чертежам. Стоимость контрольного образца превышала 500 руб., заведующая детским садом № 7 г. Сыктывкара О. И. Чайникова подчеркивала, что для широкого потребителя цена не должна превышать 350 руб. Как отмечалось, при массовом выпуске цена товара заметно снижалась, в 1960 г. планировалось выпустить 1 тыс. комплектов [там же, л. 20, 22].

Художественное исполнение игрушек, объемы производства и наполненность ими торговой сети не всегда отвечали запросам покупателей. В республиканской прессе периодически поднимались вопросы о снабжении и техническом качестве детских товаров. В статье газеты «За новый Север» в апреле 1946 г. писалось, что «магазины города [Сыктывкара – А. П.] наводнены дорогостоящими игрушками, сделанными грубо и непрочно» [18]. Товары низкого качества, реализуемые по завышенной цене, не имели спроса.

В мае в той же газете была опубликована статья «Детям хорошую игрушку», в которой подверглись критике игрушки местного производства. По мнению потребителя, изделия не отвечали самым элементарным запросам: «Зайчики, петушки и куклы, которыми полны магазины, имеют грязноватый и однообразный цвет, не радующий взора ребенка. Все они похожа одна на другую. <...> Если вы зайдете в ларьки рынка, вашему взору представятся бесформенные елочные кораблики, или доверху набитые ящики с игрушками. Они лежат здесь годами, не находя покупателей» [19]. Автор статьи призвала обратить серьезное внимание изготовителей на неликвидность товара, улучшить и разнообразить ассортимент. Массовые игрушки местного производства не пользовались спросом ввиду их низкой художественности и неприглядного внешнего вида.

Работники детсадов постоянно напоминали в различных документах о проблемах с приобретением игрушек в детские организации. В феврале 1946 г. в протоколе партийного собрания работников дошкольных учреждений Сыктывкара указывалось: «Ассортимент игрового материала беден, нет крупного строительного материала» [20, л. 101].

В докладной записке о проверке работы детских садов Сысольского района в апреле 1951 г. отмечалось, что «нет дидактических игрушек, конструкторов, строительного материала» [21, л. 177]. Но благодаря местному производству и завозу в республике частично удалось снизить дефицит. В конце 1952 г., по сообщению отдела образования, детсады Сысольского района значительно пополнились игрушками, детской литературой и физкультурным оборудованием [22, л. 68]. Нехватку игрушек компенсировали, изготавливая их самостоятельно из доступных материалов. Так, в 1950 г. в пос. Водном силами воспита-

телей было шито 45 кукол и сделана кукольная мебель [23, л. 47]. Однако повсеместно решить проблему нехватки игрушек не удалось, многое зависело от работы торговых организаций.

Одной из причин дефицита детских товаров являлась плохая организация системы снабжения и торговли. На сессии Верховного Совета Коми АССР в декабре 1949 г. депутат И. Г. Рассыхаев отметил, что «в магазинах республики вообще отсутствует нужный ассортимент игрушек. Министерство торговли и Коми Потребсоюз не занимаются доставкой игрушек фабричного производства» [24, с. 70].

Анализируя деятельность Министерства торговли республики, депутаты указывали на упущения в его работе и критиковали руководителей структурных организаций. По их мнению, аппарат Минторга неудовлетворительно изучал спрос населения, в магазинах торговой сети отсутствовал необходимый ассортимент товаров, в то же время эти товары находились на промышленных базах [25, с. 26]. Планы и заявки составлялись без анализа прошлогодних продаж, точной оценки остатков и учета специфических особенностей районов [26, с. 12]. Снабжающие и торговые организации плохо выполняли запросы на поставки игрушек, часто не придавая им большой социальной значимости. В регионе сложилась ситуация, когда игрушки местного производства не пользовались спросом, а товары с узкопрофильных фабрик попросту не завозились в регион.

Промышленные центры республики снабжались лучше, а крупные хозяйственные тресты могли самостоятельно закупать товары в других регионах. Периферийные и труднодоступные районы снабжались по остаточному принципу. В декабре 1953 г. на заседании Верховного Совета Коми АССР депутат от Ижемского района В. Н. Филиппов заявил: «Вопрос об игрушках, видимо, стал большой проблемой для торгующих организаций, так как в течение ряда лет район не получает игрушек для детей» [27, с. 40].

С критикой в адрес министерств местной промышленности и торговли на страницах республиканской газеты «Красное знамя» в июле 1956 г. выступила инспектор Минпроса Коми АССР А. Н. Ковязина. В статье она отмечала, что торгующие организации не удовлетворяют запросы детских организаций и не снабжают магазины хорошими игрушками. Предприятия местной промышленности из года в год не выполняли план изготовления товаров для детей, и «есть опасность, – отмечала она, – что и в этом году план будет сорван» [28].

В протоколах заседания комиссии по игрушке в феврале 1960 г. указывалось, что продукция, производимая в республике, существенно уступает по соотношению «цена–качество» изделиям, выпускаемым на специализированных фабриках. «Товары местной промышленности, хуже, а цены в три-пять раз выше», – заявлял директор магазина Главснабпроса И. К. Цембер [10, л. 21]. Поэтому в некоторых случаях было выгоднее завозить их извне. Заместитель министра просвещения Коми АССР констатировал: «Игрушки для детских садов очень нужны и потребности в них большие, <...> но Министерство местной промышленности не может полностью удовлетворить

наши запросы» [там же, л. 22]. Все члены комиссии признавали большие проблемы, существовавшие в системе производства детских товаров.

Местная промышленность не справлялась с необходимыми объемами производства игрушек, а снабжающие организации – со своевременной их поставкой. На сессии Верховного Совета Коми АССР в январе 1960 г. министр просвещения республики С. В. Рудаков отметил: «Ощущается недостаток в детских игрушках, завоз их не может обеспечить потребности населения» [29, с. 85]. Он обратился с пожеланием в адрес Минместпрома об организации на их базе специализированного производства игрушек. В феврале того же года заместитель министра местной промышленности заверил, что в 1961 г. будет начато строительство отдельного игрушечного цеха [10, л. 21]. К началу 1960-х гг. основной спрос на детские товары в Коми АССР удовлетворялся поставками игрушек из других регионов РСФСР.

Стоит отметить, что «игрушечный» дефицит наблюдался по всей стране, в том числе и в столице. Газета «Вечерняя Москва» в мае 1956 г. писала: «В магазинах все еще мало хороших и общедоступных игрушек» [30]. Только с массовым внедрением в производство материалов целлулоида, пластмассы и полихлорвинила во второй половине 1950-х гг. ситуация на рынке игрушек улучшилась. Новые технологии позволили значительно нарастить объемы. Так, Московская фабрика целлулоидных игрушек за один месяц 1959 г. выпускала до 500 тыс. изделий [31].

Таким образом, в 1940–1950-е гг. местная промышленность Коми АССР не могла удовлетворить постоянно растущий спрос на массовые высокохудожественные детские игрушки. Главной причиной этого являлись проблемы, существовавшие в производственной системе: недостаток подходящего сырья, использование материалов низкого качества и привлечение мастеров с широкой специализацией, что в совокупности негативно сказывалось на художественной ценности изделий. Ручной способ производства ограничивал объемы товарной продукции и увеличивал затраты, в результате чего отпускные цены на игрушки оставались высокими. Попытки закрыть дефицит игрушек в республике с помощью других регионов не смогли решить проблему, поскольку снабжающие и торговые организации не придавали должного значения поставкам и реализации детских игрушек.

Источники и литература

1. Педагогическая энциклопедия. В 4-х т. Т. 2. / под ред.: И. А. Каирова, Ф. Н. Петрова. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 832 с.
2. Котов, П. П. В начале пути (система дошкольного воспитания в городе Сыктывкаре в 1918–1945 годах) / П. П. Котов, Т. А. Мартычук. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2023. – 68 с. – DOI 10.19110/978-5-7934-1142-4.
3. Котов, П. П. Дошкольные учреждения в Коми в начале XX века – середине 1940-х годов / П. П. Котов, Т. А. Мартычук. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. – 314 с. – DOI 10.19110/978-5-89606-998-2.
4. Пьянкова, Т. А. Мир детства финно-угорских народов. Опыт подготовки выставки «финно-угорская игрушка» / Т. А. Пьянкова // Музеи и краеведение. – Сыктывкар, 2010. – Вып. 7. – С. 234–245.
5. Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. Т. 12. – М.: Юридическая литература, 1969. – 872 с.
6. Народное образование в РСФСР в 1944 году: отчет Народного комиссариата просвещения РСФСР / сост.: М. П. Сазонов [и др.]. – М.: Учпедгиз, 1945. – 223 с.
7. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее – НАРК). Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 795.
8. Справочник по дошкольному воспитанию / сост. А. И. Зорина-Тарасова. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1963. – 400 с.
9. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 733.
10. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 897.
11. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1088.
12. НАРК. Ф. Р-1256. Оп. 1. Д. 25.
13. НАРК. Ф. Р-1143. Оп. 1. Д. 21.
14. Берзон, О. Что мы планируем дать потребителям / О. Берзон // За новый Север. – 1946. – 2 апреля.
15. Ларукова, Р. И. Коллекция кукол XX в. в собрании Национального музея Республики Коми / Р. И. Ларукова // Известия Общества изучения Коми края: сб. ст. Вып. 12 / сост.: А. Н. Рассыхаев, Л. П. Рощевская. – Сыктывкар, 2012. – С. 57–60.
16. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 655.
17. НАРК. Ф. Р-1143. Оп. 1. Д. 28.
18. Увеличить выпуск, улучшить качество товаров местного производства // За новый Север. – 1946. – 26 апреля.
19. Кoryчева, Т. Детям хорошую игрушку / Т. Кoryчева // За новый Север. – 1946. – 29 мая.
20. НАРК. Ф. Р-1217. Оп. 1. Д. 1.
21. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 796.
22. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 894.
23. НАРК. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 837.
24. Заседания Верховного Совета Коми АССР 1–3 декабря 1949 г. Стенографический отчет. – Сыктывкар: Коми государственное издательство, 1950. – 158 с.
25. Заседания Верховного Совета Коми АССР 3–5 апреля 1952 г. Стенографический отчет. – Сыктывкар: Коми государственное издательство, 1952. – 158 с.
26. Заседания Верховного Совета Коми АССР 27–28 ноября 1950 г. Стенографический отчет. – Сыктывкар: Коми государственное издательство, 1951. – 142 с.
27. Заседания Верховного Совета Коми АССР 22–23 декабря 1953 г. Стенографический отчет. – Сыктывкар: Коми государственное издательство, 1953. – 116 с.
28. Ковязина, А. Детским учреждениям – повседневное внимание / А. Ковязина // Красное знамя. – 1956. – 27 июля.
29. Заседания Верховного Совета Коми АССР 8–9 января 1960 г. Стенографический отчет. – Сыктывкар: Коми государственное издательство, 1960. – 184 с.

30. Конкурс на детские игрушки // Вечерняя Москва. – 1956. – 23 мая.
31. Из полихлорвинила // Вечерняя Москва. – 1959. – 17 июля.

References

1. Pedagogicheskaja enciklopedija [Pedagogical Encyclopedia]. In 4 vols. Vol. 2. / Eds. I. A. Kairov, F. N. Petrov. – Moscow: Sovetskaja enciklopedija [Soviet Encyclopedia], 1965. – 832 p.
2. Kotov, P. P. V nachale puti (sistema doshkol'nogo vospitaniya v gorode Syktyvkare v 1918–1945 go-dakh) [At the beginning of the way (the system of preschool education in Syktyvkar in 1918–1945)] / P. P. Kotov, T. A. Martynchuk. – Syktyvkar: Komi respublikanskaja tipografija [Komi Republican Printing House], 2023. – 68 p. – DOI 10.19110/978-5-7934-1142-4.
3. Kotov, P. P. Doshkol'nye uchrezhdeniya v Komi v nachale XX veka – seredine 1940-h godov [Preschool institutions in Komi in the early XX century – mid-1940s] / P. P. Kotov, T. A. Martynchuk. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2025. – 314 p. – DOI 10.19110/978-5-89606-998-2.
4. Pyankova, T. A. Mir detstva finno-ugorskih narodov. Opyt podgotovki vystavki «finno-ugorskaja igrushka» [The world of childhood of the Finno-Ugric peoples. The experience of preparing the exhibition “Finno-Ugric toy”] / T. A. Pyankova // Muzei i kraevedenie [Museums and Local History]. – Syktyvkar, 2010. – Issue 7. – P. 234–245.
5. Sistematicheskoe sobranie zakonov RSFSR, ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR i reshenij Pravitel'stva RSFSR [Systematic Collection of laws of the RSFSR, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR and decisions of the Government of the RSFSR]. Vol. 12. – Moscow: Juridicheskaja literatura [Juridical literature], 1969. – 872 p.
6. Narodnoe obrazovanie v RSFSR v 1944 godu [Public education in the RSFSR in 1944]. – Moscow: Uchpedgiz [Educational and Pedagogical Publ. House], 1945. – 223 p.
7. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Respubliki Komi «Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi» [National Archives of the Komi Republic (hereinafter – NARK)]. F. P-241. Op. 1. D. 795.
8. Spravochnik po doshkol'nomu vospitaniju [Handbook of preschool education] / Comp.: A. I. Zorina-Tarasova. – Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshhenija RSFSR [State Educational and Pedagogical Publ. House of the Ministry of Education of the RSFSR], 1963. – 400 p.
9. NARK. F. P-241. Op. 1. D. 733.
10. Ibid. F. P-241. Op. 1. D. 897.
11. Ibid. F. P-241. Op. 1. D. 1088.
12. Ibid. F. P-1256. Op. 1. D. 25.
13. Ibid. F. P-1143. Op. 1. D. 21.
14. Berzon, O. Chto my planiruem dat' potrebiteljam [What do we plan to give to consumers] / O. Berzon // Za novyj Sever [For the new North]. – 1946. – April 2.
15. Larukova, R. I. Kollekcija kukol HH v. v sobranii Nacional'nogo muzeja Respubliki Komi [Collection of dolls of the XX century in the collection of the National Museum of the Komi Republic] / R. I. Larukova // Izvestija Obshhestva izuchenija Komi kraja [News of the Society for the Study of the Komi Region]: collected paperst. Issue 12 / Comps: A. N. Rassykhaev, L. P. Roshchevskaya. – Syktyvkar, 2012. – P. 57–60.
16. NARK. F. P-241. Op. 1. D. 655.
17. Ibid. F. P-1143. Op. 1. D. 28.
18. Uvelichit' vypusk, uluchshit' kachestvo tovarov mestnogo proizvodstva [To Increase output, improve the quality of locally produced goods] // Za novyj Sever [For the new North]. – 1946. – April 26.
19. Korycheva, T. Detjam horoshuju igrushku [A good toy for children] / T. Korycheva // Za novyj Sever [For the new North]. – 1946. – May 29.
20. NARK. F. P-1217. Op. 1. D. 1.
21. Ibid. F. P-241. Op. 1. D. 796.
22. Ibid. F. P-241. Op. 1. D. 894.
23. Ibid. F. P-241. Op. 1. D. 837.
24. Zasedaniya Verhovnogo Soveta Komi ASSR 1–3 dekabrya 1949 g. Stenograficheskij otchet [Meetings of the Supreme Council of the Komi ASSR on December 1–3, 1949. Verbatim report]. – Syktyvkar: Komi gosudarstvennoe izdatel'stvo [Komi State Publ. House], 1950. – 158 p.
25. Zasedaniya Verhovnogo Soveta Komi ASSR 3–5 aprelja 1952 g. Stenograficheskij otchet [Meetings of the Supreme Council of the Komi ASSR on April 3–5, 1952. Verbatim report]. – Syktyvkar: Komi gosudarstvennoe izdatel'stvo [Komi State Publ. House], 1952. – 158 p.
26. Zasedaniya Verhovnogo Soveta Komi ASSR 27–28 nojabrja 1950 g. Stenograficheskij otchet [Meetings of the Supreme Council of the Komi ASSR on November 27–28, 1950. Verbatim report]. – Syktyvkar: Komi gosudarstvennoe izdatel'stvo [Komi State Publ. House], 1951. – 142 p.
27. Zasedaniya Verhovnogo Soveta Komi ASSR 22–23 dekabrya 1953 g. Stenograficheskij otchet [Meetings of the Supreme Council of the Komi ASSR on December 22–23, 1953. Verbatim report]. – Syktyvkar: Komi gosudarstvennoe izdatel'stvo [Komi State Publ. House], 1953. – 116 p.
28. Kovyazina, A. Detskim uchrezhdenijam – povsednevnoe vnimanie [Daily attention to children's institutions] / A. Kovyazina // Krasnoe znamya. – 1956. – July 27.
29. Zasedaniya Verhovnogo Soveta Komi ASSR 8–9 janvarja 1960 g. Stenograficheskij otchet [Meetings of the Supreme Council of the Komi ASSR on January 8–9, 1960. Verbatim report]. – Syktyvkar: Komi gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1960. – 184 p.
30. Konkurs na detskie igrushki [Competition for children's toys] // Vechernjaja Moskva [Evening Moscow]. – 1956. – May 23.
31. Iz polihlorvinila [Made of PVC] // Vechernjaja Moskva [Evening Moscow]. – 1959. – July 17.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Поташов Антон Николаевич – аспирант сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0000-0002-7641-2437 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: apotashov1870@gmail.com).

Author:

Anton N. Potashov – postgraduate student of the Department of National History of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID 0000-0002-7641-2437 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: apotashov1870@gmail.com).

Для цитирования:

Поташов, А. Н. Производство детской игрушки в Коми АССР во второй половине 1940-х–1950-х годах / А. Н. Поташов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 107–114.

For citation:

Potashov, A. N. Production of children's toys in the Komi ASSR in the second half of the 1940s–1950s / A. N. Potashov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 107–114.

Дата поступления статьи: 18.02.2025

Прошла рецензирование: 12.02.2025

Принято решение о публикации: 24.02.2025

Received: 18.02.2025

Reviewed: 12.02.2025

Accepted: 24.02.2025

Начальный этап создания телевещания в Коми АССР (организация первых городских студий в конце 1950-х–1970-е годы)

А. А. Попов*, Н. Ю. Линкова**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

** Государственная телерадиовещательная компания «Коми гор»,

г. Сыктывкар

doctor_popov@mail.ru

tvlink@list.ru

Аннотация

В статье на примере Коми АССР реконструируется начальный период развития в Советском Союзе телевидения – отрасли, создание которой в конце 50-х–начале 60-х гг. XX в. неразрывно связано с деятельностью региональных городских студий. Строительство телецентров осуществлялось в наиболее развитых и населенных городах регионов: в Коми республике – это шахтерская Воркута, город нефтяников и газовиков Ухта и столица Сыктывкар. Воркутинская, Ухтинская и Сыктывкарская студии телевидения, работая автономно, готовили программы, охватывавшие все стороны общественно-политической, социально-экономической и духовной жизни. Телевидение становилось не только действенным инструментом пропаганды и эффективным средством информирования, но и важнейшим элементом досуга, образа жизни.

Ключевые слова:

телевидение, становление и развитие, 1950–1960-е гг., Коми АССР, городские телестудии

Конец 50-х–начало 60-х гг. XX в. являются периодом организации в Советском Союзе регионального телевидения. Его деятельность определялась принятием целого ряда основополагающих документов: постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по дальнейшему развитию телевизионного вещания в СССР» (12 сентября 1960 г.), «О мероприятиях по техническому обеспечению радиовещания и телевидения» (12 сентября 1960 г.), «Об организации комитетов и редакций по радиовещанию и телевидению в автономных республиках, краях и областях РСФСР» (11 декабря 1957 г.). Строительство телевизионных центров и ретрансляционных телевизионных станций, разработка и производство необходимого для их развития вещательного, телевизионного и киносъемочного оборудования, а также телевизионных приемников для населения были включены в народнохозяйственный план страны. В 1950 г. в стране насчитыва-

The initial stage of television broadcasting in the Komi ASSR (organization of the first town studios in the late 1950s–1970s)

A. A. Popov*, N. Yu. Linkova**

* Institute of Language, Literature and History, Federal Research

Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

** State Television and Radio Broadcasting Company «Komi Gor»,

Syktывkar

doctor_popov@mail.ru

tvlink@list.ru

Abstract

The paper, using the Komi ASSR as an example, reconstructs the initial period of television development in the Soviet Union – an industry which creation in the late 1950s–early 1960s of the XX century was inextricably linked with the activities of regional town studios. Television centers were built in the most developed and populated towns of the regions: in the Komi Republic, these are the mining town of Vorkuta, the town of oil and gas workers Ukhta and the capital Syktывkar. The Vorkuta, Ukhta and Syktывkar television studios, working autonomously, prepared programs that covered all aspects of socio-political, socio-economic and cultural life. Television was becoming not only an effective propaganda tool and an effective means of information, but also an essential element of leisure and lifestyle.

Keywords:

television, formation and development, 1950–1960s, Komi ASSR, town television studios

лось всего два телецентра, в 1955 г. – пять, в 1960 г. – 83, а в 1965 г. – уже 121 [1]. Источником финансирования являлся государственный бюджет. Для управления отраслью был создан Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Телевидение формировалось как единая государственная отраслевая система.

В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» (9 января 1960 г.) впервые говорилось о телевидении как об одном из основных средств пропаганды и указывалось на необходимость повышения уровня телепередач, чтобы заинтересовать ими самые широкие слои населения. Программным, обозначившим задачи и характер телевизионного вещания стало Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии советского телевидения (29 января 1960 г.):» «...телевидение открывает новые большие возможности для повседневного

политического, культурного и эстетического воспитания населения», способного влиять на те его слои, которые «менее всего охвачены массово-политической работой» [2, с. 537–541, 552].

В Коми АССР развитие телевидения происходило в русле общесоюзного процесса формирования отрасли. 13 июля 1957 г. Совет Министров Коми АССР принял постановление об образовании Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Коми АССР. Его председателем была назначена О. М. Разманова, с 1951 г. руководившая Комитетом радиоинформации при Совете Министров Коми АССР, правопреемником которого и стал Комитет по радиовещанию и телевидению [3, с. 560]. Наличие в названии новой структуры термина «телевидение» свидетельствовало о создании в республике телевизионного вещания. В конце 1950-х–первой половине 1960-х гг. в Коми АССР открылись три городские студии телевидения – Воркутинская (1958), Ухтинская (1960), Сыктывкарская (1964), благодаря которым телевидение стало доступно более чем 40 % населения республики. Строительство телецентров осуществлялось в наиболее развитых и населенных городах регионов – в Коми АССР это были в первую очередь город угольщиков Воркута и город нефтяников и газовиков Ухта.

В самом крупном по количеству населения городе республики – Воркуте – при поддержке предприятий добывающей промышленности стало возможным возведение телецентра серии 415-А с большим – более 200 кв. м – съемочным павильоном. Вещание Воркутинской студии началось 26 декабря 1958 г., ее директором была назначена А. П. Ткачева, до этого заведовавшая кабинетом политпросвещения Воркутинского горкома КПСС. Штатное расписание предполагало 12 единиц административно-управленческого и 42 – художественного, технического и вспомогательного персонала [4, л. 13–17, 28]. В первый год работы (1959) Воркутинской телестудией было выпущено в эфир 535 часов передач: 90 часов составляли студийные передачи собственного производства, 445 – программы, которые тиражировались и поступали на периферийные студии централизованно (передачи других студий, включенные в обменный фонд, киноочерки, хроникально-документальные и художественные фильмы, концерты, спектакли). Объем собственных киносъемок телестудии Воркуты составлял всего 2 часа в год [5, л. 8], однако с 1 октября 1959 г. она вещала уже пять раз в неделю [6, л. 198].

Вторая в Коми АССР студия телевидения начала работать в июле 1960 г. в городе нефтяников и газовиков Ухте. Ее директором стал Ф. М. Трубачев [7, л. 19]. Для ухтинцев организация телевизионного вещания стала делом поистине всенародным. В 1956 г. по инициативе Ухтокомбината и областного правления научно-технического общества нефтяной промышленности для проведения подготовительной работы по строительству в городе малого программного телецентра была создана инициативная группа, в которую входили руководители ведущих предприятий г. Ухты. Площадка для строительства телецентра была выбрана в районе пос. Пионер-гора. Изыскательские

и проектные работы были проведены проектной конторой Ухтокомбината, строительство вели специалисты СМУ-1 и СМУ-4 треста «Ухтастрой», антенну, узел крепления башни, оборудование для подъема светильников и декораций изготовили работники Ухтинского металлического завода, бетонные блоки и другие железобетонные изделия – рабочие завода «Стройматериалы», электрошты и электроарматуру – сотрудники завода «Комизлектростеатит». Монтаж башни проводила бригада треста «Мосстальконструкция» из Пензы. В январе 1960 г. группа специалистов Томского политехнического института под руководством заведующего лабораторией телевидения В. И. Кудрявцева начала монтаж и наладку аппаратуры. Энтузиастами Ухты при поддержке местных советских и хозяйственных органов вначале был приобретен и смонтирован полукустарный передатчик, а затем построен второй в Коми АССР телецентр [8, с. 61–63]. Первая пробная телепередача в Ухте состоялась 8 марта 1960 г., а 26 июля 1960 г. телецентр был открыт официально. Передачи велись сначала только три раза в неделю, затем шесть раз, а потом и ежедневно. Если среднесуточный объем вещания Ухтинской студии во втором полугодии 1960 г. составлял всего 45 минут (из них собственных передач – 10 минут), то уже в 1963–1964 гг. – 3,43 часа (в том числе – собственных 0,75–0,82 часа). Телевидение было доступно для жителей не только Ухты и Сосногорска, но и близлежащих поселков, таких как Первомайский, Нижний Доманик, Седью, Водный. Охват населения телевизионным вещанием в Ухтинском районе в 1960 г. составлял 72 %, т. е. 67 тыс. чел., в 1963 г. – 83 % (96 тыс. чел.), в 1964 г. – 87 % (100,5 тыс. чел.) [9, л. 64–66]. Расширение зрительской аудитории было связано в первую очередь с поступлением в торговую сеть первых телевизоров марки «Старт-2», «Рекорд». Только у жителей Воркуты и Ухтинского района в 1960 г. имелось более 13 тыс. телевизионных приемников [10, с. 238].

Следующим важным этапом в развитии телевизионного вещания в Коми АССР было создание телецентра в столице республики – Сыктывкаре, которое планировалось осуществить в 1960–1963 гг. [11, л. 1–145]. В начале 1960-х гг. развитие города в значительной степени определялось таким фактором, как строительство Сыктывкарского лесопромышленного комплекса (ЛПК), который должен был стать крупнейшим в европейской части страны предприятием по производству бумаги. Стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской, на нее приехали тысячи молодых людей со всего Советского Союза. Предприятие сооружалось неподалеку от Сыктывкара, вместе с ним рос и новый район города – Эжвинский. И если по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. в Сыктывкаре проживали 74,5 тыс. чел., уже через 5 лет – с появлением ЛПК – население города возросло почти в два раза – до 130 тыс. чел. Учитывая перспективы развития города, руководство Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Коми АССР и Правительство республики пришли к выводу, что в Сыктывкаре целесообразно строить телецентр по типовому проекту 415 со съемочным павильоном площадью 200 кв. м. Однако был построен

«малый телевизионный центр IV класса» с павильоном студии в 93 кв. м, рассчитанный на подготовку несложных студийных передач до получаса в день, или 150 часов в год, и ретрансляцию передач из других городов [12, л. 141]. Связано это было в первую очередь с тем, что в 1960 г., на момент проектирования Министерством связи СССР, по количеству населения Сыктывкар считался «некатегорийным» городом. Не было принято во внимание и то, что в соответствии с Перспективным планом Коми республиканского телевидения в ближайшем будущем именно Сыктывкарская студия должна была стать базовой. Уже через 9 месяцев со дня сдачи телецентра в эксплуатацию собственные студийные передачи в столице Коми составляли в среднем 1 час в день, т. е. в два раза больше запроектированной мощности, а годовой объем вещания достиг 300 часов.

Акт комиссии о приемке телецентра в Сыктывкаре в постоянную эксплуатацию был подписан 5 июня 1964 г. и утвержден приказом Министра связи СССР (№ 436 от 22 июня 1964 г.) [13, л. 43]. Директором Сыктывкарской студии телевидения был назначен А. С. Петрунев, ранее работавший главным редактором радио. Первая пробная передача в столице Коми АССР вышла в эфир 1 мая 1964 г. (это был репортаж о Первомайской демонстрации трудящихся города на Юбилейной площади, снятый на киноплёнку), постоянные передачи начали транслироваться со 2 июля 1964 г. Штатное расписание включало 48 единиц творческого, технического и вспомогательного персонала. Были созданы пять редакций (общественно-политических передач; литературно-драматических и музыкальных передач; передач для детей, юношества и молодежи; кинопрограмм, новостей), а также производственно-постановочный цех и кинопруппа [14, л. 34–36]. Передачи Сыктывкарской студии телевидения с самого начала велись на двух языках – русском и коми, так как 30 % населения республики составляли представители коми национальности. По итогам 1965 г. объем среднесуточного вещания составил 3,6 часа, из них 0,8 часа – собственных. Охват населения телевизионным вещанием в Сыктывкаре и близлежащих районах в радиусе 60 км составил в 1964–1965 гг. 25 %, т. е. около 240 тыс. чел. [9, л. 15–17]. В эти годы у населения столицы республики насчитывалось более 50 тыс. телевизоров [15, с. 279]. На 1965 г. штат студии был определен в 76 чел., телецентра – в 30 чел.

В этот период городские студии были единственным доступным источником телевизионного сигнала. Все передачи собственного производства выходили в прямой эфир непосредственно из телестудии и строились, в основном, на беседах, интервью, в качестве иллюстраций активно использовались фотосюжеты, материалы, предоставленные внештатными авторами. Единственным способом донести до зрителя «живую картинку» с места событий было кино. Оборудование аппаратно-студийных комплексов (АСК) было ламповым, с черно-белым изображением. В телецентрах Воркуты и Сыктывкара в студиях работало по три камеры (в Воркуте – камеры типа КТ-5а, Сыктывкаре – типа КТ-28) [16, л. 100–103, 189–192]. В 1965 г. объем вещания телестудий Коми АССР составлял около 3150 часов, в том

числе 780 часов – программы собственного производства. В январе 1967 г. Сыктывкарский телецентр по линии Госкомитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров СССР получил свою первую передвижную телевизионную станцию ПТС-3У с тремя телевизионными камерами КТ-27. Это позволило значительно расширить и тематику, и географию передач: в прямом эфире транслировались репортажи из промышленных и сельскохозяйственных предприятий, театров и домов культуры.

Телевизионный приемник в семье или общественном месте был своеобразным центром культурного досуга, наиболее доступным каналом политической и социально-экономической информации. Журналисты стремились создавать программы, которые были бы интересны разным группам зрительской аудитории. Каждая городская телестудия действовала автономно, поэтому тематика передач неизбежно дублировалась. Однако для Воркуты стержневыми являлись передачи о деятельности градообразующей угледобывающей отрасли, для Ухты – о предприятиях нефтяной и газовой промышленности, для Сыктывкара – о возведении крупнейшего в Европе лесопромышленного комплекса.

Сотрудники Воркутинской студии телевидения тесно сотрудничали с руководством градообразующих предприятий – комбинатов «Воркутауголь» и «Печоршахтострой». Актуальные для шахтерского города вопросы освещались в цикловых передачах «Будущее шахты», «Искать, находить, внедрять!» [17, л. 8–12], «Телевизионная экономическая школа» («ТЭЖ») [18, л. 5], «Экран народного контроля», «Разговор о рабочей чести» [12, л. 109]. Частыми участниками телепередач были руководители комбината «Воркутауголь». Это всегда был разговор по существу, поднимались самые важные на тот момент производственные и технические вопросы. В еженедельных программах «Мир за неделю», «Факты, события, комментарии», «У карты мира» освещались внешняя политика Советского Союза и международное положение. Постоянным ведущим этих передач был лектор Воркутинского ГК КПСС В. И. Усков. Ежедневно в эфир выходили выпуски теленовостей продолжительностью 20–25 минут. Помимо городских новостей они знакомили зрителей с последней информацией ТАСС – эту функцию выполняла рубрика «С телетайпной ленты». Расширение информационного потока не только обогащало содержание программы, но и помогало «раздвинуть» внутригородские рамки. Популярностью пользовался затрагивавший все без исключения стороны жизни города сатирический тележурнал «Вентилятор». Молодежи и юношеству были адресованы цикловые программы «Комсомольская среда», «Комсомольский прожектор», «Твой современник», проблемы морали и организации досуга поднимались в передачах «Быт не частное дело», «Вечером после восьми». Для школьников старшего и среднего возраста готовились программы воспитательного характера «Бери с коммунистов пример», «Их подвиг жив», «Пионер Заполярья», по профориентации – «Товарищ труд», «Лучшая профессия – моя», о культуре, искусстве и спорте. Зрителями познавательных передач «О том, что нас окружает», «Му-

зыкальная азбука», «Мой друг карандаш» были младшие школьники и дошкольники. Большой зрительский интерес и общественный резонанс вызывали ежемесячные передачи «КВН» (Клуб веселых и находчивых) – самые сложные в организационном плане и продолжительные по времени программы студии. Они выходили в прямом эфире, который длился 2–2,5 часа, в студии собиралось до 100 чел. (команды и болельщики), а у экранов – тысячи зрителей, в том числе молодежь и подростки. В движении КВН принимали участие команды многих предприятий, учреждений, учебных заведений города. Воспитательную и просветительскую роль играли ежемесячный общественно-политический телевизионный журнал для женщин «Северянка», передачи «Новое в литературе», «Что читать», «ТМС» (Телевизионный музыкальный словарь). Заметными событиями в культурной жизни Воркуты в 1963 г. стали телестановки главного режиссера студии К. Ф. Горбуновой «Хочу верить» по произведению И. Голосовского и «У них на Западе», объединившая три новеллы зарубежных писателей [21, л. 5–20]. И все же для Воркуты первостепенной оставалась тематика, связанная с работой градообразующей угольной отрасли. Неслучайно из 930 часов общего объема вещания за 1966, 1967 и 9 месяцев 1968 г. 621,8 часа (66,9 %) составляли передачи общественно-политической и производственной направленности [12, л. 107, 112].

Главной темой Ухтинской студии телевидения в середине 1960-х гг. было сооружение газопровода «Сияние Севера». О ходе этой важнейшей Всесоюзной народнохозяйственной стройки редакции подготовили и выпустили в эфир в 1967 г. – 226 [там же, л. 125], а в 1968 г. – 256 материалов. Теленовости регулярно знакомили зрителей с работой коллектива нефтеразведочной экспедиции, которая вела бурение на Вуктыльском месторождении [19, л. 224–226]. Вниманию телезрителей были представлены телефильмы «Глубинка», «На новых рубежах», «Вуктыл – начало пути», репортажи «Вперед, на Печору!», «Последний рейс», «Молодость Вуктыла» [12, л. 99–104]. Немало актуальных вопросов поднималось в сатирическом журнале «Телеглаз». Молодежная редакция во главе с редактором А. А. Гороян уделяла серьезное внимание военно-патристическому воспитанию молодежи: с 1966 г. сюжеты рубрики «Как тебе служится?» повествовали об армейской жизни земляков. Фильм «Парень из нашего города», рассказывавший о воинском подвиге ухтинца Д. Бушуева, был удостоен диплома слета участников Всесоюзного похода по местам боевой и трудовой славы, проходившего в Киеве. Традиционными для Ухты стали проводившиеся с 1963 г. ежегодные телевизионные вечера-отчеты деятелей коми литературы и искусства.

Коллектив Ухтинской студии отличало особое отношение к киносъемкам. В 1966–1967 гг. были созданы телефильмы «День короткого лета», «Разбуженный край» (о коллективе Ухтинского нефтегазового комбината), «Звезды над заводом» (об Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе), киноочерки «Джьер, рождения 1967» (о новом нефтепромысле и его людях), «Семья Есевых» (о рабочей

династии), «Ухтинский ордена Ленина» (о леспромхозе) и др. Телефильмы «Главный геолог» и «Тихие шаги осени» были приняты во Всесоюзный обменный фонд – это лучшее подтверждение их действительно высокопрофессионального и качественного исполнения.

Отличительной чертой концепции вещания Сыктывкарской студии телевидения было двуязычие: с первых дней передачи велись на русском и коми языках. На коми языке выходили ежедневные выпуски новостей, систематические обзоры международных событий. Деревенскому жителю была адресована цикловая программа «Сельские огни» [там же, л. 44, 99–104, 128–130]. С первых лет работы стали создаваться телевизионные фильмы о деятелях науки, культуры, искусства, ставшие впоследствии основой для создания на республиканском телевидении богатейшего киноархива. Уже в 1964 г. в связи со 125-летием со дня рождения коми поэта И. А. Куратова был снят телевизионный фильм о его жизни и творчестве (режиссер И. Е. Попов) [20, л. 28].

Сыктывкарская телестудия регулярно знакомила зрителей с ходом строительства крупнейшего лесопромышленного комплекса, при этом она не ограничивалась ролью информатора, активно участвовала в делах строителей, помогала им или критиковала, когда это было необходимо. В предпусковое время помимо ежедневной информации с рабочих площадок этой Всесоюзной ударной комсомольской стройки в теленовостях еженедельно готовились отдельные передачи о положении дел на ЛПК [12, л. 126]. В начале 1967 г. в целях более оперативного и широкого показа жизни республики на Сыктывкарской студии телевидения была создана редакция «Панорама-67», в которую вошли шесть редакторов и корреспондентов и режиссерская группа из пяти человек. Возглавил ее главный редактор студии А. С. Петрунев. В состав редакторской группы были включены такие опытные журналисты, как Г. Н. Люшин, В. И. Попов, З. П. Мурашова, постановочную группу возглавил режиссер И. Е. Попов. Для обеспечения мобильности работы редакции за ней были закреплены два кинооператора и автомобиль – по сути, это была первая попытка создания мобильной творческой группы, которая могла оперативно и самостоятельно решать вопросы по организации съемочного процесса. Время показало, что шаг по созданию автономной редакции новостей был правильным и дальновидным. Ежедневная информационная программа (в 1969 г. она стала называться «Панорама республики»), благодаря своей востребованности, более 30 лет пользовалась заслуженной популярностью.

Характерно, что в 1960-е гг. в Сыктывкаре в эфир выходил сатирический журнал «Пылесос», аналог воркутинского «Вентилятора» и ухтинского «Телеглаза». Тележурнал этой же студии «Для вас, женщины» был идентичен воркутинской «Северянке» [18, л. 5]. Так же, как в Ухте и Воркуте, в столице республики большое внимание уделялось подготовке циклов для детей и молодежи: «Школьные вести», «Самоделкин и его друзья» [12, л. 65–67], «Комсомольская среда», «Факел», «КВН»; неизменной популярностью у зрителей пользовались передачи «Но-

вости кино», «Наши гости», литературные и музыкальные программы, концерты по заявкам «Любимые мелодии» [14, л. 69–80].

Для всех студий телевидения традиционной являлась подготовка циклов передач, посвященных юбилейным или праздничным датам. В 1966–1967 гг., в преддверии 50-летия Октябрьской революции, телестудии республики составили оригинальные тематические планы и старались творчески подойти к их реализации. Заслуживает внимания план Ухтинской студии. Он включал цикл вечеров редакции литературно-драматических и музыкальных передач, каждый из которых был посвящен достижениям в области экономики, науки и культуры одной из 15 союзных республик страны. Были подготовлены два телеспектакля о событиях гражданской войны в Коми крае – «Страницы бессмертия» (о Д. Каликовой) и «Изваяльская крепость» (по пьесе И. Потолицына). В рубриках выпусков новостей «Навстречу 50-летию Октября» и «Трудовые подарки юбилею» особое место заняли материалы, отражавшие итоги предпраздничного соревнования коллективов.

Однако главным событием, в котором проявились незаурядные творческие возможности коллектива, стал Фестиваль городов и районов республики, проведенный Сыктывкарской студией телевидения. Уровень, продемонстрированный при подготовке передач фестиваля, был замечен и оценен [12, л. 99–104, 127].

Следует отметить, что в первые годы работы городских студий значительный объем эфирного времени при формировании ежедневных телевизионных программ отводился научно-популярным, документальным, телевизионным и художественным фильмам, поступавшим из централизованного обменного фонда. Киноматериалы, которые рассылались на периферийные студии, содержали информационные сюжеты для выпусков новостей, концертные номера, телевизионные постановки. Художественные фильмы предоставлялись системой Главкинопроката. Важным принципом, обеспечивавшим содержательность вещания, являлся обмен передачами. В создании Всесоюзного обменного фонда принимала участие каждая из городских телестудий. В первом полугодии 1962 г. Воркутинская студия телевидения по заказу Управления местного радиовещания и телевидения должна была создать для обменного фонда 11 фильмов. Необходимо отметить, что уровень работ, снимавшихся в регионах, действительно был высоким. Например, киночерк Воркутинской телестудии «Республика молодых городов» был удостоен диплома III степени [21, л. 115–116, 167, 279–366]. Обмен передачами широко использовался и студиями Коми АССР. Два раза в неделю авиабандолями высылались не менее трех кино- и фотосюжетов для выпусков теленовостей. Кроме того, практиковались подготовка передач для других студий на взаимных началах и рассылка сценариев оригинальных молодежных, литературно-драматических, музыкально-образовательных и других наиболее удачных передач. Такой подход позволял расширять их географию и тематику, был экономически рентабелен. Обмен сценариями являлся своего рода школой: все студии были молоды, опыт приобретался

на практике, и каждая удачная находка помогала творческому развитию [22, л. 21–22]. В работе редакций (в первую очередь в формировании и реализации тематических планов) большую роль играли общественные советы и внештатный авторский актив.

Первые годы работы творческих коллективов городских студий телевидения Коми АССР были периодом их активного развития и становления. Занимая все более значимое место в свободном времени человека, телевидение становилось неотъемлемой частью досуга, формировало общественное мнение и мировоззрение, интересы и вкусы, способствовало участию населения в жизни общества. Важной позитивной особенностью этого электронного средства массовой информации, прежде всего регионального, являлся высокий уровень доверия у жителей.

Генеральной линией развития советского телевидения была его централизация, максимальный охват вещанием населения страны. Происходили активное строительство и ввод в эксплуатацию мощных радиотелевизионных передающих станций и одновременное строительство радиорелейных линий связи, доставляющих телевизионный сигнал. Периферийные регионы охватывались сетью телевещания центральных каналов. Численность населенных пунктов, в которые стал поступать телевизионный сигнал, постоянно увеличивалась и в Коми АССР. Количество ретрансляционных станций в 1960 г., по сравнению с 1958 г., выросло почти на 20 %, в 1965 г. – более чем на 60 %, в 1970 – почти в 2,5 раза, а в каждый последующий год увеличивалось еще на 20 % [12, л. 139]. К началу 1972 г. действующая в республике телевизионная сеть охватывала около 60 % населения. В 1967 г. с вводом в строй станции спутниковой связи «Орбита» в Сыктывкаре и Воркуте появилась возможность принимать передачи первой программы Центрального телевидения [23, л. 264–269]. Централизация вещания оказала значительное влияние на качество региональных передач: это касалось исключения дублирования, возможности сосредоточить большее внимание на местных вопросах и проблемах.

В 1970-е гг. появилась техническая возможность трансляции передач Сыктывкарской студии телевидения в северные города и районы республики. Это стало причиной сворачивания местного вещания – закрытия Ухтинской (1976) и Воркутинской (1984) студий телевидения. На базе Сыктывкарской студии в 1976 г. начало работу региональное телевидение Республики Коми. Одной из основных его задач на этапе реорганизации стало расширение географии и тематики передач.

Развитие телевидения в Советском Союзе было делом общегосударственным. Тем не менее оно было неразрывно связано с деятельностью региональных студий, которые составили основу при формировании единого информационного пространства страны. В период становления местные городские телестудии – в Коми АССР это Воркутинская, Ухтинская и Сыктывкарская – готовили программы, охватывавшие все стороны общественно-политической, социально-экономической и духовной жизни. Телевидение становилось не только действенным инструментом

пропаганды и эффективным средством информирования, но и важнейшим элементом досуга, образа жизни. Отражавшие все аспекты государственной политики телевизионные передачи выполняли информационную, идеологическую, просветительскую, развлекательную функции. Руководство страны реально расценивало колоссальные возможности нового средства массовой информации и пропаганды, занимавшего все большее место в бюджете свободного времени людей.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Багиров, Э. Г. Основы телевизионной журналистики: учеб. пособие / Э. Г. Багиров; под ред. А. Я. Юровского. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 239 с.
2. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сб. докум. и матер. / редкол.: А. З. Окорочков и др.; сост. Л. С. Климанова. – М.: Мысль, 1972. – 635 с.
3. Совет Министров Коми АССР в документах и материалах (1946–1971 гг.) / авт.-сост. В. Н. Мастратов. – Сыктывкар, 2008. – Т. III, Ч. I.
4. Национальный архив Республики Коми (далее – НА РК). Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1642.
5. НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 748.
6. НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 696.
7. НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1809.
8. От морзянки до интернета. История развития связи в Республике Коми. – Сыктывкар, 2004.
9. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1079.
10. Безносиков, Я. Н. Культурная революция в Коми АССР / Я. Н. Безносиков. – М., 1968.
11. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 5. Д. 691.
12. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1021.
13. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1809.
14. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1045.
15. История Сыктывкара / гл. ред. И. Б. Берхин. – Сыктывкар, 1980.
16. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1050.
17. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1032.
18. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1033.
19. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1035.
20. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1018.
21. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 870.

22. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 1026.
23. НА РК. Ф. Р-1336. Оп. 1. Д. 2460.

References

1. Bagirov, E. G. Osnovi televisionnoi jurnalistiki: ucheb. posobie [Fundamentals of television journalism: textbook] / E. G. Bagirov, Ed. A. Ya. Yurovsky, 2nd edition, revised and updated. – Moscow: Moscow State Univ. Publ. House, 1987. – 239 p.
2. O partiinoi i sovetskoi pechati, radioveshanii i televide-nii [About the Party and Soviet press, radio and television broadcasting]: collected documents and materials / Comp. L. S. Klimanova. – Moscow: Mysl', 1972. – 635 p.
3. Sovet Ministrov Komi ASSR v dokumentax i materialax (1946 – 1971) [The Council of Ministers of the Komi ASSR in documents and materials (1946 – 1971)] / Comp. V. N. Mastrakov. – Syktyvkar, 2008. – Vol. III, Part I.
4. Nacionalnii arhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic] (hereinafter – NA RK). F. P-605. Op. 1. D. 1642.
5. Ibid. F. P-605. Op. 1. D. 748.
6. Ibid. F. P-605. Op. 1. D. 696.
7. Ibid. F. P-605. Op. 1. D. 1809.
8. Ot morzanki do interneta. Istoria svyazi v Respublike Komi [From Morse code to the Internet. The history of communication development in the Komi Republic.]. – Syktyvkar, 2004.
9. NA RK. F. P-1336. Op. 1. D. 1079.
10. Beznosikov, Ya. N. Kulturnaia revoliutsia v Komi ASSR [Cultural revolution in the Komi ASSR] / Ya. N. Beznosikov. – Moscow, 1968.
11. NA RK. F. P-1336. Op. 5. D. 691.
12. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 1021.
13. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 1809.
14. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 1045.
15. Istoria Syktyvkara [History of Syktyvkar] / Ed. I. B. Berkhin. – Syktyvkar, 1980.
16. NA RK. F. P-1336. Op. 1. D. 1050.
17. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 1032.
18. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 1033.
19. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 1035.
20. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 1018.
21. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 870.
22. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 1026.
23. Ibid. F. P-1336. Op. 1. D. 2460.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.» № FUUU-2025-0026.

Acknowledgments (state task):

The study was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the research topic «State policy for the development of the European North of Russia: current problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history of the XVI–XX centuries». No. FUUU-2025-0026.

Информация об авторах:

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: doctor_popov@mail.ru).

Линкова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, директор Государственной телерадиовещательной компании «Коми гор» 2005–2016 гг. (ГТРК «Коми гор»; e-mail: tvlink@list.ru).

Authors:

Aleksandr A. Popov – Dr. Sci. (History), Senior Researcher of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: doctor_popov@mail.ru).

Natalya Yu. Linkova – Cand. Sci. (History), Director of the State TV and Radio Broadcasting Company “Komi Gor” 2005–2016 (Syktyvkar, Russian Federation; e-mail: tvlink@list.ru).

Для цитирования:

Попов, А. А. Начальный этап создания телевидения в Коми АССР (организация первых городских студий в конце 1950-х – 1970-е годы) / А. А. Попов, Н. Ю. Линкова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 115–121.

For citation:

Popov, A. A. The initial stage of television broadcasting in the Komi ASSR (organization of the first town studios in the late 1950s–1970s) / A. A. Popov, N. Yu. Linkova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 115–121.

Дата поступления статьи: 09.01.2025

Прошла рецензирование: 17.01.2025

Принято решение о публикации: 24.01.2025

Received: 09.01.2025

Reviewed: 17.01.2025

Accepted: 24.01.2025

Образная система стихотворений на русском языке юкагирского поэта Николая Курилова для детей

Т. В. Краюшкина

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
kvtpb@yandex.ru

Аннотация

В статье на материале стихотворений на русском языке для детей Николая Курилова (1949 г.р.), одного из основоположников детской юкагирской литературы, автор рассматривает образную систему. В нее включены мальчик, его родители, бабушка, братья, дети, представители фауны, природное явление, предметная реалья. Отличительная черта образной системы – это деление по количеству персонажей: чаще всего описывается или один герой, или группа (мы). Значимыми для понимания образной системы являются категории комического и ужасного. Сделаны выводы о том, что юкагирская поэзия для детей является достойной продолжительницей традиций русской литературы. Выделен ряд сходств и отличий с образной системой русской поэзии для детей. Эволюция образной системы стихотворений на русском языке для детей связана с трансляцией национальной картины мира и элементов национального мировоззрения. Одно из условий эволюции поэтики – единые для поэта и переводчика представления о поэтике детской поэзии.

Ключевые слова:

детская литература, литература для детей, детская поэзия, стихотворения для детей, переводная поэзия, миноритарная литература, поэтика, эволюция поэтики, образная система, Николай Курилов

Поэзия для детей – особая сфера художественной литературы. О. С. Левченкова (Октябрьская) говорит о феномене детской литературы как о «многомерном и многоуровневом явлении, состоявшемся и занявшем особую нишу в общем литературном процессе» [1, с. 355] и одновременно видит в ней «живой, постоянно развивающийся организм, самобытно и оригинально реагирующий на все требования времени» [там же]. В детской литературе в целом (и в поэзии для детей в частности) исследователи обнаруживают и «канал передачи культурных ценностей» [2, с. 248], и активное игровое начало [3, с. 12; 4, с. 116, с. 167; 5, с. 83].

Однако С. М. Лойтер именно поэзии отводит особое место: «Детская поэзия – самостоятельная область искусства и поэзии, в которой специфика детской литературы

Figurative system of poems for children in Russian by Yukaghir poet Nikolai Kurilov

T.V. Krayushkina

The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute
of History, Archeology and Ethnology,
Vladivostok
kvtpb@yandex.ru

Abstract

The paper considers the figurative system based on poems for children in Russian by Nikolai Kurilov (born in 1949), one of the founders of Yukaghir children's literature. It includes a boy, his parents, grandmother, brothers, children, representatives of the fauna, a natural phenomenon, and an objective reality. A distinctive feature of the figurative system is the division by the number of characters: most often, either one hero or a group (we) is described. The categories of the comic and the terrible are significant for understanding the figurative system. Conclusions are made that Yukaghir poetry for children is a worthy successor to the traditions of Russian literature. There are a number of similarities and differences with the figurative system of Russian poetry for children. The evolution of the figurative system of poems for children in Russian is associated with the transmission of the national picture of the world and elements of the national worldview. One of the conditions for the evolution of poetics is the common understanding of the poetics of children's poetry for the poet and the translator.

Keywords:

children's literature, literature for children, children's poetry, poems for children, translated poetry, minority literature, poetics, evolution of poetics, figurative system, Nikolai Kurilov

проявляется с наибольшей полнотой и выраженностью» [4, с. 4], причем обнаруживает в ней лирику «особого свойства»: «это лирика детства, художественный мир детской неповторимости» [там же, с. 168]. Н. В. Зайцева, изучая современную детскую поэзию, заостряет внимание на «возрастной» специфике, находя в ней основание «для признания за детской поэзией самостоятельного культурного феномена» [5, с. 82]. По мнению Н. В. Зайцевой, «на основе специфики детского восприятия формируются особенности детской поэзии» [там же].

Поэтика поэзии для детей, как считает В. А. Рогачев, включает в себя следующие компоненты: анимизм и антропоморфизм, синкретизм детского мировосприятия, энциклопедичность, детский эгоцентризм, снисходительность к миру и доброте юного человека [6, с. 31]. К числу

компонентов поэтики, по мнению С. М. Лойтер и М. Д. Яснова, относятся местоименная поэтика, «олицетворение, словотворчество, игра словом и звукообразы, диалогичность и вопросо-ответная форма» [7, с. 105]. При этом исследователи разграничивают поэтику «взрослой» лирики и поэтику детской лирики: «...одни и те же приемы поэтики репрезентируют и во "взрослой" лирике, но в детском стихе они существуют в своем концентрированном, "сгущенном" виде. Не обилие тропов, а особый спектр поэтических приемов, степень их концентрации, то, как они пронизывают все уровни текста по вертикали и горизонтали, является характерологической и психологической особенностью детской поэзии, отличающей ее от "взрослой"» [там же].

Л. В. Калашникова и Д. А. Любимова, изучив переводы детских английских стихов на русский язык, акцентируют внимание на особенностях образной системы и ее воздействии: «Детские стихи создаются для детского восприятия, они должны быть короткими, содержать яркие объемные образы, включающие фантазию, множество забавных персонажей, диалогов, нести положительные эмоции и порождать интерес» [8, с. 235]. К схожим выводам приходит и И. А. Кажарова, проанализировавшая детскую поэзию Ю. Пхитикова: «...в ряду определяющих черт детской поэзии <...> оказываются диалогичность, сюжетность, умелое использование звуковой инструментальности и графики» [9, с. 37]. Не остались без внимания и образы поэзии для детей. Так, например, исследователи рассматривают образы девочки, мамы, отца, бабушки, детей в стихотворениях А. Л. Барто и Е. А. Благиной [10, 11], особо выделяют образ шалуна [12, 13], возникший во второй половине XX в. В этом ключе интересным представляется опыт взаимодействия русской литературы с миноритарной литературой (в частности, с юкагирской поэзией для детей), которая является самостоятельной ветвью поэтики русскоязычной литературы.

Семья Куриловых имеет особое значение для культуры юкагиров XX–XXI вв. Старший брат Семен – прозаик, средний Гаврил – доктор филологических наук, лингвист, педагог, прозаик, поэт, драматург, младший Николай – художник, прозаик, поэт, драматург. Николай и Гаврил Куриловы считаются «основоположниками детской юкагирской литературы. На их счету стихи для детей дошкольного возраста и учащихся начальных классов, сборники сказок; учебное пособие, помогающее детям осваивать азы чтения с самого раннего возраста» [14, с. 73]. При этом детская поэзия юкагиров для детей достаточного освещения в исследовательской литературе не получила. На русском языке доступны буквально две публикации. Поэтому обращение к вынесенной в заглавие статьи теме представляется и актуальным, и отличающимся научной новизной.

Ю. Г. Хазанкович и С. В. Сергеева в 2020 г., обращаясь к теме рефлексивного прочтения детской литературы юкагиров середины XX–начала XXI в., сетуют на то, «что в арсенале национальной словесности палеоазиатского народа имеется незначительное количество детской литературы, которая была создана юкагирскими писателями на родном и русском языках» [15, с. 70], ведь имен-

но национальной детской литературе отводится особая роль – транслировать «национальные колоритные образы, увлекательные сюжеты, берущие исток в юкагирском фольклоре» [там же], национальная детская литература «формирует национальную идентичность и культуру юного читателя-юкагира, знакомит маленького инационального читателя с культурой другого народа и воспитывает гражданина многонациональной страны» [там же].

Интерес представляет и статья А. Д. Сысолятиной и С. Ф. Филатовой, посвященная изучению образов Арктики в детской поэзии Н. Н. Курилова, поскольку в русскоязычный научный оборот вводится анализ сборника стихотворений для детей на юкагирском языке «Мой малахай» (1988). Изучая систему образов и тематику стихотворений, исследовательницы отмечают: «В книге <...> показано детское восприятие мира – восприятие мальчика, живущего в тундре, хорошо понимающего и чувствующего природу» [16, с. 102]. Исследовательницы характеризуют образную систему и ее особенности: «Маленький мальчик, живущий в тундре, рассказывает о своих повседневных делах и заботах, об отце и дедушке – опытных охотниках, о маме-рукодельнице, о животных и растениях, которые его окружают: оленях, собаках, белке, куропатке, морошке, тальнике. Явления природы он воспринимает как живые» [там же].

Другие сборники и подборки стихотворений Н. Курилова свидетельствуют о том, что схожие черты образной системы в целом характерны для творчества юкагирского поэта. Цель статьи – исследовать образную систему стихотворений юкагирского поэта Николая Курилова для детей в свете эволюции поэтики русскоязычной поэзии. Первая задача – рассмотреть героев, выявить их национальные черты, вторая задача – изучить особенности категорий комического и ужасного как средства формирования образной системы, оценить специфику их реализации в обозначенном материале. В качестве методов исследования были выбраны описательно-функциональный, структурно-типологический и культурно-исторический. Материалом для статьи послужили стихотворения Н. Курилова, изданные в двух сборниках и шести публикациях в журналах для детского чтения [17–23]. В совокупности было исследовано 20 стихотворений, при этом некоторые из них повторяются. Самым популярным оказалось стихотворение «Об олененке пою» (встретилось в рассмотренном материале четырежды), «Паучишка, будь здоров» (трижды), «Скачем, скачем на оленях!» и «Я – рыбак» (дважды). Стихотворения представлены в переводах М. Яснова, Л. Коноплянко или подстрочными переводами самого Н. Курилова.

«Художественные произведения, созданные тем или иным народом, содержат важные идеи, образы, сюжеты, мотивы, одновременно и отражающие национальную/индивидуальную картину мира, и формирующие ее. Особую роль при этом играет поэзия...» [24, с. 231]. В стихотворениях Н. Курилова лирический герой – мальчик, с которым взаимодействуют члены его семьи (при этом из описания места проживания и занятий становится понятно, что речь идет о коренных народах Севера). Подтверждением этому

служат и включенные в стихотворения на русском языке слова, употребляемые северными народами: *аргиш* (караван из вьючных животных), *кукуль* (спальный мешок из шкур животных), *яранга* (жилище). Ряд других слов – *ниме* (дом), *Иранал* (кликча оленя) – указывает на принадлежность героев к юкагирам.

В 17 стихотворениях говорится о людях. В части из них члены семьи называются прямо: *мама, мать, папа, отец, бабушка, брат, братишка, дети* (сиблинги). Обращает на себя внимание, что речь идет о самых близких родных, проживающих под одной крышей. При этом образы сестры, сестер или дедушки в проанализированных стихотворениях не встретились. В других стихотворениях используется местоимение *мы* (и это самое популярное наименование собирательного образа; кроме него один раз встречается наименование *дети*). Под местоимением *мы* угадываются члены семьи (например, речь идет о живущих в одной яранге), люди, проживающие вместе или недалеко друг от друга, это могут быть члены семьи или односельчане (они вместе скачут на оленях, сушат сети), а также дети (качаются на качелях, при этом неясно, изображаются сиблинги или же соседские ребята). Включенным в образную систему оказывается и герой, далекий от жизни юкагиров. Так, в стихотворении «Качели» говорится о том, как дети качаются на качелях, и их занятие помогает будто бы не только оказаться рядом с далекими географическими объектами, но и подняться на небывалую высоту: *Ой, с ракетой поравнялся, / Космонавту подмигнул!* [22, с. 7]. В качестве образов выступают и животные, и неодушевленные предметы, что в полной мере соотносится с традиционной поэтикой стихотворений для детей. Такими образами оказываются *гусиная стая, ледоход, свечка*.

Отличительной чертой образной системы стихотворений Н. Курилова для детей является деление по количеству персонажей: чаще всего описывается или один герой, или группа (*мы*), при этом группа количественно не характеризуется. В первом случае значимым представляется индивидуальное восприятие мира, персональная реакция героя на то или иное событие. Например, мать и старший брат смеются, наблюдая неудачную попытку героя заарканить оленя, но описывается не совместный смех героев, а раздельная реакция: *Смеется брат, смеется мать* [17, с. 11]. Во втором случае групповое действие указывает на ценность совместных усилий, когда группа функционирует как единый субъект: *Скачем, скачем на оленях / ... Всех мы видим – все нас видят!* [20, с. 14]. Только в одном стихотворении («Я – рыбак») речь идет о паре героев. Это отец и сын, отправившиеся на рыбалку. В подобном случае рыбалка не воспринимается как действие, производимое парой героев как одним субъектом, поскольку возникает ряд нюансов, в числе которых четкое разграничение ролей: и обучение сына необходимым жизненным навыкам, и добыча отцом рыбы для семьи, и посильная помощь отцу, и возможность реализовать потребность в близком, без присутствия других людей, общении сына и отца.

Одна из особенностей образной системы, представленной в стихотворениях Н. Курилова, заключается в том,

что в ней редко описывается внешность героев. Так, говорится о мальчике, в руке которого зажат аркан, о щеках, о правом и левом боках. Изображается и цвет кожи, причем герой оказывается нарисованным карандашами на бумаге: «*Папа, красный от мороза*» [22, с. 11]. При этом стихотворения изобилуют действиями героев, что, собственно, в полной мере соотносится с поэтикой русской поэзии для детей. Самым активным оказывается собирательный образ *мы* (обнаружено 10 действий). Так, *мы бережем пауков в яранге* [23, с. 13], *скачем на оленях* [20, с. 14], *сушим сети* [22, с. 4], *качаемся на качелях* [там же, с. 7], *ловили своих ездовых оленей* [там же, с. 14], *разобрали ярангу* [там же], *сняли ровдугу* [там же], *готовимся к кочевке* [там же, с. 15], *кочуем* [там же], *поедаем рыбу чир* [18, с. 21]. Лирический герой совершает восемь действий: поет песенку олененку [23, с. 12], познает окружающий мир [21, с. 12], рисует цветными карандашами [22, с. 11], сидит в лодке и держит чайник и сеть [19, с. 9], заарканил олененка [22, с. 8], пытается заарканить взрослого оленя [17, с. 11], ест оладьи [18, с. 20].

Третьим по активности оказывается братишка. В стихотворениях Н. Курилова разграничиваются *брат* и *братишка*. *Брат* старше лирического героя (и он совершает только одно действие – смеется над попыткой младшего брата заарканить взрослого оленя [17, с. 11]), а *братишка* – младше лирического героя. Чаще упоминается о действиях братишки: он веселится, роняет стакан с компотом, плачет [там же], ест оладьи и поет [там же], спит [19, с. 8], играл [там же].

Мама менее активна, чем дети. Ее действия связаны как с выполнением материнских функций, так и с эмоциональной реакцией на поступок младшего сына. Так, она печет оладьи (причем в одном случае речь идет о нарисованной маме) [22, с. 11; 17, с. 20], заштопывает дыры [22, с. 11], едет на нарте с кибиткой [там же, с. 15], в которой находятся ее дети, смеется над неловкостью сына [17, с. 11]. Отцу же приписывается меньше действий: он заносит в дом дрова (этот отец нарисован) [22, с. 11], дает сыну карандаши [там же], едет на первой нарте (так обозначается его лидирующая позиция в семье) [там же, с. 15]. В одном из стихотворений встречается и такая пара персонажей, как лирический герой и его отец, которые плывут в лодке на рыбалку [19, с. 9]. Еще по одному разу в стихотворениях говорится о сиблингах (они едут в кибитке) [22, с. 12] и бабушке, которая ставит точное время на будильнике [там же].

В стихотворениях транслируется традиционная модель поведения для каждого члена семьи. Отец заботится о выживании семьи (добывает пищу и обучает сына трудовым навыкам, заботится о его развитии, обеспечивает тепло в доме, ведет аргиш). Мать вкусно кормит, следит за состоянием одежды, опекает детей. Бабушка в силу возраста выполняет действия, не требующие физических усилий (заводит будильник). Маленький ребенок играет и поет, вкусно ест и пьет, спит, еще не полностью контролирует свою моторику. Ребенок постарше задействован в детских играх и занятиях (играет самостоятельно и в компании других детей, качается на качелях, рисует

и поет, вкусно ест, помогает старшим, пытается самостоятельно осваивать взрослые трудовые навыки, бережно относится к природе).

В образную систему включены и представители фауны, и природное явление, и даже предмет, которым семья пользуется каждый вечер. Все это в полной мере соотносится с поэтикой русской поэзии для детей. Гусиная стая (стихотворение «Поздняя весна») возвращается на родину и видит, что в тундре еще не сошел снег. Гуси, подобно людям, удивляются: *Странные нынче / Творятся дела, / Ланг-ланг! / Мы прилетели, / А тундра – бела!* [там же, с. 3].

Льдины маленькому ребенку кажутся похожими на животных, видимо, на оленей, которых он, житель тундры, видит ежедневно: *Словно стадо, ходят льдины, / Чешут спины и бока* [там же, с. 4]. А вот маленькая, запоздавшая льдинка, скорее, напоминает самого ребенка или олененка, отделившегося от стада: *Зазевавшаяся льдинка / Догоняет облака* [там же]. Маленькая свечка, горящая в доме, оказывается ярче и привлекательнее звезд на небе, даже сами звезды очарованы ее огоньком:

В темной ночи тундры / Свечка светит в доме: / В дымоходе звезды / Просятся в нине [18, с. 21].

В стихотворениях для детей особенно важен положительный эмоциональный посыл. Он связан и со знакомством с окружающим миром, и с осознанием ребенка самого себя значимой частью этого мира, а окружающий мир – находящимся в близком родстве с собою: *Всё, что рядышком со мною, – / Это всё мое родное!* [21, с. 12].

Лирический герой и его родные часто испытывают положительные эмоции. Радость вызывают и поездка с родителями в аргише: *И вот – / Мы едем! Мы едем!* [22, с. 15]), и поездка на оленях верхом: *Скачем, скачем на оленях – / Только ветер вьётся вслед!* [20, с. 14], и встречающиеся в пути дикие олени [там же], и качание на качелях:

Вот мы заняты какой / Удивительной игрой: / Ах! – / И я за той рекой! [22, с. 7].

Очевидно и ожидание схожего эмоционального отклика на собственное действие от других людей, которые, как представляется ребенку, тоже вовлечены в его игру: *Смотрите, / Сейчас приедем!* [там же, с. 15]. Так формируется положительное восприятие жизни и окружающего мира.

Значимыми для понимания образной системы стихотворений Н. Курилова для детей являются две эстетические категории – комического и ужасного. Чаще всего говорится о смехе и веселье; эти эмоции испытывают или хотят испытать лирический герой, его мама и папа, старший и младший братья. В. Я. Пропп, исследовав материал мирового фольклора и художественной литературы, выделил семь видов смеха: смех над недостатками, добрый, злой, циничный, жизнерадостный, обрядовый, разгульный [25, с. 124–125]. В проанализированных стихотворениях для детей было обнаружено два вида смеха. Первый из них – добрый смех.

Комическое в проанализированных стихотворениях связано с младшими по возрасту персонажами (и вызвано их неумением качественно производить действия, на что они в силу своего возраста пока неспособны). Именно младшие вызывают добрый смех у старших родственни-

ков. Лирический герой пытается заарканить взрослого оленя, но поймать ему удастся только охапку высохшей травы [17, с. 11]. Отметим, что у северных народов лучшие мастера оленеводства, победив в соревнованиях, могли получить в награду жену [26, с. 43]. В. Я. Пропп подчеркивал: «На общем фоне положительной оценки и одобрения маленький недостаток не только не вызывает осуждения, но может еще усилить наше чувство любви и симпатии. <...> Такова психологическая основа доброго смеха» [25, с. 126]. Старший брат и мать и смеются, и комментируют, что именно вызвало их смех. Н. Курилов, тонко чувствуя особенности смеха, акцентирует внимание на неременной любви к лирическому герою: *Смеется брат, смеется мать, / Меня по-доброму любя: / «Не сложно, видимо, поймать / Арканом... самого себя!»* [17, с. 11].

При этом реакция самого лирического героя остается за рамками сюжета. Однако можно предположить, что в любящей семье не будет ни злости, ни обиды. Сам лирический герой по-доброму описывает ситуацию, которая случилась с его младшим братом: *Мой братишка веселился, / Очень даже шумно, звонко!* [18, с. 20], затем споткнулся и разлил компот – не сумел удержать стакан с ценным для тундровиков лакомством. Значим небольшой рассказ-комментарий «Дети тундры», предваряющий подборку стихотворений. Так, к стихотворению «Компот» дается такое пояснение: «А компотов и фруктов часто на столах тундровиков... не бывает. Вот поэтому заплачет тот, кто уронил стакан с компотом на пол из травко...» [там же]. Подобный комментарий помогает понять ситуацию не только детям других национальностей, но и детям северных народов, чье детство, в сравнении с детством их бабушек и дедушек, выросших в тундре, изменилось, и эмоции героя по этой причине могут быть непонятны.

Веселье в стихотворениях для детей связано не только с комической ситуацией. Так возникает второй вид смеха – жизнерадостный. «Подросши, ребенок радостно смеется всякому яркому и приятному для него проявлению жизни...» [25, с. 134]. В одном из стихотворений описывается и ситуация, и эмоции, которые она вызывает: *Скачем, скачем на оленях / Все быстрее и веселей* [20, с. 14]. Веселье выходит за рамки мира людей. Оно начинает относиться и к взаимодействию с животными. Так, лирический герой, играя с олененком, просит: *Посмеши меня, потешь! / Хочешь – прыгай, хочешь – бегай, / Хочешь – ягеля поешь* [23, с. 12]. Веселье становится признаком хорошего настроения, вызванного тем, что вместе с отцом на рыбалку направляется и сам лирический герой. Показательно следующее: оценка происходящего приписывается тому герою, благодаря которому и возникает эта светлая эмоция: *Весело папе / Работать со мной!* [19, с. 9]. Упоминаются в стихотворениях и другие положительные эмоции. Так, лирическому герою интересно вместе с папой на рыбалке, он гордо сидит в лодке, помогая отцу, день рождения назван счастливым и его не скучно отмечать в тундре: *В тундре, ну, совсем не скучно / День рождения отмечать: / Если в доме пахнет вкусно, / Можно каждый день мечтать!* [18, с. 20].

Однако картина детского мира была бы неполной, если бы в ней не возникали и отрицательные эмоции. Так, речь идет о борьбе со скукой, в которой помогают качели: *Чтоб не сильно мы скучали, / Нам поставили качели* [22, с. 7]. Для автора важен результат, при этом за рамками сюжета осталось, кто же предложил установить качели – взрослые или сами дети. Очевидна в этом действии забота старших об эмоциональном здоровье детей. Упоминается и о горьком плаче малыша, который разлил компот, причем Н. Курилов заостряет внимание на резкой смене эмоций (*Но внезапно он залился / Горьким плачем, очень тонко...* [18, с. 20]).

Нельзя обойти вниманием и такую эстетическую категорию, значимую для образной системы, как *ужасное*. Оно представлено только в одном стихотворении. Н. Курилов, профессиональный художник, мастерски выводит *ужасное* в пространство рисунка и так нивелирует его в детском сознании. В стихотворении обозначено противопоставление двух миров – безопасного и опасного, связанного с реальным для детского сознания страхом – страхом собственной смерти. К первому миру относятся взрослые, которым опасность не грозит: папа и мама, занимающиеся домашними делами (папа приносит дрова, мама печет оладьи), а также *разноцветные олени / С разноцветными рогами* [22, с. 11]. Опасность грозит маленьким – оленят, поэтому их и спрятали в яранге. При этом сам художник – тоже малыш – контролирует ситуацию и детским способом – с помощью рисунка – преодолевает собственный страх, ставя себя в позицию взрослого, защищающего оленят. Нарисованного волка постигает тот печальный конец, что он мог принести другим, причем его гибель – дело уже решенное. Волку как символу ужасного отказано в существовании на листе бумаги: *А вот серого волчицу / Рисовать совсем не буду – / Он в моей бумаге белой, / Как в сугробе, утонул* [там же].

Итак, художественная литература XX – начала XXI в. благодаря возникновению новой миноритарной литературы, переводу ее произведений на русский язык и включению их в фонд русскоязычной литературы не только обогатилась новыми именами и произведениями, но и получила возможность дальнейшей эволюции поэтики, в частности, поэтики поэзии для детей. Не имевшая прежде собственной литературной традиции, в достаточной мере усвоившая нормы русской поэзии для детей, якугирская поэзия для детей является достойной продолжательницей традиций русской литературы. Особенностью и одновременно условием развития поэтики являются единые для поэта-представителя национальной литературы и поэта-переводчика на русский язык представления о поэтике детской поэзии. Это служит основанием не только для получения качественного поэтического перевода, но и одним из условий эволюции поэтики.

Образная система, представленная в стихотворениях Н. Курилова, как значимый компонент поэтики, имеет и сходства, и отличия с образной системой русской поэзии для детей. Так, сходство наблюдается в следующем: главным героем является ребенок, в образную систему включены его близкие родственники и предметы / явления

окружающего мира, с которыми ребенок взаимодействует; в центре мира находится сам малыш; действия героев характеризуют как набор традиционных функций в семье того или иного героя, так и указывают на его отнесенность к определенной возрастной категории; описываются действия героев в настоящем времени, реже – в прошедшем. Эволюция образной системы стихотворений на русском языке для детей связана с трансляцией национальной картины мира и элементов национального мировоззрения (в частности, этим объясняется отсутствие в образной системе образа шалуна, поскольку сложные климатические условия могли привести подобное поведение к необратимым последствиям; ребенок получает навыки оленеводства и рыболовства и пр.).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Левченкова, О. С. Пути развития русской детской литературы XX века (1920–2000-е гг.): уч. пособие / О. С. Левченкова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 359 с.
2. Бозиева, Н. Б. Динамика развития кабардинской детской поэзии / Н. Б. Бозиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5–2 (83). – С. 245–249. – DOI:10.30853/filnauki.2018-5-2.6
3. Русская литература для детей: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / под ред. Т. Д. Полозовой. 2-е изд., испр. – М.: Асает А, 1998. – 443 с.
4. Лойтер, С. М. Поэтика детского стиха и ее отношение к детскому фольклору / С. М. Лойтер. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. – 216 с.
5. Зайцева, Н. В. Приемы создания поэтического образа в произведениях для детей // Региональная Россия: история и современность: мат-лы III Всеросс. (национальн.) науч.-практ. конф. – Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2020. – С. 82–87.
6. Рогачев, В. А. Текст детского писателя и детский контекст // Проблемы детской литературы: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. М. Неелов. – Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. – С. 26–33.
7. Лойтер, С. М. О детской литературе, детских поэтах и детском чтении / С. М. Лойтер, М. Д. Яснот // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 5 (182). – С. 101–107. – DOI:10.15393/uchz.art.2019.359
8. Калашникова, Л. В. Стихи для детей как особый литературный жанр. Особенности перевода детских английских стихов на русский язык / Л. В. Калашникова, Д. А. Любимова // Молодые исследователи – современной науке: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: И. И. Ивановская, М. В. Поснова. – Петрозаводск: «Новая Наука», 2022. – С. 232–236.
9. Кажарова, И. А. О детской поэзии Ю. Пхитикова. Материалы к библиографическому словарю «Адыгские писатели XIX–XXI вв.» / И. А. Кажарова // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 64–5. – С. 35–38. – DOI:10.18411/lj-08-2020-173.

10. Октябрьская, О. С. Поэзия А. Л. Барто и Е. А. Благининой о Великой Отечественной войне: типология основных мотивов и образов / О. С. Октябрьская // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2020. – № 3. – С. 37–46.
11. Октябрьская, О. С. Поэзия Е. А. Благининой: основные темы и образы / О. С. Октябрьская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 44–50.
12. Левченкова, О. С. Трансформация образа шалуна в русской детской литературе второй половины XX века / О. С. Левченкова // Stefanos: сб. науч. работ памяти А. Г. Соколова / сост.: Е. Г. Домогацкая, Е. А. Певак. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2008. – С. 223–229.
13. Лю, Л. Образ «шалуна» в китайской и русской литературе / Л. Лю // Молодежь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности: мат-лы XI Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: К. А. Подрезов, Е. Ю. Ромашина [и др.]. – Тула: ТГПУ, 2023. – С. 60–62.
14. Трофимова, М. С. Литература юкагиров / М. С. Трофимова, А. В. Пельменева // Страна Юкагрия (из опыта участия в сетевом проекте «Семь народов – семь алмазов»): метод. изд. / сост.: П. И. Филиппова, Т. В. Платонова, А. Н. Трофимова [и др.]. – М.: ООО «Фотозксперт», 2018. – С. 71–78.
15. Хазанкович, Ю. Г. Детская литература юкагиров середины XX – начала XXI в.: рефлексивное прочтение / Ю. Г. Хазанкович, С. В. Сергеева // Гуманитарные науки в пространстве современной коммуникации: сб. мат-лов II Междунар. науч.-практ. конф. – Киров: МЦИТО, 2020. – С. 70–72.
16. Сысолятина, А. Д. Образы Арктики в детской поэзии Н. Н. Курилова / А. Д. Сысолятина, С. Ф. Филатова // Культурное наследие народов Северо-Востока РФ: проблемы и перспективы: сб. мат-лов II Всерос. науч.-практ. конф. / редкол.: Н. В. Афанасьев, А. М. Захарова. – Якутск: СВФУ, 2023. – С. 100–103.
17. Курилов, Н. Аркан отца / Н. Курилов // Колокольчик. – 1989. – № 4. – С. 11.
18. Курилов, Н. Дети тундры / Н. Курилов // Колокольчик. – 2007. – № 3–4. – С. 20–21.
19. Курилов, Н. Полярный день. Об олененке пою. Паучишка, будь здоров! Я – рыбак / Н. Курилов // Мурзилка, 1990, № 9. – С. 8–9.
20. Курилов, Н. Скачем, скачем на оленях! / Н. Курилов // Костер. – 1985. – № 7. – С. 14.
21. Курилов, Н. Я узнал, что у меня... / Н. Курилов // Колобок. – 1987. – № 10. – С. 12.
22. Курилов, Н. Н. Морошка и солнце: стихи: [для мл. шк. возраста] / Н. Н. Курилов; пер. с юкаг. Михаила Яснова; [худож. И. И. Попов]. – Якутск: Бичик, 1994. – 16 с.
23. Мит лэбиэ (Наш мир): сборник юкагирской культуры / сост. О. И. Жиркова. – Якутск: Издательско-фондовый отдел АУ РС (Я) РДНТ и СКТ, 2020. – 60 с.
24. Киселева, М. С. К вопросу о роли поэзии в диалоге культур / М. С. Киселева, О. Н. Мальцева // Диалог культур Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации / отв. ред. Т. В. Краюшкина. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – С. 231–236.
25. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – М.: Искусство, 1976. – 186 с.
26. Голованева, Т. А. Национальные имена, личные песни и семейные предания как способы трансляции семейно-родовой истории в культуре коряков-чавчу-вендов / Т. А. Голованева, Е. Л. Тирон // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 35–51. – DOI: 10.17223/18137083/86/3.

References

1. Levchenkova, O. S. Puti razvitiya russkoi detskoj literatury XX veka (1920–2000-e gg.). [Paths of development of Russian children's literature of the XX century (1920–2000s)]: textbook / O. S. Levchenkova. – Moscow: MAKSPress, 2010. – 359 p.
2. Bozieva, N. B. Dinamika razvitiya kabardinskoi detskoj poezii [Dynamics of Kabardian children's poetry development] / N. B. Bozieva // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theory and Practice]. – 2018. – № 5–2 (83). – P. 245–249. – DOI 10.30853/filnauki.2018-5-2.6
3. Russkaya literatura dlya detei [Russian literature for children]. Textbook for students of secondary pedagogical educational institutions / Ed. T. D. Polozova. 2-nd edition, revised. – Moscow: Asaiet A, 1998. – 443 p.
4. Loiter, S. M. Poetika detskogo stikha i ee otnoshenie k detskomu fol'kloru [Poetics of children's verse and its relation to children's folklore] / S. M. Loiter. – Petrozavodsk. Petrozavodsk State Univ. Publ., 2005. – 216 p.
5. Zaitseva, N. V. Priemy sozdaniya poeticheskogo obraza v proizvedeniyakh dlya detei [Techniques for creating a poetic image in works for children] / N. V. Zaitseva // Regional'naya Rossiya: istoriya i sovremennost' [Regional Russia: history and modernity]: materials of the III All-Russia (national) Sci. Pract. Conf. – Komsomolsk-on-Amur: Amur Humanitarian and Pedagog. Univ., 2020. – P. 82–87.
6. Rogachev, V. A. Tekst detskogo pisatelya i detskii kontekst [Children's writer's text and children's context] / V. A. Rogachev // Problemy detskoi literatury [Problems of children's literature]: collection of sci. works. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1992. – P. 26–33.
7. Loiter, S. M. O detskoj literature, detskikh poetakh i detskom chtenii [About children's literature, children's poets and children's reading] / S. M. Loiter, M. D. Yasnov // Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2019. – № 5 (182). – P. 101–107. – DOI 10.15393/uchz.art.2019.359
8. Kalashnikova, L. V. Stikhi dlya detei kak osobyi literaturnyi zhanr. Osobennosti perevoda detskikh angliiskikh stikhov na russkii yazyk [Poems for children as a special literary genre. Features of translating children's English poems into Russian] / L. V. Kalashnikova, D. A. Lyubimova // Molodye issledovateli – sovremennoi nauke [Young researchers for modern science]: collected papers of the III Intern. Sci. Pract. Conf. / Eds. Ivanovskaya I. I., Posnova

- M. V. – Petrozavodsk: Novaya nauka [New Science], 2022. – P. 232–236.
9. Kazharova, I. A. O detskoj poezii Yu. Pkhitkova. Materialy k biobibliograficheskomu slovaryu «Adygskie pisateli KhlKh–KhKh vv.» [About children's poetry by Yu. Pkhitkov. Materials for the biobibliographic dictionary «Adyghe writers of the XIX–XX centuries»] / I. A. Kazharova // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in the development of science and education]. – 2020. – № 64–5. – P. 35–38. – DOI 10.18411/lj-08-2020-173.
 10. Oktyabrskaya, O. S. Poeziya A.L. Barto i E.A. Blagininoi o Velikoi Otechestvennoi voine: tipologiya osnovnykh motivov i obrazov [Poetry by A. L. Barto and E. A. Blagina about the Great Patriotic War: typology of basic motives and images] / O. S. Oktyabrskaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Bull. of Moscow Univ. Series 9. Philology]. – 2020. – № 3. – P. 37–46.
 11. Oktyabrskaya, O. S. Poeziya E.A. Blagininoi: osnovnyye temy i obrazy [Poetry by E. A. Blagina: basic themes and images] / O. S. Oktyabrskaya // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistsika [Bull. of People's Friendship Univ. of Russia. Series Literary criticism. Journalism]. – 2014. – № 1. – P. 44–50.
 12. Levchenkova, O. S. Transformatsiya obraza shaluna v russkoi detskoj literature vtoroi poloviny XX veka [Transformation of the image of a naughty boy in Russian children's literature of the second half of the XX century] / O. S. Levchenkova // Stefanos: sbornik nauchnykh rabot pamyati A. G. Sokolova [Stefanos: collection of sci. works in memory of A. G. Sokolov] / Comps. Domogatskaya E. G., Pevak E. A. – Moscow: MAKSS Press LLC, 2008. – P. 223–229.
 13. Lyu, L. Obraz «shaluna» v kitaiskoi i russkoi literature [The image of a naughty boy in Chinese and Russian literature] / L. Lyu // Molodezh' i dukhovnoe nasledie epokhi: kul'tura, artefakty, tsennosti [Youth and the spiritual heritage of the era: culture, artifacts, values]: materials of the XI Intern. Sci. Pract. Conf. / Eds. Podrezov K. A., Romashina E. Yu. et al. – Tula: Tula State Pedagog. Univ., 2023. – P. 60–62.
 14. Trofimova, M. S., Pelmeneva A.V. Literatura yukagirov [Yukaghir literature] / M. S. Trofimova, A. V. Pelmeneva // Strana Yukagiriya [Yukagiriya Country] (from the experience of participating in the network project “Seven Nations – Seven Diamonds”): method. issue / Comps. Filippova P. I., Platonova T. V., Trofimova A. N., Sergeeva E. M. – Moscow: Photoexpert LLC, 2018. – P. 71–78.
 15. Khazankovich, Yu. G. Detskaya literatura yukagirov srediny XX – nachala XXI v.: refleksivnoe prochtenie [Yukaghir children's literature of the mid-XX – early XXI centuries: reflective reading] / Yu. G. Khazankovich, S. V. Sergeeva // Gumanitarnye nauki v prostranstve sovremennoi kommunikatsii [Humanities in the space of modern communication]: materials of the II Intern. Sci. Pract. Conf. – Kirov: MTSITO [Interregional Center for Innovative Technologies], 2020. – P. 70–72.
 16. Sysolyatina, A. D. Obrazy Arktiki v detskoj poezii N. N. Kurilova [Images of the Arctic in children's poetry by N. N. Kurilov] / A. D. Sysolyatina, S. F. Filatova // Kul'turnoe nasledie narodov Severo-Vostoka RF: problemy i perspektivy [Cultural heritage of the peoples of the North-East of the Russian Federation: problems and prospects]: materials of the II All-Russia Sci. Pract. Conf. / Eds. Afanasyev N. V., Zakharova A. M. – Yakutsk. SVFU [Northeastern Federal Univ.], 2023. – P. 100–103.
 17. Kurilov, N. Arkan ottsa [Father's lariat] / N. Kurilov // Kolokol'chik [Bell]. – 1989. – № 4. – P. 11.
 18. Kurilov, N. Deti tundry [Children of the Tundra] / N. Kurilov // Kolokol'chik [Bell]. – 2007. – № 3–4. – P. 20–21.
 19. Kurilov N. Polyarnyi den'. Ob olenenke poyu. Pauchishka, bud' zdorov! Ya – rybak [Polar day. I sing about a fawn. Spider, be healthy! I am a fisherman] / N. Kurilov // Murzilka, 1990, № 9. – P. 8–9.
 20. Kurilov, N. Skachem, skachem na olenyah! [Let's gallop, gallop on reindeer!] / N. Kurilov // Koster [Bonfire]. – 1985. – No. 7. – P. 14.
 21. Kurilov, N. / Ya uznal, chto u menya... [I found out that I have...] / N. Kurilov // Kolobok. – 1987. – № 10. – P. 12.
 22. Kurilov, N. N. Moroshka i solntse: stikhi [Cloudberries and the sun: poems] [for primary school age] / N. N. Kurilov / translated from Yukagan by Mikhail Yasnov. – Yakutsk: Bichik, 1994. – 16 p.
 23. Mit lebie (Nash mir) [Our world]. Sbornik yukagirskoi kul'tury [Collection of Yukagan culture] / Comp. O. I. Zhirkova. – Yakutsk. Publishing and Stock Department of the Autonomous Institution of the Republic of Sakha (Yakutia) Republican House of Folk Art and Social and Cultural Technologies, 2020. – 60 p.
 24. Kiseleva, M. S. K voprosu o roli poezii v dialoge kul'tur [On the problem of the role of poetry in the dialogue of cultures] / M. S. Kiseleva, O. N. Maltseva // Dialog kul'tur Tikhookeanskoi Rossii: mezhetnicheskie, mezhrupopovye, mezhlchnostnye kommunikatsii: sbornik trudov [Dialogue of cultures of Pacific Russia: interethnic, intergroup, interpersonal communications] / Ed. T. V. Krayushkina. – Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnology, Far Eastern Branch, RAS, 2017. – P. 231–236.
 25. Propp, V. Ya. Problemy komizma i smekha [Problems of comedy and laughter] / V. Ya. Propp. – Moscow: Iskustvo Publ., 1976. – 186 p.
 26. Golovaneva, T. A. Natsional'nye imena, lichnye pesni i semeinye predaniya kak sposoby translyatsii semeino-rodovoi istorii v kul'ture koryakov-chavchuvonov [National names, personal songs and family legends as ways of transmitting family history in the culture of the Koryak-Chavchuvens] / T. A. Golovaneva, E. L. Tiron // Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian J. of Philology]. – 2024. – № 1. – P. 35–51. – DOI 10.17223/18137083/86/3.

Информация об авторе:

Краюшкина Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор ДВО РАН, главный научный сотрудник, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690001, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89; e-mail: kvtbp@yandex.ru).

Author:

Tatyana V. Krayushkina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Far Eastern Branch, RAS, Chief Researcher, Head of the Center for the History of Culture and Intercultural Communications of The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnology (89, Pushkinskaya st., Vladivostok 690001, Russian Federation; e-mail: kvtbp@yandex.ru).

Для цитирования:

Краюшкина, Т. В. Образная система стихотворений на русском языке юкагирского поэта Николая Курилова для детей / Т. В. Краюшкина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 122–129.

For citation:

Krayushkina, T. V. Figurative system of poems for children in Russian by Yukaghir poet Nikolai Kurilov / T. V. Krayushkina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 122–129.

Дата поступления статьи: 20.09.2024

Прошла рецензирование: 14.01.2025

Принято решение о публикации: 17.01.2025

Received: 20.09.2024

Reviewed: 14.01.2025

Accepted: 17.01.2025

Вклад Л. И. Ашихминой в археологическое изучение Удмуртского Прикамья

Е. М. Черных

Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск
emch59@mail.ru

Аннотация

В статье, посвященной 85-летию со дня рождения известного ученого Лидии Ивановны Ашихминой, автор анализирует ее вклад в археологическое изучение Удмуртского Прикамья. Реконструирует хронологию и географию экспедиций с ее участием. В конце 1960-х–середине 1970-х гг. древние памятники Прикамья были главным объектом изучения Нижнекамской археологической экспедиции. Становление Л. И. Ашихминой как полевого исследователя пришлось на эти годы, чему способствовали включенность со студенческой скамьи в масштабные археологические работы, общая атмосфера напряженной научной жизни. Ею было открыто и изучено более 30 археологических памятников только в Удмуртском Прикамье. Взгляды Л. И. Ашихминой на развитие древностей Прикамья позднего бронзового – раннего железного века за прошедшие 50 лет были скорректированы, прежде всего, благодаря многократному увеличению археологических источников, но по-прежнему являются важной частью истории археологического изучения Прикамья и шире – Волго-Камского региона.

Ключевые слова:

Волго-Камье, археология, научная биография, Л. И. Ашихмина, поздний бронзовый – ранний железный век, керамика, периодизация

L. I. Ashikhmina's contribution to the archaeological study of the Udmurt Pre-Kama region

E. M. Chernykh

Udmurt State University,
Izhevsk
emch59@mail.ru

Abstract

The paper dedicated to the 85th birth anniversary of the renowned scientist Lidiya Ivanovna Ashikhmina analyzes her contributions to the archaeological study of the Udmurt Pre-Kama region. The chronology and geography of the expeditions with her participation are being reconstructed. In the late 1960s–mid-1970s, the ancient sites of the Pre-Kama region were the main object of study of the Nizhnekamsk archaeological expedition. The formation of L. I. Ashikhmina as a field researcher took place during these years, which was facilitated by her involvement in large-scale archaeological work from her student days, and the general atmosphere of intense scientific life, and the unquestionable authority of her scientific supervisor V. F. Genin. The professional background of the researcher includes the discovery and study of more than 30 archaeological sites in the Udmurt Pre-Kama region alone. L. I. Ashikhmina's views on the development of the antiquities of the Pre-Kama region in the Late Bronze – Early Iron Ages have been adjusted over the past 50 years, but primarily due to the multiple increase in archaeological sources, they are still an important part of the history of archaeological study of the Pre-Kama region and, more broadly, the Volga-Kama region.

Keywords:

Volga-Kama region, archaeology, scientific biography, L.I. Ashikhmina, Late Bronze–Early Iron Age, ceramics, periodization

Научная и одновременно полевая биография Л. И. Ашихминой началась в 1968 г., когда она только закончила второй курс обучения на историческом факультете Уральского государственного университета им. А. М. Горького (г. Свердловск). Это было время, когда в Уральском университете уже сложился крупный научный коллектив археологов под руководством В. Ф. Генинга [1].

Судить о достижениях археолога, его профессиональном росте позволяют научные отчеты и публикации. Научные отчеты Лидии Ивановны, а также публикации, почти всегда завершавшие полевые исследования, характеризуются высочайшей скрупулезностью и позволяют в целом достаточно полно восстановить хронологию ее работ на территории Удмуртии, а также их результативность.

В тот период решение научных и организационных проблем в археологии Прикамья и Поволжья во многом определялось через организацию крупных археологических экспедиций. В 1968 г. начались работы Нижнекамской археологической экспедиции (НКАЭ), созданной в Институте археологии АН СССР с целью проведения охранных археологических работ в зоне планируемого строительства Нижнекамского водохранилища. Для выполнения задач экспедиции были сформированы пять отрядов, в основном, на базе местных научных организаций [2; 3, с. 3]. Руководство Удмуртским отрядом, комплектовавшимся из студентов и сотрудников Уральского университета и Удмуртского пединститута, было поручено В. Ф. Генингу, который имел многолетний опыт археологических исследова-

дований в разных районах Волго-Камья, а его научная биография была теснейшим образом связана с Удмуртией и ее археологическими памятниками [1, с. 55–83; 4].

Опасения утраты в результате планируемого затопления замечательных памятников Прикамья вызывали необходимость копать особо значимые из них большими площадями, а это требовало от руководителей отрядов исключительного доверия к ученикам, а от учеников – исполнительской дисциплины и быстрого освоения методов полевых исследований. В научном отчете об итогах полевых археологических исследований в правобережье Камы за 1968 год имя студентки Л. И. Ашихминой было поставлено рядом с уже хорошо известным ученым В. Е. Стояновым [5, л. 95–101]. В тот год ими были проведены раскопки двух крупных городищ – Ныргындинского IV и Быргындинского II, больше известного как Каменный Лог после работ Удмуртской археологической экспедиции 1950-х гг. Работы на этом многослойном городище получили известность в уральской археологии среди специалистов, знакомых с проблемами стратиграфического разделения керамических комплексов ананьинско-пьяноборского времени [6, с. 80–81, рис. 7]. Вероятнее всего, именно с Каменным Логом и началось близкое знакомство Лидии Ивановны с проблематикой ананьинской культуры.

Пик деятельности Удмуртского отряда НКАЭ, судя по томам отчетов и научным публикациям, пришелся на 1969–1971 гг. В частности, Отто Николаевич Бадер, формулируя научные задачи, которые надлежало решить археологам, приступая к работам в зоне будущего Нижнекамского водохранилища, писал: «Помимо выяснения особенностей формирования ананьинской культуры в этой зоне необходимо также обратить особое внимание на позднеананьинские типа Зуевского и других могильников. При этом, очевидно, будут решены и вопросы формирования культур типа пьяноборской и кара-абызской. Необходимо выяснить соотношение усть-бельской группы ананьинской культуры с кара-абызскими на реке Белой (в культурно-этническом плане)» [2, с. 6].

Задачи, поставленные В. Ф. Генингом перед сотрудниками Удмуртского отряда, заключались в обследовании известных памятников, поиске новых, установлении характера угрозы их физического разрушения в результате планируемого затопления, и превентивном изучении. Так, в 1969 г. Л. И. Ашихмина обследовала ряд камских береговых городищ – Каракулинское II (Пермяковское), Вятское (Мошкардовское верхнее), Обуховское и два могильника – Каракулинский (Вятский Клест) и Вятский (Мошкардовский). На могильниках, известных по дореволюционным находкам как ананьинские, при заложении разведочных траншей погребения не были обнаружены [7, л. 5–8]. Post faktum можно говорить, что в локализации Каракулинского могильника и Каракулинской стоянки тогда были допущены ошибки [8, с. 89]. Но это ни в коем случае нельзя ставить в упрек начинающему археологу. В археологии такие случаи не редкость.

Более удачными и плодотворными оказались разведочные работы в окрестностях дер. Быргында, где Л. И. Ашихминой удалось выявить два крупных поселения

с находками ананьинско-пьяноборского времени (Быргындинское IV и Быргындинское V) и Быргындинский II могильник [7, с. 13–15]. Осмотр открытой еще в середине XX в. Быргындинской стоянки, на площадке которой сохранились неглубокие впадины от жилищ, а материал свидетельствовал в пользу ее предананьинского возраста, склонил археологов к необходимости скорейших раскопок. Время показало, что этот выбор был абсолютно верным.

Быргындинскую стоянку Л. И. Ашихмина раскапывала в течение двух полевых сезонов 1969–1970 гг. [9, с. 138; 10, с. 147–148]. Были полностью исследованы два жилища; материалы достаточно оперативно введены в научный оборот [11] и в дальнейшем легли в основу авторской концепции культурогенеза в позднем бронзовом – начале железного веков Среднего Прикамья, выделения ею быргындинской АК [12; 13]. Небольшие раскопки в 1969–1970 гг. были проведены на Вятском (Мошкардовском верхнем) городище. В 1969 г. на памятнике были заложены пять шурфов и небольшие раскопы в центре площадки, на южном и восточном склонах (всего 37 кв. м), являвшиеся продолжением прежних работ В. Е. Стоянова 1957 г. В 1970 г. была заложена траншея длиной 77 м, разрезавшая оба вала и рва, а также площадку между ними [13, рис. 75]. Работами установлено, что первый вал на городище был сооружен в ананьинское время, второй – в пьяноборское.

В полевом сезоне 1970 г., помимо продолжавшихся раскопок Быргындинской стоянки, на том же участке правобережья Камы, вблизи Барановской пристани Л. И. Ашихминой были открыты еще три поселения с материалами начальной поры железного века – Барановские IV, V и Быргындинское VI селища [10, с. 147–148; 12, с. 21–22, 28].

География и хронология раскопок Л. И. Ашихминой на памятниках Удмуртского Прикамья убеждают, что именно в эти годы обозначились территориально-хронологические рамки ее научной темы, сформулированы исследовательские задачи, над которыми она будет работать в 1970–1980-е гг., сначала в рамках дипломной работы 1971 г., а затем и кандидатской диссертации.

В последние два года работ НКАЭ спектр задач ее археологических отрядов сместился с проведения разведочных работ на спасательные раскопки. В 1971 г. В. Ф. Генинг принимает решение сконцентрировать силы Удмуртского отряда НКАЭ на исследованиях Зуевоключевского I городища, крупнейшего в Среднем Прикамье [14, с. 182–183]. В. Ф. Генинг рассматривал этот памятник с его разновременными и разнотипными остатками как объект длительного изучения, важный «для выработки культурно-хронологических построений» [15, с. 10]. Раскопки, проведенные на нем в 1970 г. Р. Д. Голдиной, убеждали руководителя в перспективности выбора городища в качестве опорного памятника для научных исследований [10, с. 148; 16, с. 48–69].

В 1971 г. Лидия Ивановна, только что защитившая дипломную работу по памятникам Среднего Прикамья, на городище вела документацию работ на траншее 1, разрезавшей всю площадку городища с юга на север. Для нее этот сезон выдался чрезвычайно напряженным. Одновременно велись раскопки на обоих Зуевоключевских

городищах; обследовались окрестности городищ, где были открыты несколько новых поселенческих памятников (Зуевоключевские II, III селища и Зуевоключевская II стоянка). Она выезжала на Ныргындинское I (Ола-Курук) городище, снимала его план и закладывала небольшой рекогносцировочный раскоп (24 кв. м); заканчивала двухлетний раскоп на городище Каменный Лог; шурфовала Юньгинские городища [14, с. 182–183; 17, с. 139].

Получив в течение четырех лет бесценный опыт в изучении прикамских городищ начальной поры железного века, в 1972 г. Л. И. Ашихмина продолжила работы на обоих Зуевоключевских городищах [18, с. 155–156]. Площади раскопок на ананьинско-пьяноборском Зуевоключевском I городище все эти годы были большими, что вполне оправданно в методике «поселенческой археологии». Для исследования этого памятника с его сложнейшей стратиграфией, множественными перепланировками, массовостью находок, были привлечены молодые ижевские археологи Т. И. Останина и Л. А. Наговицын, а также студенты-практиканты истфака Удмуртского пединститута. На городище было заложено четыре раскопа (X–XIII), вписанных в общую сетку, введенную Р. Д. Голдиной и В. Ф. Генингом в 1970–1971 гг. В северной части площадки городища был заложен раскоп X, в восточной – XI и XII, в юго-восточной – XIII [19, с. 116, рис. 1]. Общая площадь под раскопами составила 2404 кв. м. Получен огромный археологический материал (вещественные, керамические, археозоологические, антропологические коллекции), до сих пор публиковавшийся небольшими частями и, увы, хранящийся в различных учреждениях.

В 1975 г., уже работая в Коми филиале АН СССР в Сыктывкаре, получив возможность обучения в аспирантуре, Л. И. Ашихмина в Прикамье вернулась для продолжения раскопок городищ с целью получения новых материалов по теме диссертации. На Зуевоключевском I городище был заложен раскоп XIV площадью (477 кв. м) в северной части площадки, как раз там, где в 1972 г. ею были открыты, но остались не до конца исследованными, участки раннеананьинского культурного слоя с наземными жилищами [20; 21].

В следующем 1976 г. Лидия Ивановна продолжила работы в правобережье Камы, но уже в смежном с Удмуртией Менделеевском районе Республики Татарстан (тогда Елабужский район ТАССР) [22, с. 128; 23, с. 65]. В тот год на пяти Икских поселениях были осуществлены раскопки площадью более 1240 кв. м [24], а в ходе изучения Икского V поселения был открыт раннепьяноборский Икский могильник; его исследования будут продолжены в 1978 г. Г. Н. Ключевой [25].

В 1976 г. она начнет многолетние раскопки Буйского городища на Вятке [26]. Для сотрудников молодой университетской Камско-Вятской археологической экспедиции возможность получать навыки полевой работы у археолога «генинговской школы» Л. И. Ашихминой продлится пять плодотворных лет.

Напряженные семь лет разведочных работ и раскопок Л. И. Ашихминой в Удмуртском Прикамье привели к важным результатам в изучении памятников позднего бронзового и раннего железного века. До масштабных

работ НКАЭ ИА АН СССР (конец 1960-х – начало 70-х гг.) памятники бронзового века на территории Удмуртии хоть и были выявлены, например, Ныргындинская и Быргындинская стоянки, но не были изучены раскопками. Изучение ананьинских памятников не носило систематического характера, находилось на уровне развития и наполнения массовыми археологическими источниками схем, ставших центральными в работе IV Уральского археологического совещания в Перми [27]. Неслучайно в ходе проведения новостроечных работ НКАЭ, в фокус работ Удмуртского отряда попало большое количество объектов археологии именно эпохи бронзы и раннего железного века. Это объясняется, во-первых, характером самих археологических работ (охранно-спасательных), проведение которых вдоль камских берегов, диктовалось проектными решениями будущего водохранилища. Во-вторых, именно удобные участки поймы и низкие камские террасы в древности и начале железного века были наиболее привлекательны для освоения.

К середине XX в. на археологической карте Нижнего и Среднего Прикамья уже были намечены ареалы памятников срубной, луговской, приказанской культур позднего бронзового века. Все более острой становится проблема их соотношения друг с другом и участие в генезисе ананьинской культуры раннего железного века. При организации работ НКАЭ актуальность изучения памятников этих культурных групп, безусловно, прекрасно осознавалась руководителями экспедиции и ее отрядов. Результаты проведенных охранно-спасательных работ выражаются почти тысячей выявленных археологических памятников от мезолита до позднего средневековья. На территории Среднего Прикамья Л. И. Ашихминой было обследовано 32 памятника, почти на половине из них (15) проведены раскопки, общая площадь раскопок превысила 7 тыс. кв. м. Для археологии Удмуртии особо важно, что впервые на ее территории были раскопаны стоянки позднего бронзового века с остатками жилых построек и многочисленными комплексами керамики.

Полученные в результате раскопок археологические материалы оперативно и качественно вводились автором в научный оборот [11; 17; 24], становясь доступными для общего обсуждения. Следует подчеркнуть, что массовый археологический источник – керамику, – Лидия Ивановна, вслед за своим учителем В. Ф. Генингом, рассматривала как основу для конструирования непрерывного и последовательного ряда памятников и культур, завершением взаимодействия которых в Среднем Прикамье явилась ананьинская культура. Главным методическим инструментом для нее стала «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок», предложенная научному сообществу В. Ф. Генингом в 1971 г. [28]. Публикации керамических материалов прикамских поселений Л. И. Ашихминой отличает твердое следование требованиям формализованного подхода, «прозрачность» и проверяемость выводов, обеспеченных многочисленными статистическими таблицами, глубокое знание материалов из раскопок памятников Волго-Уральского региона.

В итоге, отмечая немногочисленность памятников позднего бронзового века Среднего Прикамья, но очень характерную для их коллекций пестроту керамических традиций [12, с. 6], Лидия Ивановна подготовила детальное сравнительно-генетическое исследование 3682 сосудов из 30 памятников этого времени и начального периода железного века [13, с. 21]. Ее взгляд на проблему смены археологических культур в регионе, лейтмотивом которой была трехчастная схема «луговская АК – быргындинская АК – ананьинская АК» – являлся безусловным шагом вперед в систематизации и научном понимании как известных, так и вновь полученных массовых источников (керамика). Исследование было выполнено на современном методическом уровне, с верификацией диагностирующих признаков анализируемых комплексов, обоснованием выводов об их истоках и эволюции. Высокую оценку проделанной Л. И. Ашихминой работы дали научные редакторы ее монографии, опубликованной, в силу ряда обстоятельств, только в 2014 г.: «...впервые доказательно обосновано (подчеркнуто нами – Е. Ч.) существование луговской культуры, дана характеристика материальной культуры, определен ареал памятников» [29, с. 7]. В понимании современных исследователей, безусловно располагающих значительно более широким и разнообразным кругом археологических источников, луговская АК рассматривается сегодня как одна из ключевых в круге так называемых андроновидных культур, формировавшихся в середине II тыс. до н. э. на периферии мира лесных групп Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья под мощным влиянием степных культур – черкасульской и федоровской [30, с. 17]. В датировке луговской культуры в настоящее время наметился «дрейф» во вторую четверть этого тысячелетия – XVII–XV вв. до н. э. Это имеет объяснение в связи с общей тенденцией к удревнению хронологии археологических культур бронзового века, появлением серий радиоуглеродных дат и их калибровками [31, с. 545–547]. В результате пересмотра взглядов на эклектичную и растянутую по времени приказанскую АК, круг памятников луговской культуры ныне составляют стоянки и поселения балымско-карташихинского этапа приказанской культуры, по А. Х. Халикову. Диагностирующие признаки ее обоснованы на материалах однослойных поселений (Луговская I, Мальцевская IV стоянки, поселение Симониха I), закрытых комплексов могильников (Мурзинский II, Тихоновский (Пустобаевский), Балымский могильники) и кладов (Дербеньский, Кармановский) [31, с. 533].

В русле современных взглядов на культуруогенез в позднем бронзовом веке памятники более поздних этапов приказанской культуры – атабаевского и маклашеевского – заняли позицию в рамках самостоятельной маклашеевской культуры. Этот период по-прежнему нуждается в конструктивных исследованиях, в силу прежде всего явлений переходного характера самой эпохи финала культур позднего бронзового века, когда в Волго-Уралье происходил процесс распада обширного срубно-андроновского мира, складывалась новая общность культур

«валиковой» керамики, оформились контуры основных приуральских очагов металлообработки (XV/XIV–XII/XI вв. до н. э.), проявились процессы распада центров Западно-азиатской металлургической провинции (XII/XI–IX/VIII вв. до н. э.) [30, с. 15]. Заметим, что выявленные Лидией Ивановной тенденции в керамических традициях – появление в формах позднелуговской керамики «валиков» и «воротничков», свободных разделительных зон между геометрическими раппортами, общее упрощение орнаментального геометризма, а также появление в орнаментальных композициях ямок [12, с. 8] – в дальнейшем нашли подтверждение в гораздо более обширных сериях археологической керамики.

Вслед за обоснованием Л. И. Ашихминой самостоятельности луговской культуры и выделением переходной быргындинской АК как результата взаимоассимиляции луговских и маклашеевских групп, казанский ученый В. Н. Марков предложил памятники маклашеевского этапа рассматривать в рамках раннего железного века [32, с. 603]. С выделением быргындинской культуры (только как варианта маклашеевской) также согласился М. Ф. Обыденнов [33, с. 45, 53–55]. Дальнейшая ревизия взглядов на маклашеево и детальное обоснование основных характеристик этой культуры в региональной археологической науке пришлось на XXI век. С. В. Кузьминых и А. А. Чижевский, подводя итоги почти столетнему изучению памятников позднего бронзового века в регионах Среднего Поволжья и Прикамья, предложили новую датировку атабаевского-маклашеевских памятников в рамках двух последовательных этапов единой маклашеевской АК – XIV–первая половина IX вв. до н. э. [32, с. 601–637]. Таким образом, памятники позднего бронзового века Удмуртского Прикамья, введенные в научный оборот работами Л. И. Ашихминой, ныне рассматриваются в контексте схемы развития двух археологических культур – луговской и маклашеевской, с тем лишь уточнением, что керамика второй группы Быргындинской стоянки (поздний этап быргындинской АК) соответствует уже характеристикам раннего ананьино.

Корректировке подверглись соответственно и хронологические рамки первого этапа (зுவеключевского) в схеме периодизации ананьинской керамики. Он относится в целом к предскифскому времени восточноевропейской хронологии – IX–первая половина VII в. до н. э. [29, с. 8]. Эти корректировки подкрепляются, в частности, и радиоуглеродными датами, полученными нами по образцам постмаклашеевской (быргындинской, по схеме Л. И. Ашихминой) керамики, в том числе из раскопок Лидии Ивановны на Зуевключевском I городище [34, с. 23. Рис. 11]. И все же общая схема периодизации керамики первой половины раннего железного века (ананьинская КИО), обоснованная Л. И. Ашихминой для памятников Среднего Прикамья, остается востребованной археологами, широко цитируемой в аналитических и прикладных исследованиях.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Мельникова, О. М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.) / О. М. Мельникова. – Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 2003. – 183 с.
2. Бадер, О. Н. Археологическое изучение зоны строительства Нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции в 1968 и 1969 г. / О. Н. Бадер // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. – М.: Знание, 1972. – С. 7–26.
3. Бадер, О. Н. Итоги работ Нижнекамской экспедиции / О. Н. Бадер // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1981. – Вып. 15. – С. 3–6.
4. Мельникова, О. М. В. Ф. Генинг в Удмуртии: Взгляд с точки зрения исторической антропологии науки / О. М. Мельникова // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 79–90.
5. Стоянов, В. Е. Отчет о раскопках ананьинских поселений правобережья Средней Камы / В. Е. Стоянов, Л. И. Ашихмина, Г. В. Бельтикова // Генинг В. Е. Отчет об археологических исследованиях на правом берегу р. Камы в пределах Удмуртской АССР (зона Нижнекамского водохранилища), произведенных в 1968 г. // Архив Института археологии РАН (далее – ИА РАН). Ф-1. Р-1. № 3741. 107 л.
6. Генинг, В. Ф. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) / В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1961. – Вып. 1. – С. 76–90.
7. Ашихмина, Л. И. Отчет о раскопках Удмуртского отряда Нижне-Камской экспедиции, произведенных в 1969 г. / Л. И. Ашихмина, В. Е. Стоянов // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4193а. 59 л.
8. Голдина, Р. Д. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики / Р. Д. Голдина, Е. М. Черных. – Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 2011. – 168 с. (МИКВАЭ. Т. 18).
9. Ашихмина, Л. И. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции / Л. И. Ашихмина, В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина [и др.] // АО 1969 года. – М.: Наука, 1970. – С. 138–139.
10. Ашихмина, Л. И. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции / Л. И. Ашихмина, В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина [и др.] // АО 1970 года. – М.: Наука, 1971. – С. 147–149.
11. Ашихмина, Л. И. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье / Л. И. Ашихмина, В. Ф. Генинг // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / отв. ред. В. Е. Майер. – Ижевск, 1977. – С. 93–138.
12. Ашихмина, Л. И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье / Л. И. Ашихмина. – Сыктывкар, 1985. – 28 с. (Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР. Вып. 119).
13. Ашихмина, Л. И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Л. И. Ашихмина. – Казань: Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2014. – 300 с. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 19).
14. Ашихмина, Л. И. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции / Л. И. Ашихмина, В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина // АО 1971 года. – М.: Наука, 1972. – С. 182–183.
15. Ашихмина, Л. И. Памяти учителя / Л. И. Ашихмина // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Докл. Междунар. научной конференции, посвященной памяти Владимира Федоровича Генинга / отв. ред.: Л. И. Ашихмина, Э. А. Савельева. – Сыктывкар, 1995. – С. 8–15. (МАЕСВ; Вып. 14).
16. Голдина, Р. Д. Силуэты растаявших веков / Р. Д. Голдина. – Ижевск: «Удмуртия», 1996. – 212 с.
17. Ашихмина, Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья / Л. И. Ашихмина // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / отв. ред. В. Е. Майер. – Ижевск, 1977. – С. 139–166.
18. Ашихмина, Л. И. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции / Л. И. Ашихмина, В. Ф. Генинг // АО 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 155–156.
19. Черных, Е. М. Зуевоключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований / Е. М. Черных // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Удмурт. археолог. экспедиции и 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга / отв. ред. М. Г. Иванова. – Ижевск, 2004. – С. 113–131.
20. Ашихмина, Л. И. Исследования Зуево-Ключевского I городища / Л. И. Ашихмина // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 158.
21. Ашихмина, Л. И. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища / Л. И. Ашихмина, В. Ф. Генинг // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1986. – С. 54–70.
22. Ашихмина, Л. И. Исследования в Елабужском районе Татарии / Л. И. Ашихмина // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 128.
23. Останина, Т. И. Менделеевский край в древности: основные этапы и итоги изучения (по данным археологии) / Т. И. Останина // Менделеевский музейный вестник. – 2003. – Вып. 2. – С. 64–77.
24. Ашихмина, Л. И. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме / Л. И. Ашихмина // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье / отв. ред. В. С. Стоколос. – Сыктывкар, 1978. – С. 38–70. (МАЕСВ. Вып. 7).
25. Ашихмина, Л. И. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры / Л. И. Ашихмина, Г. Н. Ключева // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / отв. ред. Б. Г. Плющевский. – Ижевск, 1984. – С. 44–53.
26. Черных, Е. М. Буйское городище в полевой биографии Л. И. Ашихминой (памяти археолога) / Е. М. Черных // Поволжская археология. – 2024. – № 3. – С. 128–137.
27. Ученые записки. № 148. Труды IV Уральского археологического совещания / отв. ред. В. А. Оборин. – Пермь: Пермский госуниверситет, 1967. – 242 с.

28. Генинг, В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок / В. Ф. Генинг // Советская археология. – 1973. – № 1. – С. 114–136.
29. Кузьминых, С. В. О книге Л. И. Ашихминой / С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский // Ашихмина Л. И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Л. И. Ашихмина. – Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2014. – С. 7–8. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 19).
30. Кузьминых, С. В. Эпоха раннего металла: основные тенденции развития, инновации, исторические судьбы (энеолит и бронзовый век) / С. В. Кузьминых // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – С. 5–19.
31. Лыганов, А. В. Андроновидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культуры) / А. В. Лыганов // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – С. 522–547.
32. Чижевский, А. А. Маклашеевская культура / А. А. Чижевский, А. В. Лыганов, С. В. Кузьминых // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – С. 601–637.
33. Обыденнов, М. Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья / М. Ф. Обыденнов. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 205 с.
34. Митряков, А. Е. Абсолютная и относительная хронология Зуевоключевского I городища: проблемы сопоставления / А. Е. Митряков, Е. М. Черных // Археология евразийских степей. – 2017. – № 4. – С. 17–26.
- thropology of science] / O. M. Melnikova // Udmurtskoj arheologicheskoy ekspedicii – 50 let [Udmurt archaeological expedition – 50 years]. – Izhevsk: Udmurt Inst. of History, Language and Literature, Ural Branch, RAS, 2004. – P. 79–90.
5. Stoyanov, V. E. Otchet o raskopkah ananinskix poselenij pravoberezhya Srednej Kamy [Report on the excavations of the Ananyino settlements on the right bank of the Middle Kama River] / V. E. Stoyanov, L. I. Ashikhmina, G. V. Beltikova // Gening V. E. Otchet ob arheologicheskix issledovaniyah na pravom beregu r. Kamy v predelax Udmurtskoj ASSR (zona Nizhnekamskogo vodohranilishha), proizvedennyh v 1968 g. [Report on archaeological research on the right bank of the Kama River within the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic (Nizhnekamsk reservoir zone), carried out in 1968] // Archive of the Inst. of Archaeology, RAS. F-1. P-1. № 3741. 107 l.
6. Gening, V. F. Itogi arheologicheskogo izucheniya Udmurtii (Kamsko-Vyatskoe mezhdureche) [The results of the archaeological study of Udmurtia (Kama-Vyatka interfluvium)] / V. F. Gening, V. E. Stoyanov // Voprosy arheologii Urala [Questions of the archeology of the Urals]. – Sverdlovsk, 1961. – Issue 1. – P. 76–90.
7. Ashikhmina, L. I. Otchet o raskopkah Udmurtskogo otryada Nizhne-Kamskoj ekspedicii, proizvedennyh v 1969 g. [Report on the excavations of the Udmurt team of the Nizhnekamsk expedition, carried out in 1969] / L. I. Ashikhmina, V. E. Stoyanov // Archive of the Inst. of Archaeology, RAS. F-1. P-1. № 4193a. 59 l.
8. Goldina, R. D. Archeologicheskaya karta Karakulinskogo rajona Udmurtskoj Respubliki [Archaeological map of the Karakulinsk region of the Udmurt Republic] / R. D. Goldina, E. M. Chernykh. – Izhevsk: Udmurt State Univ., 2011. – 168 p. (MIKVAE [Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition]. Vol.18).
9. Ashikhmina, L. I. Raboty Udmurtskogo otryada Nizhnekamskoj ekspedicii [The work of the Udmurt team of the Nizhnekamsk expedition] / L. I. Ashikhmina, V. F. Gening, R. D. Goldina et al. // AO 1969 goda [Autonomous Area of 1969]. – Moscow: Nauka, 1970. – P. 138–139.
10. Ashikhmina, L. I. Raboty Udmurtskogo otryada Nizhnekamskoj ekspedicii [The work of the Udmurt team of the Nizhnekamsk expedition] / L. I. Ashikhmina, V. F. Gening, R. D. Goldina et al. // AO 1970 goda [Autonomous Area of 1970]. – Moscow: Nauka, 1971. – P.147–149.
11. Ashikhmina, L. I. Stoyanki epohi pozdnej bronzy v Udmurtskom Prikamye [Late Bronze Age sites in the Udmurt Kama region] / L. I. Ashikhmina, V. F. Gening // Materialnaya i duhovnaya kultura finno-ugrov Priuralya [Material and spiritual culture of the Finno-Ugrians of the Pre-Urals] / Ed. V. E. Mayer. – Izhevsk, 1977. – P. 93–138.
12. Ashikhmina, L. I. Genезis ananinskoj kultury v Srednem Prikamye [Genesis of the Ananyino culture in the Middle Kama Region] / L. I. Ashikhmina. – Syktyvkar, 1985. – 28 p. (Series of pre-prints “Sci. Reports”. Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 119).

References

1. Melnikova, O. M. Sverdlovskaya nauchnaya arheologicheskaya shkola V.F. Geninga (1960–1974 gg.) [Sverdlovsk Scientific Archaeological School of V. F. Gening (1960–1974)] / O. M. Melnikova. – Izhevsk: Udmurt State Univ., 2003. – 183 p.
2. Bader, O. N. Arheologicheskoe izuchenie zony stroitelstva Nizhnekamskoj gidroelektrostantsii i raboty Nizhnekamskoj ekspedicii v 1968 i 1969 g. [Archaeological study of the construction area of the Nizhnekamsk hydroelectric power station and the work of the Nizhnekamsk expedition in 1968 and 1969] / O. N. Bader // Otchety Nizhnekamskoj arheologicheskoy ekspedicii [Reports of the Nizhnekamsk Archaeological expedition]. Issue 1. – Moscow: Znanie, 1972. – P. 7–26.
3. Bader, O. N. Itogi rabot Nizhnekamskoj ekspedicii [The results of the Nizhnekamsk expedition] / O. N. Bader // Voprosy arheologii Urala [Questions of the archeology of the Urals]. – Sverdlovsk, 1981. – Issue 15. – P. 3–6.
4. Melnikova, O. M. V. F. Gening v Udmurtii: Vzgl'yad s točki zreniya istoricheskoy antropologii nauki [V. F. Gening in Udmurtia: A view from the point of view of historical an-

13. Ashikhmina, L. I. Genezis ananinskoj kultury` v Srednem Prikamye (po materialam keramiki i zhilishh) [Genesis of the Ananyino culture in the Middle Kama Region (based on ceramics and housing materials)] / L. I. Ashikhmina. – Kazan: A. Khalikov Inst. of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014. – 300 p. ("Archaeology of the Eurasian Steppes" Series. Issue 19).
14. Ashikhmina, L. I. Raboty Udmurtskogo otryada Nizhnekamskoj ekspedicii [The work of the Udmurt team of the Nizhnekamsk expedition] / L. I. Ashikhmina, V. F. Gening, R. D. Goldina // AO 1971 goda [Autonomous Area of 1971]. – Moscow: Nauka, 1972. – P. 182–183.
15. Ashikhmina, L. I. Pamyati uchitelya [In memory of the teacher] / L. I. Ashikhmina // Evropejskij Sever: vzaimodejstvie kultur v drevnosti i srednevekovye [The European North: the interaction of cultures in Antiquity and the Middle Ages]. Reports of the Intern. Sci. Conf. dedicated to the memory of Vladimir Fedorovich Gening / Eds. L. I. Ashikhmina, E. A. Savelyeva. – Syktyvkar, 1995. – P. 8–15. (MAESV [Materials on Archaeology of the European North-East]; Issue 14).
16. Goldina, R. D. Siluety rastayavshih vekov [Silhouettes of the melted centuries] / R. D. Goldina. – Izhevsk: "Udmurtia", 1996. – 212 p.
17. Ashikhmina, L. I. Gorodishhe Kamenny Log ananinskoj kultury Srednego Prikamya [Kamenny Log settlement of the Ananyino culture of the Middle Kama region] / L. I. Ashikhmina // Materialnaya i duhovnaya kultura finno-ugrov Priuralya [Material and spiritual culture of the Finno-Ugrians of the Urals] / Ed. V. E. Mayer. – Izhevsk, 1977. – P. 139–166.
18. Ashikhmina, L. I. Raboty Udmurtskogo otryada Nizhnekamskoj ekspedicii [The work of the Udmurt team of the Nizhnekamsk expedition] / L. I. Ashikhmina, V. F. Gening // AO 1972 goda [Autonomous Area of 1972]. – Moscow: Nauka, 1973. – P. 155–156.
19. Chernykh, E. M. Zuevoklyuchevskoe I gorodishhe v Udmurtskom Prikamye: nekotorye itogi issledovanij [Zuevo-Klyuchevsky I hillfort in the Udmurt Kama region: some research results] / E. M. Chernykh // Udmurtskoj arheologicheskoy ekspedicii – 50 let [Udmurt archaeological expedition – 50 years]: Proc. of the All-Russian Sci. Conf. dedicated to the 50th anniversary of Udmurt archaeological expedition and 80th birth anniversary of V. F. Gening / Ed. M. G. Ivanova. – Izhevsk, 2004. – P. 113–131.
20. Ashikhmina, L. I. Issledovaniya Zuevo-Klyuchevskogo I gorodishha [Studies of the Zuevo-Klyuchevsky I hillfort] / L. I. Ashikhmina // AO 1975 goda [Autonomous Area of 1975]. – Moscow: Nauka, 1976. – P. 158.
21. Ashikhmina, L. I. Ananinskie zhilishha Zuevo-Klyuchevskogo I gorodishha [Ananyino dwellings of the Zuevo-Klyuchevsky I hillfort] / L. I. Ashikhmina, V. F. Gening // Pamyatniki materialnoj kultury na Evropejskom Severo-Vostoke [Sites of material culture in the European Northeast]. – Syktyvkar, 1986. – P. 54–70.
22. Ashikhmina, L. I. Issledovaniya v Elabuzhskom rajone Tatarii [Research in the Elabuga region of Tatarstan] / L. I. Ashikhmina // AO 1976 goda [Autonomous Area of 1976]. – Moscow: Nauka, 1977. – P. 128.
23. Ostanina, T. I. Mendelevskij kraj v drevnosti: osnovnye etapy i itogi izucheniya (po dannym arheologii) [Mendelev region in ancient times: the main stages and results of the study (according to archaeology)] / T. I. Ostanina // Mendelevskij muzejnyj vestnik [Mendelev Museum Bulletin]. – 2003. – Issue 2. – P. 64–77.
24. Ashikhmina, L. I. Poseleniya epohi pozdnej bronzy i rannego zheleza na Srednej Kame [Settlements of the Late Bronze and Early Iron Age on the Middle Kama River] / L. I. Ashikhmina // Arheologicheskie pamyatniki epohi paleometalla v Severnom Priuralye [Archaeological sites of the Paleometallic epoch in the Northern Urals] / Ed. V. S. Stokolos. – Syktyvkar, 1978. – P. 38–70. (MAESV [Materials on Archaeology of the European North-East]. Issue 7).
25. Ashikhmina, L. I. Ikskij mogilnik – novyj pamyatnik pyanoborskoj kultury [The Iksky burial ground – a new site of the Pyanobor culture] / L. I. Ashikhmina, G. N. Klyueva // Pamyatniki zheleznogo veka Kamsko-Vyatskogo mezhdurechya [Sites of the Iron Age of the Kama-Vyatka interfluve] / Ed. B. G. Plyushchevsky. – Izhevsk, 1984. – P. 44–53.
26. Chernykh, E. M. Bujskoe gorodishhe v polevoj biografii L.I. Ashihminoj (pamyati arheologa) [Buisky Hillfort in the field biography of L. I. Ashikhmina (in memory of the archaeologist)] / E. M. Chernykh // Povolzhskaya arheologiya [Volga Archaeology]. – 2024. – No 3. – P. 128–137.
27. Uchenye zapiski. No 148. Trudy IV Uralskogo arheologicheskogo soveshchaniya [Sci. notes. No. 148. Proc. of the IV Ural Archaeological Conf.] / Ed. V. A. Oborin. – Perm: Perm State Univ., 1967. – 242 p.
28. Gening, V. F. Programma statisticheskoy obrabotki keramiki iz arheologicheskikh raskopok [Statistical processing program for ceramics from archaeological excavations] / V. F. Gening // Sovetskaya arheologiya [Soviet archaeology]. – 1973. – No 1. – P. 114–136.
29. Kuzminykh, S. V. O knige L.I. Ashihminoi [About the book by L. I. Ashikhmina] / S. V. Kuzminykh, A. A. Chizhevsky // Ashikhmina L. I. Genezis ananinskoj kultury v Srednem Prikamye (po materialam keramiki i zhilishch) [Genesis of the Ananyino culture in the Middle Kama Region (based on ceramics and housing materials)]. – Kazan: A. Khalikov Inst. of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014. – P. 7–8. ("Archaeology of the Eurasian Steppes" Series. Issue 19).
30. Kuzminykh, S. V. Epoha rannego metalla: osnovnye tendencii razvitiya, innovacii, istoricheskie sudby (eneolit i bronzovyi vek) [The Early Metal Age: main development trends, innovations, historical destinies (the Eneolithic and the Bronze Age)] / S. V. Kuzminykh // Archaeology of the Volga-Urals region. In 7 vols. Vol. 2. Eneolit i bronzovyi vek [The Eneolithic and the Bronze Age] / Eds. A. G. Sitdikov, A. A. Chizhevsky. – Kazan: Publ. House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. – P. 5–19.
31. Lyganov, A. V. Andronoidnye kultury Volgo-Kamya (lugovskaya i suskanskaya kultury) [Andronoid cultures of the Volga-Kama region (Lugovskaya and Suskan cultures)] /

- A. V. Lyganov // Archeology of the Volga-Urals region. In 7 vols. Vol. 2. Eneolit i bronzovyi vek [The Eneolithic and the Bronze Age] / Eds. A. G. Sitdikov, A. A. Chizhevsky. – Kazan: Publ. House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. – P. 522–547.
32. Chizhevsky, A. A. Maklasheevskaya kultura [Maklasheev culture] / A. A. Chizhevsky, A. V. Lyganov, S. V. Kuzminykh // Archeology of the Volga-Urals region. In 7 vols. Vol. 2. Eneolit i bronzovyi vek [The Eneolithic and the Bronze Age] / Eds. A. G. Sitdikov, A. A. Chizhevsky. – Kazan: Publ. House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan 2021. – P. 601–637.
33. Obydenov, M. F. Archeologicheskie kultury konca bronzovogo veka Prikamya [Archaeological cultures of the Late Bronze Age of the Kama Region] / M. F. Obydenov. – Ufa: BEK Publ. House, 1998. – 205 p.
34. Mitryakov A. E. Absolyutnaya i otnositelnaya hronologiya Zuevoklyuchevskogo I gorodishha: problemy sopostavleniya [The absolute and relative chronology of the Zuevo-Klyuchevsky I hillfort: problems of comparison] / A. E. Mitryakov, E. M. Chernykh // Archeologiya evrazijskih stepej [Archaeology of the Eurasian steppes]. – 2017. – No. 4. – P. 17–26.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5800-7545> (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1; e-mail: emch59@mail.ru).

About the author

Elizaveta M. Chernykh – Cand. Sci. (History), Prof., Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of the Udmurt State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5800-7545> (1, Universitetskaya st., Izhevsk 426034, Russian Federation; e-mail: emch59@mail.ru).

Для цитирования:

Черных, Е. М. Вклад Л. И. Ашихминой в археологическое изучение Удмуртского Прикамья / Е. М. Черных // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 130–137.

For citation:

Chernykh, E. M. L. I Ashikhmina's contribution to the archaeological study of the Udmurt Pre-Kama region / E. M. Chernykh // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2 (78). – P. 130–137.

Дата поступления статьи: 04.03.2025

Прошла рецензирование: 04.03.2025

Принято решение о публикации: 07.03.2025

Received: 04.03.2025

Reviewed: 04.03.2025

Accepted: 07.03.2025

Лейман И. И. Купечество Вологодской губернии в середине XIX века (по материалам губернской периодической печати) / И. И. Лейман; отв. ред. П. П. Котов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2024. – 158 с.

Leyman I. I. Merchants of the Vologda province in the mid-XIX century (based on the materials of the provincial periodical press) / I. I. Leyman ; Ed. P. P. Kotov. – Ekaterinburg, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 2024. – 158 p.

История российского купечества и предпринимательства сохраняет многогранный опыт становления регионов, складывания моделей саморазвития и взаимодействия экономически сильных групп населения с властью и обществом, создания и укрепления хозяйственных основ территорий и их культурных традиций. Посвященная этим вопросам монография Ирины Игоревны Лейман «Купечество Вологодской губернии в середине XIX в. (по материалам губернской периодической печати)» является достойным продолжением историографических работ и новым взглядом на развитие купеческого сословия в исследуемый период через научный анализ материалов периодики.

Обозначенные автором основные направления исследовательского поиска включают широкий спектр купеческой активности в профессиональных занятиях, общественной деятельности и повседневной жизни с опорой на историографию вопроса, кратко, но емко охарактеризованную И. И. Лейман в начале книги. Выбор же географических границ – территория Вологодской губернии – и хронологических рамок исследования – вторая треть XIX в. – дают прочные основания для детального изучения заявленной темы. Вполне убедительно звучат слова о том, что структура работы продиктована «приоритетностью значения различных направлений деятельности представителей купеческого сословия в жизни губернии» [1, с. 16].

На богатом фактическом материале, извлеченном из «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг., с использованием количественных методов исследования, применяемых к массовым историческим источникам, И. И. Лейман характеризует деятельность купцов в сфере торговли и предпринимательства, благотворительности, обращает особое внимание на становление женского образования, попечительскую деятельность купцов, их вклад в развитие городского тюремного хозяйства; особой темой стала повседневная жизнь торгового сословия.

Многостороннее фактическое наполнение монографии основано на проработке огромного пласта сведений: за 1838–1860 гг. было издано 1199 выпусков «Вологодских губернских ведомостей», и в 1838–1844 гг. каждый выпуск включал две части (официальную и неофициальную), а в 1845–1860 гг. – два отделения (в свою очередь, второе отделение состояло из официальной и неофициальной частей). Объективное воссоздание исторических реалий требует строго профессионального подхода, глубокого знания методологии, что ярко продемонстрировано в исследовании.

Вызывает одобрение и постановка задачи исследования – «реконструкция комплексного влияния провин-

циального купечества на регион проживания, включая описание и анализ различных форм общественной активности представителей торгового сословия» [там же, с. 8], позволяющая выйти за рамки сословной истории и сделать некоторые важные выводы, связанные с развитием территории Европейского Севера России.

У книги И. И. Лейман много достоинств, виден новаторский подход в освещении темы исследования. Интересной является характеристика деятельности купцов в сфере торговли и предпринимательства на основе частных объявлений, опубликованных в неофициальной части «Губернских ведомостей»; рассматривается развитие страхового дела в Вологодской губернии как одно из направлений предпринимательской активности, представлена благотворительная деятельность купцов в сфере городского тюремного хозяйства, широко используются статистические данные.

В ходе исследовательской работы И. И. Лейман установила взаимосвязи исторического контекста с текущей деятельностью купечества; определила географию и тематику рекламных объявлений; дала оценку социокультурных изменений в провинциальной городской среде середины XIX в.; сделала вывод о разнообразии форм предпринимательской деятельности; выявила основные объекты благотворительной деятельности и попечительства купцов Вологодской губернии; отметила их роль в становлении в губернии системы женского образования; обратила внимание на факты расширения благотворительных инициатив в период Крымской войны 1853–1856 гг. и на сочетание патриархальности и новых веяний эпохи в повседневной жизни купечества.

Вызывают уважение и высокую оценку включенные в книгу обширные приложения, часть которых представляют скрупулезно составленные автором таблицы, вобравшие в себя информацию из «Вологодских губернских ведомостей» о распределении купечества губернии по гильдиям и городам, о тематике рекламных объявлений, количестве частных объявлений агентов страховых акционерных обществ, количестве объявлений о несостоятельности купцов и т. п. Эти материалы подчеркивают значение городов Великого Устюга, Грязовца, Вологды, Кадникова, Сольвычегодска и других в становлении деловой жизни северных российских территорий. Кроме того, в книге содержится алфавитный указатель купцов Вологодской губернии, который, обобщая сведения о персоналиях, повышает уровень информативности издания.

Учитывая особую роль купечества в развитии городов и огромное его значение в становлении Европейско-

го Севера России в целом, в дальнейших исследованиях И. И. Лейман хотелось бы видеть характеристику деятельности купечества в структурах городского самоуправления, хотя относительно данного исследования автор и оговаривает, что в материалах губернской периодической печати середины XIX в. информация по этому вопросу «практически не представлена (за исключением упоминаний купцов, занимавших должность городского головы)» [там же, с. 16]. Тем не менее, на наш взгляд, и это утверждение нуждается в более тщательном объяснении и оценке как исторического факта с учетом, что в дальнейшем, после реформ 1860–1870-х гг., ситуация менялась: в эпоху капитализма, когда происходило разрушение сословных привилегий, чтобы сохранить свое влияние, купечество проявляло высокую активность в служебной деятельности и в целом в общественно-культурной жизни городов и губерний [2, с. 231–242].

Хотелось бы порекомендовать уточнить некоторые понятия и высказывания, приведенные в монографии. Например, если фраза в начальной части труда – «Несмотря на отдаленное положение Европейского Севера России от центральных и более развитых в промышленном отношении губерний Российской империи, а также крупных торговых центров, во многом благодаря купеческому сословию эта обширная территория не только была интегрирована в общее экономическое пространство страны, но и активно развивалась в социокультурном плане (к примеру, инициатива открытия первых женских образовательных учреждений в середине XIX в. в ряде городов Европейского Севера России принадлежала купечеству, а их содержание практически полностью ложилось на плечи представителей торгового сословия)» [1, с. 8] – не является фактом историографии, а стала утверждением автора, то ее уместнее всего поместить в основных выводах по работе. Понятие «Предпринимательство» [там же, с. 40] определяется в узком смысле, связанном с коммерцией, хотя его толкование шире, что в общем контексте подтверждают и материалы исследования И. И. Лейман.

Несмотря, казалось бы, на всю субъективную окраску газетных материалов, их традиционную классификацию как источника с невысокой степенью достоверности, Ирине Игоревне удалось с позиций профессиональной критики источника, использования современных методов

проведения исторических исследований сделать логичные и обоснованные выводы, имеющие значение для развития исторической науки. Ценно, что выявленный материал проанализирован в развитии и разносторонне, и это позволяет в рамках затронутой темы проследить пути становления торговли и предпринимательства на Русском Севере в середине XIX в., установить социально-экономические трансформации и основные черты портрета местного купечества. Важен вывод и о «включенности купечества в общероссийский контекст» и о его весомой роли в формировании единого внутреннего рынка и общего социокультурного пространства [там же, с. 130].

Монография И. И. Лейман подтверждает мысль, что реконструкция явлений прошлого России без изучения специфики регионального развития будет неполной, и книга, подготовленная и изданная при участии академических учреждений, служит примером новых возможностей получения знаний о глубинных исторических процессах. Она будет интересна как профессиональной аудитории, так и широкой группе вдумчивых читателей. Дальнейшие исследования истории регионального купечества с учетом новых научных подходов станут хорошим подспорьем в осмыслении моделей развития российских территорий и их населения.

Литература

1. Лейман, И. И. Купечество Вологодской губернии в середине XIX века (по материалам губернской периодической печати) / И. И. Лейман; отв. ред. П. П. Котов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2024. – 158 с.
2. Судовиков, М. С. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года / М. С. Судовиков. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Киров: ИД «Герценка», 2018. – 468 с.

*М. С. Судовиков,
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Научно-исследовательского
центра регионоведения
КОГБУК «Кировская областная универсальная
научная библиотека им. А. И. Герцена»,
профессор ФГБОУ ВО
«Вятский государственный университет»*

Автор данной книги – доктор культурологии, долгие годы преподававшая в Сыктывкарском государственном университете, Майя Ивановна Бурлыкина – признанный мастер биографического жанра. Ее перу принадлежит несколько работ подобного рода [1–3]. Примечательно, что жизнь и деятельность героев ее исследований, так или иначе, связана с Коми краем. Не стало исключением и это издание. Книга посвящена народному художнику РСФСР и Коми АССР, лауреату Петровской академии наук и искусств, лауреату премии Республики Коми Энгельсу Васильевичу Козлову (1926–2007). Его работы представлены во многих собраниях: Русском музее, Музее истории Санкт-Петербурга, Национальной галерее Республики Коми, Национальном музее Республики Коми, Чувашском государственном художественном музее, в музеях Петро-заводска, Оренбурга, Брянска, а также музеев современного искусства Японии, Китая, США, Кореи, Голландии, Швейцарии, Италии, Франции.

В книге тщательно воссоздан жизненный путь талантливого живописца, уроженца земли Коми, активного члена коми землячества «Неватас». Немалое место отведено описанию родственных связей художника, представителям старшего поколения Козловых, чье влияние на формирование мировоззрения и характера художника несомненно.

Э. В. Козлов родился в с. Троицко-Печорске Коми АССР в крестьянской семье. В 1935 г. семья переехала в г. Сыктывкар. У мальчика рано проявились способности к рисованию. Первые уроки живописи он получил в изостудии при Сыктывкарском дворце пионеров. Победив тяжелую болезнь (туберкулез костей), Э. В. Козлов, выбирая между стезей педагога и художника, сделал выбор в пользу живописи. Учился в Ярославском художественном училище (1947–1949), Ленинградском художественно-педагогическом училище (1949–1950), Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (ЛИЖСА) у известного советского художника Ю. М. Непринцева.

Несмотря на то, что после окончания учебы Э. В. Козлов остается жить и работать в Ленинграде, его творчество неразрывно было связано с землей Коми. В гости к художнику приезжали его земляки: одноклассники – доктор филологических наук А. К. Микушев и генерал-лейтенант В. Г. Балуев, друзья-художники Р. Н. Ермолин и А. В. Мошев, писатель Г. А. Федоров, скульптор В. А. Рохин, композитор П. И. Чисталев, архитектор А. Д. Ракин, будущие Глава Республики Коми Ю. А. Спиридонов и ректор Сыктывкарского университета В. Н. Задорожный.

Именно на свою малую родину художник совершил большинство творческих поездок. Энгельс Васильевич бывал в Сыктывкаре, Вуктыле, Усинске, Ухте, Помоздино, Куратово. Героями его произведений стали шахтеры, нефтя-

ники и буровики, строители, рыбаки, инженеры, студенты, сельчане. Красной нитью прошла через все творчество художника неразрывная связь с родным краем, трудом и судьбами его жителей. Содержание картин Э. В. Козлова навеяно историей и трудовой жизнью земляков. «Могу сказать, что большая часть моего творческого бытия связана с землей праотцов. Заряд красоты, осенившей меня в печорском детстве, был так силен, что мне хватило его на всю жизнь», – говорил художник [4].

Главной темой творчества Э. В. Козлова стал образ современника, что ярко проявилось в жанре портрета-картины. Он вошел в историю отечественной живописи как автор целого ряда художественных образов своих земляков. Особое место в творчестве художника занимает цикл портретов известных деятелей науки и культуры: композитора А. П. Петрова, певца Б. Т. Штоколова, артиста Е. А. Лебедева, ученых Коми научного центра и преподавателей Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

Всего художник написал более 20 портретов университетских профессоров. Энгельсу Васильевичу позировали В. А. Витязева, В. Н. Задорожный, Л. И. Иржак, Ю. Д. Марголис, Э. А. Савельева, В. А. Латышева, В. П. Золотарев, Е. И. Михайловский, Е. А. Игушев... Цикл картин для Сыктывкарского университета создавался более двух десятилетий. Примечательно, что изображения передавали не только внешнее сходство, но и характер, внутренний мир человека. Чтобы добиться этого, живописец, прежде чем приступить к работе, долго и внимательно изучал всю доступную информацию о своей модели.

Автор книги была очевидцем того, как все начиналось. М. И. Бурлыкина вспоминает: «Знакомство с Энгельсом Васильевичем состоялось в 1986 году. Университет решил заказать для собственного музея копию портрета первого заведующего кафедры коми языка и литературы Анатолия Микушева. Когда об этом узнал сам живописец, то сильно удивился: зачем делать копию, если можно написать новый портрет? Так в университете появился первый портрет кисти Козлова. Тогда же был написан портрет основателя университета, первого ректора Валентины Витязевой» [5].

Но не только образы современников привлекали художника. Им созданы изображения и знаковых для коми истории людей: Стефана Пермского, Домны Каликовой, Ивана Куратова, Питирима Сорокина. Многие из этих картин сегодня хранятся в Музее истории просвещения Коми края Сыктывкарского университета.

Обо всем этом, как и о биографии Энгельса Васильевича, творческой и личной, подробно рассказано в книге Майи Ивановны Бурлыкиной. Данное издание – одна из первых, если вообще пока не единственная, попытка изучить жизненный путь Э. В. Козлова. Конечно, Энгельс Васильевич не был обделен вниманием исследователей,

статьи и брошюры об Э. В. Козлове уже были опубликованы [6–8], но столь всесторонняя работа увидела свет впервые.

Во многом это удалось осуществить благодаря весьма обширной источниковой базе исследования. Ведь автор собирала материалы для издания более трех десятилетий. Творческое наследие художника, дневниковые записи, личная и деловая переписка, воспоминания родных, фотографии – все то, что стало источниковой основой монографии и позволило представить авторский опыт историко-биографического исследования об Энгельсе Васильевиче, осветить место художника в социокультурном процессе в стране и Коми крае второй половины XX в. Были использованы и университетские фонды. В них хранится порядка тысячи экспонатов, связанных с ним. Это письма, документы, фотографии и живописные работы, многие из которых художник подарил университету. В ходе работы над книгой М. И. Бурлыкиной обратилась к тем, кто знал Энгельса Васильевича с просьбой написать о встречах с художником. На эту просьбу откликнулись многие: искусствовед Л. И. Кочерган, руководитель общественного движения «московских» коми «Парма» С. Б. Терентьева, краевед Н. С. Алексеенко, преподаватель СГУ В. П. Марков. Данные материалы позволили внести новые штрихи к портрету художника.

Явным достоинством издания является и доступный живой язык, что делает чтение весьма интересным.

Издание прекрасно иллюстрировано: в книгу вошли репродукции произведений (в том числе цветные), редкие фотографии, а также частные письма художника и дневниковые записи, которые прежде не публиковались.

Интересными и полезными представляются и заключающие издание приложения: список литературы, в котором освещается творческий путь Э. В. Козлова, даты жизни и творчества художника, перечень репродукций с указанием места хранения картины.

Однако хотелось бы высказать автору занимательного исследования и ряд пожеланий. Прежде всего, надо отметить излишнюю, на наш взгляд, подробность некоторых сюжетов. Вторая часть исследования (главы 17–20 – о родных художника) «выпадает» из общего контекста книги. Возможно, ее следовало бы исключить из окончательного варианта рукописи.

Далее, по нашему мнению, книгу следовало бы подготовить к печати не в издательстве Сыктывкарского университета (ведь Энгельс Васильевич принял весьма опосредованное участие в становлении и развитии вуза). Наверное, имело смысл рассмотреть возможность публикации издания М. И. Бурлыкиной в рамках проекта «Республика Коми: люди и время», предусматривающего издание серии книг о выдающихся политиках, ученых, творческих

деятелях – уроженцев Коми края. Или в рамках проектов Санкт-Петербургского Союза художников, с которым связана вся творческая биография Э. В. Козлова.

Конечно, на реализации начинания штатного историкографа университета М. И. Бурлыкиной не могли не сказаться сложности нынешнего времени. Так, хочется посвятить на небольшой (даже для сегодняшних дней), всего 200 экземпляров, тираж книги. Тем более, что монография быстро нашла своего читателя, вызвав неподдельный интерес не только у нас в республике, но и у творческой общности Санкт-Петербурга [9].

Литература

1. Бурлыкина М. И. Ученый-энциклопедист А. С. Сидоров / М. И. Бурлыкина. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2007. – 497 с.
2. Бурлыкина, М. И. Финно-угровед Василий Лыткин (Илля Вась) / М. И. Бурлыкина. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2013. – 432 с.
3. Бурлыкина М. И. Эпос профессора Микушева / М. И. Бурлыкина. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2016. – 354 с.
4. Козлов Энгельс Васильевич. – URL: <https://imena.nbrkomi.ru/person/id/68> (дата обращения: 08.08.2024).
5. В Коми впервые опубликовали дневники советского живописца Энгельса Козлова. – URL: <https://tass.ru/kultura/19952661> (дата обращения: 08.08.2024).
6. Гусева Е. Н. Энгельс Васильевич Козлов / Е. Н. Гусева. – Ленинград: Художник РСФСР, 1991. – 119 с.
7. Народный художник России Энгельс Козлов (к 80-летию со дня рождения): сборник документов, материалов, воспоминаний: каталог личного фонда / отв. ред. М. И. Бурлыкина, сост. М. И. Бурлыкина, М. А. Туркина. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2006. 165 с.
8. Энгельс Козлов / сост. Л. И. Кочерган. – Сыктывкар: Национальная галерея Респ. Коми, 2006. – 40 с.
9. В Санкт-Петербурге представят книгу М. Бурлыкиной «Искренняя кисть Энгельса Козлова» – URL: <https://komiinform.ru/news/262212>; В Коми издана книга о советском живописце Энгельсе Козлове. – URL: <https://portal-kultura.ru/articles/news/358392-v-komi-izdana-kniga-o-sovetskom-zhivopistse-engelse-kozlove/> (дата обращения: 08.08.2024).

*О. В. Золотарёв,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики
обучения общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»*

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ

Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

Серия «История и филология»
№ 2 (78)

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И. Л. Жеребцов

Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д. В. Милохин

Выпускающий редактор – И. В. Курляк

Редактор – О. А. Гросу

Переводчик – Т. А. Исакова

Оригинал-макет – Е. Н. Старцева, С. Ф. Камалова

Дизайн обложки – Я. С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 10.04.2025. Дата выхода в свет 15.04.2025.

Уч.-изд.л. 20,0. Усл. печ.л. 16,0. Тираж 300. Заказ № 17.

Формат 60x84¹/₈. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.